

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Горно-Алтайский государственный университет»

Н.М.Киндикова

ТЮРКСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Монография

Горно-Алтайск
РИО Горно-Алтайского госуниверситета
2012

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Горно-Алтайского государственного университета

**ББК 83.3 (2 Рос=Тюрк)
К 41**

Киндикова Н.М.

Тюркские литературы: проблемы взаимодействия: монография /
Н.М. Киндикова. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, – 2012. –196 с.

ISBN 978-5-91425-083-3

Рецензенты:

Гусейнов Ч.Г., д.ф.н., профессор МПГУ

Кошелева В.А., д.филол.н., профессор кафедры русской литературы
Хакасского госуниверситета им. Н.Ф.Катанова, зав.сектором литературы Ха-
касского НИИЯЛИ

Ответственный редактор –

Садалова Т.М., д.филол.н., главный специалист Министерства культуры
Республики Алтай

Работа предназначена исследователям не только тюркоязычных, но и дру-
гих литератур, поскольку в ней затронуты проблемы взаимодействия нацио-
нальных литератур России и Ближнего зарубежья, в том числе восстановление
прерванного переводческого дела.

ISBN 978-5-91425-083-3

© Горно-Алтайский государственный университет, 2012
© Киндикова Н.М., 2012

Оглавление

Вступительное слово	4
1. Литература региона: вопросы истории и современности.	5
Истоки лирических жанров в древней поэзии	5
Родословная – жанр алтайской изустной литературы.....	8
Просветители Алтая: проблемы типологии и современного состояния образования	17
Судьба репрессированных писателей: новое прочтение и осмысление	26
Наследие Аржана Адарова: проблемы изучения и издания	37
Судьба человека в меняющемся мире	59
Алтайский и хакасский рассказ: проблемы типологии и поэтики	68
Размышления о периодизации литератур Сибири.....	75
Янылай алтай литература// Современная алтайская литература.....	80
Бичиктердив ширтүзи: билим ле кееркедим//Обзор новинок литературы: научной и художественной	87
Бир чүмдемелди ылгаганы: поэттив сатиразы; куучын кептү үлгер; үлгерди ылгаганы//Анализ одного произведения: сатира, стихотворение в прозе, лирика поэта.....	97
II. Взаимоперевод тюркских литератур	106
Алтайско-башкирские литературные взаимосвязи.....	106
Алтайско-казахские связи: история и современность	112
Ч. Айтматов на алтайском языке: проблемы перевода	117
Тыва литератураны алтай тилге көчүргени//О переводе тывинской литературы на алтайский язык	134
Төрөл литератураны орус тилге көчүргени ле көчүрөөчилер керегинде сөс //О переводе алтайской литературы на русский язык и краткие сведения о переводчиках	137
Зарубежная литература в переводе: проблема инонационального восприятия	147
Бичиичинив жүрген ле чүмдеген өйлөрүн јавырта көргөни.....	157
Алтай в современном мире: проблемы глобализации и локализации	185
Ответ на статью в газете	192

Вступительное слово

В России проживают разные народы, в том числе славяне, тюрки, финно-угоры и другие, различающиеся друг от друга языком общения и творения. Тюрки чаще всего группируются по близкородственному языку, точно также как и монголоязычные народы России: калмыки и буряты. В данной работе представлена в основном алтайская литература во взаимоотношениях с другими тюркоязычными народами России и Ближнего зарубежья.

Взаимодействие тюркских литератур осуществляется, прежде всего, через художественный перевод. Однако переводы до настоящего времени выполнены на русском языке. Каждая из представленных литератур опирается, в первую очередь, на существующие переводы, редко кто из переводчиков обращается к оригиналу. Поэтому неслучайно в работе ставится проблема художественного перевода литературы с языка оригинала. При этом учитываются генетические, типологические и контактные взаимосвязи тюркских литератур. Об этом в свое время писали ведущие литературоведы страны, как Г.Ломидзе, Н.Надъярных, Ч.Гусейнов, Р.Бикмухаметов и другие. Разделяя их взгляды на развитие литератур народов России, мы остановимся на типологическом рассмотрении тюркских литератур: алтайской, башкирской, казахской, киргизской, хакасской, тувинской, якутской и др.

Как известно, корни тюркоязычных литератур восходят к древней поэзии тюрков. Тем не менее, каждая из тюркских литератур развивалась независимо друг от друга. Генетико-типологическая взаимосвязь тюркских литератур проявляется в тематике, проблематике, фольклорных мотивах, образах, в стихосложении и т.д. Контактная взаимосвязь представителей тюркских литератур отмечается в обмене литературой, личной переписке, дружеских отношениях друг с другом, во взаимном переводе отдельных произведений. В работе прослеживаются также взаимосвязи тюркских литератур с другими европейскими и восточными литературами.

Данное исследование предназначено литературоведам не только тюркских, но и других национальных литератур, поскольку в ней затронуты проблемы взаимодействия многих литератур России и Ближнего зарубежья, в том числе восстановление прерванного переводческого дела в стране.

1. Литература региона: вопросы истории и современности

Истоки лирических жанров в древней поэзии

Орхоно-енисейские памятники VI-VIII-XII веков признаны учеными образцами древней поэзией тюрков. Улеглись споры о том, что проза (Мелиоранский 1886, Жирмунский 1968) это или поэзия (Ф. Корш, А. Бернштам, И. Стеблева). Установлены датировка и авторство надписей (С.Малов в V в Л. Гумилев с VIII, И. Кызласов с VIII-IX вв. и X-II вв.). Основательно изучена их поэтика (Стеблева 1965; 1975; Рахмонов 1983 и др.) и жанровое своеобразие.

По расшифровке и прочтении орхоно-енисейских текстов, многие тюркоязычные исследователи стали писать о принадлежности их к своему фольклору и литературе (М. Богданова, 1947; С. Суразаков, 1962; М. Джолдасбаев, 1969 и др). Фольклористов, прежде всего, интересовали взаимоотношения древней поэзии с эпосом (Суразаков 1975.; 1985; Трояков 1983; 1988; Ермолаев 1989), народной песней (Унгвицкая 1971, Донгак 1992 и др.) и другими малыми жанрами фольклора. Литературоведы же пытаются выявить истоки лирических жанров в древней поэзии.

По утверждению ведущего специалиста по тюркской поэзии И.В.Стеблевой, орхонские надписи определены историко-героической поэмой, а енисейские относятся к эпитафийной лирике [9, с.12]. Тем не менее, в орхонских надписях обнаруживаются зачатки не только прозаических (публицистический рассказ у Суразакова, автобиографический жанр у Киндиковой), но и лирических жанров.

По мнению И.Стеблевой, в частности, «Большая надпись» в честь Кюль-Тегина замечательна тем, что в своей заключительной части, после описания военных подвигов Кюль-Тегина, она переходит в собственно эпитафию, сочиненную, как и весь текст в целом, от лица его брата, правящего Бильге-кагана, скорбящего о кончине героя. В жанровом отношении эта часть представляет собой образец эпитафийной лирики" [10, с.9].

Переживания Бильге-кагана переданы словами скорби: «ачур-кандым», «корододым», «база ла катап корододым» - запечалился, горевал, снова скорбел и т.д. При этом использованы поэтические выражения, полные лиризма и драматизма: «Кöstöv јаш келип, эт-јүрегиме сыгыт келди, кара көзим көрбөстий, билер билигим билбестий болды» и т.д. Это подстрочный перевод С.Суразакова на алтайский язык следующих выражений: «Зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел - я сам запечалился...» [11, с. 122]. В этих строках прослеживаются зачатки песни-плача.

Нижеприведенный отрывок из «Большой надписи» звучит как гимн о непокоренном духе тюркского народа: «Я была народом, имевшим свое государство,/ Где теперь мое государство?/ Где теперь мое государство? Для кого я добываю государства?/ Я была народом, имевшим своего кагана,/ Где теперь мой каган?/ Какому кагану я отдаю свои труды и силу?../ Свои труды и силу, не же-

лая отдавать /табгачам/, тюркский народ сказал: «Лучше погибнуть! Искореним /сами себя!" /. И народ начал идти к гибели./ Вверху небо тюрков, тюркская священная земля - вода /родина/ вот так сказали: «Да не исчезнет тюркский народ! /Да будет он народом» [4, с.112-113].

Енисейские надписи основательно изучены исследователями М. Унгвицкой, А.Л. Кошелевой из Хакасии, Л.Р. и И.Л. Кызласовыми, а также У. Донгак из Тувы. Рассматривая взаимоотношения древней поэзии с народной лирикой, М. А. Унгвицкая пришла к выводам о том, что, во-первых, эпитафии, будучи жанром древнетюркской лирической поэзии, представляют собой первые образцы древней литературы предков современных хакасов, алтайцев, тывинцев, киргизов. Они органически связаны с песенным фольклором названных народов, образцы которого творчески перерабатывались безымянными авторами. Отличительной чертой эпитафийной лирики является ее дидактизм.

Во-вторых, исследователь особо подчеркивала художественные особенности эпитафий. По ее мнению, руническая енисейская поэзия отличается от песенного фольклора более совершенной и богатой рифмой (начальной, конечной и внутренней), эпифорой. Полностью отсутствует четверостишие - катрен, строфы чаще всего представляют собой дистих. По ее утверждению, не во всех образцах енисейских эпитафий наблюдается синтаксический параллелизм.

В-третьих, М.А. Унгвицкая отметила своеобразие песен нового времени - это характер изображаемого героя и гражданственность лирики, и патриотические мотивы в тахпахтах (песнях - Н.К.), как считает исследователь, возникли в результате дальнейшего развития лирических начал, своеобразно проявившихся в средневековой эпитафийной поэзии [12, с.72]. Высокохудожественные традиции древней письменной поэзии творчески восприняты и развиты песнетворцами в фольклорной и письменной поэзии тюркоязычных народов Сибири [12, с. 64, 71-72]. Относительно жанра древней поэзии первоначально существовало одно определение – «кладбищенская поэзия» (Малов, 1952). Исследователь М. Богданова выделила в ней поминальные песни и прижизненные оды [с.12]. М. Унгвицкая же выявила следующие разновидности лирических жанров: ода, гимн, слава. Ода, по ее словам, сочинена от лица умершего или ближайшего родственника, гимны утверждали патриотизм как высшую доблесть человека. В гимнах заключены заветные думы и чаяния трудового народа.

Большинство эпитафий сочинено в жанре славы, посвященной воину-патриоту. Лирический герой в древней поэзии, как считает М.Унгвицкая, не только рыцарь и патриот, ...вместе с тем человек образованный, просвещенный. Его образ представлен в поэзии идеализированным.

Продолжая мысли своего предшественника, исследователь У.Донгак в своей статье «Древнеенисейские эпитафии и лирическая поэзия тывинцев» попыталась выявить генетические корни современной лирики. При этом она приходит к выводу о том, что, во-первых, эпитафии взаимодействовали и развивались параллельно с устной народной поэзией.

Во-вторых, литературные жанры тывинской поэзии берут начало в обрядово-функциональных жанрах. В-третьих, современная лирическая поэзия ос-

нована на богатейших обрядово-фольклорных и древних письменных традициях, которые определяют национальную специфику и перспективу развития новописьменной литературы тывинцев. Отсюда и благопожелания, песни и другие малые жанры в фольклоре и литературе тывинцев.

У. Донгак попыталась выявить также черты сходства и отличия древнененейских надписей и современной лирической поэзии, которые проявились в их содержании, композиционных приемах и изобразительных средствах. В частности, она отмечает, что популярность у тывинцев благопожеланий - словословий (йорел, алгыш) сказались в особенностях профессиональной лирической поэзии на начальном этапе ее развития. Были распространены стихотворения-благопожелания (благопожелания солнцу, матери, новому дню и т.д.). Однако, как замечает исследователь, ...произносились они торжественно, с пафосом и исчезли в них интонации почитания, испрашивания, поклонения [2, с. 42]

Мотивы утраты, сожаления, сетования выделились и начали развиваться в поэзии со второй половины 80-х годов XX века, особенно в творчестве А. Даржая, О. Сувакпита и др. Аналогичные стихи обнаруживаются и у алтайских поэтов Б. Укачина, П. Самыка, Б. Бедюрова и др. В современной лирике сохранилась обращенность автора к народу, небесным светилам, земле, самому себе. Все это подтверждает этногенетическую связь современной литературы народов Сибири с древнетюркской поэзией.

Таким образом, в орхоно-енейских памятниках обнаруживаются истоки многих литературных жанров, в том числе лирических, не говоря уже о ярко выраженных пластов фольклорных жанров. Это, прежде всего, макталы-восхваления, слава (мак кожов) в честь легендарных каганов (правителей), в которых воспеваются их подвиги и заслуги. Во-вторых, не исключено существование песни-гимна о непокоренном духе тюркского народа. В ней утверждается единство народа и родины. Помимо названных жанров в древней поэзии обнаруживаются зачатки оды, посвящения, послания и т.д. В целом древнетюркские памятники представляют собой послание далеких предков из глубины веков.

Вышеуказанные жанры получили свое самостоятельное развитие в творческом наследии алтайских писателей М.В.Чевалкова, И.М.Штыгашева, Г.И.Чорос-Гуркиина и др. Таковы, к примеру, стихотворения в прозе «Алтай» Г.Чорос-Гуркина с подзаголовком «Плач алтайца на чужбине» (1907). В жанровом отношении это даже не плач, а слово поэта об Алтае и алтайцах. Жанр слова, по утверждению Д.Лихачева, возник в более поздний период на стыке двух древних жанров славы и плача.

Зародившись в глубокой древности, зачатки лирических жанров постепенно приобретают устойчивые жанровые признаки. Тому свидетельство – формирование жанров «слава» и «песня», что впоследствии привело к появлению такой модификации в алтайской лирике, как «слово». Взаимопроникновение стиха и прозы способствовало возникновению нового жанра – стихотворение в прозе, которое ближе всего относится к поэзии. Жанр стихотворения в прозе обрел ряд устойчивых признаков и окончательно утверждается в творчестве Г.И.Чорос-Гуркина.

Народная песня «Разорение Кан-Алтая», созданная в XVIII веке, по всем своим признакам тяготеет к песне-гимну. Его мотивы четко отражены в древней поэзии тюрков и при аналогичной ситуации повторились в поэме П.А.Чагат-Строева «Кара-Корум» (1927) как ее модификация, точнее, это песня-плач по дисгармонии природы и человека. К примеру, отрывок из поэмы П.А.Чагат-Строева звучит: «Долины вольные дотла,/ Опустошенные лежат./Гора высокая была -/Теперь истоптана, низка. /Река глубокая была - /Теперь она мутна, мелка и т.д.». Здесь тот же героический мотив народной песни повторился в поэме «Кара-Корум» П.А.Чагат-Строева. При этом каждый из поэтов, обращаясь к тому или иному жанру, естественно, совершенствует ее форму и содержание.

Таким образом, у нас есть все основания говорить о жанрообразующем процессе во второй половине XIX- начале XX веков, об утверждении собственно лирических жанров в последовательном развитии лирики тюркских народов Сибири.

Литература.

1. Бернштам А.Н. Истоки киргизской литературы // Труды Института языка, литературы и истории Киргизской ФАН СССР, 1945, т.1.- С.166
2. Донгак У.К. Древнетюркские эпиграфы лирическая поэзия тувинцев// Язык, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах.- Казань,1993,т.3. - С.41-42.
3. Жирмунский В.М. Орхонские надписи – стихи или проза // Народы Азии и Африки – СПб.,1969, №2. -С. 74-82
4. Киндикова Н.М. Автобиографический жанр: истоки и традиции // ж. Башкы – Кызыл, №1. - С.91-92.
5. Корш Ф.Е. Древнейший народный стих турецких племен – ЗВОРАО, т. XIX, вып.1 - СПб,1909. - С.139-140.
6. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности.- М.-Л., 1951.
7. Мелиоранский П.М. Об орхонских надписях и енисейских памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. - М., 1898, отд.2 - С.280.
8. Стеблева И.В. Еще раз об орхоно-енисейских текстах, как произведениях поэзии // Народы Азии и Африки.- М.,1969,№2. - С.125-133.
9. Стеблева И.В. Древняя поэзия // Поэзия древних тюрков. У1-ХП вв. М.: Раритет 1993.- С.5-20
10. Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI-XIII веков. – М.: Наука,1965
11. Суразаков С.С. Алтай литература (Алтайская литература). – Горно-Алтайск, 1962. - С.3-6.
12. Унгицкая М.А. Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов // Советская тюркология – Баку, 1971, №5.- С.61-72.

Родословная - жанр алтайской изустной литературы

До настоящего времени «родословная – ук-тӧс» существовала лишь в фольклорной среде. Для того чтобы отнести ее к литературе, недостаточно было письменных источников. Между тем в публикациях калмыцких [Бадмаев,1975], башкирских [Хусаинов,1996] бурятских [Бадмаев,2006] исследователей упоминается наличие книжных вариантов родословной, наталкивающих

литературоведов Сибири на мысль о существовании этого жанра в литературах сибирского региона [1]. Однако до сих пор не установлены время создания, история публикации, варианты существования родословной, не говоря об исследовании художественных особенностей, языка фольклорных и литературных текстов. Вышеупомянутые исследователи в основном ссылаются на «Сборник летописей» (1309-1311) Рашид ад-Дина, изданного в Москве 1952 году и «Родословное дерево тюрков». Сочинения Абуль-Гази. Хивинского хана (Казань, 1906) в переводе с арабского на русский язык Г.С.Саблукова [2].

Родословная наиболее полно разработана в исторической, этнографической науке, а также в фольклористике [3]. Слабо изучена в литературоведении, в виду того, что не обнаружены тексты в записях. Тем не менее, она считается исследованной в монголоязычном литературоведении (калмыцкой и бурятской). В тюркоязычной среде она обнаружена у башкир и татар. Исследователь Г. Хусаинов, в частности, приводит достоверные сведения о том, что «во время первой археологической экспедиции в Башкортостане в 1973 году было найдено интереснейшее шежере – общая генеалогическая таблица тюрко-монгольских народов. Составленное по традиционному на средневековом Востоке генеалогическому принципу, шежере опирается на легенду и ведет начало этих народов с их мифических предков, с вождей крупных племен, ханов, показывает, как росло и ветвилось древнее родословное дерево» [1, с.111]. В терминологическом отношении название жанра определено им арабским словом «шежере», которое в переводе на русский язык означает «дерево».

Появление родословной в башкирской литературе относится к XVI-XIX вв., а в бурятской литературе, - как считают местные исследователи, к XIII-XVIII вв. Они опираются на опыт создания «Сокровенного сказания монголов» (1240) [4]. Однако корни возникновения родословной восходят к древнетюркской литературе VI-VIII вв. [5]. В частности, в «Большой надписи» находим: «Когда стало семьсот мужей, то он (Кюль-тегин – Н.К.) привел в порядок и обучил народ, утративший свой эль и своего кагана, народ сделавшийся рабами и упразднивший тюркские установления, он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков, тогда же он дал устройство народам телис и тардуш и назначил тогда ябгу и шада...

Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я был шадом над народом тардуш... Народ тогус-огузов был мой собственный народ. От народа десяти стрел и от сына моего, кагана тюргешского, пришли хранитель печати Макрач и хранитель печати Огуз-Билге; от киргизского хана пришел тардушский Ынанчучур. Как соорудители здания (храма) и камень с надписью, украшенного резьбой, от кагана табгачей пришли строители во главе Чанг-сенгюнем» [5, с.16-23].

Но поскольку тюрки в средние века оказались в составе монголов, то существование родословной перешло из письменной традиции в изустную форму. Генетическая память народа сохранила канонизированные тексты родословной анонимно. Причем первоначальные тексты существовали вариативно, нередко обрастая художественными особенностями. В середине XIX века первые русские исследователи Алтая и христианские миссионеры свидетельствовали о

хранении алтайцами летописей-текпе. Скорее всего они были записаны ойротским письмом. Внешне они напоминали буддийские сутры, сложенные из отдельных текстов, что напоминало форму ступенчатости, отсюда и обозначение «текпе», хотя бытует данное слово в значении зарубки для наведения стрелы в луке.

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах возникли первые изустные рассказы о родословной, но каждый алтаец знает историю своего рода, поскольку изначально алтайский народ состоял из разных родов и племен. К наиболее крупным родам относятся крупные объединения (тодош, кыпчак, майман, телес, мундус, кергил, ирkit и т.д.), более мелкие считаются родственными к ним и примыкали к более крупным. По переписи 1897 года, к многочисленным родам Алтая относилось всего пять родов: телесы, майманы, тодоши, кыпчаки и ирkitы. Телесы, как известно, в основном обитали вокруг Телецкого озера. К ним, по утверждению старожила Е.М. Чапыева, примыкали другие родственные племена, как кебеки, алматы, тасы, јетитас, торттасы и оргончи. Они составляли одно объединение (отток) и у них был определенный зайсан (јайзан) [6, с.71-76]. К роду тодош, например, относятся родственные к нему чапты, чагандык, байлагас, а также роды очы, тонжаан, јус (јус), каал и сагал. Близкородственными майманов являются роды јарык (јарык), јабак (јабак), јыбыр(јыбыр). Другими словами, каждый из пяти вышеупомянутых родов сосредоточил вокруг себя другие малочисленные племена и роды.

Каждый из алтайских родов отличался мифологическим происхождением. По семейной традиции оно передавалось из рода в род, из поколения в поколение и выкристаллизовалось в поэтической памяти народа как историческое предание. Потому родословную следует отнести не только к фольклору, но и к первым письменным историко-литературным памятникам. Правда, они не переписывались, а передавались изустно и не имеют авторства, большей частью существовали анонимно. Более поздние записи зафиксированы исследователями В.В. Радловым, Г.И. Потаниным, В.И. Вербицким [7], известными алтайскими писателями (М.Чевалков, П.Кучияк и др.). К примеру, М.В. Чевалков в своем автобиографическом повествовании «Жизнь Чевалкова» (1860) передал на родном языке историю происхождения своего рода. В переведенном на русский язык его же произведении «Памятное завещание» (1894) алтайский писатель четко перечисляет свою родословную по отцовской линии: «Я происхожу из рода Мундусов, из племени Белых Телеутов; имя отца моего – Андраш; отец Андраша – Килемеш, у этого отец Семеек, у Семеека отец Соегош, - его отец Сеперек, - отец Сеперека Чебелек. При Сепереке предки наши добровольно перешли в подданство «белого царя» и стали платить «алман» (дань). Я, потомок их, до 17 лет был «черной веры» (язычником); отец и мать дали мне имя «Киприан»...[8, с.45].

Далее судьба его предков непосредственно связывается с историей алтайского народа: «В старые времена был Тербет, Ойротский хан, который владел четырьмя племенами. Это было тогда, когда 60 туменов телеутов золотой орды

жили между собой в мире. После этого произошел между четырьмя племенами раздор и они стали между собой воевать.

Вследствие этого Ойротский хан удалился во владения Кунгерского хана (Джунгарского - Н.К.) Оставшиеся после него султаны и мурзы, собравшие каждый подвластных себе людей, перекочевали в разные земли, ища для себя спокойного места. Оставшаяся от них небольшая часть народа жила по обеим сторонам Иртыша». Заметим, в своих воспоминаниях М.Чевалков точно указывает на места обитания своих предков: «Телеуты же жили по обеим сторонам реки Ак-Умара (Оби), но и они не стали жить между собой в мире. От постоянных войн и число их весьма уменьшилось; вследствие этого их постоянно тревожили, с одной стороны, монголы, предводительствуемые Чадаком, а с другой – «черные киргизы» (кара казак).

Тогда телеуты, предводительствуемые Мамытом и Балыком, пришли в Кузнецк и просили начальника города (тере бий), говоря: мы желаем платить дань белому царю, чтобы под его покровительством жить на этой земле. Тогда мой предок Сеперек, сын Чебелека был. От него произошли Чевалковы, живущие теперь в Улале и в Бачате» [8, с.45-46]. Все это Михаил Васильевич Чевалков передает своим дочерям для того, чтобы они не забывали своих предков и передали эти сведения потомкам.

Что такое родословная? О чем они? Почему они продолжают бытовать и в настоящее время? В первую очередь, это убедительный рассказ о происхождении того или иного рода. Во-вторых, в них четко нарисованы нравы и обычаи предков. В-третьих, это почти достоверные факты истории алтайского народа, судьба той или иной легендарной личности в частности. По мнению бурятского исследователя Б.Б.Бадмаева, «народная память, традиция устного и письменного рассказов о происхождении и становлении каждого рода-племени, о кровных и социальных родственных отношениях, о билатериальных и унилатериальных связях, бифуркативных и линейных принципах родства людей сегодня стало удивительным явлением общей бурятской культуры» [1, с.70]. Алтайцы же сохранили себя как народ, благодаря именно существованию жанра родословной (ук-тöстин текпези) в фольклоре и литературе.

В монгольской летописи встречаются исторические хроники, родословные записи в виде краткой истории того или иного рода (генеалогическое древо). В родословной четко просматривается этническая принадлежность, национальное самоназвание и места обитания предков. Прародителями того или иного рода могут выступать тотемические или небесные персонажи. В родословных алтайцев чаще всего фигурируют фольклорно-мифологические образы, лишь позднее появились имена реальных исторических личностей (к примеру, Солтон или Боор). Родословные отличаются определенным местом действия и событийностью изображения фактов. Композиционно предковая модель начинается с мифологического происхождения рода, далее упоминается имя того или иного первопредка, вырисовывается линия его родства с другими людьми по мужской линии. При этом четко вырисовывается историческое предание топонимического характера. Эта картина родословной «разрастаясь» доводится до совре-

менных потомков. Чаще всего далее излагается автобиография рассказчика. В целом схематично выглядит центростремительная модель генеалогии того или иного рода.

На сегодняшний день мы располагаем незначительными текстами, опубликованными поэтом Б. Бедюровым в 80-е годы прошедшего столетия. Это, к примеру, - исторические предания о родословной кара майманов «Сыновья Солтона» и теленгитское предание о родословной ак кебек «Кайракан – Ярынак» [9]. При записи фольклорного материала Б.Бедюров композиционно выстроил разрозненные рассказы старожиллов своего села и при переводе на русский язык художественно обработал фольклорный текст [10]. Но, как бы то ни было, он сохранил, в первую очередь, хотя неполно, событийную, содержательную сторону исторических преданий и в точности передал народные поэтические изречения.

Зададимся вопросами: когда и где созданы родословные? Первоначально, как утверждают фольклористы, существовали мифы о первопредках (появление тюрков от тотемного синего волка), затем предания о возникновении отдельных родов и племен. К примеру, зачатие из градинки алтайского рода «мундус» [8, с.141-142]. Название рода «кебек» переводится как дикая собака. И, наконец, появились исторические предания о родословной. С течением времени на передний план выходят легендарные исторические личности по имени Мырат-Бий, Шуну, Амыр-Санаа, Боор, Канза-Бий и другие. О них написан ряд исследований [11;12]. При этом мы придерживаемся точки зрения калмыцкого литературоведа А.В. Бадмаева о том, что «произведения устной поэзии, будучи записанными, становились памятниками письменности» [1, с.121]. Другими словами, родословные возникли тогда, когда появились роды и племена, поскольку каждый человек должен знать историю своей родословной от семи до двенадцати колен и больше. Они фиксировались в летописях (текпе) для того, чтобы передать знания новому поколению. Так сохранились из поколения в поколение сведения о родословной. В жанровом отношении родословная переводится на алтайский язык как «ук-тӧс» или «ук-тӧстив текпези» - летопись родословной.

По утверждению историка Г.П.Самаева, у алтайских зайсанов имелись письмена под названием «текпе», в которых описаны сведения о родословной (Алтай јайзандарда, јакшыларда угы-тӧзинин тӱӱкизин бичиген текпе дейтен бичимелдер болгон. Је эмдиги ӱйгӧ олордын бирӱзи де јетпеген» [13, с.26]. Об этом свидетельствует воспоминание старожилла К.Очурдяпова из рода ак кебек, записанное Б. Бедюровым в 80-е годы прошлого столетия. Он пишет: «Озогы улус бойынын бӱткен историязын оос бажында айдып, угужып јӱрет. Озогыдан бери бистин укта-тӧстӧ «текпе» деген история аайлу бичик болгон. Бистер ак-кебек сӧӧктӱ улус, оны тудунганыс. Бис ончобыс ол Јарынак деп кижиден таркаганыс, угы-тӧзибисти онон бери тоолоп-келип јадыбыс» [15]. Содержательный перевод этих строк: «В древности алтайцы знали свое историческое происхождение со слов, передавая знания друг другу, из поколения в поколение.

Раньше в нашем роду была летопись родословной в виде исторической книги. Мы, ак кебеки, пользовались ею. Мы свою родословную начинаем от Ярынака».

Из этого следует, что родословные существовали не только устно, но и письменно. Сохранилось также топонимическое название горы Текпенек, принадлежащее роду кара майманов в местечке между населенными пунктами Боочи и Кулада Онгудайского района Республики Алтай. Возможно, майманы тоже имели письменные тексты о своей родословной. Но до настоящего времени письменный вариант не обнаружен. Предположительно, в период монгольского нашествия, как в годы массовых репрессии, они вынуждены были их спрятать в надежных, недоступных местах или просто сжечь или уничтожить, так как в них упоминались имена исторических личностей, от которых образовались фамилии реальных людей. А в годы репрессий, как известно, угоняли в ссылку семьями, умертвляли родами, племенами. Все эти факты свидетельствуют о том, что летописи (текпе) существовали и у алтайских родов и племен.

Чем отличались родословные? Во-первых, в них по порядку упоминались имена предков по отцовской линии. Например, в родословной ак кебеков подсчитывается около десяти имен: Дярынак – Будугеш, Бодо – Тепсегеш - Чычкан – Мандай, Очурдяп – Макайла – Чындый - Кадыр. Далее описывается места проживания предков. Ак кебеки обитали на берегу Телецкого озера. Словами вышеупомянутого информанта К.Очурдяпова, «Эленчик-öböкбис Аба-Ярынак деп кизи Алтын көл сугатту, Ак-Чолушпа турлулу дейтен» [15]. Дословный перевод этих строк: «В древности наши предки проживали на берегу Телецкого озера, близи стоянки Ак-Чолушпа». Кроме того, в таких родословных дается точная характеристика личности этого рода. Отличительная примета Ярынака – наличие на плече родинки величиной с головы овечки. Подчеркивается его ум, меткость, сила и прозорливость. В состязаниях обычно он побеждал своих врагов. С тех пор, говорится в предании, сойоны (тувинцы – Н.К) не нападали на алтайцев, не претендовали на их территорию. Более того, если были какие-то трудности в жизни, они находили приют на Алтае или набирали силу на земле алтайцев. Предание заканчивается гибелью исторической личности из рода ак кебек. Историческая личность по имени Ярынак достойно, славно дожил свой век до старости и сам указал на место захоронения - Ала-кайын. Это место слияния двух рек на Алтае, вблизи Телецкого озера. Его род продолжен двумя сыновьями, у одного из которого было девять детей-сыновей.

Майманское предание писалось, предположительно, до монгольского нашествия. Поскольку в «Книге монгольских кочевников с XIII по XIV вв.» (Семь веков монгольской письменности) есть сведения о том, что «уйгурский писец, хранитель найманской государственной печати Тататонг (В других источниках называется Тататунга – Н.К) был схвачен Батыем. Отсюда и возникли уйгуро-монгольские письмена» [16, с.17]. Есть основание предполагать, что хранитель найманской печати составлял и родословную найманов. С монгольского языка слово «найман» переводится как восемь племен.

Генеалогия кара майманов (черные найманы в противовес синих найманов – Н.К) зафиксирована известным алтайским писателем первой половины XX

столетия П.В.Кучияком. В его письме (от 17.11.1937) автор перечисляет свой род до 13 колен: «Ргай – Орузак – Кукаш - Чолужек – Кучияк – Капшагай – Чочуш - Ийт-Кулак (Это настоящее имя Павла Васильевича Кучияк – Н.К) - Ваня, Коля, Марат (Это уже названы имена сыновей П.Кучияка – Н.К.)» [17, с.186].

Особняком стоит вышеупомянутая родословная кара майманов под названием «Сыновья Солтона», зафиксированная в 80-е годы [9]. Заметим, услышанное Б.Бедюровым в 60-е годы от старожилов историческое предание о родословной, было записано только в 1979 году, а впервые опубликовано в 1981 году в литературно-художественном альманахе «Жылдыс» (Звезда, 1981, №1, с.32-40). Информантами были два его земляка по фамилии К.Майчиков и А.Анатов из рода кара майман, дополнявшие рассказ друг друга. Потому эта родословная более полная, убедительная и достоверная. В ней имеет место не только сведения о предводителе майманского рода Солтон, но и отражены исторические события, относящиеся к XVIII веку. Сразу заметим, эта незаписанная история майманского рода передавалась из поколения в поколение изустно. И лишь во второй половине XX столетия получило свое письменное оформление. Составитель Б.Бедюров выстроил их композиционно, оформил художественно, из-за чего получилось цельное историческое повествование о родословной майманов/найманов, в котором реальные события переплетаются с художественным вымыслом. В нем значительное место занимает борьба алтайских племен с китайскими и монгольскими завоевателями. Воспроизведены события, связанные с присоединением Алтая к России. Основной пафос его - освобождение от плена, борьба за свободу своего народа, единение разрозненных родов и племен.

Текст начинается с указания местожительства майманов. Первоначально они проживали в верховьях Черного Иртыша. Там, в местности, которая называется Таш-Соки – Каменная Ступа – жил владетель Солтон, от которого, по преданию, ведут род кара найманы. Далее перечисляются его сыновья: «У Солтона было пятеро сыновей. Старший сын – Бултаачы, за ним шел Боор, среднего звали Ак-Билек, еще был Апчи и самый младший – Урат. Солтон и его сыновья состояли в подданстве Ойрот-хана, чье государство было богатым и могущественным. Даже китайские богдыханы не осмеливались идти войной на Ойротию» [10, с.66]. Старейшина из рода майман в возрасте 80 лет умирает от рук завоевателей. Монгольский предводитель Эр-Чадак приказал вспороть грудь Солтона и вырвать печень и сердце. Когда воины сделали это, то увидели, что у основания жилы, которая в сердце входит, росли у Солтона волосы». А это означало то, что «Солтон и его сыновья – люди особенные, провидцы, обладающие отважными сердцами» [10, с.75].

Предводительство переходит не к старшему (Бултаачы бесследно исчез, возможно, угнан кара-казахами – Н.К.), как полагается по роду, а второму сыну - Боору, мудрому предсказателю, проучившемуся в Тибете 18 лет. Вначале майманов хотели заплотонить монголы, затем к ним подключились китайцы. Оказавшись в плену у богдыхана, кара майманы стремились объединению алтайских родов, разрозненных племен в единый народ и вернуться на Алтай, жить на родной земле. «Вместе с сыновьями Солтона из маньчжурского плена

бежали не только сородичи – кара-найманы, но также тодоши, телесы, соены, иркиты и другие. Когда все переправились в Каракольскую долину, мудрый Боор собрал всех людей и сказал им: «...Отныне мы должны в этих местах жить, как один народ. Поэтому должны мы забыть прежние распри, если они были, не омрачать этих благословенных мест враждой и раздорами. Вместе предстоит защищать нашу новую родину от захватчиков» [10, с.85].

Когда пришло время умирать, (Боор прожил 106 лет) он «завещал предать его тело огню, а пепел отнести на вершину горы Кодегор и схоронить в пещере» [10, с.90]. С тех пор гора Кодегор на Алтае стала священной горой, а береза - священным деревом рода майман. Заповеди мудрого Боора до сих пор почитаются современниками: 1) не осквернять чистые источники; 2) Каракольскую долину считать заповедной; 3) почитать благородных маралов и выдр; 4) особо относиться собакам, имеющим желтые пятнышки над глазами (В нее, по предсказанию Боора, поселится его душа). По поводу своих книг - судуров он пророчил: «Только через семь поколений появится в его роду мальчик, равный ему по уму и духовному озарению, чистый своими помыслами» [10, с.91].

Историческое предание «Сыновья Солтона» заканчивается словами: «Шли годы, и многочисленные потомки сыновей Солтона составили новый народ. Свой край, где живут, называют Алтайским улусом. Выносливы и жизнестойки эти люди, характер у них открытый и доброжелательный, потому что кара найманы смешались с другими племенами и вобрали в себя лучшие черты каждого. Называют же они себя алтай-кижи – люди Алтая, чтобы никому не было обидно, что одно племя себя выше других захотело поставить» [10, с.92].

Исследователи нередко неправомерно интерпретируют выбор исторического пути алтайцев: почему они примкнули к русским, а не китайцам? Боор, в частности, предостерегал свой народ от ошибочного пути. По его словам, «не пытайтесь перейти на сторону китайцев и монголов. Они многочисленны, образно говоря, «их подол не удержит, территория не вместит, вас растопчут, словно песчинка». Мудрый Боор опасался того, что малочисленный народ растворится среди них, поскольку визуальнo алтайцы похожи на китайцев и монголов. Однако, по языку и верованиям они - совсем другой народ. Позднее алтайские предводители Мачык и Абак особо подчеркнули эту особенность алтайцев. Присоединяя свой народ к русским, они подчеркнули, что «когда-нибудь свой народ отличу от других по глазам, словно овес от пшеницы». Это означало, что славяне и тюрки совершенно разные народы. Хоть как не смешивай народы, но, пройдя такой длительный исторический путь, алтайцы сохранили себя как самостоятельный этнос. Конечно, потери были в историко-культурном, религиозном плане. Эти пробелы мы наверстываем уже в 90-е годы XX столетия.

Последователи Боора уже в XX столетии перечислены по мужской линии Боор – Конко – Мандай – Барнуул (почитаемое в народе имя – Ада – Н.К.) и современники, живущие по настоящее время на Алтае [17, с.321]. О каждом из них можно вести отдельную речь.

Таким образом, родословная как фольклорное явление возникло в глубокой древности. Для того чтобы она перешла в литературу, необходимо было зафиксировать ее в летописи (текпе). Так обнаружены тексты о родословной. Предпочтение отдавалось, как известно, предковой модели по отцовской линии. Зачатки этого жанра обнаружены в тюрко-монгольской письменной литературе. Это древнетюркские памятники VI-XIII веков и «Сокровенное сказание монголов» (1240). Однако в силу исторически сложившихся обстоятельств письменные традиции у тюрков были прерваны. Между тем канонизированный текст существовал в исторической памяти народа в изустной форме, о чем свидетельствуют более поздние записи фольклорных текстов о родословной алтайцев. Неслучайно, в алтайской письменной литературе родословная существует одновременно как фольклорное и литературное явление. На ее основе выросли впоследствии прозаические жанры алтайской литературы, а именно, первые автобиографические повествования в частности. Родословную (ук-тӧс) алтайцев отныне следует рассматривать не только как историко-культурный памятник, но и как самостоятельный жанр в историческом развитии алтайской литературы.

Литература.

1. Бадмаев А.В. Калмыцкая дореволюционная литература.- Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. - 167 с.; Хусаинов Г.Б. Башкирская литература XI-XVIII вв. – Уфа: Гилем, 1996. - 193с.; Бадмаев Б.Б. Бурятские родословные книги в современном фольклорно-литературном процессе: трансформация предковой модели // Бурятская литература в условиях современной социокультурного контекста. – Улан-Удэ: Изд-во «Дом Буряад унэн» - 2006.- С.70-80.
2. Рашид ад – Дин. Сборник летописей (1309-1311). –М.- Л., 1952; Абул-Гази. Родословное дерево тюрков. Сочинения Хивинского хана. (Перевод и предисловие Г.С.Саблукова, с послесловием и примечаниями Н.Ф.Катанова). – Казань, 1906
3. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. – Л.: Наука, 1969.- 196с.; Алтайцы (Материалы по этнической культуре). – Горно-Алтайск: изд-во «Юч-Сюмер», 2005.- 175с.; Алтай кеп куучындар (Алтайские предания) – Горно-Алтайск: изд-во «Юч-Сюмер», 1994. - 415с.
4. Сокровенное сказание монголов. Анонимная монгольская хроника 1240 года. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1990 - 280с.
5. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Тексты и исследования.- М.- Л.: Наука, 1951.; Поэзия древних тюрков У1-ХП веков. – М.: Раритет, 1993.- 176с.
6. Чапыев Е.М. Алтайлардын сӧӧктӧри (Роды алтайцев). // Эл-Алтай. Литературно-художественный альманах. – Горно-Алтайск, 1988, №3.- С.71-75
7. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989.-749с.; Вербицкий В. Алтайские инородцы.- М.,1893; 2-е изд. Горно-Алтайск, 1993.- 269с.; Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. - СПб, 1883; Горно-Алтайск, 2-е изд., 1993.- 1025с.
8. Чевалков М.В. Чӧбӧлкӧптӱв јӱрӱмӱ. // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Джунгарской степи. Собраны В.В.Радловым. Часть 1. Репринтное издание. Издание 2-е, исправленное. - Горно-Алтайск, 2006.- .113-225; Чевалков М.В. Памятное завещание // Памятное завещание. Алтайская дореволюционная проза.- Горно-Алтайск, 1990. - С.45-140
9. Солтоннын уулдары (Сыновья Солтона)// Јылдыс (Звезда). Литературно-художественный альманах.- Горно-Алтайск, 1981.- С.32-39 (текст на алт. яз.)
10. Бедюров Б.Я. Слово об Алтае. История. Фольклор. Культура. – Горно-Алтайск, 1990.-С.66-91;131-154

11. Садалова Т.М. Загадки батыра Шуну. – Горно-Алтайск, 2006 – 111с.; Монолдордын эржинелү кеп куучыны (Сокровенное сказание монголов в переводе на алтайский язык Т.М.Садаловой). – Горно-Алтайск, 2010.- 190с.
12. Киндикова Н.М. Корни родства в тюрко-монгольской литературе.//Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения – 2008.- С.17-22; Киндикова Н.М/ О найманах // Киндикова Н.М.Статьи об алтайской литературе. - Горно-Алтайск, 2010. - С.133-140
13. Самаев Г.П. Ойроттов Арасайга (От Ойротии к России). – Горно-Алтайск, 2006
14. Очурдяпов К. Воспоминания о Ярынаке // Эл-Алтай. Литературно-художественный альманах. – Горно-Алтайск, 1988, №3. - С.71-75
15. Кара-Дьердь. Книги монгольских кочевников с XIII по XIУ вв. (семь веков монгольской письменности) – М.,1972
16. Павел Кучияк. Дневники. Письма. Воспоминания. - Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алт.кн.изд-ва, 1979
17. Алтай кеп куучындар (Алтайские предания).- Горно-Алтайск: изд-во «Ак чечек», 1994. - 415 с.

Просветители Алтая: проблемы типологии и современного состояния образования

Прежде всего, мне хотелось бы отметить систематическое проведение в регионе конференций различного уровня по литературному и научному наследию ученых и национальных писателей Сибири. Я имею в виду конференции, посвященные 100-летию А.Е. Кулаковского в Якутске, Салчак Тока в Туве, 190-летие М.В. Чевалкова, 140-летие Г.И. Чорос-Гуркина, 150-летие Н.Улагашева на Алтае и этот юбилей ученого Н.Ф. Катанова в Хакасии и т.д. По этому случаю в республиках региона переиздаются для нового поколения редкие сочинения ведущих ученых и классиков национальной литературы, сопровождаемые добротными исследованиями известных литературоведов Сибири. К таковым относятся книги о А.Е. Кулаковском, А.И. Софронове, М.В. Чевалкове, Г.И. Чорос-Гуркине, Н.Ф. Катанова и др.[1].

Отрадно и то, что в последние два десятилетия установлены в республиках памятники в честь исторических деятелей науки и образования региона, появились художественные произведения о классиках якутской литературы («Алампа»,2006,2009), спектакли о деятелях алтайской литературы (П.В. Кучияк) и искусства (Г.И. Чорос-Гуркине) - это драма «Сотворение времени» (2005) драматурга К.Кошева и спектакль «Восхождение на Хан-Алтай» (2010) в постановке якутского режиссера А.Борисова и др. Относительно постановки фильма о выдающемся сыне хакасского народа Н.Ф. Катанова И.Ф. Кокова писала: «По мере сбора материала становилось совершенно ясно, что образ этого неординарного человека и большого ученого трудно втиснуть в рамки одного лишь фильма» [2]. Все это свидетельство того, что гуманитарная наука в Сибири набирает творческую силу и имеет перспективу развития. Во всем этом заслуга, прежде всего, ученых-литературоведов Сибири.

Во-вторых, юбилейные мероприятия знаменательны тем, что мы «окунаемся» в эпоху знаковых личностей, по-новому осмысливаем и оцениваем их научную, общественную, просветительскую и литературную деятельность. Это

и повод для сопоставления прошлого и настоящего. Безусловно, начало прошедшего столетия несопоставимо с началом нового тысячелетия, но проблемы современного образования и науки звучат так же актуально, как и в те далекие времена. Модернизация российского образования имеет сегодня судьбоносное значение для выживания малочисленных этносов в современном мире. Теперь непосредственно приступаю к теме исследования.

К числу первых просветителей Алтая относятся представители второй половины XIX - начала XX вв.: М.В. Чевалков, И.М. Штыгашев и Г.И. Чорс-Гуркин. Многогранная деятельность М.В. Чевалкова всесторонне рассмотрена в материалах межрегиональной научно-практической, посвященной 190-летию первого алтайского писателя под названием «Наследие М.В.Чевалкова в современном осмыслении» (2008). В них, в частности, отмечается, что «С христианством Михаил Чевалков связывал распространение просвещения путем внедрения в жизнь своих соплеменников основ современной цивилизации: оседлости, грамоты, новых форм земледелия и совершенствования нравственных начал в человеке». Помимо этого «М.В.Чевалков имел прямое отношение к двум изданиям, положившим начало письменности на алтайском языке - пишет З.Казагачева. - Это первый алтайский букварь под названием «Руководство к изучению грамоте» (1868) и «Грамматика алтайского языка» (Казань, 1869) [3, с.12]. По этому букварю Михаил Чевалков просвещал своих сородичей. В его воспоминаниях говорится: «Молодым людям, приехавшим из Алагана (название населенного пункта Улаган – Н.К.), дарил буквари. Поучившись их немного, хвалил за успехи и отпускал домой. Изучившие букварь обучали этому других. Научившихся таким образом было 100 человек. С тех пор они стали учить друг друга» [4, с.83].

Главная цель миссионера И.М.Штыгашева, выпускника казанской учительской семинарии, состояла в том, чтобы «научить детей грамоте». Далее он писал: «во-вторых, летом буду ездить по юртам черновых кочевников с евангельской проповедью, и, в-третьих, заниматься переводом книг религиозного содержания с алтайского на свое шорское наречие» [5, с.7].

Из сказанного явствует, что задачей первого поколения просветителей было распространение грамоты среди своих сородичей, тогда как в первой половине XX века просветители занимались ликвидацией неграмотности алтайцев, чтобы обеспечить им хотя бы начальное образование. Для достижения этой цели были написаны первые буквари на родном языке и книги для чтения. Миссионерское образование послужило базой подготовки национального учительства. В то же время местные учителя применяли на практике педагогический опыт русских просветителей, в частности, передовые идеи и мысли Н.И. Ильминского, Л.Н. Толстого и др.

На рубеже двух веков в Хакасии появился из среды инородцев ученый Н.Ф. Катанов, совместивший в себе одновременно роль и историка, и этнографа, и фольклориста, и языковеда. Ныне его имя стоит наряду с известными тюркологами Сибири: В.В. Радловым, Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным и др.

В первой половине XX столетия на ниве просвещения трудились такие известные личности Алтая, как Н.А. Каланаков (1888-1960), П.А. Чагат-Строев (1887-1938), М.В. Мундус-Эдоков (1879-1942) и другие. К сожалению, судьба их, как и судьба многих сибирских писателей, сложилась трагически. Они рано подверглись гонениям, аресту и репрессированы незаконно, а многие расстреляны. Об этом подробно написано в книге «Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд их XXI века» (2010), куда вошли и статьи ведущих тюркологов-литературоведов Сибири [6].

По прошествии целого столетия мы заново оценили их просветительскую, общественную, переводческую, литературную и научную деятельность и преклонили голову за их смелый поступок, самоотверженный труд и бесценное творчество. А творческое наследие Н.Ф. Катанова будет привлекать ученых всего тюркского мира. Вышеупомянутые лидеры просвещения, прежде всего, боролись за ликвидацию неграмотности среди населения, одновременно создавали не только буквари, книги для чтения, но и хрестоматии по алтайской литературе. Помимо этого, они сами сочиняли художественные произведения и переводили с русского языка на родной язык произведения русских классиков: И.А. Крылова, Н. Некрасова, А. Плещеева, А. Толстого и др.

Их имена неизвестны были большинству алтайцев. С возвращением в 90-е годы прошедшего столетия архива ФСБ в республику Алтай нам удалось возобновить поисковую работу ученых и выявить по фотографиям и портретам их подлинные имена и лица. Так, до конца 80-х годов вместо фотографии М. Мундус-Эдокова мы ошибочно давали фотографию молодого П. Чагат-Строева. Наконец-то, найден портрет, исполненный соратником М.Мундус-Эдокова, ныне известным художником Г.И. Чорос-Гуркиным. По фотографиям, портрету, найденными в начале XXI столетия, установлена также личность Н.А. Каланакова. Кроме того, по документам ФСБ уточнены даты жизни многих репрессированных писателей. Так возвращены народу имена известных алтайских творческих личностей-просветителей второго поколения.

Учитель-методист Николай Андреевич Каланаков, к примеру, известен был как автор первых букварей для детей и взрослых. Букварь для взрослых под названием «Красное солнышко» издан в Барнауле в 1921 году, впоследствии им написана для детей алтайцев «Первая книга на Алтае» (М., 1924). Он же в свое время работал первым методистом алтайского языка в только что открывшемся в 1928 году кузнице педагогических кадров – Горно-Алтайском педучилище.

В связи с латинизацией существующего алфавита Н. Каланаков в 30-е годы, как и многие сибиряки, оказался в Новосибирске, создавал книги для чтения. Однако время было жестокое и несправедливое. Там его арестовали за якобы участие в контрреволюционной организации «Союз сибирских тюрков». А на самом деле представители из Хакасии, Горной Шории и Алтая задумали создать единую терминологию (типа: таумалык – алфавит, бичиктӧс – букварь, танык - буква и т.д.) для тюркских народов. К сожалению, вместе с ним пострадали Г.М. Токмашев из Горной Шории, Г.П. Бытотов из Хакасии. Они тоже

были первыми авторами школьных учебников. Удивительно то, что помимо этой деятельности Н.А. Каланаков создавал свои первые художественные произведения, включенные в историю алтайской литературы только в XXI веке.

П.А. Чагат-Строев был не только известным алтайским поэтом, но и числился составителем первой хрестоматии по алтайской литературе на родном языке для 4 класса (1934), куда кроме собственных произведений вошли его переводы произведений русских классиков: А.С. Пушкина, И.А. Крылова, А.М. Горького и алтайских писателей. Стихи П.А. Чагат-Строева, написанные с 1927 по 1937 годы, опубликованы также в сборнике «Совет Ойроттын озуми» («Расцвет советской Ойротии», 1935).

Как и А. Софронов-Алампа из Якутска, Павел Чагат-Строев из Алтая состоял членом ВЦИК в Москве от Ойротской автономной области. Его деятельность высоко оценена его соратником Г.И. Чорос-Гуркиным. Находясь в эмиграции в Туве, он писал: «Вы являетесь очень пламенным защитником нужд алтайского народа, честным сыном его и своей страны – Алтая, отдающим все свои силы и труд на благо угнетенного народа своей Родины» [6]. Сопоставляя жизнь и творчество якутского писателя А. Софронова-Алампа и алтайского поэта П.А. Чагат-Строева, можно заключить, что оба незаконно оказались в репрессии и заключены в лагерях, последнее место пребывания обоих – Иркутская область. Удивительно то, что Анемподист Софронов чудом вернулся из ссылки, а Павел Чагат-Строев, как сообщают сотрудники ФСБ, умер 11 марта 1935 года в г. Тайшет Иркутской области (возможно, и расстрелян, как и все заключенные того времени).

Вслед за исследователем В.Г. Семеновым мы можем сказать о П.А. Чагат-Строеве так, как сказано о А.И. Софронове-Алампа: «Как никто другой в якутской литературе Сафронов - писатель был выразителем сокровенных дум, страданий и чаяний своего народа. Его прозаические, драматические произведения остаются до сих пор классическими образцами литературного творчества, а его лирика оказала глубокое влияние на формирование традиций национальной поэзии, стала благодатной почвой, источником зарождения новых течений в якутской литературе. Многие современные поэты, так или иначе, испытали влияние Софронова, учились у него образности слова, особенностями поэтической интонации. Личные переживания поэта, его внутренний мир впервые становится объектом художественного изображения именно в творчестве Алампа. Анемподист Софронов – зачинатель пейзажной и любовной лирики в якутской поэзии [8, с.96].

П.А. Чагат-Строев, как тонкий лирический поэт, впервые в алтайской литературе сумел передать через поэтические образы внутренний мир, переживания человека. Помимо лирических стихов он писал и лирико-эпические произведения, в основе которых лежат исторические события начала XX столетия. Само время требовало от него появления реалистической поэмы о народе и для народа. В 20-е годы это был творческий подвиг, героический поступок, поскольку за короткий промежуток времени он сумел художественно осмыслить, оценить и воссоздать политические события исторического масштаба в поэмах

«Мудрый богатырь» (1926) и «Кара-Корум» (1927). По широте охвата жизненного материала, по поэтичности описания, хроникальности фактов и событий поэмы П. Чагат-Строева занимают достойное место в истории алтайской литературы. Язык его поэм сочный, богатый, глубоко проникает в душу читателя. Необычно для алтайской лирики его стихосложение.

Писатель разностороннего дарования М.В. Мундус-Эдоков, как один из первых учителей Ойротской автономной области, в 20-е годы XX столетия вынужден был путешествовать по разным селам Ойротской автономной области (ныне – Республика Алтай) и давать начальные уроки азбуки сельским учащимся. Его книги для чтения отличались живым разговорным языком и учитывались этнопсихологические особенности алтайца. В то же время он, из-за недостаточности алтайского текста переводил на родной язык произведения русских классиков. В частности, он писал в предисловии к своему учебнику «Тан Чолмон» - «Утренняя заря» (1925): «образцы...русской литературы при переводе много проигрывают в своей художественной выразительности и, кроме того, зачастую и не соответствуют нашим ойротским условиям. Вот почему при составлении книги я поместил в нее значительную часть собственного материала, накопившегося у меня в результате жизненного опыта и знакомства с бытом алтайца» [9, с.23]. В его книгах для чтения «Ойротская школа» (1924) и «Утренняя заря» (1925) впервые опубликованы произведения алтайских писателей: рассказы М.В. Чевалкова, статьи и рассказы П.А. Чагат-Строева, самого М.В. Мундус-Эдокова и других. Книга подразделяется на разделы: «В семье», «В школе», «Около жилища» и прочее. Некоторые рассказы и рисунки отражали быт алтайцев и окружающую их природу. В этом смысле первые авторы придерживались включения в учебники этно-психологических особенностей малочисленного народа. Именно в 30-е годы художник Г.И. Чорос-Гуркин основал художественную школу на Алтае для одаренных детей, прививал им эстетическое воспитание. Своих детей обучал алтайскому языку. Как якутский лидер А.Е. Кулаковский в своем послании «Якутской интеллигенции» (1912) обратился к интеллигенции, так и Г.И. Чорос-Гуркин в начале века начертал план развития образования на Алтае.

Велика роль первых просветителей в становлении и развитии литературы, образования и культуры алтайского народа. Помимо того, что они занимались ликвидацией неграмотности среди широкого круга населения, на заре нового тысячелетия просветители разбудили национальное самосознание алтайского народа. Появилась возможность создавать учебную литературу на родном языке и издавать ее в Улале (ныне г.Горно-Алтайск – Н.К), Барнауле, Москве и Новосибирске. Неслучайно среди первых авторов появились первые национальные интеллигенты: учителя, писатели, художники. А в Хакасии родился ученый-востоковед Н.Ф.Катанов (1862-1922).

Таким образом, первые авторы школьных учебников были одновременно и учителями, и методистами, и переводчиками, и писателями. Их имена достойно вошли в историю образования и культуры Горного Алтая.

С образованием самостоятельной Республики Алтай начата новая страница в создании школьных и вузовских учебников на родном языке. Все это нача-

лось в 90-е годы XX столетия. В начале 90-х в Горно-Алтайске функционировал филиал Московского института национальных школ, который непосредственно занимался изданием учебной литературы для школ республики. Однако в последние десять лет эта работа приостановлена в связи с необоснованной ликвидацией образовательных структур.

В настоящее время составлением школьных и вузовских учебников Республики Алтай занимаются преподаватели кафедры алтайского языка и литературы Горно-Алтайского госуниверситета. Одновременно они осваивают древние и современные языки тюрков, создают научные исследования по новым дисциплинам. Нынче в связи с переходом Горно-Алтайского классического университета (1993) на бакалавриат и магистратуру идет резкое сокращение подготовленных национальных кадров. Такая картина наблюдается и в Хакасии, и в Туве. В Горной Шории кафедра шорского языка и литературы ликвидирована уже три года назад. В Хакасии реорганизован ИСАТ. К такому исходу приближается и кафедра алтайского языка и литературы ГАГУ.

Одной из причин резкого сокращения специалистов является 4-летнее обучение бакалавра, а значит, сокращение часов, дисциплин и открытие магистратуры только под «Языки народов России» (алтайский язык). Духовная составляющая подрастающего поколения - литература - остается вне внимания.

Вторая причина – демография. Как известно, в постперестроечное время заметно сократилась рождаемость в России, результаты которой сказались не только на образовательные структуры, но и на высшие и средние специальные учебные заведения – везде, и в Хакасии, и Туве, и в Горном Алтае наблюдается недобор абитуриентов. Ныне нам удалось восполнить группу за счет выпускников Горно-Алтайского педагогического колледжа. Такая картина будет продолжаться около 10 лет. В перспективе нам придется набирать абитуриентов, не владеющих алтайским языком, поскольку за последние десять лет в школах республики увеличилось количество обучающихся, начинающих изучать родной язык.

Третья причина – переход школ и вузов на подушевое финансирование, которое в корне противоречит сохранению подготовленных специалистов – кандидатов педагогических, филологических наук - в вузе, учителей начальных и средних классов в малокомплектных школах отдаленных сел республики Алтай. В результате нарушается политика подготовки национальных кадров в регионе.

Двадцать лет назад у нас в республике было всего один кандидат педагогических наук, за все это время подготовили около 10 специалистов, в том числе докторов наук. В настоящее время они оказались невостребованными. А дел у нас предостаточно, поскольку до сих пор не написана грамматика алтайского языка, не составлены словари, нет ни одной методики преподавания алтайского языка. Необходимо было как-то выдержать общероссийскую кризисную ситуацию, обучая в школах хоть самое небольшое количество учащихся. Преждевременными преобразованиями в сфере образования мы уже «отучили» учителей от работы в сельских школах.

А все началось с введения ЕГЭ в общеобразовательных школах. Ограничена свобода творчества Учителя с большой буквы. Сколько надзирателей, надсмотрщиков, проверяющих учеников и учителей, что они перестают мыслить, превращаются в механические машины. Об этом достаточно полно написали авторитетные ученые столицы и периферии, но министры остаются глухими.

С переходом университетов на бакалавриат и магистратуру нам обещают свободное передвижение в заграницу. На самом деле туда попадают единицы, а представители национальных регионов вряд ли согласятся на переезд. Они больше тяготеют к родной земле.

Как известно, алтайский язык, как и хакасский, вошел в Красную книгу ЮНЕСКО (1993-1996). Основанием для включения алтайского и хакасского языков послужили малочисленность говорящих на нем и ограниченность сфер его функционирования. Тем не менее, наши депутаты спорят о том, стоит ли обязательно изучать родной язык алтайцу по национальности. За эти десять лет новое поколение уже потеряло родной язык, вместо двуязычия преобладает русскоязычное обучение. Исключением остается Республика Тыва. По исследованиям профессора Т.Г.Боргояковой, языковая ситуация в Республике Хакасия отличается «самой низкой степенью демографической и коммуникативной мощностью. Несмотря на определенные позитивные изменения, степень витальности хакасского языка не улучшилось, продолжают процессы укрепления пассивного билингвизма и перехода к русскому одноязычию» [10, с.249].

В школах появились дифференцированные классы, где обучаются не владеющие, слабо владеющие родным языком, начинающие изучать родной язык и т.д. Нередко продолжающие изучать алтайский язык оказываются в числе начинающих, так как экономисты не разрешают оплатить учителям за дополнительные часы. Нет у нас ни одной школы с родным языком обучения, родной язык и литературу в школах республики изучают лишь как предмет. Все это приводит к снижению статуса и престижности родного языка малочисленных народов и способствует утрате определенной частью молодежи своего родного языка.

В Республике Алтай за пять последних лет сократилось количество детей, изучающих родной язык примерно на 3 тыс. детей из 11 тыс. обучающихся алтайцев. А это солидная цифра для малочисленного народа. А в республике после всех сокращений существует всего 199 общеобразовательных школ.

Если великую русскую литературу исключили из ЕГЭ то, что говорить о родной литературе народов России. Издержки изучения как всегда отзовутся через десятилетия. Итоговая контрольная работа по родной литературе за 11 класс ничего положительного не дает. Без литературы образуется духовный вакуум, как верно выразился М. Голубков в своей статье «Русская литература перед судом истории». Сегодня, по его словам, «школа не выполняет своей главной задачи – культурно-историческую социализацию человека» [11].

«Литература народов России» в школах республик Сибири не преподается. Мы же, авторы программ и учебников по алтайской литературе, ввели в программу курса родной литературы специальный раздел «Переводная литература

народов России и СНГ», а также переводную русскую и зарубежную литературу на алтайском языке в школах, а на кафедре алтайского языка и литературы студенты изучают «Литературу тюркских народов России и СНГ». Итогом этой работы является участие студентов в ежегодной Всероссийской олимпиаде студентов, проводимой в Горно-Алтайске для тюркской группы и Ижевске для финно-угорских студентов. В 2012 году мы планируем провести пятую по счету Всероссийскую олимпиаду студентов среди обучающихся по специальностям «Языки и литературы народов России» (тюркский язык) и «Филология». К сожалению, в регионах прерван опыт перевода современной художественной литературы на русский и другие языки народов России.

Со дня функционирования Горно-Алтайского классического университета в нем проводились эксперименты разного направления, не раз менялись специальности филологического факультета. Наряду с родным языком и литературой, русским языком и литературой для студентов алтайского отделения платно вводили дополнительную специализацию английский язык, этнотуризм, переводоведение и т.д. К сожалению, платное обучение не выдерживается до пятого года обучения. Кроме того, когда университет работал по специальности «Филология», преподаватели кафедры, заметно почувствовали оторванность университета от школ республики.

Нынче университет перешел на педагогическое образование (050100) при сохранении дополнительной специализации - китайский язык в ДО и дошкольное воспитание в ОЗО, поскольку по рождаемости республика Алтай занимает второе место в Сибири. В целом, даже удивительно, как алтайские студенты-бакалавры изучают четыре или пять языков за 4 года обучения, а бы сказала, в ущерб родному языку.

Два слова относительно подготовки вузовских и школьных учебников и научно-методических пособий. В прошлом году недальновидные чиновники необоснованно ликвидировали сектор литературы в Научно-исследовательском институте алтаистики им. С.С. Суразакова, туда ошибочно присоединили Научно-методический центр, который непосредственно занимался подготовкой школьных учебников. Соответственно, в республике нет ни одной образовательной структуры, кроме РИПКРО. Сократили подготовленных в различных вузах столицы двуязычных специалистов - кандидатов педагогических, филологических наук. В настоящее время авторы учебников, а это в основном преподаватели кафедры алтайского языка и литературы, во вне рабочее время пытаются создать учебники для школ и вуза по республиканской программе «Развитие алтайского языка». Это тоже нереальная деятельность для 7-8 штатов кафедры ГАГУ. По нашему мнению, в Институте алтаистики должны создавать фундаментальную науку, на этой основе пишутся вузовские учебники, и, наконец, разрабатываются школьные учебники. К сожалению, у нас все делается наоборот.

На сегодняшний день нам удалось обеспечить кафедру алтайского языка и литературы программами и УМК по дисциплинам, а также учебными пособиями. Однако отсутствуют учебники по основным дисциплинам. За эти два

десятилетия мы потеряли многое – выросло поколение, не знающее историю и культуру своего народа. Если в паспорте перестали отмечать национальность, то кто мы в современном мире? Да, россияне – мы, но в России проживают разные национальности, язык и культура которых самобытны и многоцветны. Я – не консерватор, но достаточно экспериментировать над подрастающим поколением, я за сохранение и восстановление образовательной традиции в России. Наступило новое тысячелетие, растет новое поколение. Мы обязаны обеспечить этнокультурную составляющую подрастающей молодежи, дать сведения не только о языке и литературе, но и об истории, культуре, традиционном мировоззрении народов разных национальностей, не ограничиваясь лекциями о родном языке и литературе.

В последние годы мы установили творческие связи с Башкирским государственным университетом им. М.Акумоллы, Стерлитамакским государственным педагогическим институтом и Евразийским университетом Казахстана. Башкирские студенты третий год проходят двухнедельную стажировку у нас на Алтае, а наши студенты и магистры в трижды побывали в Башкортостане, результаты сотрудничества опубликованы в сборниках статей. Проводим видеоконференцию-онлайн с тюркоязычными студентами из Якутска и Уфы. Студенты из Киргизии и Казахстана учатся на разных факультетах нашего университета. В перспективе планируется диалектологическая и фольклорная практика совместно с Франкфуртским университетом Германии.

В дальнейшем нам предстоит пересмотреть вопрос о подготовке национальных кадров в регионах; восстановить планомерную подготовку педагогических кадров для вуза и для школ республик по написанию научно-методической литературы для школ и вуза; необходимо отменить платное обучение (имеется в виду доп. специальности) студентов, магистров, аспирантов; особо обратить внимание на развитие гуманитарной науки, преподавание родной литературы в регионах.

Литература.

1. Кулаковская Л.Р. Научная биография А.Е.Кулаковского. Личность поэта и его время. – Новосибирск: Наука, 2008. - 295с.; Наследие М.В.Чевалкова в современном осмыслении. – Горно-Алтайск, 2008 151с.; «Г.И.Чорос-Гуркин и современность», «Оносские встречи». Материалы, посвященные 140-летию со дня Г.И.Чорос-Гуркина.- Горно-Алтайск, 2010. – 190с.
2. Кокова И.Ф. Н.Ф.Катанов (Документально-публицистическое эссе). –Абакан: Хакасское кн. Изд.-во, 1993. - С.5
3. Казагачева З.С. Чевалков и его потомки // Наследие М.В.Чевалкова в современном осмыслении. – Горно-Алтайск, 2008. – С.11-30
4. Чевалков М.В. Памятное завещание. – СПб.,1894. - С.83
5. Штыгашев И.М. В каких местах Алтая и какого рода служению желал я посвятить свою деятельность по выходе из Казанской учительской семинарии (апрель 1885 г.) //Штыгашев И.М. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайцы) Ивана Матвеевича Штыгашева. - Горно-Алтайск, 1998. - С.6-7
6. Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI века.- Горно-Алтайск, 2010. – 189 с.

7. Из письма Г.И.Чорос-Гуркина от 9 февраля 1924 года (Архив рес. Музея им. А.В.Анохина)
8. Семенова В.Г. Трагическая судьба классика якутской литературы. // Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI века. – 2010. - С.90-101
9. Мундус-Эдоков М.В. Тан чолмон (Утренняя заря). – Улала, 1928, с.4
10. Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири // Абакан, 2002. – С.249
11. Голубков М.М. Русская литература перед судом истории// «Литературная газета». – М., 2010, за 22-28 сентября

Судьба репрессированных писателей: новое прочтение и осмысление

Имена и творчество репрессированных деятелей культуры и литературы долгое время в нашей стране были под запретом. Тем не менее, в последнее десятилетие возникает все большая необходимость обращения к архивным материалам, к публикациям, связанных с судьбами творческих личностей, восстановлением их литературного наследия в истории национальных культур. Только в 90-е годы XX столетия, когда был издан Указ Президиума Верховного совета СССР о реабилитации невинно осужденных жертв (от 16 января 1989 года) и был принят Федеральный закон «О реабилитации жертв политических репрессий» (от 18 октября 1991 года), появились первые публикации в центральных газетах и журналах. В них просматривается новый взгляд на исторические события 20-30-х годов XX столетия, новая методология исследования литературы, оценка творческой деятельности ряда известных писателей, как А. Горький, И. Бунин, М. Булгаков, М. Пришвин и многих других классиков литературы. Публикация их запоздалых дневников и писем, запрещенных до этого времени художественных произведений, позволила разрушить наше традиционное представление о состоянии общества и художественной литературы 1920-30-х годов в целом [1]. Неслучайно понадобился ретроспективный взгляд на события 20-30-х годов прошедшего столетия, на литературу в особенности.

В национальных литературах вопрос о судьбе и литературном наследии репрессированных до сего времени рассматривался лишь по отношению к определенному периоду развития той или иной национальной литературы, к личности писателя в частности. К таковым относятся работы ведущих тюркологов Н.А. Баскакова, С.С. Суразакова, З.С. Казагачевой и других [2]. Между тем тема репрессированных односторонне освещена в исторических очерках 30-х годов XX столетия (Л. Мамет, П. Гордиенко, Л. Эдокова, Р. Эйхе и др.), частично переизданных журналистом В.Э. Кыдыевым в 1990-е годы в издательстве «Ак-Чечек» [3]. Все это позволило по-новому рассмотреть исторические события и факты почти столетней давности, выяснить роль общественных деятелей Горного Алтая. В настоящее время настало время почтить их память, осознать новым поколением весь трагизм и драматизм судеб первых интеллигентов, по-новому оценить литературное наследие творческих личностей, сказать слова покаяния всем убиенным в целом и каждому поименно.

К числу репрессированных в 1920-30-е годы писателей Горного Алтая и сопредельных территорий относятся, в первую очередь, известный художник Григорий Иванович Чорос-Гуркин (1870–1937); политические руководители и литераторы Андрей Александрович Сыркашев (1899–1938), Леонид Алексеевич Сары-Сеп Канзычаков (1891–1937); авторы первых школьных учебников и учителя Николай Андреевич Каланаков (1888–1960), Алексей Васильевич Тозыяков (1882–1938), поэты и прозаики Алексей Павлович Чоков (1908–1938), Иван Семенович (Алтаяк) Толток (1906–1937), Павел Александрович Чагат-Строев (1887–1938), а также сопричастные к этому времени и событиям Мирон Васильевич Мундус-Эдоков (1897–1942), Павел Васильевич Кучияк (1897–1943) и др.

А из региона Сибири были репрессированы Г.М. Токмашев (Горная Шория), С.Д. Майнагашев, Р.А. Кызласов, С.А. Бытогов (Хакасия), П.А. Ойунский, А.И. Софронов-Алампа (Саха-Якутия), С. Пюрбю из Тувы и многие другие. Некоторые титульные народы, как татары и башкиры, уже успели включить имена своих репрессированных писателей в энциклопедический словарь «Литературы народов России. XX век» (М.: Наука, 2005).

Количество всех репрессированных не подсчитано. Их число по стране и в регионе великое множество, если брать во внимание то обстоятельство, что это без вины обвиненных и незаслуженно расстрелянных распространилось и на их наследников (сыновей и внуков). Это прослеживается, к примеру, в роду Аргымая Кульджина, Кару и Алексея Куладжи, скатавшихся по России до 1990-х годов и вернувшихся на родину под чужой фамилией [4]. Об этом подробнее написано в книге Г. Елемовой «Потомок кегел маймана» (2007). Такова трагическая судьба Г.И. Чорос-Гуркина и его детей, удачно освещенная в книге Ю.В. Туденовой «Здесь все еще о нем напоминает» [4].

Причем одних ссылали дважды-трижды, других угоняли за пределы Алтая за то, что они были сопричастны к репрессированным. Так подверглись к необоснованным гонениям лучшие сыновья и дочери Алтая, внуки которых до сих пор остаются в неведении в творческой деятельности своих предков или остерегаются сказать слова правды. Вместо гордости за их деяния в душе каждого из них (нового поколения) «вкрался» генетический страх преследования и очередного гонения. Удивительно, но это факт жизни, сегодняшнего состояния общества. Политические деятели выполняли добрую миссию своего народа, но их репрессировали как «националистов». И что характерно, вышеупомянутые лидеры Алтая в какой-то степени были связаны с лидерами из Горной Шории и Хакасии. Такая же судьба была уготована лидерам башкирского, татарского, якутского и тывинского народов.

По утверждению историка, зав. отделом хранения спецдокументации Государственной архивной службы Республики Алтай Ф.Н. Марачева, «первые и пока немногочисленные репрессии политического характера в Горном Алтае начались в 1920-е годы. Аресту подвергались активные участники, так называемых бандформирований, баи, крупные священнослужители, зайсаны, как правило, с семьями, то есть ярко выраженные защитники старого строя. Но

приговоры по ним были относительно мягкими – 2-5 года тюремного заключения или лагерей.

Другое дело, когда эти же люди во второй раз арестовывались в 1936–1938 гг., то здесь приговоры были самые суровые – минимум 10 лет заключения в ИТК (исправительно-трудовой колонии), но чаще всего ВМН (высшая мера наказания).

Следующая, более жесткая волна репрессий, проводимых органами ОГПУ, затем НКВД, относится к началу 1930-х годов. Она была связана в основном с реакцией сельского населения на только что образовавшиеся колхозы и уровень их жизнедеятельности....

Любой падеж скота, неудобное сено, испортившаяся молотилка, пожар на ферме, не отремонтированные сани или бороны и т.п. немедленно расценивались как антисоветские, антиколхозные, контрреволюционные, вредительские деяния. В ход пускалась печально знаменитая 58-я статья УК РСФСР» [5, с.32-33]. И далее историк пишет: «Наибольший разгул беззакония, фальсификации дел и массовых репрессий падает на 1937 год, как «акция по изъятию остатков враждебных классов». Согласно этой секретной инструкции ЦК ВКП (б) местным органам НКВД устанавливался лимит на арест.

Обычно «брали «шибко умных», людей с подозрительно нерусской фамилией; людей, хоть один раз побывавших когда-то за границей; бывших партизан, перебежавших от Колчака; колхозников, не радеющих, по мнению НКВД, за коллективное дело; бывших «буржуев» и многих-многих других безвинных людей» [5, с.33].

Основными причинами их незаконного обвинения и расстрела являются то, что они были якобы «врагами народа», «японскими шпионами», «вредителями советской власти», «иностранными разведчиками» и т.д. Откуда возникло понятие «японский шпион» в 1920–30-е годы? Прежде всего, оно появилось из-за неправильного толкования религии алтайцев. В начале XX столетия была попытка унифицировать свои обычаи и религиозные воззрения, перейти к единому верованию- белая вера (ак јав), которая сочетала в себе, по верному определению А.Г Данилина, «элементы шаманизма и буддизма». К сожалению, историки в начале XX столетия придали этому явлению политический характер. В действительности же на территории Горного Алтая никакая японская разведка не существовала, потому не было никакого опасения отторжения Алтая от России. С другой стороны, лидеры алтайского народа именно в эти годы открыто и смело ставили национальные вопросы этнического развития, словами самого Г.И. Чорос-Гуркина, он заботился «о нуждах, угнетениях и законных правах алтайского народа» [6].

Обвинения в японском шпионаже были характерны и для других национальных регионов, так к примеру, всемирно известный офтальмолог Эрнст Мулдашев удивлялся тому, как его дед, башкир по национальности, будучи лесником в глухой тайге, мог оказаться «японским шпионом». А некоторых алтайцев репрессировали только за то, что в народной песне звучало слово «токой», которое ассоциировалось со столицей Японии. Точнее, в строке «Буурул

токой Алтайым» («Алтай с седыми холмами») как будто слышалось слово «Токио». Уму непостижимо, но адская машина репрессий действовала именно так, выполняя план высших органов власти.

Профессор ХГУ им. Н.Ф. Катанова В.П. Прищепа в своих воспоминаниях пишет: «Мой дед был раскулачен в 1931 году и выслан из деревни Моисеевка Краснотуранского района Красноярского края на север Томской области, где и погиб. Отец был репрессирован в г. Черногорске в 1937 году, отсидел к этому времени 10 лет и чудом остался жив» [7, с.7].

Такие примеры мы можем привести из судеб каждой второй семьи, к сожалению, о них в свое время не вели речь, не сохранились записи. Это была запретная тема – об этом нельзя было не только записывать, но и боялись произносить вслух. К слову сказать, старший сын М.В. Мундус-Эдокова Леонид Миронович стал прототипом исторического романа «Синяя птица смерти» (1993) Аржана Адарова. Вера Федоровна в свои 85 лет сумела опубликовать воспоминания о династии Тозыяковых в книге «Жестокого времени дети» [8]. А Нина Владимировна Суразакова подготовила к изданию книгу «Возвращенные судьбы и события» (2007).

О том, как угоняли репрессированных, в частности, из Эликманарского района, В.Ф. Тозыякова пишет: «отца, Федора Сергеевича Тозыякова (1866–1937), соратника Чорос-Гуркина, учителя школы села Узнезя забрали милиционеры ночью в августе 1937 года, сначала в райцентр, затем, в октябре, в Кызыл-Озек» [8].

Однажды в полдень, тогда тринадцатилетняя девочка, из окна своего дома увидела изнуренных арестованных, их было около 20–25 человек. Они шли пешком под конвоем. Узнав среди них своего отца, она быстро собрала еду и побежала за ними, догнала их уже за деревней и смогла передать отцу свое последнее угощение. С тех пор его семья (а их было восемь детей и мать) жила в неведении о судьбе своего отца, а детям с того времени приписали клеймо «дети врага народа». И лишь по истечении 57 лет им удалось узнать, что его расстреляли в ноябре того же года [8].

Очевидец тех событий, просидевший 10 лет в лагерях Ефим Степанович Бакиянов (1917–1995) вспоминал при жизни, как их, арестованных (а ему тогда было всего 18 лет), привели в душный барак за городом (это район гардиннотюлевой фабрики), где невозможно было не только сидеть, но и стоять, устроили допрос обвиняемых. При этом их заставляли подписывать чистый лист бумаги или ложно сочиненный кем-то текст. А кто отказывался подписывать, били рукояткой ружья, пинали ногами, после издевательств надевали осужденному на голову мешок, завязав ноги веревкой, поролли железной нагайкой. После этого выбрасывали обессиленное тело человека на растерзание собакам. Существовал даже барак, названный осужденными «собачьим домом». Выживших в Кызыл-Озекской тюрьме в декабре месяце, в лютый мороз отправляли в Бийск, а дальше в Новосибирск. Затем через станции Юрга, Тайга их увозили поездом на север, в Коми. Из 500 угнанных до места ссылки, по словам Ефима Степановича, оставалась всего половина. А в одном лагерном пункте

было три тысяча человек. Так, отказавшись подписывать ложно сфабрикованный лист бумаги, Ефим Бакиянов выжил и вернулся домой только вместе с фронтовиками. И что характерно, в лагере, по его рассказам, среди простых репрессированных были видные военачальники, как маршал Советского Союза Егоров, начальник НКВД Алиев, начальник погранотряда на границе Монголии Соколов и многие другие [9, с. 65-70]. Алтайк Толток, не выдержав мучительных издевательств, вынужден был подписать сфабрикованную бумагу (в тюрьме ему сломали пальцы рук на стыке косяка и двери, а на раненную кожу тела нарочно сыпали соль).

Самое опасное то, что, не зная правды истории, не осознавая противоречивость и трагизм судьбы тех писателей, новое поколение может оказаться на ложном пути, потому что противоречивость времени отражена в публикациях и документах того времени. Во-первых, насколько драматичной была судьба алтайской интеллигенции может свидетельствовать статья П.В. Кучияка, опубликованная в газетах на родном языке «Кызыл Ойрот» (23 октября 1934 года) и русском языке «Красная Ойротия» (29 октября 1934 года), в которой с обвинениями в национализме упоминаются имена А.В. Тозыякова, М.В. Мундус-Эдокова и других. Однозначна то, что П.В. Кучияк пошел на это, чтобы спасти свою жизнь и близких.

Во-вторых, воспоминания художника Н.И. Чевалкова (1892–1937), соратника Г.И. Чорос-Гуркина, написанные в 1936 году, впервые были опубликованы к 50-летию Горно-Алтайской автономной области, и впоследствии напечатаны в альбоме художника Н.И. Чевалкова «Живопись и графика» (2006). В нем пишется о том, что в 1930-е годы Г.И. Чорос-Гуркин будто бы действовал как «националист». «Пора нам жить по-своему и самим управлять своим народом» – говорил он. И далее: «Будем защищать свою священную землю, свои национальные обычаи» [6, с.29].

Национализм обычно проявляется там, где ущемлены права коренных народов. При этом необходимо отличать национализм от национальных проблем этноса. В начале XX века лидеры малочисленных народов остро ставили вопросы о правах малочисленных народов, в том числе о самоопределении наций. С точки зрения сегодняшнего прочтения, тут ничего националистического нет. Время расставило свои акценты.

Лидер алтайского народа Г.И. Чорос-Гуркин, прежде всего, был обеспокоен судьбой своих сородичей. В своем чистосердечном заявлении он писал: «В жизни своей я был кровным защитником всех интересов своей родины: самоопределения и автономии алтайского народа. За его законное право быть равным и свободным в семье великих народов. За сохранение его национальной культуры, языка и быта. За его новое создание и развитие в области своей экономической жизни, искусства и науки» [6, 1994, с. 138]. Таковы статьи Г.И. Чорос-Гуркина «Самоуправление и нужды алтайцев» (1913, 28 марта), «Об Алтае и его нуждах» (1917, апрель-май), статьи Леонида Сары-Сеп Конзычакова «К выделению алтайцев в автономную область», опубликованная в журна-

ле «Жизнь национальностей» (1922, 14 апреля) и П.А. Чагат-Строева «Ойротский народ» (Известия, 1922, 16 ноября) и т.д.

В-третьих, архивные материалы, обнаруженные в Государственной архивной службе Республики Алтай, рассекреченные материалы НКВД, дают возможность сравнивать анкеты арестованных с их личными делами, автобиографией.

В-четвертых, материалы УФСБ, переданные в 1990-е годы из Центра хранения архивного фонда Алтайского края г. Барнаула в наш республиканский архив, в которых нами обнаружены новые материалы о судьбе Н.А. Каланакова, П.А. Чагат-Строева и многих других политических деятелей Ойротской (впоследствии Горно-Алтайской – Н.К) автономной области.

И, наконец, архивные, документальные и личные материалы о Г.И. Чорос-Гуркине, раскиданные по стране и в Монголии. Эти материалы все еще не опубликованы, не прочитаны, не осмыслены новым поколением. Потому в ближайшие годы необходимо активизировать поисковую деятельность исследователей, издать хотя бы хрестоматийно литературные труды, статьи Чорос-Гуркина, а в перспективе подготовить академическое издание об его жизни и творчестве.

Теперь попытаемся понять трагическую судьбу и оценить литературное наследие незаслуженно репрессированных деятелей Горного Алтая. Попутно выясним, в каких взаимоотношениях были они друг с другом, поскольку нет сведений об их совместной творческой деятельности? Во-первых, они были людьми не только одного поколения, но и жили рядом как земляки. Хотя нет документального подтверждения, что Чорос-Гуркин знал и Мундус-Эдокова, П.А. Чагат-Строева, П.В. Кучияка и всех других вышеупомянутых. Вот один из примеров. В конце 1980-х годов в фондах Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина (в то время в старом здании) нами найден портрет известного алтайского писателя М.В. Мундус-Эдокова, исполненный кистью художника Г.И. Чорос-Гуркина. По этому портрету нам удалось восстановить личность М.В. Мундус-Эдокова. Но до сих пор неизвестно время создания портрета и место встречи двух творческих личностей. Значит, они, бесспорно, встречались и были знакомы в 20-е годы XX столетия.

А с П.А. Чагат-Строевым Г.И. Чорос-Гуркин знакомится заочно через публикацию его статьи в газете «Известия» (1922). В то время он был в эмиграции в Танна-Туве (1924). Возможно, Г.И. Чорос-Гуркин знал и других политических лидеров и литераторов Алтая, но нет подтверждающих документов.

Имя Андрея Александровича Сыркашева неизвестно было алтайскому читателю до 90-х годов XX столетия. Родился он в с. Мьюта Шебалинского района, закончил Бийское миссионерское катехизаторское училище, работал учителем в с. Аюлу. В свое время он был редактором газеты «Кызыл Ойрот», заведующим Облоно, председателем Кузедеевского райисполкома Горно-Шорского района Западно-Сибирского края, секретарем Онгудайского райкома ВКП (б), председателем облисполкома. Арестован по доносу 2 октября 1937 года «как враг народа».

Он обвинен по 6 пунктам, приговорен без суда к расстрелу от 1 января 1938 года в Барнауле. Дома остались жена Анна Николаевна, 34 лет, сыновья Иван и Геннадий, 15 и 12 лет (5, с.34). В его литературном наследии осталось одно из первых автобиографических повествований под названием «О себе» (1932). В системе развития автобиографического жанра оно имеет свое логическое продолжение.

Репрессии подвергся Леонид Алексеевич Сары-Сеп Канзычаков, написавший лишь один рассказ «Темдеш» (1931), до сих пор не вошедший в историю алтайской литературы. Загадкой остается то, что несмотря на занятость, тревожную политическую обстановку, алтайские лидеры находили время для литературного творчества.

В антологии «Алтайская советская поэзия» (1917–1987), изданной в 1987 году, имеется краткая справка о репрессированных, в частности, о том, что А. Тозыяков, А. Чоков, П. Чагат-Строев и другие умерли в ссылке в 1938 году. Пока неизвестно, как в один год умер тот или иной литератор: от болезни или он попросту расстрелян. Такова судьба, в частности А.В. Тозыякова, написавший в 1920-е годы ряд стихотворений и рассказов для школьных учебников. В историю алтайской литературы вошли его пьесы «Хитрость белых» – «Актардын мекези» (Улалу, 1927), «Порог богача высок» – «Бий эжиги бийик» (Улалу, 1927), изданная в соавторстве с Ф.В. Тозыяковым.

Алтаяк Толток – родом из села Отогол Шебалинского района. Экстерном закончил Барнаульский комвуз, был активным комсомольским, партийным работником, председателем облрадиокомитета. В 1920-30-е годы сочинял стихи. За что арестован, неизвестно. Умер в 1937 году. Возможно, эти сведения неправдоподобны. Скорее всего, он тоже был расстрелян. Репрессии подвергся и Алексей Чоков – алтайский поэт и переводчик русской классики. Родом он был из села Кумуртык Улаганского района.

Автор первых букварей и книг для чтения Андрей Николаевич Каланаков по сей день был почти неизвестным алтайскому читателю. В архивной справке 30-х годов записано: «В 1933 году по линии КрайОГИЗ и КрайОНО он был направлен в г. Новосибирск, где работал по составлению учебников для алтайских школ. В процессе работы Н.А. Каланаков встречался с представителями педагогической интеллигенции Хакасии и Горной Шории с целью создания общей терминологии для алтайского, шорского и хакасского языков. Это и послужило основанием для ареста в августе-сентябре 1934 года. За участие в контрреволюционной организации «Союз сибирских тюрков» он осужден Сибирским краевым судом по ст. 58-12 УК РСФСР на 3 года лишения свободы с исправительным сроком 3 года» (Архивный материал от 13.01.06) [13]. С точки зрения сегодняшнего дня представители трех народов начали тогда доброе дело – создание единой терминологии, которое необходимо будущему поколению. К сожалению, начатое им перспективное дело было приостановлено. В настоящее время Н.А. Каланаков известен как поэт, прозаик и драматург. Недавно найден его портрет, исполненный кистью художника А.А. Каланакова, участника Великой Отечественной войны, погибшего на фронте.

П.А. Чагат-Строев – яркая личность, талантливый поэт. Его имя восстановлено в истории алтайской литературы профессором С.С. Суразаковым. В 1958 году переизданы его произведения. С тех пор произведения Чагат-Строева не издавались. Разве что известные его стихи повторялись в различных изданиях. В 1920-е годы он был членом ВЦИК от Ойротской автономной области. Его преследования начались с публикации вышеупомянутой статьи в газете «Известия» (за 1922 год №259, 16 ноября). Как никто другой, он понимал политическую обстановку на Алтае и выступал в защиту 112 тыс. алтайцев. Нынче от этой цифры осталось лишь половина!

Отзыв на эту статью написан еще Г.И. Чорос-Гуркиным из Танна-Тувы. Он сообщал в своем письме: «Вы являетесь очень пламенным защитником нужд алтайского народа, честным и верным сыном и своей страны – Алтая, отдающим все свои силы и труд на благо угнетенного народа своей Родины. Приветствую Вас и желаю вам сил и здоровья продолжить свою работу – защиту пролетарской свободы и революции!» (Письмо от 9 февраля 1924 года).

П.А. Чагат-Строев подвергался репрессии дважды. По статье 111 УК на 6 лет принудительных работ, по ст.74 УК на 1 месяц. В 1937 году осуществлены три допроса (от 2 июля, от 8 и 9 июля). П.А. Чагат-Строев арестован 12 июня 1937 года по статье 58 УК РСФСР и осужден к 10 годам исправительной трудовых лагерях [13]. Известны его поэмы «Мудрый богатырь» (1925) и «Кара-Корум» (1927), в которых автор выступал как свидетель исторических событий. Никто из алтайских поэтов не сочинял так вдохновенно и ярко, как Чагат-Строев. В этой поэме он выразил свое отношение к гражданской войне, советской власти, коллективизации. Правдиво показана та картина, ценой каких потерь и жертв установлена советская власть на Алтае.

М.В. Мундус-Эдоков не был репрессирован, но репрессии подвергся его сын Леонид Миронович. Неслучайно, он перестал сочинять в последующие десять лет. В каких взаимоотношениях был Г.И. Чорос-Гуркин с писателем П.В. Кучияком, неизвестно. С одной стороны они – земляки, из одного района. Лишь в книге Ю.В. Туденовой «Здесь все еще о нем напоминает» имеются сведения о том, что в 1934 году «летом к Гуркину в Анос приезжают писатели В.Я. Зазубрин и А.Л. Коптелов. В Чемале к ним присоединился П.В. Кучияк.» (с.136). Он и повез гостей к Чорос-Гуркину после встречи с Е.И. Калининой. Значит, они встречались не раз. В 1934 году П.В. Кучияк был делегирован на съезд писателей в Москву без совещательного голоса, чудом обошел репрессии. В статье, опубликованной в газете «Красная Ойротия» от 1934 года, критикуются отдельные произведения М.В. Мундус-Эдокова, А.В. Тозыякова и других. Ему удалось избежать массовых репрессий.

Вышеупомянутый Ф.Н. Марачев поясняет: «К выявлению «классово-чуждых, враждебных, контрреволюционных» элементов подключались газеты, «общественное мнение» коллективов, агентурные сведения, оговоры ранее арестованных на своих товарищей, остававшихся пока на свободе, выбивание следователями «признательных показаний», просто буйная фантазия руководителей местных органов НКВД» [5, с.33].

Возможно, П.В. Кучияк и мог написать заказную статью, так как в ней легко заметен идеологический налет. С точки зрения сегодняшнего прочтения это – всего лишь критическая статья на новинки алтайской литературы. Однако в наказание всему этому, во-первых, произведения самого П.В. Кучияка не печатали на родине. Его стихи, как известно, впервые опубликованы в Новосибирске, лишь позднее – в Горно-Алтайске. Во-вторых, именно в эти годы, точнее, в годы массовых репрессий, он оказался в Новосибирске, затем в Москве. В окружении известных артистов, писателей, интеллигенции столицы он работал наиболее плодотворно. Его обвинили в национализме чуть позднее. В своем дневнике от 7 июня 1936 года П.В. Кучияк писал: «Ойротский комсомол» газетти алдым. Мени национализмни писатели деп Енчиновтыҥ выступлениезин (Здесь имеется статья Толуша Енчинова, опубликованная в газете «Красная Ойротия» от 24 мая 1936 г. – Н.К.) канайдар база? Кижини ӧзӧгин јара кезеле, оны кандый ла јажытту санаазын билетен болзо, мен кыйышпас эдим. Мен националисттерди писатели деп тӱнде де тӱженбедим, тӱште де сананбадым да (с.104). 11 июня он пишет: «Кайда барар? Јизе де бӧрӱ, јибезе де бӧрӱ деген бирӱзи. Азыдагы јӱрӱм коомой болгон керегинде бир ле јастыра неме боло берзе, ол неме 100 катап кӧптӱй берер, конрреволюционный националистти значогын јапшырып ийгилеер. Андый сагыш Кучиякта болбогон, болотон учуры да јок» [14, с.105]. В нашем смысловом переводе: «Если можно было выпороть живот и выявить затаенные мысли человека, то я не отказался бы от этого эксперимента. В моей голове никогда и не было таких мыслей и не могло быть» [14, с.104-15].

И что удивительно, именно в это время пишет свои воспоминания художник Н.И. Чевалков, соратник Г.И. Чорос-Гуркина. В них критикуется политическая деятельность Мастера кисти.

Г.И. Чорос-Гуркину нынче исполнилось 143 года. «Его имя восстановлено из пепла забвения, - пишет А.Суразаков. - Мастер восстал из небытия. Это – Человек, попытавшийся в пору безвластия и кровавого хаоса объединить земляков вокруг идеи Горной Думы – этого органа самоуправления, который он подкрепил своим собственным авторитетом» [Суразаков]. Лидер алтайского народа в своих статьях, письмах, литературных сочинениях прозорливо предсказывал свое отношение к власти, будущему Алтаю. В свое оправдание Мастер написал чистосердечные письма-завещания родным и близким в художественной форме [6, с.185-188]. Не случайно, его личные письма вошли в историю алтайской литературы как литературные произведения. Кроме того, обнаружены новые произведения Чорос-Гуркина, достойные хрестоматийного изучения. Остается лишь издать их отдельной книгой.

И что характерно, допросы вели «по сути, заранее готовых ответов осужденных, которые подавались именно в том аспекте, в котором он был необходим для обвинительного заключения» [5, 1994, с.196]. Для достоверности можно сравнить обвинительные дела Г.И. Чорос-Гуркина и П.А. Чагат-Строева. В частности, «Г.Гуркин является одним из руководителей контрреволюционной националистической организации существующей в Ойротии, ведет подготовку

вооруженного восстания для свержения Советской власти и установления буржуазно-демократического государства из народностей Алтая, Хакасии, Горной Шории под руководством Японии». Почти так же звучит обвинительный акт у П.А. Чагат-Строева. История выдает свои ошибочные сведения. В целом непонятно, за что пострадали творческие работники Горного Алтая.

Таким образом, в 1920–30-е годы происходило чудовищное уничтожение самых умных, образованных, политически грамотных людей общества, национальных лидеров народа, творческих работников страны, региона, области. Мы до настоящего времени не знаем, в каких местах они были в ссылке, когда и как они убиты, где они похоронены. По мнению Заслуженного юриста Российской Федерации Д.И. Табаева, «точное число репрессированных, наверное, никогда не удастся установить в связи с давностью, секретностью и утерей архивных материалов, а также не обработанностью архивов Кемеровской, Новосибирской, Иркутской, Томской, Камчатской, Магаданской областей, Республики Коми, Северных областей Казахстана в связи с отдаленностью, разбросанностью и сложностями в их сборе. Поиски затрудняются тем, что в архивах дела заключенных хранятся не по территориальным адресам высылки, а по алфавиту» [11, с.8-9]. Родственники ссыльных предложили посетить те места заключения и поклониться той земле, сказать слова покаяния. Ради справедливости необходимо «вернуть» также семью Г.И. Чорос-Гуркина в восстановленную усадьбу села Онос Чемальского района в скульптурном изображении. А в перспективе необходимо снять исторический кинофильм о судьбе художника, не по своей воле скитавшегося по Монголии, Туве, Хакасии, Горной Шории, с охватом городов Санкт-Петербург, Москва, Томск, Новосибирск, Иркутск, Барнаул, Бийск, Горно-Алтайск и т.д. Кроме того, следует активизировать поисковую деятельность исследователей для того, чтобы создать академическое издание, посвященное жизни и деятельности Г.И. Чорос-Гуркина, а для размещения всего его наследия необходимо подумать о строительстве нового здания музея.

Так, из вышеупомянутых одними из первых реабилитированы А.А. Сыркашев, расстрелянный в г. Барнауле (19 августа 1955), Г.И. Чорос-Гуркин, расстрелянный в Новосибирске (29 марта 1956), П.А. Чагат-Строев, умерший (возможно, тоже расстрелян – Н.К.) в г. Тайшет Иркутской области (31 мая 1956), А.П. Чокон в 1958 году, а в последующие, точнее, в 90-е годы XX столетия Н.А. Каланаков (8 июня 1992 года), Тозыяковы, А. Толток и многие другие. Даже после того, как репрессированные были реабилитированы, собственно алтайцы вначале боялись упоминать их имена, в страхе от того, что им припишут ярлык «националиста». Лишь в 1990-е годы удалось преодолеть генетический страх преследования. Именно в эти годы издаются книги о возвращении Мастера Г.И. Чорос-Гуркина, возобновлены оноские встречи творческой интеллигенции в его селе.

В память жертвам политических репрессий в Республике Алтай издана «Книга памяти» в трех томах (1996, 1998, 2000), установлен мемориал в честь незаслуженно расстрелянных. Так, восстанавливается историческая справедли-

вость в умах нового поколения, а в средних и высших школах вводится раздел репрессированных для самостоятельного изучения [12-13].

В целом по Республике Алтай пострадало от репрессий более 7417 человек. Но эта цифра неточная, так как вместе со ссыльными пострадали и их семьи и родственники. Волна репрессий прошла, как известно, в три этапа. Мы ограничились только 1920–30-ми годами. Потому данная проблема только начата и имеет свое продолжение в регионе, в стране в целом. Наша задача по-новому осмыслить трагическую судьбу репрессированных писателей и включить их творческое наследие в историю национальных литератур.

Литература

1. Чернова И.И. Осмысление трудных тем // Литература в школе, 1992, №2; Сазонова В.В. Горький о Ленине // Там же, с.38; Троцкий Л.Д. Верное и фальшивое о Ленине // Там же, с.42; Голубков М.М. Утраченные альтернативы. – М.: Наследие, 1995; Горький А.М. Несвоевременные мысли. – М., 1991; Бунин И. Окаянные дни // Русские писатели лауреаты Нобелевской премии. – М., 1991; Анненков Ю. Дневники моих встреч (Цикл трагедий.) – М., 1991, кн. 1, с. 48-49 и др.
2. Баскаков Н.А. Алтайский фольклор и литература. – Горно-Алтайск, 1948; Суразаков С.С. Алтайская литература. – Горно-Алтайск, 1962; Тавдакталып тав атты (Зажглась заря). Сост. З.С. Казагачева. – Горно-Алтайск, 1976; Алтай совет үлгерлик (Алтайская советская поэзия) / Сост. Д. Белеков. – Горно-Алтайск, 1989.
3. Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. – М., 1930; Гордиенко. Ойротия. – Новосибирск, 1931; Горно-Алтайск, 1994; Эдоков Л.М. Ойротская автономная область. – М.: Власть советов при президиуме ВЦИК, 1931; Эйхе Р.И. Социалистическая Ойротия на новом подъеме. – Новосибирск, 1935.
4. Аргымай ла Манжыныҥ жүрүминев (Из жизни Аргымая и Манди Кульджиных. – Горно-Алтайск, 1995;
5. Марачев Ф.Н. Конец пути // Кан-Алтай, 1997, №1 (13). – С.32-35.
6. Возвращение. Сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность» (11–12 января, 1991 г.) – Горно-Алтайск, 1993; Эдоков В.И. Возвращение мастера. – Горно-Алтайск, 1994; Прибытков Г.И. Чорос-Гуркин. – Горно-Алтайск, 2000; Туденева Ю.В. Здесь все еще о нем напоминает. – Горно-Алтайск, 2005; Оноские встречи. – Горно-Алтайск, 2006.
7. Прищепа В.П. «Щемящей совести срока...». – Абакан, 2009. - 148
8. Тозыякова В.Ф. Жестокого времени дети (О династии Тозыяковых). – Горно-Алтайск, 2007.
9. Питешева-Кыдыева С. К. Jүрер ойин талдап алар эмес (Судьба не подвластна времени). – Горно-Алтайск, 1997. – С.65-70.
10. Николай Иванович Чевалков: живопись и графика (письма, воспоминания, статьи, каталог живописных и графических работ) / Сост. Еркинова Р.М., Маточкин Е.П. – Горно-Алтайск, Изд-во Ак Чечек, 2006. – 165 с.
11. Табаев Д.И. Вместо предисловия // Книга памяти жертв политических репрессий в 3-х томах. – Горно-Алтайск, 1996, 1998, 2000.
12. Дело №17702, т.5. Запись от 13.01.06. Архив УФСБ Республики Алтай
13. Дело №633. Фонд -37, опись 1. Архив УФСБ Республики Алтай
14. Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма. – Горно-Алтайск, 1979. - С.104-105
12. Киндикова Н.М. Автобиографический жанр: истоки и традиции // «Башкы». – Кызыл, 2007. – №1. – С.91-92.

13. Киндикова Н.М. П. Чагат-Строев: салымы ла энчизи (П. Чагат-Строев: судьба и наследие) // Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. – Горно-Алтайск, 2008. – С.71-78; Киндикова Н.М. Чорос-Гуркин учун сөс (Слово о Чорос-Гуркине)//Киндикова Н.М. Статьи об алтайской литературе. – Горно-Алтайск, 2010. – С.99-104.

Наследие Аржана Адарова: проблемы изучения и издания

Литературный портрет Аржана (Владимира) Ойинчиновича Адарова (1932-2005), Заслуженного работника культуры РСФСР (1982), Народного писателя Республики Алтай (2004), лауреата Государственной премии им. Г.И. Чорос-Гуркина (2005) написан в «Истории алтайской литературы в двух книгах (Горно-Алтайск, 2004), краткие сведения о нем имеются в энциклопедическом словаре «Литературы народов России. XX век» (М.: Наука, 2005) и «Краткой энциклопедии Республика Алтай» (Новосибирск, 2010). Тем не менее, не до конца воссоздана хроника жизни и творчества алтайского поэта, прозаика, драматурга, переводчика и публициста А.О. Адарова, так как в его личном архиве не обнаружена автобиография, до настоящего времени не издан библиографический справочник, не полно раскрыт его дебют в литературе.

Художественное наследие А. Адарова многожанрово и необычайно богато. Оно состоит из 28 оригинальных, 15 переведенных на русский и другие языки поэтических сборников, из 10 эпических произведений и столько же переведенных им с русского языка на алтайский язык книг, но не собственные произведения. Ведь он творил более полувека!

Если лирика и лиро-эпические произведения поэта в какой-то степени переведены и известны русскоязычному читателю, то прозаические произведения А. Адарова почти не переведены на русский язык. Исключение составляют ранние рассказы писателя в сборнике «Годы и люди» (1962) в переводе московского писателя Бориса Арсентьевича Басаргина. В то время он был консультантом Союза писателей по национальным литературам. Такие сборники рассказов и повестей, как «Возвращение» (1960), «Ночные звезды» (1961) частично переизданы в 80-е годы прошедшего столетия под названием «Улетевшие журавли» («Уча берген турналар», 1980).

Проблемой остается подготовка подстрочных переводов его повести «Дорога в большой мир» (1979) и романов «Синяя птица смерти» (1993), «Сердце, опаленное огнем» (2001) и «Божественный Алтай, вечная любовь» (2005), созданных писателем в последние два десятилетия его жизни.

Особняком стоит книга под названием «Сокровенное слово» (2005), куда наряду с произведениями других авторов вошли баллады, поэмы, венки сонетов, историческая трагедия «Письмо из каганата» Аржана Адарова в переводах Ильи Фoniaкова и алтайского писателя-переводчика Карана Кошева, а также бесценные переводы в прозе самого А. Адарова древнетюркских текстов с русского научного переложения С.Е. Малова.

Кроме выше перечисленного существуют самостоятельные переводы, осуществленные А.О. Адаровым стихов и прозаических произведений русских

и зарубежных классиков литературы (А.С.Пушкин, Н.В. Гоголь, Э.Л. Войнич) и национальных писателей России и СНГ (М. Джалиль «Маобитская тетрадь» (1962), И. Есенберлин «За свободу степей» (1974), Ч. Т. Айтматова «И дольше века длится день» (1988) и другие. О них частично сказано в исследованиях алтайских литературоведов и других [1]. Ими сопоставлены тексты оригиналов и перевода их на родной язык, дана первичная оценка переводческой деятельности писателя-переводчика А.Адарова.

Остаются вне исследования переводы русских и зарубежных классиков А.С.Пушкина (Стихотворения, вошедшие в сборник стихов «И назовет меня всяк сущий в ней язык» («Öскө тилдерге адым адалар», 1999) и «Сказка о царе Салтане» (1986), Н.В.Гоголя («Страшная месть», 1962), Э.Л.Войнич («Овод», 1960), которые снискали широкий читательский интерес у алтайцев. А.Адаровым переведены также прозаические произведения Н.Г.Никонова «Мальчишки» (1960), Ф.А.Фурманова «Чапаев» (1963), Г.М.Маркова «Отец и сын» (1977), А.Иванова «Вражда» (1984) и др. Переведенные писателем иноязычные произведения ныне стали культурным достоянием алтайского народа.

Примечательно то, что последний сборник стихов под названием «Каменное изваяние» («Таш кезер», 2009) передан для издания самим автором, о чем свидетельствуют воспоминания Т.Торбокова в его предисловии: «Рукопись он принес 17 января 2004 года, не дождавшись издания своей книги, умер 9 июня 2005 года. В нее вошли стихотворения, опубликованные до 2000 года в газете «Алтайдын Чолмоны», альманахе «Эл-Алтай», журнале «Мир Алтая» («Алтай Телекей»), а также нигде неопубликованные строки. Ценность их в том, что эти стихотворения – предсмертные строки поэта, посвященные своему народу» - «2004 чаган айынын 17-чи кунинде А.Адаров улгерлерлу папказын табыштырып экелген... Бичиги чыгарын сакып болбой, ол 2005 жылда кичу изу айдын 9-чы кунинде поэт кенейте жада калган...

Бичикке кирген 2000 жылга јетире јлгерлер ончозына јуугы «АЧ» газете, чјмдемел-кеендик «Эл-Алтай» ла «Алтай Телекей» журналдарда, кјп сабазы, анчада ла поэт јада калардан эки јыл озозы, кайда да јарлалбаган. Эн баалузы незинде дезе, бу јлгерлер – поэттин албатыга айткан калганчы сјзи» [2, с.6-7].

Что касается драматургии, то А.Адаровым созданы в разных жанрах четыре драматургических произведения: «Станный человек» - «Сан башка кижии» (1983), музыкальная комедия «Женитьба Абайыма» - «Абайымнын кижии алганы» (1986), «Век испытания» («Ченелтелу чак», 1989) и историческая трагедия «Письмо, посланное из каганата» - «Каганаттан келген самара» (2000). Относительно вышеупомянутых произведений, поставленных на сцене национального драмтеатра им. П.В.Кучияка, имеются добротные исследования С.Н. Тарбанковой, К.Д. Кошева и других [3].

Публицистика А.Адарова почти не изучена. В настоящее время первоочередной задачей исследователей является ознакомление с личным архивом писателя. Среди множества бумаг, черновиков, вариантов, возможно, сохранились неопубликованные рукописи, которых предстоит изучить и подготовить для публикации. При этом исследователям литературы необходимо сравнивать

оригинальные тексты с их вариантами и определить их художественную значимость. Без истории текста, комментариев, справочного аппарата и исследовательских статей невозможно представить место и значение оригинальных текстов. Обычно научные издания готовят годами, над ними работают целые группы исследователей и текстологов. Мы же пытаемся за короткий срок изучить личный архив классиков алтайской литературы.

Аржан Ойинчинович Адаров оставил нам в наследство и стихи, в том числе венки сонетов, и рассказы, и повести, и романы, публицистические и литературно-критические статьи, очерки. Они не переиздавались. Исключение составляют упомянутый выше сборник прозаических произведений «Улетевшие журавли» (1980) и сборник стихов под названием «Моя любовь не умрет» - «Менин сүүжүм олбос» (1982), изданные на родном языке к 50-летию писателя. Опубликовано также «Избранное» (Барнаул, 1985) поэта в переводе на русский язык. В последний сборник вошли произведения, отобранные и композиционно выстроенные самим автором. С точки зрения сегодняшнего прочтения отдельные произведения, конечно, тематически и по содержанию устарели. Однако ценность их в том, что они составлены и изданы при жизни автора. В 2002 году два романа писателя под одной обложкой переизданы тиражом всего 500 экземпляров для 70-ти тысячного алтайского читателя.

Настала пора ознакомиться с литературным наследием писателя для того, чтобы когда-нибудь подготовить его полное собрание сочинений. В связи с этим предстоит зафиксировать все то, что создано А.О.Адаровым за прошедшие полвека. По словам поэта С.М.Самунова (у кого хранится ныне архив писателя - Н.К.), в личном архиве А.О.Адарова имеется также множество неопубликованных рукописей, в том числе, статьи, письма друзей и коллег. В ближайшие годы предстоит издать библиографический справочник А.О.Адарова, подготовить неопубликованные рукописи к изданию, ходатайствовать о создании республиканского литературного музея классиков алтайской литературы.

У Аржана Ойинчиновича Адарова, как и у его коллег по перу Л.В.Кокышева, Э.М.Палкина, существовало три точки биографического пространства: Каярлык, Москва, Горно-Алтайск.

Населенный пункт Республики Алтай Онгудайского района село Каярлык выступает в творчестве поэта в качестве малой родины, однако чаще всего упоминается стоянка Толубай, поскольку, к нашему огорчению, в деревне у многодетной семьи не было даже собственного аила или избышки. Тем не менее, Каярлык – это этнический мир писателя: родители, братья и сестры, родственники, земляки – все то, что вдохновляло писателя на создание первых произведений.

Москва – это огромное культурное пространство, где происходит освоение начинающим поэтом русской и зарубежной литературы; это мир обретения новых друзей разной национальности; это знакомство с видными писателями, деятелями искусства и культуры; это мир «трех мушкетеров», как они, три неразлучных друга – А.Адаров, Л.Кокышев, Э.Палкин - называли себя в шутку;

это – «дорога большой мир». Точнее, это студенческие годы поэта, его друзья и творчество, издание собственных произведений и т.д.

Горно-Алтайск - это этнокультурное пространство, место постоянного проживания и литературного творчества А.Адарова. А именно, создание Горно-Алтайского отделения Союза писателей (1959), подготовка к проведению дней алтайской литературы и культуры в других республиках, личное знакомство с литераторами многонациональной России и СНГ; это - начало путешествия в соседние и дальние республики, зарубежные страны и континенты. Все это – то, ради чего и во имя чего жил и творил Аржан Ойинчинович Адаров. Попытаемся раскрыть каждый из них поочередно и подробно, ссылаясь на достоверные источники.

Детство писателя. О родителях А.О.Адарова имеются скудные сведения о том, что они были чабанами. Действительно, родители его пасли колхозных овец. Но в годы коллективизации отец писателя, Адаров Ойинчи, работал председателем сельского совета в селах Теньга и Ело Онгудайского района. Однако в связи с болезнью старшего сына он вынужден был вернуться в село Каярлык. Для того, чтобы как-то прокормить многодетную семью, он нередко ходил на охоту. В годы Великой Отечественной войны его забрали на фронт. Неизвестно, где он похоронен. По словам родной сестры Аржана, Иришевой Байды (1924-2004), «его, раненным в руку, видел земляк по имени Менди в Ленинграде» (Личный архив - Н.К). С тех пор ничего неизвестно. В стихах А. Адарова упоминается то Сталинград, то Ленинград, то Калининград. Возможно, он уточнял последнее место пребывания погибшего отца-фронтовика. Образ отца навсегда сохранится в стихах поэта.

Мать Токна с 1938 года всю свою жизнь проработала в колхозе чабаном. Будучи передовицей, в 1953-1954 годы побывала в Москве. В семье у них было семеро детей, Аржан родился 15 июля на стоянке Толубай четвертым по счету. Старших звали Кула, Тарынчак, Байда, младших: Байкал, Тамара, Борис. Старший сын Кула, по словам Байды, походил лицом на отца [4].

«Когда родился Аржан, - вспоминает сестра Байда, - его из-за крупного телосложения и широкого лба нарекли Букабаем», однако в школе в те годы давали второе русское имя, так он стал – Володей, как Эрмена Палкина в школе называли Ваней. Аржан первоначально учился в Каярлыкской семилетней школе, которая в те годы стояла в урочище Бешбаскыр [5]. Туда съезжались дети пастухов с разных логов Каярлыка. Впоследствии эта школа сгорела, новую построили в современном селе Каярлык. О том, что у многодетной семьи не было в селе даже аила или избушки впервые рассказал в своих воспоминаниях его земляк, известный писатель Б.У.Укачин, в своей статье «Под вечными ледниками», посвященной 60-летию А.Адарова [6].

В годы войны у детей, как известно, не было даже приличной одежды. В деревне каким-то образом появилась одна швейная машинка, на которой мать Аржана научилась шить одежду не только для своих, но и для детей односельчан. В 8-м классе Аржан учился в Онгудае, а закончил областную национальную среднюю школу в г. Горно-Алтайске.

По словам односельчан, родители Аржана слыли народными певцами. В своих воспоминаниях писатель подчеркивал: «Энем - койчы, кожовчы. Эжелерим - кожончы. Ол менин жүрегимде томулып калган. Олордын эрјинезин кожо алып жүргем» - Мать – чабанка, певица. Сестры тоже были певцами. Мелодии их песен глубоко запали мне в душу. Всюду я вспоминаю их, как талисман счастья». В памяти сестры Байда сохранились песни отца Ойинчи, строки которых он сочинял экспромтом. Вот одна из них:

Кондойдон чыккан кара суу
Ат ичерге јеткей не?
Корушкеннин товары
Чамча эдерге јеткей не?

Родник, сочившийся из-под земли,
Утолит ли жажду моего коня?
Лоскуток, привезенный любимой,
Хватит ли для шитья (одной) рубашки? (подстрочный перевод наш - Н.К.)

По рассказу А.Л. Коптелова, «больше чем он, Ойинчи, любила петь её жена, Тохна. Она пела песни и в хороводах, и в горных лугах, где пасла колхозных овец» [7,с. 7]. Помимо родительских песен, Аржан любил подолгу слушать героические сказания о богатырях Алтай-Буучае, Малчы-Мергене, которых слагал земляк Ийонок, под аккомпанемент самодельного топшуура. Как писал А.Л. Коптелов, в предисловии к первому к переводному сборнику стихов «Подснежник» (1963): «Иногда это затягивалось до утра, а днем в часы отдыха, старик рассказывал детям короткие сказки о зверях и птицах. Среди его слушателей часто бывали дети из большой семьи Ойинчи Адарова, колхозного чабана» [8,с.3]. Неслучайно первые строки Адарова были подражательны народным песням.

Ведь ему тогда не было и 18 лет, когда в местной газете «Алтайдын Чолмоны» появились его юношеские стихи «Колос» - «Аш» (1950, за 30 сент.), «Я проголосую» - «Мен унимди берерим» (3 дек. 1950, а также рассказ под названием «Комсомольская помощь» - «Комсомольский болуш» (за 15 дек, 1950). Определилась также тематика его пробных произведений: труд сельского труженика, воспевание человека труда, активная позиция юноши и т.д. Одновременно появились первые отзывы на его стихи. Писатель и журналист, в то время наставник, руководитель литературного кружка «Амыргы» («Дудка») Ч.А. Чунижеков в статье «О стихах молодых поэтов» писал: «Адаров, когда пишет стихи, четко выбирает тему, язык меткий, есть идея и выбор художественных средств». («Јиит поэттердин стихтери керегинде» (за 30 июля 1950 года) отмечал: «А.Адаров выбирал удачную тему, язык меткий, в идейном и художественном отношении тоже отмечаются удачи.» - «А.Адаров стихтер бичигенде јакшы теманы талдап алат, тили чечен, художественный јанынан јозокторы, идеязы бар болуп турат) [9]. Так опубликованы в газете стихотворения: «Май», «Родной Алтай» («Торол Алтай»), «В летний день» («Јайдын кунинде») и другие.

Дебют А.Адарова состоялся в 50-е годы в газете «Алтайдын Чолмоны», затем молодые авторы издали сборник собственных сочинений под общим названием «Стихи и рассказы» (1950), а также совместные сборники, в частности у В.Адарова и В.Кучияка «Счастливая жизнь» - «Ырысту жүрүм» (1950) и у К.Тужумеева, Л.Кокышева «В родном колхозе» - «Төрөл колхозында» (1950). Небезынтересен первый рассказ А.Адарова под названием «Схватка с медведем» («Айула согушканы»). Все это послужило поводом для представления их в Литературный институт имени А.М.Горького в Москве.

Писатель, давний друг алтайских писателей Афанасий Лазаревич Коптелов признавался впоследствии: «Каждым из трех юношей было опубликовано в местной газете всего лишь по несколько стихотворений. Их поэтическая способность не столько чувствовалась, сколько предполагалась в своем будущем развитии». Он даже сомневался тогда в том, что «не рискованно ли юношей, не видевших ни большого города, ни железной дороги и только что вступающих в жизнь, отправлять в Литературный институт? Были опасения, что они не пройдут по конкурсу, что едва наметившиеся поэтические ростки могут завянуть» [10, с.6]. Так, алтайский народ получил первых поэтов, образованных писателей, которые были востребованы в культурной и общественной жизни, тогда ещё Горно-Алтайской автономной области (Ныне Республики Алтай – Н.К).

Москва. Студенческие годы поэта ярко и запоминающе запечатлены в его мемуарной повести «Дорога в большой мир» (1979), посвященной рано ушедшему другу и известному алтайскому писателю Л.В.Кокышеву (1933-1975). В предисловии к книге автор напишет: «Эпизоды жизни здесь восстановлены правдиво. Ничего не выдумывал, не изменял. Главный герой книги – известный алтайский поэт Лазарь Васильевич Кокышев.... У меня не было задачи рассказать его биографию или исследовать его творческий путь. Короче, в книге речь идет о наших студенческих годах».- «Мында айдылган жүрумнин учуралдары ончозы чын болгон. Бир де копчиткен ле оскорткон неме жок. Бичиктин тос геройы – атту-чуулу Алтай поэт Лазарь Васильевич Кокышев... Мен мында кемнин де биографиязын жартабай жадым, творческий озумин де шиндебей жадым. Кыскарта айтса, бу бистин кожо үренген жылдарыс керегинде сөс» [11,с.4]. А значит, в книге непременно имеются биографические факты самого писателя А.О.Адарова.

Первое, что хотелось бы отметить, в повести действительно раскрываются чистосердечные признания А.Адарова о своих студенческих годах жизни: первые огорчения и попытки исправить свои «недочеты» во время учебы. Учились три друга старательно, прилежно, так как дома их ожидала многодетная мать. Во-вторых, они чувствовали свою ответственность перед алтайским народом. В-третьих, А.Адаров восторженно отзывался о своих коллегах, преподавателях, среди которых были видные профессора, исследователи русской и зарубежной литературы: С.М.Бонди, В.Ф.Асмус, Г.Н.Поспелов, В.М.Сидельников, В.А.Архипов, В.И.Артамонов и мн.др. Вместе с А.Адаровым Литературный институт им. А.М.Горького закончили такие писатели, как удмурт Г.Красильников, бурят Д.Батожабай, азербайджан Джабарлы и многие другие. В сво-

их воспоминаниях он давал оценку собственным произведениям, о том, что «художественный уровень их не всегда соответствовал требованиям литературы» [12, с.161].

Тем не менее, они, три алтайских писателя, старались как-то разнообразить в тематическом и жанровом отношении родную литературу. По окончании Литературного института А. Адаров опубликовал сборник стихов «Песни сердца» («Јүрегимниң кожовы», 1958), свидетельствующий о творческом росте поэта. Стихи его отличаются свежестью восприятия мира, восторженностью чувств и мыслей, яркостью и наивностью образов, что свойственно молодости и особенностям его творческой индивидуальности. Очевидна и эволюция таланта и мастерства поэта — элемент описательности, повествовательности сменяется сосредоточенностью мысли и чувства, первозданностью поэтических образов, отточенностью формы стихов. Обратив внимание на мелодичность стихов А. Адарова, поэтесса Вероника Тушнова правильно отметила: «Много в этой интонации народного, идущего от песни» [13]. При всей близости стихов поэта к народным песням отмечается также заметное влияние традиций русской литературы, с которой глубоко и основательно знакомится А. Адаров в студенческие годы. В этом смысле интересны его поэтические миниатюры - «О певце» («Кожончы керегинде»), «Люблю тебя, земля родная» («Сүўйдим сени, төрөл јерим») и многие другие. Характерно то, что строфа состоит из двух предложений, вторые и четвертые строки которой - полустроки. Думается, что малый размер, использованный в этих стихах - результат творческих исканий поэта, одна из характерных черт ранней поэзии А. Адарова. Поэтические сборники, изданные в 60-е годы, уже свидетельствовали об обновлении тематики и жанровом своеобразии его творчества. Кроме лирических песен, поэт пишет в жанрах думы, элегии, баллады, посвящения, послания и т. д.

По возвращении в **Горно-Алтайск**, их, новоиспеченных писателей, выпускников московского Литературного института им. А.М.Горького назначили на самые ответственные посты, о чем поведал А.Адаров в своих воспоминаниях «Дорога в большой мир» («Јаан телекейге јол», 1979). А именно, Эркемена Палкина определили старшим редактором областного радиокомитета, Лазаря Кокышева - ответственным секретарем писательской организации, а Аржана Адарова – главным редактором областного издательства. Естественно, у них не было опыта работы, но с чего-то необходимо было начать. Ведь они понимали свою задачу – принести хоть какую-то пользу своему народу. Вот и завертелось колесо жизни. Одновременно они, как творческие люди, должны были создавать новые художественные произведения, удовлетворять запросы алтайских читателей. Так, наряду с собственными творениями они одновременно занялись и переводом русской и зарубежной классики. Если сравнить то, чем они занимались только в 60-е годы, то окажется, что молодыми написано «целые тома» собственных сочинений и переведены целые стопки книг. Поразительно, но это факт! Только задаешься вопросом: когда они успевали творить и переводить? Ведь наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, алтайские писатели как бы наперегонки переводили и зарубежных авторов: Р.Бернс, Э.Войнич, Я.Гашек и

др. Тут вмешивается и общественная деятельность трех писателей: А.Адаров был членом обкома ВЛКСМ, Л.Кокышев – член КПСС, депутат краевого совета, Э. Палкин состоял в активе областной партийной организации.

А главной задачей их было развитие родной литературы, разнообразить ее жанры, обновить тематику и проблематику и т.д. Опыта у них, естественно, не было, разве что декларативная поэзия П.Кучияка или реалистические поэмы П.А. Чагата-Строева. В то же время их творчество подвергалось «цензуре», тщательной проверке. По словам самого А.Адарова, в их произведениях «искали» черты национализма, идеологические ошибки. Потому стихи срочно переводились на русский язык. Но ничего не удавалось обнаружить, поскольку морально их поддерживали коллеги по перу, переводчики Е. Стюарт, А. Смольников, Е. Храмов и др.

Помимо трех вышеперечисленных миров А.Адаров создавал свой художественный мир, основанный на реальных событиях и фактах, но с вымышленными героями. События в нем происходят в типических обстоятельствах. К таковым относятся не только ранние, но и зрелые произведения, как, например, венки сонетов, романы и драматические произведения, написанные в постперестроечные годы.

Поэтический мир А.Адарова состоит из лирических стихов, баллад, восьми венков сонетов и поэм. В предисловии к сборнику «Судьба родной земли» («Төрөл јеримниҥ салымы», 1969) А. Адаров четко определил тематику своих произведений: «Главное в моих стихах - раздумья о судьбе моей земли, народа» [14]. Эта же мысль удачно выражена в стихотворении «На плечах моих горы» («Јардымда туулар»): «На плечах моих скалы,/ Островерхие, величественные горы./ Чуть шевельнусь - камни обрушатся с грохотом. / Глаза мои - озера,/ Чуть моргну - расплещутся, выйдут из берегов./ А в груди моей — облака.../ Молчаливая гладкая крутизна. /Все это - раздумья о моем народе» (Смысловой перевод - Н. К.).

Риторические вопросы подтверждают четкую позицию лирического героя, ответственность его перед народом: “Те слова, что еще не сказал я в стихах /О тебе, мой Алтай, о тебе, мой народ, /Удержу ли его созревающий плод? /Или вдруг надломлюсь и песками времен, /Буду всеми забытый, навек погребен?” (перевод А. Смольникова).

В конце 60-х - начале 70-х годов поэт задумывается над вопросами, которые ставит перед ним жизнь: «Кто я — алтаец? Откуда мой род? Куда я стремлюсь?». В них явственно пробуждение национального самосознания. В таких произведениях, как «Кочевники», «Мой народ», «Великое кочевье» прослеживается исторический путь алтайского народа. Так, А. Адаров пишет:

Мы - кочевники. Мы - беспокойный народ.
Мы за счастьем своим столько лет кочевали.
К новой жизни мы шли, крепко сидя в седле.
Мы - хозяева здесь, мы - кочевников племя.
(перевод Е. Храмова)

В стихах «Я – алтаец», «Человек», «Нет - я не Прометей» и других на первый план выступает «я» поэта. Присутствие личностного начала придает его стихам публицистический пафос. А. Адаров говорит от имени своего народа с чувством высокой ответственности, гордости и национального достоинства. В основе зрелых стихов поэта лежит, по словам переводчика И. Фоякова, «четкая, развивающая мысль» [15].

В сборнике «Алтай, освещенный солнцем» (1974), к примеру, ведется душевный разговор поэта с самим собой, временем и народом. Он вспоминает прошлое, благодарит всех и каждого за добро, говорит о связи пережитого с настоящим, о русском народе, друзьях-товарищах, о собственных удачах и потерях. Стихотворение «Русскому другу» посвящено русскому народу, в нем показано его величие и гордость, доброта и мудрость. От имени алтайцев поэт признается в любви к русскому народу, благодарит его за дружбу. Немаловажное значение в поэтике А. Адарова имеет концовка стихотворения, в которой выражена основная мысль:

Недаром образ матери встает,
Когда тебя пытаюсь я постичь.
Ты точно мать одной большой семьи,
Где лад и мир — старания твои.
Пусть разнолик, разноречье твой дом,
Но привечаешь всех ты за столом.
Сама присесть забудешь иногда,
Но сколько счастья в облике твоём.

(перевод А. Смольникова)

Так развивается в творчестве А. Адарова тема мира и дружбы между народами. Таковы стихи, посвященные монгольским, японским, казахским, украинским друзьям.

Писатель побывал во многих зарубежных странах: Болгарии, Румынии, Турции, Греции, Японии, Монголии, Малайзии, Филиппинах, Вьетнаме и т. д. Итогом глубоких размышлений о мире и дружбе между народами являются, к примеру, баллада «Комус», впервые опубликованная в сборнике «Слово, сказанное людям» (1981). Комус в данном случае выступает символом дружбы, объединяющим народы разных стран и континентов. Удачной получилась связь прошлого с настоящим: от современных транзисторов автор незаметно переходит к древнему национальному инструменту — комусу, наделенному единственной струной, по форме напоминающей сердце человека.

Особо следует отметить любовную лирику поэта. Чистосердечные признания лирического героя заключены в стихах, вошедших в первый сборник под названием «Песни сердца» («Черноглазая», «Голубой вечер», «Вечером», «Тихий город мой» и т. д.). В них воспевается образ любимой девушки. Первая любовь как незабываемая мечта запечатлена в таких стихах, как «Два океана», «Если ты колдунья...», «О, дорогая, перед тобой...», «Провода», «Звезда моя» и других. Многие из них стали популярными песнями молодежи.

По поводу зрелых стихов А. Адарова исследователь С. Суразаков правильно заметил: «Его поэзию можно назвать «свободной поэзией». Поэт старается свободно выразить то, что в душе, мыслях. Иногда кажется, что ему некогда искать подходящий образ. Тем не менее, его поэтические образы, бесспорно, интересны, мысли глубоки и ёмки» [16, с.3].

Более поздним стихам А. Адарова характерны внутренняя ритмика строфы, не говоря уже об удачных начальных и конечных рифмах. Иногда длинные, сложные предложения с союзами, или использование слова с не усеченными аффиксами утяжеляют стих. Но неторопливая, целенаправленная речь поэта непременно приводит его к обобщающей мысли.

Таким образом, уже в 70-е годы четко определились ведущие темы и жанры лирики поэта: история и современность, народ и его судьба. В жанровом отношении А. Адаров тяготеет к «размышляющим» жанрам: думам, балладам, поэмам. Это вызвано потребностью самой жизни, ответственностью поэта перед временем и самим собой. Присутствие личностного начала в стихах усиливает публицистический и философский пафос его поэзии. Таковы, к примеру, поэмы «Гоби Алтай», «Бронзовое зеркало», «Тоньюкук» и др.

В основе последней названной поэмы лежат древнетюркские события VI-VIII веков. Главный герой произведения — легендарная личность по имени Тоньюкук. Автор показывает его переживания и мысли. Мысли героя об единении тюркского народа. Медитативность усиливает драматизм поэмы. Образ Тоньюкука раскрывается через его же монолог, в котором выражены идеи единства, сплоченности тюркского каганата (государства).

Влияние устной поэзии народа ощущается в композиции, сюжетосложении (поэма, как и эпическое сказание, имеет зачин, развертывание действия и концовку), в особенностях языка (образность и метафоричность строк и т. д.), а также в ритмике. Все это в совокупности помогает А. Адарову создать лирико-драматическую поэму.

В поэме «Двери» автор ставит нравственные проблемы. Лирический герой размышляет не столько о себе, сколько о времени, о людях и, наконец, о человеке вообще. Каков он, человек? Сохранит ли человеческие качества? Лирический герой поэмы признается: «В маленькую избушку, в которой когда-то началась колыбель моя, захожу я все тот же малый, но с поседевшей головой». В поэме два сюжетных плана: один из них отражает этапы жизни человека, другой — показывает людей, встретившихся лирическому герою на жизненном пути.

Двери домов бывают «низкие и высокие, добрые и скупые». Однако самой главной является дверь отчужденного дома. Она открывает человеку дорогу в большой мир и принимает после дальних и долгих путешествий:

Эл-телекейди эбирип те жүрзем, Я полмира проехал, полсвета прошел,
Эне журтыма ойто ло келерим. Но в родное село не вернуться не смог:
Энемктеп ашкан јабыс бозогом Позабыть ли мне где-то?-младенец совсем
Энчейгенче карузып кирерим. Сколько раз через этот я ползал порог!

(перевод А. Смольникова)

Будучи партийным поэтом, А. Адаров долгое время вынужден был «приспосабливаться» требованиям времени, прославляя Октябрьскую революцию, коммунистическую партию, вождя революции В. И. Ленина. Язык его произведений тех лет заметно оскудел, поэт мало внимания обращал на создание поэтических образов. Некоторые стихи его стали рассудочными. Эти недостатки преодолены А. Адаровым лишь в годы перестройки. Трудно было отречься от заказных тем и идей, но, освободившись от них, он, наконец, ощутил внутреннюю свободу творчества, быстро окунулся в ранее запретные темы и образы. Так сумел А. Адаров обрести самого себя как творческая личность и вернуться к вечной Музе, свободной от всех преград и запретов.

К своему 65-летнему юбилею А. Адаров издал венки сонетов под названием «Лебеди любви» («Сүүштүв куулары», 1997) и перевод одной из них на русском языке «Вижу нежный образ твой» (1997). Всего А.Адаровым создано восемь сонетов, последний венок опубликован в сборнике «Сокровенное слово» (2005). Обращение автора к самому трудному жанру - свидетельство неустанного поиска нового, постижения мастерства поэзии. Пробуя сочинять во всех жанрах литературы, А. Адаров легко освоил необычный для алтайской лирики жанр - венок сонетов. Первый из них посвящен светлой, чистой, юношеской любви. Автор воспевает возлюбленную как символ вечности («Сүүш кубулар, је үргүлји» - «Любовь изменчива, но вечна»). Прошло тридцать лет, но первая любовь вспоминается лирическому герою как далекая, неосуществимая мечта. Тем не менее, автором воссоздано двенадцать эпизодов-картин счастливых дней на фоне двенадцати месяцев года. Воспроизведем, к примеру, лишь весеннюю картину, переданную поэтом через образы журавлей:

Эки турна бийелейт ол саста,	Два журавля пляшут на том болоте,
Бирүзи уча берер куркулдап,	Один из них улетит курлыча,
Экинчизи артар калактап.	Второй останется изнывая.
Экү бис ологго түней ол јаста.	Мы похожи на них в эту весну.

(смысловой перевод — Н. К.)

Однако осталось лишь легкое сожаление о невозможности вернуть те счастливые мгновения любви. Потому лирический герой обвиняет самого себя:

Мен та ненин учун ырагам,	Зачем я тогда отдалился?
Не көрөдин, көөркийим, карыгып?	Зачем ты печально смотришь вслед?
Өкпөөрөдим оны сананып,	Вдохновляюсь обо всем вспоминая,
Сүүнчилү эрикчелге курчаткам.	Печальной радостью окутавшись.

Венок сонетов написан по всем канонам классического жанра: 15 сонетов, каждый из которых начинается с последней строки предыдущего сонета. Завершающая строфа состоит из первых строк 14-ти сонетов. Для алтайского стиха непривычен, но эксперимент удачен. Первый из шести венков создавался с трудом, о чем свидетельствует его датировка (с 1985-1997 гг.). В дальнейшем А. Адаров легко справляется с новым в алтайской поэзии жанром. Таковы венки сонетов: «Бронзовые кони Ленинграда» («Ленинградтын күлер аттары»), «Мгновения весны» («Јастын элестери»), «Вижу нежный образ твой» - венок

сонетов, посвященный памяти жены, «Царица-красавица» («Каан кызы јаражай») и «Тени Кюль-тегина» («Күл-Тегиннин көлөткөзи»).

Первый из названных венков написан на берегах Невы под впечатлением увиденного в Ленинграде. Город царей, колыбель революции наводит поэта на размышления о его прошлом и настоящем. Бронзовые кони на берегах Невы ассоциируются с алтайскими аргамаками из героического эпоса. Отсюда и думы поэта о взаимоотношениях России с Алтаем («От полного исчезновения Россия нас оберегла» - «Чек јоголып каларынав Россия бисти корыган»), об Эрмитаже, в залах которого хранятся исторические экспонаты из древних курганов Алтая. В то же время поэт разговаривает с поэтом, оживляя в памяти, в мыслях героев «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Так в душе поэта рождается вечная, задушевная лирика.

Особый интерес представляют две последние венки сонетов. Тематика их традиционна, так как А. Адаров с самого начала своего творческого пути увлекался историей народа. Здесь ему удалось по-новому осмыслить древние корни, с гордостью воспеть образ красавицы-мумии из царского захоронения в местечке Укок, оживить в памяти тени древнетюркских каганов. Прошло две тысячи лет, однако молчаливые курганы, каменные изваяния снова и снова возвращают нас к думам о своих древних корнях. Оспаривая противоречивые мысли ученых, поэт утверждает, что находки археологов — это, прежде всего, наследие алтайского народа.

Сенив каныв— бистив каныста
Сенив тыныв— бистив тыныста,
Эленчик јаварыс эмдиге күөлейт.

Мөвкү сөөгивди алып та барза,
Сүр-сүлтерив Алтайда артар.
Ак сүмердив алдында турар.

«Кровь твоя (течет) в наших жилах, /Дума твоя (обитает) в наших мыслях. /Вечная песня (твоя) звучит до сих пор. /Пусть увозят тебя в саркофаге, /Но душа твоя осталась на Алтае, /Под вечными вершинами» (подстрочный перевод - Н. К.)

В подтверждение всему этому А. Адаров приводит образы красавиц-богатыршей из алтайского героического эпоса, воспетые до настоящего времени талантливыми сказителями Алтая. Несмотря на то, что тело красавицы из Укока увезли для научного изучения - душа ее, по словам поэта, обитает на земле Алтая. Поэт с гордостью заявляет:

Алтайдыв кызы! Адывды билбезим.
Мөвкүвди билимчи алып та барза,
Сени алтай эмес те деп таныза,
Сүневди ого бис бербезис.
Ару сүнев Алтайында артсын,
Аргачы оны садып болбос.
Јүрегис тирү — каныв сообос.

Перевод смысловой: «Дочь Алтая! Имя твое неизвестно. /Саркофаг твой увезен учеными. /Скажут: родом ты не алтайка, /Но все равно, душу твою сохраним. /Пусть она обитает на Алтае. /Не сумеет продать ее предприниматель, /Пока мы живы — а ты с нами навеки».

Умение автора перевоплощаться в создаваемые образы ярко проявилось в венке сонетов под названием «Тени Кюль-тегина». Поэт А. Адаров незаметно уводит читателя в неведомые края и времена и оттуда оживляет образы легендарных героев, исторических личностей. К таковым относится, к примеру, каган Кюль-тегин, царствовавший в VIII веке. В ту эпоху чувствовалась мощь тюркского государства. Не случайно, автор поэтически воссоздает древнетюркскую эпоху и гордится деяниями своих предков. В целом в венках сонетов А. Адарову удалось выразить мысли и чувства современника.

Возвращаясь к любимому жанру — думам в форме венка сонетов А. Адаров как бы подводит итог своего творчества. Прежде всего, он отвечает на вопрос, почему им выбраны венки сонетов. Ответ незамысловат:

Öйлөр колбузын тудуп аларга,
Салым-жүрүмниң аайына чыгарга,
Сүүштиң күүнин жайымга учурып.

Смысловый перевод данных строк: «Для того, чтобы /Ощутить взаимосвязь времен, /Понять смысл вечной жизни, /Познать свободу любви». Другими словами, А. Адаров в последнее десятилетие почувствовал свободу творчества и прилив созидательной энергии. Неограниченность во времени и пространстве позволила «оживить» в памяти образы ушедших в иной мир героев и восхищаться их делами и замыслами. Миссия поэта — воспеть то, что вдохновляло его душу. А это не только личные радости и беды, но и переживания и мысли автора о судьбе целого народа Алтая. Отсюда и сопричастность его к вечности жизни и музыки:

Öрө өвдөй! Жыгылба, кайран калыгым.
Очокто одың жажына жалбыра,
Күл-тегин журтының күли чачылба,
Ончогорло тудуш жайалтам, каным!
Мениң де сөзим жүректерге томылды.
Енимди салкын күүзинев таныйдым..

Перевод: «Воспрянь! Не падай духом народ! /Пусть вечно горит огонь в твоём очаге. /Пусть род Кюль-тегина продолжится, /Талант мой со всеми родственен. /Пусть слова мои отзовутся в сердцах людей, /Голос мой в музыке ветра узнаваем везде». Писатель А.Адаров с самого начала гордился своей родословной и воспел его в венке сонетов под названием «Думы» («Санаалар») в переводе И.Фонякова. Он писал:

Наш древний, знаменитый род телес
Физически не вымер, не исчез,
Но, растворенный в мировом потоке,
Забывший, кто я, - жив я или нет?
Пора, пора уже давать ответ,
Уже суровы подходят сроки (перевод И.Фонякова).

В то же время он скромно пишет «Я не мечтаю о венках, о славе, но чист мой стих – о том сказать я вправе. Ты сердце им болящее омой» (с.34). Так, создано А. Адаровым немало стихов, венков сонетов и поэм. Все это свидетельство большого дарования и мастерства зрелого поэта.

Заметное место в его творчестве занимают эпические произведения. Характерно то, что, будучи еще студентом, он посещал семинар прозы, под руководством Н.И.Замошкина. Однако дипломную работу защищал по стихам. Прозаические произведения появились лишь в 60-е годы. В студенческие годы А.Адаров увлекался чтением русской и зарубежной литературы. А самым любимым писателем стал французский писатель Оноре Бальзак («Дорога в большой мир», с. 80). Рассказы А.Адарова отличались правдивым изображением деревенской жизни, психологическим показом характеров героев. Так, изданы два сборника рассказов, две книги повестей и два романа, один из которых состоит из двух книг.

В рассказах писатель ставит задачу показать изменение времени, тем самым подметить незаметные штрихи человеческого характера, психологически осмыслить поступки героев. В них настоящее выявляется через прошлое, действие разворачивается вокруг одного героя или эпизода, персонажи традиционно подразделены на положительных и отрицательных, их характеры раскрываются в процессе рассказа о важнейших событиях их жизни. В этом смысле А. Адаров продолжал традиции своих предшественников, в творчестве которых обозначена борьба против старого в быту и сознании людей.

В рассказах «Тень», «Возвращение», «Мать», «Анчи», к примеру, А. Адаров показывает два типа людей. Одному из них безразлична человеческая боль, они не знают что такое сердечность, доброта и взаимопомощь. Эти люди озабочены лишь личным благополучием, мещанскими интересами (например, сатирический рассказ «Тень»). Герои другого типа отличаются верностью своему делу, твердостью духа, активным отношением к жизни, человеческим судьбам. К ним относится фронтовик Санаа Калапов из рассказа «Возвращение» или Анчи Мергенов из рассказа «Анчи» и другие.

Прототипом главного героя рассказа «Никто не отнимет» выступает отец Аржана. По свидетельству Иришевой Байды, в семье у них от менингита умер 15-летний сын по имени Конур. Эта семейная трагедия послужила поводом для создания вышеупомянутого рассказа. В годы коллективизации общественные дела ставились выше личного. Вот и герой рассказа по имени Анчи, оказавшись в такой ситуации, вынужден был в одиночку действовать вопреки запретам председателя колхоза, за это и был отстранен с работы, исключен из партии. На самом деле ничего противопартийного он не «натворил», всего лишь попросил бричку, для того, чтобы отвести сына районную больницу.

Героиней второго рассказа «Бог в белом халате» («Ак халатту кудай») выступает чабанка. Не зная труд чабана, А.Адаров не написал бы так достоверно и убедительно образ простой труженицы, вся жизнь которой связана с овечками и ягнятами.

Рассказы А. Адарова не лишены недостатков. Вместо углубленного показа внутреннего мира человека и исторических обстоятельств писатель порой излишне много внимания уделяет внешним деталям («Тень», «Анчи»).

Удачно начатая психологизация нередко не выдерживает до конца повествования («Возвращение»). В некоторых рассказах чувствуется незавершенность авторского замысла («Мать»).

Если в коротких рассказах основное внимание писатель сосредоточивает на психологизации характера героев, на раскрытии конфликта, то в повестях он пытается показать взаимоотношения людей, развитие действия и героев. Так, сцена колхозного собрания, споры тружеников села описаны подробно и живо, в повести «Собственное наказание» своеобразно раскрывается характер героя, бывшего фронтовика, ныне «уважаемого в селе человека» Мойно Бельчекова. До тех пор, пока не вернулся в родное село свидетель фронтовых событий, никто из односельчан не осмеливается сказать ему правду в глаза. Деревня же полна слухов о том, что Мойно Бельчеков не только жестокий человек (ведь он избил до полусмерти Менди), но и дезертир. Со дня возвращения бывшего друга-фронтовика, хотя последний ни в чем не упрекает его, Мойно Бельчекову живется беспокойно. Но как переубедить односельчан, как исправить свои недостойные поступки? Его душу грызет страх изобличения, поэтому самоубийство Мойно никого не удивило. Повесть «Собственное наказание» кончается непривычно и тем интересна.

В повести «Амаду» («Цель») отражена меняющаяся жизнь алтайской деревни 50-60-х годов: механизация и электрификация сельскохозяйственного труда. В этом деле активно участвует молодежь. Героями повести выступают обыкновенные люди, которые не словом, а делом, своим личным трудом, своей заинтересованностью ко всему новому достигают поставленной цели. Однако характеры положительных героев выявлены недостаточно полно. Исключение составляет образ молодого специалиста, парторга совхоза Карчага Кергилова. Он во многом сомневается, не всем доверяет, часто сам ошибается, но на ошибках он учится, зреет. Свои сомнения он проверяет на деле. Намного слабее показаны образы Эркелей, Долдоша, Эмиля. Их речь не индивидуализирована. В произведении много места уделено детальному описанию труда персонажей, что нередко мешает изображению их характеров. В свое время повесть получила положительную оценку, но в настоящее время она заметно устарела, не выдержав испытания времени.

Повесть «Дорога в большой мир» («Jaан телекейге јол», 1979) - воспоминание о друге А. Адарова - известном алтайском поэте Лазаре Васильевиче Кокышеве. Произведение создавалось в 1976-1978 годы и называлось первоначально так: «Те годы не забудутся» («Ол јылдар ундылбас») с подзаголовком «Воспоминания» («Эске алыныштар»), что свидетельствует о точности выбранного жанра.

Свободное обращение с биографическим (без упоминания точных дат и числа) и фактографическим материалом помогает выстроить стройный сюжет. Наряду с описанием конкретных событий в повести встречаются авторские ли-

рические размышления о времени и поколении алтайских писателей тех лет. Прошлое в ней органично сочетается с настоящим.

Повествование ведется от лица автора-рассказчика. Из достоверных фактов складывается определенный тип личности. Замысел А. Адарова - показать «облик поэта в жизни». В начале повести Лазарь Кокышев - одаренный юноша, отличающийся глубоким умом и открытым сердцем. За всеми подробностями чувствовалась необыкновенная натура. К концу повествования вырисовывается целостный облик Л. Кокышева - писателя, глубоко ранимого, тонко воспринимающего действительность, полного энергии и творческого вдохновения. Автор пытался сохранить его образ таким, каким он был в жизни - общительным, жизнерадостным, целеустремленным. Несмотря на имеющиеся недостатки (в частности, отсутствие художественного обобщения, углубленности во внутренний мир героя и т. д.) это произведение заслуживает особого внимания читателей, так как в нем достоверно показан образ любимого народом писателя Л.В. Кокышева.

В перестроечные годы А.Адаров не только пересматривает свой творческий путь, но и по-новому оценивает историю своей страны. Так он пришел к одной из запретных тем - теме переосмысления судеб ранее репрессированных. Это не исповедь человека Времени, а «взгляд изнутри, из потока истории», как выразилась Г.Нефагина [17]. История предстает как цепь случайностей. События же изображены через судьбу одного человека. Мысль о том, что он собирается приступить к жанру романа отмечена в его автобиографии, написанном от руки в 1970 году. Он писал: «Упорно работаю, стараюсь совершенствовать свое творческое мастерство... Планирую написать крупный роман. Получится ли? Этого не знаю». Однако по некоторым обстоятельствам этот замысел не был осуществлен. И только по прошествии почти 20 лет он приступает к написанию исторического романа под названием «Синяя птица смерти» («Олүмнин чанкыр кужы», 1993). Указаны годы его творения - 1988-1990-е годы.

Основой произведения послужили, во-первых, архивные и исторические материалы, появившиеся в годы перестройки; во-вторых, ощущение собственной свободы творчества и, в-третьих, опыт перевода на алтайский язык романов и повестей инациональных писателей. Прототипом главного героя романа «Синяя птица смерти» явился ранее неизвестный, репрессированный человек по имени Леонид Миронович Эдоков. Об этом мы узнали из уст самого автора и первого рецензента романа А.Я.Ередеева. Оказалось, что А.Адаров вначале сам сомневался в том, что прототипом главного героя был старший сын известного алтайского писателя М.В. Мундус-Эдокова (1879-1942). При жизни мы показывали ему фотографию молодого Леонида. Естественно, он не узнал и отрицал своего прототипа. Побывав в ссылке, он вернулся на малую родину и поселился на стоянке, чтобы спокойно доживать свои годы.

По прочтении романа, писатель А.Ередеев подтвердил, что прототипом главного героя романа «Синяя птица смерти» действительно является Леонид Миронович Эдоков. Он писал в своей рецензии: «70-чи жылдарда Ийинде Естүги-Карасуу деп јерде койчынын олөн-баргаа базып салган кыштузында ак

башту арык өрөкөн сок јаныскан јадатан эди. Мен ого барып, узак куучындажып отурагам. Ол көпти көргөн кижии. Ады-јолы - Леонид Миронович Эдоков. Аржан Адаров шак бу кижинин сүр-кеберин, кылык-јанын сүреен элбеде јурап көргүскен. Одузынчы јылдарда јалтанбас, санаалу көп алтай уулдар актуга буруладып, јев јастангандар. Онын учун автор олордын амадузын, көрүм-шүүлтезин, ак-чек ижин бириктирип, Эрел Миронович Јприн деп адаганы јолду» [18, с.4].

В романе показана правдивая картина века, страдания целого народа. Действия развертываются на протяжении двух лет, однако, отображенные в них события охватывают не только человеческий возраст, но и века и времена. Особенно убедительно и ярко показаны годы репрессии. Представители “органов” арестовывали людей без обоснованных причин. Причем, брали по несколько десятков человек из каждой деревни, района. Им приписывали обвинения не столько политические, сколько бытовые: сплетни, доносы. Кто-то не так высказался о начальнике, а кто-то сводил личные счеты и т. д.

Обвиняли как «врага народа», «японского шпиона», «националиста». Самое страшное то, что арестованных избивали, изуродовали до тех пор, пока они не подпишут ложно сфабрикованный документ.

Люди не сопротивлялись при аресте: считали случайной ошибкой; надеялись, что скоро их оправдают и выпустят из тюрьмы. Однако “система” делала свое, исполнители были безразличны к судьбе арестованных. Им необходимо было выполнить план «засады» или «расстрела». Так пропадали самые доверчивые, честные, совестливые лидеры народа. К их числу относится и бывший работник обкома, арестованный в 1936 году Эрел Миронович Јприн, главный герой романа. Нельзя сказать, что он - случайный человек: полиглот (знает четыре языка: родной, русский, английский, французский), музыкант, художник, в настоящее время работал печником.

Действия происходят на стоянке Чанкырлу, где поселился в последние годы Эрел Јприн. Это уже середина 80-х годов XX века. Герой романа постарел настолько, что осознанно готовится к своей смерти. Однако его беспокоят воспоминания прошлого. В памяти Эрела Јприна все перепуталось: и прошлое, и настоящее. Особенно не дают покоя годы массовой репрессии. 15 лет он просидел в тюрьмах Красноярска, Колымы, Магадана. Все видел своими глазами.

Композиционно автор не ограничивается во времени и пространстве: от показа прошлых событий легко переходит к сегодняшнему, реальное переплетается с ирреальным, как сон и явь. Герой разговаривает с самим собой, иногда души умерших людей участвуют в диалоге как реальные собеседники.

Произведение написано в жанре исторического романа, доказательством чему служат исторические события и факты жизни, использование документальных материалов, а также упоминание конкретных лиц. Помимо Эрела Јприна действуют и видные общественные деятели, известные писатели Горного Алтая. Удачно передано переплетение судеб героев, встречи и расставания друзей, потери и обретения «врагов народа» в годы сталинской репрессии.

На старости лет Эрел Яприн оказался в одиночестве. Его возлюбленную, москвичку Люду, арестовали только за то, что отец ее репрессирован. С тех пор он не женился. Да и не было времени. Когда вернулся из заключения, судьба свела Эрела Мироновича с красавицей Наташей, жизнь которой сложилась нелегко. Сначала она была замужем за бывшего фронтовика Туйтышева, который был на 15 лет старше ее. Будучи женой председателя колхоза, она влюбляется в деревенского парня Айасту. Но тот, не дождавшись ее развода с Туйтышевым, ушел в армию и по возвращении домой женился на случайно встречной девушке легкого поведения по имени Мария. Вскоре был разведен и вынужден был жениться на спокойной, трудолюбивой Кымыс, от которой родились пятеро детей. На их стоянке и доживал свои последние дни Эрел Миронович Яприн. Трагически сложилась судьба его жены Наташи, которая упала со скалы при сборе мумия. Душа ее в образе синей птицы все время звала Эрела Яприна к себе, в небеса. Потому он готов был отправиться в иной мир в надежде снова встретиться с доброй, преданной красавицей Наташей.

Кроме вышеупомянутых персонажей в романе ярко нарисованы образы Якова Санабасова, Аркадия Иркитова, братьев Сяруловых из Каярлыка, бабушки Куйкачи и многих других. К примеру, Яков Санабасов из числа партийных лидеров, так и не успел жениться на своей суженой Диндилей Матыковой. Семья ее родителей относилась к числу обеспеченных и в годы массовой репрессии их арестовали как «кулаков».

Характеры героев изображены полно, выпукло. Судьба каждого из них — законченная картина. В целом в романе показано испытание человека на прочность. Жизнь человека измеряется продолжительностью века. Точнее, в романе изображена судьба не одного человека, а целого народа.

Примерно через семь лет после выхода первого романа, А.Адаров приступает к написанию очередного романа под названием «Сердце, опаленное огнем» (2001). Время творческой работы с 1997-2000 годы заняло полных три года и через год он издан. Однако автор так увлекся судьбой главного героя, что через пять лет опубликовал его продолжение уже под другим названием — «Боже-ственный Алтай. Вечная любовь» (2005). В целом эти две книги считаются одним романом, на создание которого ушло около 10-ти лет.

Чем же привлекателен последний роман в двух книгах? Какие проблемы ставятся в нем? Во-первых, стоит обратить внимание на название, необычный сюжет и композицию произведения. По словам самого писателя, «здесь переплетаются и современность, и прошлое, и даже древние события» [19, с.3]. Перешагнув в XXI век, писатель сумел художественными средствами показать события исторической значимости. Для него нет никакой преграды во временном и пространственном отношении: он легко «уходит» в прошлое, даже в древность и также легко «возвращается» в нашу современность. Так написаны, например, романы Ч.Айтматова, зарубежных писателей, в частности, Г.Маркеса, которых любил читать А.Адаров.

При этом автором использованы необычные методы исследования человеческих судеб. Современный герой мысленно возвращается к прошлому, ока-

зывается в необычных ситуациях и нетипических обстоятельствах. Переплетение судеб героев, сочетание сна и реальных событий, прошлое и настоящее алтайского народа и т.д. В этих двух книгах заключены также предсмертные мысли писателя о семье, родословной, размышления уходящего человека со своим временем, разговор с собственной совестью.

А что же пережил А.Адаров в свои 50 лет творческой жизни? История попросту «обманула» его, союз нерушимый развалился, исчезла вера в компартию, пересматривается история целого столетия и т.д. За годы перестройки он потерял все: веру, надежду, любовь. Казалось бы, все утрачено. Но главный герой романа, он же двойник автора, сумел выстоять, выдержать и, наконец, заново возродиться, благодаря вечной любви к жизни, стойкости человеческого духа.

В предисловии к первой книге писатель уточнял свой замысел. Он пишет: в этом романе – «голос его поколения, любовь и судьба». В то же время А.Адаров подчеркивал, что «это не личная моя биография», однако многие примеры связаны с его жизнью. А значит, в лице Мирзабека Ойгорчиновича Атаганова нередко выступает и сам автор. Точнее, за словами героя четко слышен голос самого писателя А.О.Адарова. Оказавшись в одиночестве, автор заново осмысливает пройденный путь, раскрывает свою душу, размышляет о судьбе своего народа. Роман написан, словами Г. Гачева, «с точки зрения смерти» [20].

Герой первой книги романа - «Сердце, опаленное огнем» (2001) - Мирзабек Атаганов, находясь у постели умирающей жены, размышляет, прежде всего, о своей судьбе. А жизнь главного героя сложилась не так-то легко: он вернулся с пятилетней ссылки. Его обвинили за неприятие советской власти по 58 статье УК. Даже жена, Наира, учительница музыки, освобождена от работы за то, что муж сидел в тюрьме.

Роман начинается с предсмертного состояния любимой жены Наиры. Сидя рядом с ней, Мирзабек Атаганов пересматривает свой жизненный путь. В семье у них было двое детей - дочь и сын. Суркура погибла в раннем возрасте, когда он еще находился в ссылке. Единственный сын Айас рос в ласке матери.

Семейная драма в изображении А.Адарова перерастает в драматическую судьбу алтайского народа. В романе изображено столько смертей, начиная со смерти невинного ребенка и, кончая, смертью стариков, что становится жутко и горестно. Однако это не печальная история судьбы народа, не плачь по уходящему времени, а мажорное повествование, в котором жизнь побеждает смерть. В этом и проявляется истинно адаровский почерк. В романе высказана мысль о том, что можно разрушить семью, можно запросто умертвить невинного человека, но невозможно уничтожить народ, у которого есть свои корни, древняя история и богатая культура.

Если в первой книге превалирует «плачь» по советской стране, то во второй четко выстраивается авторское видение мира, и жизни в том числе. Герои не всегда соглашались с нововведениями страны, не все принимают близко к сердцу, но вынуждены приспособливаться вызову времени. Мирзабек вспоми-

нает родословную Наиры, которая считалась «дочерью моря». Род Атагановых, наоборот, считался одним из древних алтайских родов. Большой дом, семья, родословная М. Атаганова рушится на глазах. Писатель А. Адаров художественными средствами пытается спасти судьбу главного героя. В конце романа Мирзабек приводит в дом свою возлюбленную по имени Маргарита, которая ожидает рождение ребенка. Так можно верить в то, что родословная Атаганова спасена.

Находясь в полном одиночестве, Мирзабек не только пересматривает свою судьбу, но и размышляет о судьбе родного народа, открыто рассуждает о судьбе молодой республики.

Название второй книги – «Божественный Алтай, вечная любовь» - четко передает авторскую мысль. Во-первых, Алтай – земля сокровенная, священная, благословенная, словами автора, «божественная». А если так, то почему народ его бесправен, несчастлив? Задаваясь противоречивыми вопросами, Мирзабек Атаганов, он же и автор, пытается найти им ответ. Может быть, народ потерял веру в собственное возрождение? В чем причина? Ведь земля уходит из-под ног: все продается, покупается, охота на зверей и птиц становится обычным делом для бизнесменов, коммерсантов. Ведь ныне над всеми правит власть и деньги. В поиске точных ответов герой нередко уходит в прошлое народа, пытается найти в нем хоть какое-то оправдание. В целом, автор в лице своего героя размышляет о жизни, любви, счастье, смерти простого человека, в том числе о судьбе родного народа.

Расширив и углубив тематику и проблематику своих произведений, А. Адаров раскрылся не только как прозаик, но и как талантливый романист. Пятидесятилетний опыт творчества способствовал обретению определенного стиля и манеры повествования, выработать романное мышление.

Наряду с другими алтайскими писателями А. Адаров активно принимал участие в обновлении репертуара Горно-Алтайского национального драматического театра, открытого в 1978 году. Им написаны пьесы «Странный человек» («Сав башка кижы», 1983), «Женитьба Абайыма» («Абайымныҫ кижы алганы», 1986), «Мечь» («Ченелтелү чак») и трагедия «Письмо, посланное из каганата» («Каганаттаҫ ийген Самара», 2000).

В основе комедии «Странный человек» лежит трудовой конфликт. Молодежь готова обновить существующие порядки, идти на поиски новаторских методов ведения хозяйства. Однако на их пути стоят разные преграды: консерватизм мышления руководителей хозяйства, нежелание расстаться с привычным укладом жизни и т. д. Самой молодежи недостает самостоятельности, организованности и целеустремленности.

Если в повестях и рассказах А. Адарова герои резко противопоставлены друг другу, то в комедиях наблюдается тенденция к показу характеров в развитии. Вокруг Укаа Мырзаевича, с кличкой Колба, прозванного в честь его неудачных экспериментов по поводу выращивания новой породы ягнят, собирается молодежь с необычной судьбой: это — девятнадцатилетняя комсомолка Светлана, побывавшая в поисках счастья в Средней Азии и возвратившаяся от-

туда с ребенком; это и беспечный Семтек-Коля, который не желает трудиться, все время носит с магнитофоном в руках; это и неприметная Алтынай, не принявшая жизненных принципов своего отца и т. д.

По разному складываются их судьбы: отчаянная Светлана, оказавшись в одном ряду с передовыми чабанами, готова все начать заново, Семтек-Коля, наконец-то, понимает старания Колбы, Алтынай — вопреки желаниям отца, самостоятельно выбирает собственный путь и место в жизни.

Достоинство комедии в том, что в ней показано формирование характера человека в коллективном труде. Проблема выбора своего пути поставлена в пьесе достаточно убедительно. Однако речь героев не до конца индивидуализирована.

В основе трагедии «Письмо, посланное из каганата» («Каганаттан ийген Самара», 2000) — древнетюркские надписи и исторические события VIII века. Героями выступают легендарные личности по имени Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук и другие, известные в истории правители тюркского каганата. Конфликт происходит между народами табгачи (китайцы) и тюрки, с одной стороны, и с другой — междоусобица внутри каганата. После смерти отца сыновья борются за престол. Самый младший из них под влиянием завистливых людей первым пытается занять место отца. Однако средний брат Кюль-тегин решительно отвергает его выбор и за непослушание вынужден был умертвить брата. На совете каганата решается судьба целого народа.

По мудрому совету Тоньюкука, на престоле оказывается старший из сыновей Капагана - Бильге-каган, прозванный Могильян-каганом. События в пьесе разворачиваются так быстро, что конфликт разрешается благополучно. Характеры героев изображены в развитии. Особенно выпукло нарисован образ советника Тоньюкука, который правильно определяет политическую ситуацию, имеет решающий голос в выборе кагана. Судьба его драматична, но он не выказывает ее другим. Переживания мудрого советника сосредоточены в самом себе. Общественные проблемы он ставит выше личных. Из женских образов ярко нарисован образ шестидесятипятилетней Абаэне, из рода Ашина, а также образы жены Кюль-тегина Тансу и светлоглазой девушки Софу из Византии. Они верны семейному очагу, морально поддерживают близких и родных. В целом историческая трагедия А. Адарова не только творческое достижение автора, но и долгожданное достояние алтайской национальной драматургии. В жанровом отношении писатель сумел освоить комедию, водевиль, драму и трагедию.

Таким образом, благодаря постоянным поискам в лирике, эпосе, драме, а также в переводческой деятельности творчество А. Адарова обновлялось новыми жанрами. Он внес весомый вклад в историю многонациональной литературы и культуры России. Его произведения переведены на многие языки народов Сибири и СНГ. Все это свидетельство того, что имя А. Адарова, классика алтайской литературы, широко известно за пределами Алтая. Наряду с писательской деятельностью он неустанно работал на самых ответственных должностях: был главным редактором, затем директором Горно-Алтайского книжного издательства, директором радиотелекомпании «Горный Алтай», председа-

телем правления Союза писателей Республики Алтай. За время работы на различных должностях А.О.Адаров был награжден многочисленными орденами и медалями. Чтобы богатое наследие его стало достоянием народа нужен республиканский литературный музей, а на доме, в котором жил и работал писатель, следует установить мемориальную доску. Трем классикам алтайской литературы пора установить памятник в центре столицы республики.

Литература.

1. Киндикова Н.М. О переводе произведений Ч.Т.Айтматова на алтайский язык// Киндикова Н.М. Алтайская литература в новом прочтении. – Горно-Алтайск,1998. – С.163-183; Мискина М.С. Кӧчӱрмелердин анылузы // Сӧстив јурукчызы. – Горно-Алтайск,2002.- С.138-141; Алитова А.С.Ада-Тӧрӧл учун Улу јууда турушкан поэттердин салымы ла олордын јлгерлери керегинде// Как наше слово отзовется. – Горно-Алтайск, 1998.- С.98-105
2. Торбоков Т.С. «Бичинедим, чочыйдым – ӧй ас арткан» // Адаров А.О.Таш кезер.- Горно-Алтайск: ГУКлит-изд. дом «Алтын Туу», 2009. – С.3-8
3. Тарбанакова С.Н. Драматургия// История алтайской литературы.- Горно-Алтайск,2004. С.468-484; Кошев К.Д. Ачылга (Открытие)// Алтайдын Чолмоны,1997, јаан изу ай 16-чы кун
4. Информант Иришева-Адарова Байда Ойинчиновна (1924-2004). Архив Н.Киндиковой
5. Информант Чурпанова-Сандыкова Светлана Анатольевна (1952 г.р.) Архив Н.Киндиковой
6. Укачин Б.У. Карлу мӧнкӱлер јуугында чыдаган поэт (А.Адаровтын 60 јылдыгына учурлай). //Алтайдын Чолмоны, 1992, јаан изу ай.
7. Коптелов А.Л. На просеке дружбы// Адаров А.О.Подснежник. – Барнаул, 1958.- С.3-7
8. Коптелов А.Л. На просеке дружбы// Адаров А.О. Подснежник. –Барнаул,1958
9. Чунижеков Ч.А. О стихах молодых поэтов // Алтайдын Чолмоны,1950, за 30 июля
10. Коптелов А.Л На просеке дружбы// Адаров А.О. Подснежник. – Барнаул,1958.- С.6
11. Адаров А.О. Вступительное слово к повести «Дорога в большой мир».- Горно-Алтайск, 1979.-С.4
12. Адаров А. О. Јаан телекейге јол.- Горно-Алтайск, 1979.- С. 11
13. Тушнова В. Отзыв на дипломную работу А.Адарова
14. Адаров А.О. Торол јеримнин салымы. – Горно-Алтайск, 1969.- С.3
15. Фoniaков И.О.Несколько слов о поэзии Горного Алтая, о переводах ее на русский язык и об искусстве перевода вообще//Сб.стихов. «Высокая радуга». – Горно-Алтайск, 1971.- С.208-211
16. Суразаков С.С.Поэт керегинде кыска сос. //Адаров А.О. Алтын јерим – Алтайым.- Горно-Алтайск, 1964.- С.5-6
17. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. – Минск,1998
18. Ередеев А.Я. О романе «Синяя птица смерти»// газ. «Алтайдын Чолмоны», 1993,23 сент., с.4
19. Адаров А.О. Вступительное слово к роману «Сердце, опаленное огнем».- Горно-Алтайск:респ.кн.изд.-во «Юч-Сюмер»,2001.- С.3
20. Гачев Г. О том, как жить и умирать//Айтматов Ч.Т. Когда падают горы (Вечная невеста): Роман. СПб.: Изд.дом «Азбука-классика», 2007.- С.5-16

Судьба человека в меняющемся мире (Новейшая литература Горного Алтая)

Перечитывая и переосмысливая литературу целого столетия, редко кто из литературоведов обращает внимание на развитие современной литературы народов России. Исключение составляют учебные пособия специалистов по русской литературе [1]. Тем не менее, в последнее десятилетие появился ряд научных статей, свидетельствующих о состоянии современного литературного процесса, о попытке обобщения тематики и проблематики произведений национальных писателей. К таковым, например, относятся статьи В.Л. Шибанова, В.Г. Пантелеевой, Т.И. Зайцевой о современной удмуртской литературе, А.Ф. Галимуллиной о татарской литературе, монографии А.Н. Мыреевой-Баишевой о якутской, Н.М. Киндиковой об алтайской литературах и т.д. [2].

В них рассмотрены конкретно одно запоминающееся произведение, творчество молодых авторов или дан обзор литературы целого региона. К сожалению, из-за отсутствия художественных переводов, многие литературоведы вынуждены писать свои статьи, прежде всего, на родном языке и они оказываются недоступными другим исследователям. С одной стороны, это один из положительных показателей развития художественной литературы и науки о литературе в национальных регионах. С другой стороны, как пишет А. Галимуллина относительно произведений молодых авторов, «создавая свои произведения на русском языке, одаренные поэты и прозаики вписываются не только в литературный процесс нашей республики, но и во всероссийский контекст. Этим определяется основная сложность в оценке их творчества, да и их самоопределения» [3, с.86]. По мнению В.Бигуаа, «желание национального писателя рассказать всему миру о судьбе и культуре своего маленького народа вполне понятно; он часто выбирает самый распространенный в государстве язык (в данном случае – русский), на котором получил и образование. При этом большое значение имеет биография самих писателей, которые часто росли в русскоязычной среде, получили среднее и высшее образование на русском языке, постоянно находились в контакте с русской классической литературой и культурой» [4, с.278].

Отрадно и то, что исследователи литературы рассматривают новинки литературы под углом определенной научной проблемы, потому мы можем судить об основных тенденциях развития современного литературного процесса в целом. В данной статье внимание обращается на тематику и проблематику новейшей алтайской и русскоязычной литературы Горного Алтая. Новое поколение остро ставит вопросы эпохального значения: что происходит с человеком в сегодняшнем не всегда справедливом мире? Сохранится ли Алтай в первоначальном виде?

Относительно термина «современная литература» мы придерживаемся мнения ученых-преподавателей МГУ им. М.Ю. Ломоносова, в частности, А. Крупчанова, А. Леденева и др., которые утверждают, что к современной литературе относятся произведения, созданные в последние два десятилетия, а время, соответствующее десятилетию, можно назвать «новейшей литературой».

Что касается литературоведа В.В.Кожина, то в свое время он обратил внимание на стихи Алексея Куладжи, алтайца по национальности, архитектора и художника по призванию. К сожалению, А.Куладжи прожил всего 46 лет. Скитавшись по России не по воле собственной судьбы (отец и дед его были репрессированы – Н.К.), в 90-е годы он вернулся на малую родину - Алтай. Посмертно издан сборник его стихов под названием «Строки» (1999). В предисловии к нему В.Кожин писал: «В духовном мире Алексея Куладжи судьба его народа и его страны сливались нераздельно и органически, а поскольку его мышление было поэтическим, он – как и каждый поэт – стремился свою малую алтайскую отчизну видеть центром, средоточием всей Евразии<...>. Я написал об Алексее Куладжи, ибо полагаю, что этот человек достоин жить в памяти России; быть может, мои слова в какой-то мере закрепят его имя в сознании соотечественников» [5, с.4-5].

В последнее десятилетие в литературу Горного Алтая пришли довольно зрелые, с большим жизненным опытом поэты (А.Самунов, К.Кергилов, В.Кертешев, А.Тадинов) и прозаики (С.Адлыков, В.Бахмутов, Р.Тодошев и др.), кому небезразличны судьба человека и малой родины. Они сочиняют не ради красивого слова, а для того, чтобы быть услышанными своими скромными читателями. Вышеупомянутые писатели, по существу, поднимают в своих произведениях такие наболевшие вопросы, о которых невозможно молчать.

Традиционно начинающие поэты воспевали природу Алтая. У Виктора Кертешева, к примеру, это не любование красотой земли, а осознание им древности и вечности Алтая. Потому ряд произведений посвящен наскальным рисункам, каменным изваяниям, которые разрушаются на глазах незадачливых туристов. Таковы, стихотворения «Калбак Таш» (это название местности – Н.К.), «Моя молитва» и др. В первом названном лирический герой обеспокоен памятниками старины, оставленными нам предками. В лирическом герое противодействуют два чувства: гордость и разочарование. Второе оттого, что новое поколение недооценивает древнее искусство предков. Причем, одни зарабатывают на этом деньги, другие пытаются спасти древние письмена. Потому автор заканчивает свое стихотворение публицистическими строками: «Дух Калбак Таша, ты в беде! /Твои полотна могут согнуться под скалой./И не успеть узреть, понять, и так везде, /Где «заколачивают бабки» и «хрустят деньгой». Это, по сути, своего рода крик души современника.

Поэт видит мир, как бы со стороны, глазами постороннего человека. Поэтому ему больно за «грехи» своего поколения, которое «не знает толком родного языка» и не соблюдает обычаи и традиции предков (стихотворения «Как больно резануло слух», «Да, мы – уроды, юродивое племя», «Два гостя» и др.). Лирический герой обращается «молитвой к святым небесам,/ К душам живым, и усопшим мощам: «Помоги в беде! Не оставьте в нужде/ Алтай мой жемчужный и Катунь в бирюзе!» (стихотворение «Моя молитва»). Мне нравится неравнодушное отношение молодого человека, гражданина своей республики к несовершенству нашего житья-бытия.

В стихотворении «Нищий» контрастно нарисовано две картины. На рынке снуют торговцы и покупатели: одни сытые, другие голодные, одни богатые и вторые нищие, свои и чужие, хозяева и посторонние в одном ряду. А лирический герой обеспокоен судьбой нищего: «А у ворот подслеповатый нищий /Щербато радуется утреннему солнцу, /Что прожит на морозе день вчерашний, /И, может, этот не приведет к концу». В целом в произведениях Виктора Кертешева вырисовывается мир потерянного поколения, которое ищет себя, как человека, личности; а также своего «я - народа», который старается идти в ногу со временем (стихотворение «Река»).

В этом неустанном поиске поэт разговаривает с самим собой (стихотворения «Шизофрения», «К сердцу»), с духом Алтая («Моя молитва»), обращается к современникам, друзьям и близким: рано ушедшим из жизни («Одним мужчиной на свете меньше стало») и к тем, кто шагает рядом с ним («Друг мой, бедный иль богатый», «Друг», «Муза» и др.). Лирический герой испытывает одновременно чувства любви, дружбы и счастья в своей нелегкой судьбе.

Первое, что удивило в стихах Виктора Кертешева - начитанность, эрудиция молодого автора. Не случайно, он, отлично владея родным – алтайским языком, начал творить по-русски. Во-вторых, его своеобразное мышление и образное видение, а также необычное стихосложение. Можно встретить двусложный, трех- или четырехсложный, а нередко и вольный стих. В-третьих, у В.Кертешева свой слог, свой ритм, свой стиль, давно отработанный, но не подражательный. В-четвертых, четко определена тематика стихотворений. Остается лишь пожелать издания сборника стихов.

Анчи Самунов – автор трех поэтических сборников, поэт-профессионал, окончил Литературный институт им. А. Горького. Оказавшись в родной языковой среде, он оттачивает свой стих, соизмеряя начальную и конечную рифмовку. Об этом свидетельствует его очередной сборник стихов, названный автором как «Наследство мудрого ойрота» (2006).

Что характерно А. Самунову как поэту? Прежде всего, ему свойственно осознание исторического пути алтайского народа, глубокое знание им его обычаев и традиций («Еч-Курбустан», «Сила древних камней», «Я – ойрот»). В его стихах четко прослеживается преемственность поколений («Мой дед», «Я – сын твой», «Моему народу»). В нем самом легко уживаются история и современность.

Алексей Тадинов – автор трех поэтических сборников: «Монолог горного ветра» (2001), «Песнь синего волка» (2009) и «Танго падающей воды» (2010). Его имя часто упоминается в прессе, о нем заговорила современная молодежь. Достаточно назвать полюбившиеся многим стихотворения «Песнь Синего Волка», «Пьяная женщина», «Притча про картошку, про Антошку и еще кое о чем немножко» в авторском исполнении и музыкальном оформлении. Поэтически сильно, если можно выразиться, «надрывно» написано второе вышеназванное стихотворение. Поэт негодует тому, что женщину - «незнакомку», «мадонну», «невесту», а в совокупности просто человека довели до такого отчаянного состояния. А реальность жизни, судьба этой пьяной женщины такова:

Муж в тайге из-под снега встанет...
Дочь счастливую долю найдет...
Сын, оставшийся в Афганистане,
Не во сне, наяву придет...

В заключение поэт открыто обращается к власти держащим, точнее, просто мужчинам: «Эй, начальнички!/ Политиканы! /Джентльмены и мужики!/ Нашей сильности грош в стакане,/ Коль так женщину довели!».

В шуточной форме написаны стихотворения: «Дело было вечером», «Во что верим?» и другие. Вся наша сегодняшняя жизнь запечатлена в детских рассуждениях о «занятости своих родителей, о приобретенных ими «профессиях». А в целом – это печальная история нашего общества, картина ныне существующей действительности. Однако есть в человеке вера в светлое начало, которое спасает его от всех бед и несчастий (стихотворения «Верю женщине моей», «Как ни было горестно» и др.). Лирический герой А.Тадинова «умоляет» современников проснуться ото сна (стихотворения «Пожар успокоет, быть может, дожди», «Люди, спасите меня!» и др.) Глубоко личными, а потому лирическими являются стихотворения «У могилы матери», «Отчий дом», «Художник» и др.

Поэт А.Тадинов часто возвращается к отчужденному дому для того, чтобы успокоить память о родных, близких. По его утверждению, «Человек без Родины – несчастен,/ Дом без человека – мертвый дом». Потому «зарядившись на целый год, как аккумулятор», он возвращается к своему очагу. Таков суровый, в то же время нежный и тонкий поэтический мир Алексея Тадинова.

В алтайской поэзии раньше не было проблемы по отношению к языку творения. Все начинающие поэты писали на родном - алтайском языке. Нынче время выдает нам свои сюрпризы. Причем одни возвращаются к своим истокам (А. Самунов); другие, оказавшись во вне языковой среды, сочиняют на приобретенном ему языке – русском (А. Тадинов); третьи же, отлично владея родным, алтайским языком, свободно творят на русском, точнее, пишут стихи на чужом ему языке (В. Кертешев). Не стоит придирается к тому, какими средствами выражаются знакомые и незнакомые нам поэты. Важно то, что они сочиняют, причем довольно содержательные произведения.

Проза Владимира Бахмутова интересна постановкой проблемных вопросов, ответы на которые заключены в самой жизни. Таковы, к примеру, рассказы «Я в твои годы», «Суицид» и др., вошедшие в сборник рассказов под названием «Приметы времени» (2010). Их объединяют, прежде всего, герои подросткового возраста. Точнее, это пятнадцатилетние юноши, которые ищут свое место в этой непростой жизни, жизни стремительной, загадочной, со всеми радостями и печалью.

В первом названном, казалось бы, сюжетно ничего и не происходит. Обычные родители в течение всего лишь одной ночи ждут своего единственного дитя. Как не беспокоиться, если он в первый раз самостоятельно вышел на «улицу»? До этого он был под присмотром порядочных родителей, почти не

выходил из городского дома. Зовут его Диманчик, ему 15 лет. В сущности, он ничего необычного-то не натворил, всего лишь запаздывал с возвращением домой.

За это время его отец по имени Егор, ожидая сына, вспоминает свое детство, отрочество, юность. Если сопоставить детство Егора и Диманчика, то первый в детстве слушал «папины сказки», помогал бабушке носить дрова, погонять корову, даже пол подметал и т.д. У него были и братья, и сестры. Егор в детстве зарабатывал даже сам себе деньги (на велосипед) и т.д.

Диманчик же рос в городских условиях, ему почти некуда идти, да и чем занимался, неизвестно, одним словом, рос в достатке. Словами автора, ребенок был «сытый и ухоженный». Что ему еще надо? Наконец, он впервые вышел в открытый, незнакомый ему мир и не возвращается... Тем временем родители всю ночь переживают о пропавшем сыне. Они куда только не звонили: в милицию, больницу, травмопункт, вытрезвитель. Лишь бы их дитя вернулся живым. По воспоминаниям отца Егора, их сын занимался музыкой, классической борьбой, учился хорошо, в городских олимпиадах отличался по математике и химии. А под утро Диманчик возвращается домой пьяным. Причем ребенок оказался без шапки и куртки, с затекшим глазом. Излишняя описательность сюжета нередко мешает психологическому показу характеров героев. Иногда неудачная фраза мешает раскрытию характера героини, в данном случае выкрики матери. Она, естественно, обвиняет других, ограждая своего ребенка. Отец, сопоставляя свое детство с детством Диманчика, пытается найти собственные упущения в воспитании сына. Рассказ заканчивается суетой родителей отвести сына в больницу. Казалось бы, все завершилось благополучно. Ведь это только начало. Впереди его ждут новые испытания. Стоило ли так беспокоиться родителям? Обычно родители стараются лучше, примернее воспитать своего ребенка, не случайно в рассказе больше сказано о Егоре, нежели о Диманчике. В действительности же, так и бывает, дети вечно забывают о своих родителях. Им не нужна их постоянная опека. Они хотят быть самостоятельными.

В рассказе «Суицид» В.Бахмутова нарисована совершенно контрастная картина. Композиционно рассказ начинается с конца действия. Вместе с автором попытаемся вчитаться в текст: «В середине большого автомобильного моста, свесив ноги в пустоту и вглядываясь в бурный поток с пронесившимися льдинами, сидел мальчишка лет пятнадцати. Река завораживала его, покоряла своей силой и мощью.

Водители проезжающих по мосту машин за ограждением видеть мальчишку не могли, и никто не мешал ему вспоминать трудную и совсем еще короткую жизнь. Яркие вспышки фар выхватывали из темноты мостовые ограждения, контуры берегов, но все это было где-то там, в другом мире. А здесь на пешеходной дорожке – он и бурлящий поток внизу».

Все уже было ясно, чем закончится рассказ. Однако автор пытается показать причину такого трагического поступка героя. Пятнадцатилетний Максим, главный герой рассказа, растет сиротой при живых родителях. Отца мальчик вовсе не помнит, а мать «прихватив с собой шестилетнюю дочь, ушла из дома год назад». Максим жил в деревне со своим вторым братом Петькой, поскольку

старшего брата Николая осудили на десять лет за то, что тот кого-то «пырнул ножом в пьяной драке». Тяжелая драма современной семьи. Двумя мазками художника автор рассказа четко передает всю сложившуюся обстановку, безвыходную ситуацию, трагедию подростка.

В школу братья не ходили, так как «не было у них ни одежды приличной, ни учебников». Так Максим не закончил и третьего класса школьной учебы. Между тем живет человек сам по себе и размышляет о своей трудной, беспросветной жизни: «Почему у него все не так как у всех мальчишек в их деревне? ...Максиму хотелось быть таким как все: учиться, служить в армии, работать, иметь большой дом и семью, но он понимал, что все это ему недоступно – слишком отстал он своих сверстников. Его и в армию не возьмут с двумя-то классами образования».

Есть у него собака по кличке Дружок, с кем и возился он «как с человеком». По сравнению с первым рассказом, Максим был более самостоятельным подростком. Он ждал своего брата из тюрьмы, писал ему письма, не терял надежды на возвращение матери. Зимовал Максим в собственном приземистом домике один, весной вылавливал плывущие по реке бревна, распиливал их на чурки. Кормился картошкой из собственного огорода. Казалось бы, юноша не пропадет в этом большом мире. Однако судьба приготовила ему более жестокое наказание – его участок продается вместе с избушкой, поскольку нет у Максима никаких документов на них, даже паспорта на гражданство. Вот как передает автор эту ситуацию. К нему подошли два мужчины и попросили освободить «эту сараюшку», говоря, что им необходимо строиться. И что возмутительно, продал этот участок сам Глава администрации. «Деревня их стояла в живописном месте, да и домик Максима стоял на берегу реки, вдали от тракта».

«Что же делать теперь? – проговорил он (Максим – Н.К) вслух, и, обхватив голову руками сел к столу. Мысли путались. Кому он нужен на этом свете. Петька его бросил, отца в глаза не видел, мать, скорее всего, запилась и, может быть, погибла, что-то уж больно загадочно говорил про нее Глава администрации. Ее-то с маленьким ребенком он бы не насмелился выгонять из дома». Автор ищет какие-то зацепки, чтобы удержать своего героя от трагической гибели.

Однако ему никто не поможет. В огромном мире он оказался одиноким, никому не нужным, авторскими словами «лишним», никчемным человеком. Не случайно, на утро после этой встречи, накормив своего Дружка, он освободил сарайчик и «ушел в никуда».

И лишь когда оказался на мосту, присел на край, свесив ноги в пустоту. Мысли героя продолжены автором: «На проходящие машины Максим внимания не обращал, там ездят сытые и довольные люди, что им какой-то мальчишка с его горестями».

В. Бахмутов сумел найти точные, емкие слова и выражения о безысходности пятнадцатилетнего юноши. И лишь картины дополняют мысли Максима: «...оттолкнуться руками и полететь в бурный поток, выбраться из которого уже не удастся, пришла само собой». В размышлениях Максима четко прослеживалась перспектива. Он хотел жить, но не суждено его мечтам осуществиться.

Максима подтолкнули к трагической гибели окружающие: посторонние, сытые, продажные люди, в том числе глава администрации. Вот что губительно и возмутительно. В других обстоятельствах он бы выжил.

Нельзя не процитировать концовку рассказа. Поскольку в ней заключена вся драма современной жизни, трагедия маленького человека. Никто уже и не поможет этому юноше. «Страшно не было, нет. Было загадочно и суматошно...». Пропал человек без имени и отчества.

Данное произведение стало поводом для разговора о современной жизни. Продается земля, на которой строится дом, разрушается семья, исчезает бесследно человек. Раньше государство как-то помогало, защищало человека. Современный чиновник предпочитает отправить его в юридическую контору. Мол, выживай, как хочешь. Вызов времени. В этой безысходности человек обычно оказывается беззащитным. Раньше литература помогала ему выживать морально, духовно, призывала человека к добру и любви, справедливости. Сегодня рушатся семейные устои, традиции, родственные отношения между людьми, человек остается сам по себе в этом большом, не всегда справедливом мире. Таковы герои рассказов Владимира Бахмутова.

Рустам Тодошев дебютировал сборником рассказов «Пока луна не состарилась» (2008). Сразу оговоримся, книга написана на русском языке. Автор, отлично владея несколькими языками, творит на русском языке. Первый рассказ – «Сосновые шишки» - написан на основе детских впечатлений, поэтому он навеян светом, добротой и непосредственностью. Произведение начинается от имени мальчика, который через щель, точнее, «дыру» в стене попадает в другой мир, более загадочный, необычный. В рассказе прослеживается два мира – мир реальный, событийный и мир будущего, неведомого. Не случайно, рассказчик, оказавшись на перевале, через свои воспоминания уходит в свое прошлое – детство и будущее. Поскольку судьба человека заранее predetermined, он шаг за шагом приближается к своей светлой мечте. А поводом к ней послужили сосновые шишки.

Другой рассказ «Пока луна не состарилась» написан на основе исторического, этнографического материала. В действительности, в годы советской власти были случаи массового сжигания камов-шаманов. Души некоторых улетучились в небеса, необычный дар других передался по наследству. Этот этнографический материал послужил сюжетом к рассказу. Насколько правдоподобно «перетекание сущности» одного человека в другого судить трудно. Однако камы-шаманы существуют по сегодняшний день. И если такое возможно, то перенимают дар шаманства особо одаренные люди, а не случайные «шарики», такие как главный герой этого рассказа по имени Сем. Неслучайно, в конце рассказа он выкрикивает фразу: «Я - Эрлик», что означает подземное существо, а не Великий Кам.

Композиционно рассказ начинается с испытания студентов, которые пытаются удачно сдать семестровые экзамены. У одного из них проявился дар ясновидения. Он хочет передать его своему другу за то время, пока не состарилась луна. У алтайцев есть поверье о том, что все начинания совершается в но-

волунье. Вот и герой рассказа Р.Тодошева хочет успеть осуществить «передачу» своего дара именно в новолунье.

Рассказ «В страшном логоу» заставляет задуматься о странностях нашего житья-бытия. Юношеские шалости на скале, на берегу речки приводит к мысли о том, что нельзя нарушать покой величавых скал и речек. По мировосприятию алтайцев существует хозяин гор, рек, озер. Однако, автор рассказа, оказавшись на стыке двух культур, неубедительно передал житейские были-небылицы. Голые мальчишки ассоциируются с голыми русалочками. В рассказе ни слова не упоминается о хозяине земли. В результате «страшный лог» не наводит страх, а всего лишь заставляет задуматься о различиях двух культур: славянской и тюркской. Вышеупомянутый сборник рассказов написан для молодежи и о молодежи. Необычное сочетание русской и алтайской лексики, точнее, жаргонной лексики, мешает восприятию художественного текста, тем не менее, именно таким языком разговаривает современная молодежь. В целом в рассказах Р. Тодошева запечатлен портрет молодого поколения XXI века.

Вышеупомянутые авторы в своих произведениях пересматривают традиционные взаимоотношения природы и человека, личности и общества, власти и народа. Происходит новое осмысление национальных традиций.

В прозе Сергея Адлыкова затронута проблема войны и мира в современном мире. В литературоведении эта тема обозначилась «армейской литературой». Как пишет литературовед Т.Зайцева относительно прозы Г. Грязева, «главное, что определяет этого, несомненно, одаренного автора – достоверность факта» [6, с.107]. С.Адлыков тоже служил в Афганистане.

В его рассказах «Реквием по невинным», «Белая кобра» прослеживается судьба призывников, по воле службы оказавшихся на чужбине – в Афганистане. Прежде всего, поражает необычный стиль автора, нетрадиционная подача материала, сочетание жуткого натурализма и художественного изображения действительности. Неслучайно, подзаголовок рассказа «Реквием по невинным» назван автором «документальным». Здесь запечатлены реальные события, увиденные глазами самого художника. Приведем лишь тезисно отдельные отрывки из рассказа: «Голову Канату (имя главного героя рассказа – Н.К.) «духи отрезали прямо на мосту. По всей видимости, они подошли со стороны заброшенных огромных глиняных печей для обжига кирпича, перешли через неглубокий ров, по дну которого медленно текла замусоренная, вонючая вода арыка, и затаились в камышах, наблюдая за постом» и т.д.

«...Теперь стриженная голова Каната была водружена на железной, покрытый ржавчиной столб, поддерживающий колючую проволоку, Полуприкрытые узкие глаза смотрели на мир отстраненно и безучастно». Жуткая, в то же время суровая картина армейского мира. А далее разворачиваются пояснения автора: «Убитый на посту Канат Кайсенов был вторым погибшим в нашем батальоне за последние сутки». Первого звали Игорем. Тело их лежало рядом. Автор задается вопросом: о чем они могли переговариваться? «Один, окончивший два курса Саратовского университета, эрудит и остроумник, а второй, с трудом досидевший в интернате до восьмого класса, и всю жизнь проведенный с

отцом в горах, молчун и еле-еле говоривший по-русски – говорили друг другу их измученные, истерзанные души? Разделенные тысячами километров, они встретились здесь, в чужой стране и теперь лежат рядом. Они будут всегда вместе. Скоро в Саратове обезумевшая мать Игоря будет бросаться на его могилу, а в Киргизской степи седой старик сам будет читать Коран над телом сына». Эти строки не требуют комментария.

После публикации данный рассказ сразу же был переведен на алтайский язык известным прозаиком Дибашем Каинчиным, в свою очередь, написавшим на армейскую тему рассказ «Чеченец». Поэтому книга «Белая кобра» (2005) Сергея Адлыкова имела на Алтае широкий читательский резонанс.

Таким образом, в современной алтайской и русскоязычной литературе Горного Алтая четко прослеживаются основные тенденции развития лирики и прозы, для которых характерны необычная тематика и проблематика, независимо на каком языке они сотворены. Новые авторы продолжают художественные традиции своих предшественников на качественно новом витке развития литературы.

Литература.

1. Нефагина Г.Л. Русская проза. второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. - Минск: Издательский центр «Экономпресс», 1998. - 231 с.; Гордович К.Д. История отечественной литературы XX века. – Санкт-Петербург: СпецЛит., 2000.- 320 с.; Минералов Ю.И. История русской литературы: 90-е годы. - М.: «Владос», 20002. – 224 с.

2. Шибанов В.Л. Современность и этнофутуризм // Движение эпохи, движение литературы. - Ижевск, 2002. - С.245-252; Пантелеева В.Г. Художественный билингвизм в удмуртской литературе//Там же.- С.253-261; Зайцева Т.И. Осмысление современной удмуртской литературы как системы// Г.Д.Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья. - Ижевск, 2005.- С.104-107; Галимуллина А.Ф. Творчество молодых: проблемы и перспективы.// Проблемы филологии народов Поволжья. Сборник статей. Выпуск 5 М-Ярославль: «Ремдер», 2011. - С.86-91; Мыреева-Баишева А.Н. Литература и время. - Якутск: «Бичик», 2010; Киндикова Н.М.Алтайская литература: проблемы и суждения. - Горно-Алтайск, 2008; Киндикова Н.М.Статьи об алтайской литературе. – Горно-Алтайск, 2010 и др.

3. Галимуллина А.Ф.Творчество молодых: проблемы и перспективы // Проблемы филологии народов Поволжья. Сборник статей. Выпуск 5. - М.-Ярославль: «Ремдер», 2011. – С.86-92

4. Бигуаа В.А. Билингвизм в национальной литературе.// Международные ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития.- М: ИМЛИ РАН.- С.271-283

5. Кожинов В.В. «Себя всю жизнь искавший...». //Предисловие к сборнику Куладжи А.К. Строки.- Горно-Алтайск, 1999. – С. 3-5

6. Зайцева Т.И. Осмысление современной удмуртской литературы как системы// Г.Д.Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья. Сборник статей. – Ижевск: Удм.госуниверситет, 2005. – С.104-108

Алтайский и хакасский рассказ: проблемы типологии и поэтики

Имеются ряд солидных исследований, посвященный изучению типологии и поэтики литератур, творчества национальных писателей или отдельных произведений в частности [1: Храпченко,1972, Неупокоева,1976, Надъярных,1986]. Тем не менее, в современном литературоведении научный интерес представляет проблема создания этнической картины мира применительно к той или иной национальной литературе. Исследователей интересует сравнение литератур разных континентов, стран, в том числе литератур регионов [2: Конрад, Гачев, Топоров и др]. И это распространилось на широкое этно-культурное пространство во временной протяженности. Однако, одно дело – рассматривать национальную литературу в целом, учитывая при этом традиции и обычаи этноса, другое - выявление в ней специфических образов, мотивов, тем. Как известно, этно-эстетические особенности той или иной литературы особенно ярко проявляется в сопоставлении с другими литературами.

В литературоведении существует две разновидности сравнительно-исторического изучения литературы: сравнительное и типологическое. «Сравнительное изучение литературы чаще всего понимается как исследование связей между различными литературами, как раскрытие влияний и взаимодействий» - пишет М.Б.Храпченко. Далее он поясняет их смысл: «Связи, влияния и взаимодействия при этом понимается достаточно широко. Сюда включаются сходные мотивы у писателей разных стран и разных эпох, сходные – в той или иной мере – сюжетные ситуации, близость художественных образов у различных писателей и одновременно более глубокие связи, которые существуют между отдельными литературами» [3, с.245]. А «литературная типология, по мнению М.Б. Храпченко, предполагает раскрытие общих или сходных тенденций как в литературах народов, близких по языку и историческим судьбам, так и в литературах народов, которым не присущи эти черты» [4, с.247].

Опираясь на вышесказанное, попытаемся выявить этно-эстетические особенности двух рассказов разных национальных писателей. Казалось бы, литературы сибирского региона развиваются на едином историко-культурном пространстве, в них обнаруживается очень много типологических сходений в тематике, проблематике, образности художественных произведений. Тем не менее, есть и отличия, на которые следует обратить внимание исследователей. «Более того, - как пишут авторы книги «Литература народов Сибири», - в практике исследования истории национальных литератур почти нет опыта сравнительного их изучения в пределах региональных, зональных и групповых общностей. Необходимость изучения истории, художественного опыта национальных литератур в контексте, рамках тех или иных регионов, зон и т.д., стала признаваться и практически осуществляться лишь в конце XX в.» [5, с.11].

На Алтае и в Хакасии творят две удивительные женщины: Д.Я.Маскина и В.Г.Шулбаева. Причем, первая кроме повестей и рассказов нередко сочиняет и стихи, вторая заметно преуспела в хакасской драматургии, одновременно пи-

шет чудесные рассказы и стихи. Всероссийский читатель знаком с их произведениями по переводам, поскольку они творят на алтайском и хакасском языках. На сегодняшний день имеются книги переводных произведений под названиями «В горной тишине» (2005) Дергелей Маскиной и «Жизнь – это любовь» (2006) Валентины Шулбаевой [6].

Что общего в биографии двух авторов? Во-первых, авторы почти ровесницы: Валентина Шулбаева родилась в 1939 году, а Дергелей Маскина - с 1948 года рождения. Их детство прошло в военные и послевоенные годы. Обе – родом из деревни, хорошо осведомлены в характере своих земляков: алтайцев и хакасов. И, наконец, обе закончили вуз: Д.Маскина училась в Литературном институте им. А.М.Горького в Москве, В.Шулбаева закончила факультет журналистики в Ленинградском университете и Высшие театральные курсы при ГИТИС-е. Обе являются членами Союза писателей России.

Нас заинтересовали тематика и проблематика двух небольших рассказов: «Последняя поездка» Д. Маскиной в переводе А. Васильевой и «Пущенная стрела» В. Шулбаевой в переводе хакасской поэтессы В. Татаровой. Оригинал алтайского рассказа опубликован почти двадцать лет назад в сборнике рассказов «Туулардын тымыгында» («В горной тишине», 1983) Д. Маскиной. Рассказ В. Шулбаевой впервые издан в ее сборнике рассказов под названием «Сарналбаан сарын» («Недопедатая песня», 1997) на хакасском языке, а перевод опубликован выше упомянутом сборнике драматических произведений автора в 2006 году [7].

Композиционно произведения двух разнонациональных писательниц построены из воспоминаний. Точнее, с сегодняшнего дня героини «уходят» в свое прошлое и восстанавливают в памяти события тех далеких времен, когда их осиротевшая семья бедствовала по вине почти одного человека – в алтайском рассказе это Кожут Тенгерек, в хакасском рассказе – Мукола Бастаев.

Сюжетно в обоих рассказах ничего необычного не происходит. В алтайском рассказе 70-летняя Энебей (настоящее ее имя - Айтпас, а данное подчеркивает почтительное отношение младших к старшему по возрасту человеку), перед смертью собирается в родное село - повидаться с Кожутом, поскольку тот считал ее утонувшей. Во втором рассказе юный специалист отправляется в родное село разобраться в жалобах односельчан. Удивительно, но факт. Обе писательницы, не зная друг друга, описали идентичные события, происходившие в Хакасии и на Алтае, создали типологические характеры героев.

Первоначально этот рассказ Д.Маскиной мною был раскритикован в местной прессе за создание автором противоречивого характера героя [8]. Не верилось, что добродушная во всем бабушка Энебей так злопамятна, мстительна и языкаста. При этом я задавалась лишь одним вопросом: какая необходимость была в том, чтобы встретиться ей со своим злодеем? И лишь позднее я поняла философский смысл данного рассказа [9]. На это подтолкнуло меня знакомство с упомянутым выше рассказом хакасской писательницы Валентины Шулбаевой.

Что связывает оба рассказа? Во-первых, время. Казалось бы, отголоски Великой Отечественной войны навсегда уходят из памяти послевоенного по-

колени в прошлое, однако, нет. Человеческое сознание навечно сохранило тяготы и лишения предвоенного и послевоенного времени, как черная полоса истории. Нелегко их выбросить, вычеркнуть из жизни, поскольку они отразились в судьбах народов разных национальностей.

Вот и в рассказах Валентины Шулбаевой и Дергелей Маскиной человеческая память сохранила небольшие эпизоды из детства целого поколения. Оба рассказа начинаются с описания сегодняшнего дня. Казалось бы, ничего необычного не предвещало. В семье у бабушки Энебей складывается все благополучно, продолжение рода прослеживается в ее сыне, любимом внуке. Казалось бы, что надо человеку для полного счастья? Все у нее в жизни сложилось. Однако на старости лет ее беспокоит одна мысль – поездка в родное село, встреча с земляками, в особенности с Кожутом.

Да и героиня рассказа В.Шулбаевой тоже в качестве молодого журналиста обязана по службе съездить в родное село для выяснения причины одной жалобы: земляк по имени Муколча Бастаев тайком ворует. Обычная деловая поездка в забытое село. Тем не менее, автор еще в начале рассказа как бы предвещает: «А ведь жизнь – она как капризное дитя. Глядишь, сегодня ты самый счастливый веселый человек, а завтра – бедный, обделенный счастьем – песней. И, видно, недаром в народе говорят: «завтрашнее только с рассветом узнаешь». По-алтайски эта последняя фраза звучит так: «Эртенгизин эртен кудай билер», а по-русски «Утро вечера мудренее».

Действительно, поездка в родное село перевернуло сознание героини. Это - предстоящая встреча с лицом к лицу со «злодеем» Бастаевым. Энебей из рассказа «Последняя поездка» на закате своей жизни собралась в родное село, точнее, свести счеты с бывшим председателем колхоза Кожутом Тенгерекковым за то, что тот умертвил ее мужа. Энебей даже вслух высказывает свои мысли: «Есть человек по имени Тенгереков Кожут, которому я должна отомстить за свои обиды. Высказать хотела ему за все... Но все равно я до него доберусь, не умру, пока не отомщу ему. Сколько унижал, господствовал, пес собачий! Плюну в твои, пес, бесстыжие глаза! Все равно не дам тебе спокойно умереть, отомщу. Ждала, когда ты, пес собачий, жизнь свою блаженную проживешь. Мечь у меня живет, мечь [с.35].

Далее в обоих произведениях разворачиваются незамысловатые события. Нельзя сказать, что сюжетно рассказы расходятся. Нет, наоборот, оба рассказа построены так, что в сюжет вклинивается «время», точнее, воспоминания героинь о прошлом. И что характерно, события, переданные в обоих рассказах, типологически схожи: председатель колхоза издевался над семьей, голодом хотел уморить вдову и дочь фронтовика в рассказе «Пущенная стрела» В. Шулбаевой, мать и сына в рассказе «Последняя поездка» Д. Маскиной. В обоих рассказах убедительно показаны сцены надругательства над беспомощными людьми.

Энебей сознательно готовится к встрече со своим «злодеем», в рассказе В.Шулбаевой встреча оказалась неожиданной. Причем вся эта психологическая «подготовка» к встрече происходит в сознании героини. Журналистка, при

упоминании имени Муколча Бастаева, ярко воссоздала сцены забытых в детстве драматических картин. Они были не из лучших. Воспоминания привели героиню к встрече со своим ненавистным «врагом».

Энебей уже прожила свои годы, пришла пора умирать. Однако на этой земле у нее есть свои «счеты». Поэтому она в сопровождении своего внука Эркеша добирается до намеченной цели. Ей не дает покоя задумка о мести.

Итак, как описывает В.Шулбаева встречу некогда униженной девочки, ныне молодого специалиста со своим «обидчиком»: «Заскрипела деревянная кровать. С нее поднялся старик в грязной мятой одежде». Далее дается портрет Муколча Бастаева: «Красные, воспаленные глаза, обожженное знойным солнцем лицо сморщено, словно осенний лист, торчат одни скулы. Изможденное, иссохшееся тело – на вид словно подросток» (с.203). А при упоминании имени матери юного журналиста, над которой он некогда издевательски надругался, «старик, словно на горячие угли ступил, дернулся, руки задрожали, губы дрогнули. Казалось, хотел он что-то сказать, но язык не повернулся». Со слов героини: «Нет, не ждал он меня, никак не ждал этой встречи. Не по себе стало ему. В мутных глазах его читались то ли просьба, то ли мольба, то ли покаяние» (с.203).

По описанию самой героини рассказа, от имени которой ведется повествование, «Передо мной сидел обессиленный, исхудавший, немощный больной старик. И был похож он на дерево, высохшее до самых корней, дотронешься – тут же рухнет». Мало того, что он надругался над женщиной, он еще унижал эту девочку, которая подбирала золотые колосья с убранного поля. По его же вине она растеряла «красные, спелые, словно бусы, ягоды».

После долгого молчания устами старика высказана фраза: «Пущенная стрела назад не возвращается». Смысл этих строк очень глубок, поскольку автор опирается на народное изречение: «Аткан ок кайра јанбас» (Пущенная пуля назад не возвращается). Есть и более точное поэтическое выражение у алтайцев («Айткан сос, аткан ок»), которое идентично переводится на русский язык пословицей: «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь». Вот и слова Муколча не поддаются исправлению. Всю жизнь он казнит себя за свои поступки. В этом вся суть, основной смысл рассказа Валентины Шулбаевой.

Жизнь М. Бастаева прожита. Но человеческая совесть не дает покоя Муколча Васильевичу. От того и он заболел «неизлечимой болезнью», как будто пущенная стрела пронзила его душу и грызет его совесть.

Совсем другую картину встречи описывает Дергелей Маскина в рассказе «Последняя поездка». Приближаясь к двери избушки Кожута Тенгереева, Энебей по дороге подобрала длинную палку, хотела услышать слова покаяния. Ее устами звучало: «Собака, погляжу я на тебя на старости лет, что ты мне скажешь». Вместо этого перед ним сидел одинокий, беспомощный слепой старик. Как описывает автор: «Рывком открыла она дверь приземистой избушки и вошла в дом. Возле закопченной печи дремал старый человек в грязной одежде. Услышав, что в дом кто-то вошел, он пошарил вокруг себя руками, но не смог найти спичек, которые лежали в стороне. Человек был слепой» (с.42). При ви-

де неожиданных гостей Кожут даже обрадовался, что кто-то сходит за водой, кто-то ему поставит чайник на огонь и т.д. За водой ходил внук Эркеш.

Ни слова не проронив, даже не соизволив назваться, кто пришел к нему, Энебей разожгла костер в печке Кожута, собственными руками молча подала старику чашку чая и ушла также незаметно, как пришла. Как описывает Д.Маскина, «мысли Энебей о мести смешались. Пришла она обругать, проклясть, оплевать его, а теперь, стараясь быть неузнанной, тихо опустилась на ящик возле дверей» (с.43).

Простила ли Энебей Кожуту Тенгерекову за его оскорбления? Да, конечно, о чем свидетельствуют «светлые мысли» в ее сознании по возвращении домой. После этой своей поездки она собралась спокойно умирать. Сама же совершила обряд приготовления на тот свет, и чтобы никому не мешать, легла она на свою постель и как будто, наконец, обрела покой от суеты жизни. Как заканчивает автор свой рассказ: «Едва забрезжил летний рассвет, Энебей умерла» (с.43). 70 лет - для алтайцев сакральное число. По тюркскому мировидению, после этого духи нижнего мира ожидают своей «жертвы». Неслучайно, живущие на земле люди не отмечают свой 70-летний юбилей, а сознательно ждут наступления 72 года, поскольку летоисчисление тюрков начинается с 12 лет. Допустимо проводить 75 или 80, но не 70-летие человека.

Остается задаться вопросом: «Простила ли журналистка своего «изверга»? Конечно, да. Поскольку она при виде беспомощного старика сжалилась так, что даже предложила свои услуги – отвести его в больницу на лечение. Жалость и милосердие взяли вверх над молодым человеком. А старик со своей ношей уйдет на тот свет, так как он ясно осознал, что «это кровоточащая рана на глубоко загнанной внутрь совести, съедающая, глодающая, уносящая на тот свет» (с.204).

В целом в обоих рассказах четко прослеживается философская мысль – не брать на тот свет земные грехи. Освобождается от своей мести бабушка Энебей, прощает свои обиды молодой журналист, так как их «злодеи» без того были наказаны собственной судьбой. Кожут ослеп, не видит вокруг белого света, в его избушке темно. По описанию прозаика: «По закопченным стенам, по той запущенности в доме было ясно, что человек этот одинок. Старик, свесив голову, снова уселся беспомощно. В комнате было холодно и сыро» (с.42). И далее показана печальная картина о состоянии беспомощного человека: «Старик на четвереньках прополз к расставленной на полу посуде, на ощупь нашел чайник и т.д.» (с.43).

А в доме Муколча Бастаева, наоборот, всего полно, но в нем, оказывается, нет жизни, словами автора, «гулко и пусто». Глазами журналиста: «Ничего тебя не греет, не радует, будто все это – и полированные шкафы, и богатые ковры, и дорогая одежда – умирает вместе с хозяином. И нет в доме ничего живого, что бы грело старика, пожалело, успокоило его колотящееся сердце» (с.204).

Характерно то, что герои двух рассказов – Энебей, Кожут, Муколча – люди почти одного возраста. Прожита их жизнь. Судьба наказывает каждого из них. Осознали ли они свою вину перед смертью? Энебей «очистилась» от высказанных вслух проклятий по отношению к своему злодею, а слепой Кожут не

смог узнать «немую» Энебей, поскольку та не проронила ни одного слова при встрече с ним. А значит, он остался до конца своей жизни в мучениях со своей совестью. Муколча же осознал свою вину при встрече с землячкой, высказав при этом народную поговорку о выпущенной стреле. Особняком остается молодая журналистка, которая по характеру уступчива, милосердна, добродушна, но с большим жизненным опытом. У нее все впереди. В этом и отличие, и своеобразие художественных образов.

Герои обоих рассказов перед смертью осознанно очищаются от земных страданий, осмысливают весь свой жизненный путь, а нередко и высказываются в своих обидах, прощают виноватых. В этом, наверное, и весь смысл человеческой жизни на земле. Остается поблагодарить авторов - Дергелей Яковлевну Маскину и Валентину Гавриловну Шулбаеву - за умный рассказ: за психологический показ характеров, за создание ярких и запоминающих образов, за тонкое раскрытие затаенной души человека.

Как-то задаваясь вопросом: «Зачем сравнивать?», И.О.Шайтанов отвечал: для того, чтобы «изучить сходство и связи между литературами, существующими на разных языках» [10, с.11]. Сравнивая два произведения разнонациональных писательниц, мы выявили особенности их типологии и поэтики, которые проявляются в сюжете, идее, жанре. Типологична не только тематика двух рассказов, но и способы создания героев, о чем свидетельствуют тексты и оригинала, и перевода.

Два слова о художественном переводе. Переводчица А. Васильева переложила алтайский текст с подстрочного перевода, слово в слово, лишь немного отступая от речи героев и от чисто алтайских выражений.

Перевод поэтессы В.Татаровой изобилует яркими эпитетами, сочными сравнениями («колоски с золотыми нежными усиками», «спелые, красные, ядреные ягоды, бусами покатались через дорогу и т.д.), текст перенасыщен пословицами и поговорками, соответствующими мировосприятию, мировоззрению не только хакасов, но и алтайцев. Например, Муколчу Бастаева народ характеризует пословицей: «В воду бросишь – в воде не утонет, в огонь кинешь – в огне не сгорит». Казалось бы, пословица использована переводчицей неудачно, постольку так обычно характеризуют обычно образы богатырей сказаний. Возможно, в данном случае применима идентичная русская поговорка «Как с гуся вода». Или когда все ругают Бастаева за несправедливость, то ему все это «как горох об стенку». Ругайтесь, мол, сколько влезет, от этого я по швам не расплзусь». Иногда целое выражение характеризует смысл всего произведения или характер того или иного героя. К примеру, автор сравнивает главного героя Муколчу Бастаева с «ненасытным волком», «паршивой собакой», он похож на чудовище, своим видом напоминает медведя и т.д. Портрет злодея Муколча нарисован запоминающим: «Его нижняя губа наехала на верхнюю, ноздри раздуваются, как рыбы жабры. Словно хищный зверь, он готов проглотить свою жертву живьем» (с.196). Характерно то, что у алтайского прозаика Д.Маскиной тоже часто встречается сравнение злодея с «псом собачьим».

В послевоенные голодные дни в поисках пропитания ребенок (а ныне журналистка – Н.К) идет собирать колоски пшеницы с убранных полей. И вот как по хакасскому обычаю высказывается сирота: «О, дедушка Кудай. Я сирота, отца убили на войне. А теперь еще и Муколча нас ненавидит. Ни хлеба не дает, ни крупы. Пожалей, дедушка Кудай. Дай хоть колосок» (с.197). Ее слова, как будто, услышаны Кудаем - Верхним божеством. Все это удачно переведено В.Татаровой с хакасского языка на русский язык. Однако перед этим девочка почему-то перекрестилась по русскому обычаю. В действительности, возможно и такое.

Второй раз девочка, набрав клубнику, направилась ее продать. Однако Муколча не разрешил ей садиться в кузов общественной машины. Как пишет автор: «Но зорький глаз этого коршуна» достал меня и здесь. Вытягивая голову из кабины, он в бешенстве заорал: «Эй, Опросиньин саразенок, слезай, тебе говорят, я спекулянтов не вожу!». В данном случае в речи героя искажено слово «суразенка». Что касается названия рассказа, то точнее было бы не стрела, а пуля. В данном случае переводчица сочла нужным назвать рассказ более поэтическим словом, как «пущенная стрела».

В передаче слов бабушки Энебей, возможно, переводчицей А. Васильевой нарочно упущены некоторые фразы, которые на алтайском языке звучат как проклятие перед смертью: «Je, салым јеткени бу туру. Бу јурумде оч алатан Тенгерекков Кожут деген сок јаныс кижы бар. Айдып алайын деп сананып тургем. Туней ле једерим мен ого, эки кӧзине сабарла сайып туруп, очимди алала, олорим. Базынган, бийлеген, ийт! Амыр олорго туней ле бербезим, сенде, танмада, акту бойымнын очим бар. Сени, ийтти, јурумди јуруп алзын деп сакыгам. Акту бойымнын ӧчим бар, ӧчим бар» (с.8-9).

В данном тексте очень важное для автора выражение - «двумя пальцами проткну его глаза» - опущено в переводе. Мысленная кара Энебей осуществилась в реальности. Глаза Кожута при встрече оказались ослепленными.

Таким образом, оба перевода удачные. При этом необходимо приветствовать перевод прозаического произведения поэтами, как в нашем случае, поэтессами А.Васильевой и В.Татаровой. Оба текста читаются с большим удовольствием.

Литература.

1. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. – М.: Наука, 1976 – 359с.; Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. - М: Советский писатель, 1972 - 408с.; Он же. Художественное творчество, действительность, человек. – М.,1982 - 399с.; Надъярных Н.С. Типологические особенности реализма. – М: Наука, 1972

2. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972; Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца, горца. – М. Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.; Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – 624 с.

3. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. -М.: Советский писатель, 1972.- 405с.

4. Храпченко М.Б.Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы.- М.: Советский писатель, 1972. - с.247

5. Балданов С.Ж., Бадмаев Б.Б., Буянтуева Г.Ц.-Д. Литература народов Сибири. Этнотрадиция. Фольклорно-этнографический контекст. – Улан-Удэ:изд-во БГУ,2008 – 303с.
6. Маскина Д.Я. В горной тишине. - Горно-Алтайск: ГУ кн. изд. «Юч-Сюмер-Белуха», 2005, С.32-44; Шулбаева В.Г. Жизнь – это любовь (Чуртас – ол хыныс). - Абакан: Хакасское кн.изд., 2006, С.195-204
7. Маскина Д.Я. Туулардын тымыгында. (В горной тишине). Рассказы.- Горно-Алтайск: Горно-Алтайское 1983. - С.5-21; Шулбаева В.Г.Сарналбаан сарын (Недопетая песня) – Абакан, 1997. - с.255-264
8. Киндикова Н.М. Айыл-јурт, биле, уй кижиге (Дом, семья, женщина)// газ. «Алтайдын Чолмоны»- Горно-Алтайск, 1998, за 22 сентября
9. Киндикова Н.М. Эпшилердин прозаы (Женская проза) // Алтай литературанын түүкизи (История алтайской литературы). - Горно-Алтайск, Часть 2, 2008.- С.39-44.
10. Шайтанов И.О. Зачем сравнивать? Компаративистика и/или поэтика. // ж. «Вопросы литературы». - М. , 2009, за сент-окт., - С.5-31.

Размышления о периодизации литератур Сибири (на примере трудов Н.Н.Тобурокова)

Николай Николаевич Тобуроков принадлежит к той когорте ученых, чей неповторимый голос слышен далеко за пределами своей республики. Таковыми были алтайские ученые С. Суразаков, С. Каташ, В. Чичинов, бурятские - А. Соктоев, В. Найдаков, тувинские – А. Калзан, Д. Куулар, хакасские П. Трояков, К. Антошин и многие другие. Имя Николая Николаевича Тобурокова известно в сибирском регионе, прежде всего, как ведущего теоретика – стиховеда [1]. Им создана школа стиховедов: С. Майнагашев из Хакасии, У. Донгак из Тувы и другие [2]. Исключение составляет книга «Об алтайском стихосложении» (1974) стиховеда С.М. Каташева, написанная на родном языке. Тем не менее, в своей монографии «Проблемы сравнительного стиховедения» (1991) Н. Тобуроков рассматривает особенности и алтайского стиха.

В 90-е годы он выступает в качестве историка литературы. Это не означает, что он до этого не занимался исследованием якутской литературы в историческом аспекте. Были книги, литературные портреты, в которых он глубоко и всесторонне рассматривал творчество известных и неизвестных ранее якутских писателей. При этом их произведения анализировались в контексте литературного развития той или иной творческой личности. Таковы, к примеру, его литературно-критические статьи о творчестве ведущих якутских писателей (Эрилик Эристин, А.Е.Кулаковский, Савва Тарасов и др.), в том числе писателей других национальностей [3]. Все это было подступом к исследованию истории якутской литературы второй половины XIX – начала XX –го столетий.

В данной статье речь пойдет об «Истории якутской литературы», изданной в 1993 году коллективом ученых при участии писателя Н.А. Габышева [4]. Период, обозначенный в заглавии данной «Истории», охватывает половину целого столетия. Это в основном неизученный ранее материал, состоящий из документальных и личных архивов. В ее форзаце кратко написано: «Это книга является первой попыткой рассмотрения истории возникновения, развития и становления якутской литературы. Литературный процесс в ней наблюдается в контексте произведений, посвященных теме о земле Саха. Раскрываются об-

щие закономерности формирования жанров поэзии, прозы и драматургии. Дана характеристика жизни и деятельности авторов, чье творчество сыграло значительную роль в истории литературы» [4, с.4].

Во введении «Истории...» имеется научно обоснованная историография вопроса, точнее, сведения о создании предыдущих историй якутской литературы. Таковы литературоведческие труды А.А. Иванова-Кюндэ (1931), Н.М. Заболотского (1937), Г.У. Эргис, Г.М. Васильева, Н.П. Канаева (1955), «Очерки истории якутской советской литературы» (1975) .

Коллективом авторов отмечено: «Оценка многих произведений писателей порою и целых этапов развития литературы Якутии долгое время оставалась упрощенной и искаженной» [4, с.5]. А значит, авторы поставили перед собой задачу - пересмотреть историю якутской литературы в историческом плане, точнее, в новом осмыслении. Так исследована якутская литература второй половины XIX столетия - начала XX века.

Чем привлекателен этот труд? Во-первых, четко обозначен период исследования литературы. Во-вторых, впервые представлены в истории якутской литературы предпосылки зарождения литературы на фоне фольклорных произведений; в-третьих, выявлены этно-эстетические особенности первых литературных памятников. Литература начала XX века рассмотрена в жанрово-родовой последовательности: лирика, драма, эпос.

Создан ли подобный труд в других республиках не только сибирского региона? Таковыми можно считать монографии «Алтайская литература» (Горно-Алтайск, 1962) алтайского исследователя С.С. Суразакова, «Калмыцкая дореволюционная литература» (Элиста, 1975) А.Н. Бадмаева, «Становление, развитие и распад бурятской литературы (1917-1995)» (Улан-Удэ, 1996) В.Ц. Найдакова и другие, написанные на родном или русском языках. Якутская литература изучена исследователями в связи с формированием якутского народа как этноса. Особое внимание уделено языку якутов, корни которого связаны с древнетюркским языком и в своем развитии подвергался монголоязычному влиянию. При этом отмечается также заимствование из эвенского и эвенкийского языков.

Далее, авторы «Истории» проследили истоки якутской литературы, которые восходят к устной поэзии народа. Своеобразие исследования Н.Н. Тобурокова в том, что фольклорный материал рассмотрен им с точки зрения литературоведения. Такой подход к литературе наблюдается очень редко, применительно к якутской - впервые. По мнению Н. Тобурокова, элементы художественного выражения восходят к народным пословицам, поговоркам, загадкам, обрядовой поэзии, шаманским мистериям, поэмам (тойук), сказкам, преданиям и т.д. Особо рассмотрено в книге истоки сказания «Олонхо». При формировании того или иного литературного жанра существенную роль сыграл тот или иной жанр фольклора.

Таким образом, авторы «Истории» заключают: «До присоединения Якутии к России саха-якуты создали хорошо развитую систему образного художественного отражения действительности, что было результатом многовекового развития словесного искусства народа, которое менялось, усовершенствован-

лось, дополнялось под воздействием исторических условий и всей эволюции человеческого сознания» [4, с.30]. В «Истории» большое внимание уделено также влиянию русской литературы на развитие якутской литературы XIX века, церковной литературы в том числе.

Духовный мир якутов богат и разнообразен. «Одним из первых результатов этого развития стало появление памятников литературы – художественного очерка «Воспоминания» (1848) А. Уваровского и олонхо-поэмы М. Андросовой-Ионовой, созданных на якутском языке» – считают исследователи [4, с.40]. Так, в целом прослежен исторический путь якутской литературы. Уже позднее историк литературы Н.Н. Тобуроков задался вопросом: какой периодизации придерживаться якутским исследователям при создании академической «Истории»?

Вслед за вышеупомянутыми «Историями» опубликованы очерки «Литература Якутии на современном этапе» (Якутск, 2001), «Литература Якутии. XX века» (Якутск, 2005). Свою лепту с необычными поисками и находками внес в историю якутской литературы стиховед и историк литературы Н.Н.Тобуроков.

Зададимся вопросом: написана ли история национальных литератур Сибири? Если написана, то какие проблемы стоят перед литературоведами? Перечислим лишь последние издания в алфавитном порядке. У алтайцев имеется «История алтайской литературы» в 2-х книгах (Горно-Алтайск, 2004), в том числе подготовлена «История алтайской литературы» (2008) в двух частях на родном языке; у бурят имеются - «История бурятской литературы 1917-1955 годов». Часть 1. Становление бурятской литературы (1917-1940гг).- (Улан-Удэ, 1995) и часть 2. Бурятская литература военных лет и послевоенного десятилетия (1941-1955гг). - (Улан-Удэ, 1997); у тувинцев написаны на родном языке «Очерки истории тувинской советской литературы» (Кызыл, 1975); у хакасов существуют «Очерки истории хакасской советской литературы» (Абакан, 1986) и «История хакасской литературы» (Абакан, 2011).

Из всего сказанного следует вывод о том, что, во-первых, некоторые истории написаны на родном языке; во-вторых, написанные на русском языке «Истории» считаются очерками. В-третьих, отмечается ограниченность исследований в рамках собственной литературы. Значит, литературоведы все еще находятся в поиске оптимального разрешения спорных вопросов в написании истории национальных литератур. Прежде всего, спорным остается вопрос об истоках этих литератур. Раньше указывались лишь фольклорные истоки, в последние два десятилетия литературоведы опираются на письменные истоки, зафиксированные в древнетюркских памятниках, названными в науке орхон-енисейскими надписями. Таковы, к примеру, исследования У. Донгак (1992), Н. Киндиковой (2001, 2003), А. Кошелевой (2008) и др.

В этой связи спорным остается вопрос о периодизации литератур Сибири. При этом по замечанию Н.Н.Тобурокова, «каждая литература обязана учесть национальную специфику истории своего народа» [10, с.101]. В истории тувинской литературы У.Донгак предлагает выделить шесть периодов в XX веке [6, с.46]. Насколько он оправдан, судить историкам тувинской литературы, но эстетическим критерием остается все же художественный уровень созданных в

том или ином периоде произведений литературы. Деление на десятилетия не дает положительных результатов. В этом смысле Н. Тобуроков предлагает следующий проект создания новой «Истории якутской литературы»:

1. литература дооктябрьского периода (вторая половина XIX-начала XX вв.)
2. литература 1917-1956гг.
3. литература 1957-1995гг.

4. литература современного периода (1996-2006). Если опустить традиционное понятие о дооктябрьском периоде, то четко выстраиваются периоды якутской литературы [10, с.102].

Мы склонны придерживаться мнения ведущего историка литературы Н.Н. Тобурокова, однако в алтайской, да и в хакасской и тувинской литературах прослеживается древнетюркский период развития литератур. Литературовед З.Б. Самдан, к примеру, считает, что «начальный этап зарождения и бытования тувинской словесности необходимо переосмыслить с новых позиций. Речь должна идти о возвращении к более полному изучению собственных истоков культуры, которые раньше замалчивались. Это, например, роль религиозно-мифологических воззрений в развитии самобытной литературы тувинцев или роль памятников древнетюркской и стромонгольской письменности в расширенном и углубленном изучении истоков литературы и т.д.» [7, с.115]. Коллеги из Хакасии успели включить в свою «Историю» новый раздел «Памятники тюркоязычной письменности» [13, с.14-15]. В периодизации алтайской литературы крупным планом выделено четыре основных периода. Из них второй период считается мало изученным. Если рассматривать алтайскую литературу в контексте тюркских литератур Сибири, то ясно прослеживается такая картина периодизации:

1. Древнетюркский период (VI-VIII-XII вв.)
2. Тюрко-монгольский период (XIII-XVIII вв.)
3. Вторая половина XIX- начала XX столетия
4. Литература XX-XXI веков.

При этом литературу XX столетия мы подразделяем на две половины: первую (20-50-е) и вторую (60-80). Последнее десятилетие (90-е годы) и начало нового столетия относятся к современной литературе. При такой раскладке, в первую очередь, учитывается художественный уровень литературы. Раньше мы тоже разбивали историю литературы на десятилетия: литература 20-х, 30-х, 40-х годов и т.д. Однако художественный уровень литературы не всегда соответствовал обозначенному периоду. Литература второй половины XX столетия заметно отличается от первой. В этом смысле мы солидарны с якутскими и бурятскими коллегами, которые охватывают одновременно особенности прошедшего столетия. Выделяются этапы «оттепели» (1957-1965), застоя (1966-1984), перестройки (1985). А вот постперестроечные годы мы относим к современному периоду (с 90- годов по настоящее время). Литературовед А.Л. Кошелева в своей монографии «Лирический мир хакасской поэзии в контексте духовных памятников евразийской культуры: генезис, поэтика, типология» (Абакан, 2008) сумела связать хакасскую литературу XX столетия с ее древне-

тюркскими корнями. Пробелы в периодизации можно восполнить за счет поисков и находок исследователей соседних литератур.

К примеру, в тюрко-монгольский период алтайская литература существовала в устном виде, так как в течение пяти веков алтайские племена находились в составе Золотой Орды. Образованные тюрки осваивали монгольское письмо «тодо бичик», отдельные личности знали тибетскую грамоту. Но поскольку большая часть населения оставалась неграмотной, литература развивалась по образцу древнетюркской литературы. Таковы, к примеру, поэтические изречения алтайского предсказателя Боора, проучившегося в Тибете 18 лет. Таковы высказывания исторических личностей Шуну, Амыр-Санаа и др. Они дошли до XX столетия благодаря этногенетической памяти народа. Яркий пример изустного существования литературы – историческое предание «Сыновья Солтона», посвященное родословной кара майман (название рода – Н.К.). Найденные на территории республики Алтай буддийские трактаты, рукописные записки на языке «тодо» ждут своего исследователя [11, 12.] Литературовед З. Самдан дает точную характеристику тувинской литературы как одной из «тюркоязычных литератур Южной Сибири, испытавшей влияние монгольскоязычных литератур, развивающаяся в контексте шаманско-буддийского религиозного синкретизма и устоявшихся устно-поэтических традиций» [7, с. 113]. Возможно, алтайские литературоведы тоже будут придерживаться такого же определения литературы.

Бурятский историк литературы С.Ж.Балданов предлагает считать литературными памятниками, «то, что было создано до возникновения собственно художественной литературы» [8,с.46]. По его мнению, обязательными для собственно художественной литературы являются «обобщение, типизация и индивидуализация, сюжетно-композиционная структура, художественный вымысел, образная система, т.е. тот художественный мир, который создается с помощью фантазии художника наряду с реальным миром и на основе этого реального мира» [с.49]. При создании новой истории литературы нам стоит прислушаться к его замыслам и идеям.

Таким образом, литературоведы Сибири до сих пор заняты проблемой переосмысления и написания новой академической истории национальных литератур. При этом важно не ограничиваться собственно национальной литературой, а рассматривать развитие той или иной литературы в контексте других тюркских литератур, в том числе монгольской. Как справедливо замечает З.Самдан, «через монгольскую литературу тувинцы воспринимали и творчески усваивали памятники центрально-азиатских художественных культур, в частности, индийско-тибетские памятники» [9, с.7]. После создания академических историй национальных литератур нам предстоит подготовить и региональную «Историю литератур Сибири».

Литература.

1. Тобуроков Н.Н. Якутский стих. - Якутск,1995. – 159с.; Проблемы сравнительного стиховедения.- М,1996; Хакасский стих. - Абакан,1991.- 105с.

2. Майнагашев С.А. Становление и развитие системы хакасского стихосложения.- Абакан, 2003. -127с.; Донгак У.А. Тувинское стихосложение. – Кызыл,2007
3. Эрилик Эристин. Очерк жизни и творчества.- Якутск, 1963; Изучение жизни и творчества А.Е.Кулаковского. - Якутск,2001;Вечный поиск волшебства.- Якутск,1981.- 136с.;Сибирью рожденные.-Якутск,1992.- 152с.
4. Тобуроков Н.Н., Сыромятников Г.С., Габышев Н.А., Михайлов М.Г. История якутской литературы (середина XIX– начало XX века)- Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1993.- 195с.
5. Киндикова Н.М. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири. - Горно-Алтайск, 2001; Проблемы алтайской лирики. Генезис, поэтика, искусство перевода. - Горно-Алтайск,2003
6. Донгак У.А. Этапы становления и развития тувинской литературы// Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири.- Кызыл, 2006.- С.43-50
7. Самдан З.Б. Наследие А.К.Калзана и проблема переосмысления истоков тувинской литературы в новой «Истории тувинской литературы» // Улуг-Хем. Журнал тувинских писателей. – Кызыл: «Тываполиграф»,2010.- С.108-116
8. Балданов С.Ж. Аксиология и онтологичность форм литератур народов Сибири//Проблемы литератур народов Сибири: национальное своеобразие, тюркское стихосложение, традиции и новаторство. Часть 1.- Якутск,2009. – С.49-51
9. Самдан З.Б. Методологические вопросы изучения тувинской литературы // Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири.- Кызыл, 2006. - С.32-42
10. Тобуроков Н.Н. Методологические проблемы создания новых историй национальных литератур Сибири // Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири.- Кызыл, 2006.- С.13-19; Тобуроков Н.Н. Методологические проблемы создания истории якутской литературы// Художественное наследие национальных литератур XX века в общероссийском культурном пространстве: проблемы взаимодействия.- Якутск: ИГИ АН РС (Я),2007.-С.99-103.
11. Киндикова Н.М. Историко-типологические аналогии «Сокровенного сказания монголов» и алтайского предания «Сыновья Солтона» // Киндикова Н.М. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири.-Горно-Алтайск, 2001.- С.26-38
12. Киндикова Н.М. Корни родства в тюрко-монгольской литературе // Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. – Горно-Алтайск, 2008. - С.17-21

ЈАНЫЛАЙ АЛТАЙ ЛИТЕРАТУРА (ЧЕДЕМЕЛДЕРДИН ТӨС ТЕМАЛАРЫ ЛА КУРЧ СУРАКТАРЫ)

Бу өйгө јетире «современный» деген сөсти «эмдиги» деп көчүрип, XX чактыҥ экинчи јарымында чүмделген литератураны «эмдиги өйдүв литературазы» деп адайтаныс. XXI чак башталарда, литератураныҥ үйеленгенин чокымдап, онын өткөн јолын өйликтерге бөлигенис: јебрен түрк, түрк-монгол, XIX чактын экинчи јарымы ла XX–чи чактыҥ башталганы, онов XX чактын литературазы деп.

XX чактыҥ учында ла XXI чактын башталганында литератураны башка-башка адалгы сөслө (терминдерле) адагадый. Чокымдап айткажын, 1985 јылдан бери јаныртунын өйи башталган. Бу өйгө јетире өс литература «соцреализм» деген ууламјыла өзүп келген болзо, оны ээчиде постсоветский, постмодернистский, «новый реализм» ле онон до өскө терминле адалган литература чүмделген (Г. Нефагина, К. Гордович, Ю. Минералов). Эстонияда

керек десе «этнофутуризм» деп ондомол бар. Бу ууламжыны бүгүнгү өйдө удмурт литература билимчилер улалтып туру. В. Шибановтын бичигениле, өс калыктын соојындарына тайанып, бүгүнгү айалганы жартаганын эмесе бүгүнгизин жебрен соојындар ажыра көргүскенин «этнофутуризм» деп айдар [4, с. 246].

Төрөл литературада десе «экинчи революциялык» (К. Төлөсөв), «јаныртылган» (Н. Киндикова), «јаны өйдин литературазы» ла ошон да өскө адалгы сөстөр (терминдер) туштайт. Онын учун јанжыккан «эмдиги өйдин литературазы» деген ондомолдон айрылып, бу калганчы он-фирме јылдын туркунына чүмделгенин «јанылай» (новейшая) литература деп адап турус. Анайда орус литература билимде база түзөдүлөр эдилген (Леденев, Крупчанов).

Јаныртунын өйинде алтай литературада кубулталар болгон бо? Чак солынарда төрөл литературада ачылталар, једимдер болды ба? Онын анылу темдектери кандый? Бу ла ошон до өскө сурактарды жартап аларга ченежели.

XX чактын учында ла XXI чактын башталганында ол ло, ончо кычыраачыларга таныш ла јаан ченемелдү бичиичилер чүмдеген (А. Адаров, Б. Укачин, К. Төлөсөв, Ј. Каинчин ле о.ө.). Ол ок өйдө оморды ээчий солун прозаиктер (Ј. Маскина, Н. Бельчекова, Э. Төлөсөв, В. Јадагаев ле о.ө.) ле үлгерчилер (Ј. Унукова, Р. Чиндакаев, С. Белешева) јаны чүмдемелдериле соныркатты.

Чүмдеечи кижии өйди озолоп, келерликке баштанып, келер өй учун јүрет. Бу - онын үлүзи, салымы, јүрүмдеги јери ле учуры. Је өткөн чакта, ол бойын бойы корулап, өйдөн, эбиреде айалгалардан (политикадан, акча-манаттан, јадын-јүрүмнин сурактарынан) камаанду болгон. Ергүлјик керегинде сананар өй дө јок. Јаныс ла јайым берилген тушта, ол бийик санааларга јединип, өткөн лө келер өй учун каруулу болуп јат. Онын учун кажы ла кижии бойынын ижин бүдүрип, јайымга ла јаны чүмделге јолго чыгып јат. Орус литературада өйдин кубулталарын озолондыра сезип, чындык јурагандардын тоозында Ј. Бондарев, П. Проскурин, В. Белов, В. Распутин, В. Астафьев ле ошон до өскөлөри.

Алтай бичиичилер јаныртунын өйинде баштап тарыйын тымый берген. Је чек бичинбеген эмес. Бу өйдө К. Төлөсөв “Кадын јаскыда” (1985, 1986) деп романын божоткон, Ј. Каинчин “Еч-Сүмер алдында” (1986) деген романын бир кезек өйгө бичибей токтоткон. Омордын тымыганынын бир шылтагы — јайымды сезип, јаны ууламјыла јанырта чүмдегени. Андыйлардын тоозында, элден озо К. Төлөсөв ло Ј. Каинчиннин “Эмдиги өйдин повестьтери” (1989) деп бичиги, А. Адаровтын романдары (“Өлүмнин чанкыр кужы” (1993), “Јүрек өртөгөн от” (2001)). Бичиктин чыккан јылын ајарбайдым, не десе ол канайда кепке базылганы өскө сурак. Бу тушта чүмдемелди качан бичигени учурлу. Темдектеп алза, А. Адаровтын баштапкы романы 1988-1990 јылдарда чүмделген, кепке базылып чыкканы — 1993 јыл.

Мынав көргөндө, алтай бичиичилер јаныртунын өйин (“перестройканы”) узак кайкабаган, сагыжыла, бичиириле чүмдеерге белен болгон. Јай берилерде, байа “јарабас”, “тудулу” деген сурактар ары јанынан бойы эжиле берген.

Темдек эдип, К. Төлөсөвтин сөстөрүн тындайлы. “Сандараш эдим мен” (1989) деп повестын кире сөзүндө ол айдынат: “Ол тужында бис жаан жерлердеги болуп турган тутактарга арай ла тыгынып болбой, “бу озогы жүрүмнөн, бу чөрчөк, бу кеп куучын, бу кокыр-каткы” деп жарым үнле айдарга келишкен. Эмди экинчи революциялык жаны өйдүн эзини согордо, ундылып бараткан Сандражымды эске алынып, жарамыктуу ла жаан жолго чыгарып келгеним бу” [3, с.6]. Автор бу жүрүмдеги кубулталарды “экинчи революциялык өй” деп адап жат. Айдарда, алтай бичиичилер жастын жаны сыркынына белен болуп, терен көрүмле, айлаткыш шүүлтеле, жайым санаала келтир.

Же бүткүл чакты бириктире көрөри женил эмес. Естине түүкичи улус озо айдар учурлу, ошон чүмдеечи ого тайанар. Же түүкичилерди сакыыр өй жок, кычыраачы жанырта көрүмле чүмдеген жаны чүмдемелдер сакыйт. Мындай айалгада литература шиндеечилер бүгүнгү өйдүн чүмдемелдерин тургуза ылгап, онын шүүлтезин кычыраачыларга жетирерге амадайт. Анайда, темдектеп алза, бу жолдыктардын авторынын «Алтай литература жанырта кычырышла» (1998), «Алтай литература» (2003), «Алтай литературанын методикасы» (2004) бичилген. 2004 жылдын учында “Алтай литературанын түүкизи” орус тилге кепке базылып чыккан. Анда озо чүмделгенин жанырта көрүп, жаны чыккан бичиктерге ылгамал берилген.

Бу жылдарда кандый учурлу ла кандый темага учурлалган чүмдемелдер бичилет? Элден озо калыктын түүкизи, тазыл-тамыры жылбиркеткен. Бу өйгө жетире бис орус литературадан ченемел ле тем алып өскөнис. Же жаныртунын өйинде орус литература билимнин шинжүчилери гран ары жанындагы орус литератураны кайра жандырып, ол өскө литература эмес, бир литература деп бүдүмжилеп жатканча, көп укту литературалар ажару жок артып калган. Неден улам десе, шак бу жайым ла жай берилген өйдө бичиичилер бойынын угы-төзүн бедиреген. Бис кемдер? Тазыл-тамырыста не улус? Түрктөр болзоос, бүгүнгү айалгада биригер учурыс бар ба? Мынан улам жебрен өйликке учурлалган чүмдемелдер бичилген. (Ж. Каинчиннин “Жылдыстар когы”, А. Адаровтын “Күлтегинин көлөткөзи” (1995), “Каганаттан ийген самара” (2000), сонеттер, Ж. Маскинанын “Көгөл мүркүт уйазы” (1986) ла о.ө.). Ошон башка алтай бичиичилерди эске алыныштар ла документ кептү чүмдемелдер жылбиркедет (К. Төлөсөвтин “Кубал баскан от жанында санаалар” (1997), Ж. Каинчиннин “Жаан журт ээн артпас” (2002) ла о.ө.). Ечинчизинде, бу жылдарда “тудулу, жарабас” деген тема эн учурлу боло берген. Литературада ол — айдуга айдаткан, актуга жабарлаткандардын салымын көргүскени (Ж. Каинчиннин “Көстөриме туулар көрүнзин”, А. Адаровтын өрөгү адалган романдары ла о.ө.). Төртүнчизинде, бу жылдарда ороондо жайрадылышла колбой, жуу-чак башталган: Афган жериндеги ле Чечендеги учы-кыйузы жок жуу-согуш ла о.ө. Анда Алтайдан черүге барган уулар турушкан, кырылган да, кенеген де. Ого учурлай С. Адлыковтын “Белая кобра” (2005), Ж. Каинчиннин “Чечен” деген куучындары чүмделген. (“АЧ”, 1996, 15 март) Андый темала өскө дө укту бичиичилер чүмдегилейт. Литература билимде оны «армейская литература» деп адайдылар.

Өрөги айдылганы өткөн өйлө колбулу болордо, бу бистин бүгүңги өйис, жадын-жүрүмис литературага кирген бе? Ол канайда көргүзилген? Јаш корбого учурлалган чүмдемелдер туштайт па? ХХ-чи фусфылдыктын 90-чы жылдарында элден озо өс калыктын курч сурактары чикезинче көргүзилген. Ол тоодо, төрөл тилин ле түүкизин бу өзүп јаткан үйе билер бе, јанжыгуларын, чүм-јандарын улалтып туру ба? деген сурактар тура берет. Шак мындый темала Ј. Каинчиннин кыскачак куучындары чүмделген. Темдектеп алза, «Көзибисте Көк Кайа», «Баш ла болзын!», «Аба јыштын балазы» ла о.ө. Ол керегинде көп айдылган да, шинделген де [Алтай литератур јанырта кычырышла, 1998].

Өрөги айдылган чүмдемелдердин кееркедимин көргөжин, бултаарта чүмдегени солун. Бичиичилер оос поэзияга тайанып, соојын ла кеп куучындардын эбелгезин (мотив) улалта, фольклордын сүр-кеберин тындандыра јурайдылар. Литература билимде оны «мифопоэтические образы» эмезе «архетипы» деп айдадылар. Ол ончозы — өс чүмдемелдердин сайламазын, сюжедин байыдат.

Чүмдемелдердин тилине ајару эдилгенде, чочыдылу эмес, карын да, байлык, јараш, чечен эрмек сөстү; кеелеген күүлү поэзия көрүнөт. Андыйлардын тоозында, темдектеп алза, Ј. Каинчиннин эрмек-сөзи, чүмдемелдеринин тили танылу, көчүрмелери өскө укту калыктарга солун. Бичиичинин эрмеги табылу, јолдыктары јажыт кокырлу, шүүлтези төп лө терен. Онын да учун Јыбаш Каинчиннин чүмдемелдери кычыраачыларга јуук ла сакылталу. 2003 жылда Ј. Каинчиннин “Еч-Сүмер алдында” деп бичиги чыкты. Бу тушта онын кыскачак куучындарына ајару эдели. “Эмдиги өйди јаман деп пе, Јыбаш? — деп, “Эмдиги өй” деп куучыннын геройы Токтомыс куучындайт. — Јок туру, эмди, карын, јакшы өй... Төгүн деп пе? Төгүн эмес, уул. Чек ле јайым өй ине эмди. Мыны эт, оны эт, мынайт-онойт деп турган јан јоголгон”.

Бу геройдын айдыжыла, өй кубулган, кижиге јайым берилген. Је ол јайымды кижини ондоп тузаланар ба? Өрөги адалган куучыннын геройы бойынын арга-чыдалын јартайт. Токтомыс — ол кем бүгүңги күнде? 70 јаштан ашкан өрөкөн. Онын сөстөриле, “туку меесте койор — менийи. Мынаар саста торбок-кунајын — база менийи. Кедери тепсен јаар чыксан, малым ондо. Эки айгыр деп мактанып ийип калайын” (с.345). Куучыннын учында Токтомыс такып ла чокумдайт: “А өй эмди јакшы-ы, Јыбаш. Меге ле јараган өй...” (с.351).

Ј. Каинчин бойынын чүмдемелдеринде өйлө кожо кубулган су алтай кижинин сүр-кеберин једимдү јурайт. Јаныртылган өйдө алтай кижини канайдар эди? “Каткы ажыра ый” деген бирүзи, јаны айалгада ол канайда шүүйт ле сананат? Айла, онын кылык-јанын түзедип те болбос, јайа согуп та болбос. Онын жүрген ле бүдүми бу: бир кижинин онтожы неме бедиди, жүрүмде онон артык керектер болуп турганда.

Темдектеп алза, “Јүрүм јакшы-ы, жүрерге јакшы-ы...” деген чүмдемелде куучынчы бойыла болгон учуралдарды жылдар сайын, ай сайын темдектейт. Садуда курсак-тамактын баазы туш-башка, чоттоп, карамдап та турзан, өскөлөри “калын карманын” бир күңге јок эдип, как куру жүргүлейт.

Эмезе бир кой неме беде, бир уунда 10 койды уурдагылап турганда. Чүмдеечинин бичигениле, “кайран кунајыным деп калактап турганча, нөкөринин бир үүр сарлыктарын та тувиндер бе эмезе керей казактары ба уурдагылай бертир”.

Мындый учуралдарды тундештирип тура, куучындаачы кижича ла тушта “жүрүм жакшы-ы, жүрөргө жакшы-ы...” деп айдынат. А канайдар? Эбиреде жүрүм кубулып жадарда, бир кижинин “комыдалы, ый-сыгыды” угулар эмес. Акчек алтай кижини айландыра “аргачы”, “астамчы”, “мекечи” улус табыларда, чынды-төгүнди кем ылгаштырар? Калын кармандузы да, “кара кардына жүргени” де адакы учында кара жерге баратан. Бу тушта кем аргалузы да, арга жоги да ылгаштырылбас туру.

Депутатка талдаштар өткөнин Ж. Каинчин база тундештире журайт (“Жепишкенин жепутат болгоны” деп куучын). Алдында өйлөрдө жакшы иштеп турган кижини анылап талдап, депутат деп көстөйтөн, эмдиги акчалу улус жамыга албаданат. Бу өйдүн солынталарын алтай кижича табынча ла шүүп ле айладып отурат. Керек десе бу ончозы — онын көрүми ле айлаткыш санаазы. Каа-жаада ол ал-санаада отурат. А неден улам десе — эбиреде айалга чочыдулу. Бу ончозы — жаныртылган өйдүн темдектери.

Эрмен Төлөсөв чүмдеп баштаганы удай берген, бичиги, «Пупыйланнын өчи», 2005 жылда кепке базылып чыкты. Мынан озо ол «Эл-Алтай» деген кееркедим-литературалык жуунтыда тоолу чүмдемелин жарлаган. Ол тоодо «Жеткер жөн алдында» деп чүмдемели ајаруда болгон [Киндикова, 2003, с.84-88]. Бу тушта эки куучын јилбиркетти. Баштапкы адалганы јаш корбого учурлалган да болзо, је уур санааларга алдыртты, ненин учун?

Бу өйгө јетире јаш корбо көп сабада чөрчөктөр кычырып, ар-бүткен ажыра тындуларга килемјилү болуп таскаган. Литературада геройлор ар-бүткенле колбулу болуп, ару күүндү чыдаган. Андыйлардын тоозында А. Ередеевтин јажу ла јакшынак куучындары, Ж. Каинчиннин “Кураанак ла Кызычак”, Ж. Маскинанын “Чечектер сүүген кызычак” ла о.ө. Бүгүнгү бистин геройыс ар-бүткеннен ыраак, калада, туйук турада чыдап јат. Айдарда, онын телекейи јурт јерде өскөн јаш корбодон чек башка. Турада киске ле ийттен башка тынду јок учун, ого чычкан да солун тынду деп ондолот. Онын да учун Пупыйлан јаш чычканакты килеп, кичееп, ого өзөргө болужат. Је...

Куучыннын төс геройлоры — Пупыйлан ла Өлбөзөк. Баштапкызынын адынын учуры јарт јок, экинчизи — јарт. Јашта өлбөгөн Өлбөзөк эмди нени ле кылынар аргалу. Ондо коркыыр, јалтанар санаа јок. Пупыйланнын кичееп турган чычканагын ол кинчектеп өлтүрип салды. Алтай кижинин көрүмиле, “кинчеги бойына једер” деген шүүлте бу айалгага келишпейт. Авторды канай бурулаар? Онын чүмдегени ле бу турганда.

Жүрүмге келишпес деп канай айдар? Жүрүмде онон артык керектер ле учуралдар туштап турган. Бүгүнгү күнде чычканнан болгой кижинин өлүми — не де эмес. Бир өйдө бис литература ажыра таскадып турус деп бодогоныс. Литература кижини неге де таскатпайт, ол јүк ле кижинин сезимин ойгозот. Айдарда, Э. Төлөсөв оноры-тескери куучынды не керектү чүмдеген болотон?

Эки геройдын кажызын артык деп айдарыс? Болужы јок Пупыйланды ба, өлүмнен айрылган Өлбөзөкти бе? Баштапкызы јаш, эбиреде телекейди ондоголок. Тышкары не болуп турганын ол көргөлөк. Өлбөзөк дезе деремне ле каланы (городты) тибирген “танма”. Онон ары ол нени кылынгай не? Бу куучында өйдин эбелгези, эмдиги үйенин анылузы иле сезилет.

Экинчи куучында («Бойыс билерис») јаныртунын (перестройканын) өйиндеги учурал јуралат. Калада јуртаган биленин туразына көзнөктин шили керек. Је тургуза ла садып алар јер јок. Онын шылтузында Койлош, куучыннын төс геройы, уурданып јат. Је уурданып билбес кижиге уурданганы да тузалу болбоды. Экелип јаткан шил јол ортозында оодылып калган. Бу јүк ле куучыннын сюжеди. Је төс ајаруда биленин сурагы, үй ле эр кижинин ортодо колбу, ортозында баланы таскадары. Куучынды бу сурактар аайынча көргөжин, айылдын ээзи көп эрмектенбес, је эдер-тударын билер кижиге. Бу јаныртунын өйинде ол эбин таап болбой кыйналат. Онын эжи, Байланка дезе, өбөөнин күнүн ле “шибелеер” болтыр. Экүнн эрмек-сөзине чыдажар ла кижиге чыдажар деп автор бичийт. Је Койлоштын сөзи база кату, соок. Ейине «кынзыба» деп кезе айдар јанду эмтир. «Ейи оны күннен күнге челдеп, кемирип, адакыда чек жириге једе берген» — деп, автор бичийт. Онон ары автор јартайт: «Алтай-Кудай Койлоштын Байланказын өскө тынду эдип јайаган болзо, ол шартылдап турар кырзанын кеберин алынар эди» (с.57).

Бу мындый эрмек-сөс куучыннын башталганынан ла ала чүмдемелди «кирледип» јат. Керек дезе, кичинек уулчакты автор канайда јурайт: “Балтыркежик Айдар туранын ичинде ары-бери үзүлендеп, аргазын таппай салып, көзнөктин бозогозында сайрадым деп, оптолып ийген”... Онон ары: «Айдардын сыгыдына Эрликтин бойы да чыдашпас болбой? Керек дезе, чочкочок чылап, чынырып, чынырып туруп сыктаары кайда?». Чүмдемелдеги түндештирүлер өткүре кезем. Керек дезе, өйинен өдө берген сөстөр бар. Шак мындый айалганы азербайджан бичиичи, Сейран Сахавет, бойынын «Интервью, взятое у собаки» деген куучынында јурайт. «Түктү кижинин сөзиле, удабас ийттин тили эн ле эптү тuzалангадый тил болор. Ненин учун дезе улус бой-бойлорыла ийттин тилиле куучындажат» [ДН, 2006, с.102]. Мыны ончозын не керектү айдып турус дезе, јаш корбонын кычыратан бичиктери сүрекей ас. Мындый чүмдемелди кычырып, ол кандый тем алар? Алдында геройлорды јарамыкту ла једикпес-тутаку деп ылгайтан болзо, эмди тем болгодый баатырлык герой литературада бар ба деп сурак тургускадый? Өөрөмде сүрекей кату ла калју үйе чыдап јатканын јаны авторлор (Э.Төлөсов, В.Ядагаев) көргүсти. Эмдиги геройлор јаш корбого тем болор бо? Литературада бүгүн бомж, аракычы, калју, уурчы улус герой болуп туру. Чүмдеечилер шак олордын андый кемине феткенинини шылтагын көргүзөргө ченежедилет. Темдектеп алза, Өрөги адалган С.Сахаветтин геройы бойынын өйинде загранизавада иштептир, бүгүн дезе ол - бомж. «Бозого ажыра телекей» (1985) деп повестьтеги төс геройдын кылык-јаны көп једикпестерлү.

Бир тушта бис тили јок үйе өзүп јат деп санааркаганыс. Бичизе, газеттин тилиле эмезе кургак билимнин тилиле чүмдеер болор деп. Чочыду калас болды.

Эрмен Төлөсовтин тили тирүү, тазыл-тамырлу болгонын кире сөс керелейт. Автор бойы су алтай журтта чыдап-өскөн учун, калага да келгенинен төрөл тили артабаган. Автор бузулбас сөскөлбуларды эптү тузаланат. Албатыда бар эрмек-сөсти ажындыра тузаланып, прозанын тилин байыткан. Же өйинен өдө беретени база бар.

Бириктире айткажын, өрө бис жанылай литературанын анылузын темдектегенис. Жаныртунын өйинде оны канайта да адап турза, төс ајаруда литературанын өзүми, агыны болуп јат. Ол текши айалгалардан камааны јогынан өзүп барат. Шак бу учурал аайынча удмурт литература шиндеечи Т. Зайцева сүрекеј учурлу шүүлте ајдат: «Импортированные» термины и категории, разработанные применительно к другой культуре, нередко механически прилагаются к произведениям национальных художников, без учета их духовно-практического опыта, изначальной природы их самобытного творчества» [6, с.105].

Алтай шинжүчилер калганчы јылдарда бүткүл чактын турултазын бириктире көрүп, литературанын түүкизин јанырта шиндеп, өйликтерин теренжидип туру. Ол ок өйдө литературанын түүкизине кандый бир шылтактан улам кирбеген бичиичилерди кайра јандырып, јарлу бичиичилердин чүмделге энчизин баалап, јаныртуларын јартап, јаны чүмдеечилердин једимдерин ле једикпестерин шинжүлеп, литературанын агынын ууламјылайдылар. Бу сүрекеј каруулу ла учы-кыйузы јок телекеј.

Литература

1. Крупчанов А. Л. О современной или новейшей литературе как предмете исследования и преподавания // Университетский вестник. — М., МГУ, 2002
2. Нефагина Г. Л. Русская проза второй половины 80-х-начала 90-х годов XX века. — Минск, 1998; Минералов Ю. И. История русской литературы. — М., 2002; Гордович К. Д. История отечественной литературы XX века. — Санкт-Петербург, 2000.- С.299-309
3. Киндикова Н. М. Современная алтайская литература в поиске тем и жанров // Мир Алтая - Алтай телекеј. - Горно-Алтайск, 2005, №3. -С.53-55; Онын ок. Алтай литература.- Горно-Алтайск, 2003.- С.91-94; Онын ок. Јуу-согуш ла онын кинчеги //АЧ, 2006, кандык айдын 15-чи кени
4. Шибанов В. Л. Современность и этнофутуризм //Движение эпохи — движение литературы. Удмуртская литература XX века. — Ижевск, 2002.- С.245-252
5. Джахангир Асад. Глобализация или национальное: в чем выход из дилеммы? //Дружба народов, М., 2006, №3.- С.199-210
6. Зайцева Т. И. Осмысление современной удмуртской литературы как системы //Г. Д. Красильников. Тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья. — Ижевск, 2005. - С.104-107

Художественные тексты

1. Эмдиги өйдин повестьтери. — Горно-Алтайск, 1989; Төлөсөв К. Ч. Кубал баскан от јанында санаалар. — Горно-Алтайск, 1997; Каинчин Ј. Б. Естибисте Еч-Сүмер. — Горно-Алтайск, 2003; Төлөсөв Э. Пупыйланнын өчи. — Горно-Алтайск, 2005; Сейран Сахавет. Интервью, взятое у собаки. // ж. «Дружба народов». -М.,2006, №3.- С.100-106; Сейран Сахавет. Бозого ажыра телекеј (Көчүреечилери Ј.Каинчин ле Ш.Шатинов).-Горно-Алтайск,1985

Бичиктердин ширтүзи: билим ле кееркедим

Калганчы чыккан бичиктердин ширтүзин кажы ла жыл эдер керек, је литературанын ширтеечизи (критик) јок учун, бу иш жылбай туру. Онын шылтузында шинжүчи улус эки де жылдын бажында болзо, бу ойдин туркунына кандый бичиктер чыгып турганын кычыраачыга јартаарга ченежет. Мынан озо чыкканын канайып та болзо көрүп, «Алтай литература» (2003), «Алтай литература аайынча статьялар» (2010) деген бу автордын бичиктеринде көргөнибис. Је бистин бичигенисти ајарган ла кычыраачы таныш, не дезе бу бичиктер элбеде таркадылбаган. Андагы бажалыктар «Солун үндер», «Јиит прозаиктер», «Алтай пародист» ле онон до өскө адалган. Оны ээчиде «Эпшилердин чүмдемелдери» ле «Јаны бичиктердин ширтүзи» деп статьялар јарлалган. Јылдын учына јетире чыгатын бичиктер эмди де көп. Бу тушта бистин амадушта билим ле кееркедим бичиктердин ширтүзи туруп јат.

Өткөн эки жылда (2010-2011) кандый бичиктер чыкканын картотекадан көргөндө, кезик бичиктер темдектелбеген. Онын шылтагы – танынан кепке базып чыгарган бичиктер авторлордын колында, садуга јаан чыкпайтыр. Айдарда, элден озо билим иштерге ајару эдели. Ненин учун дезе анда озо чыккан бичиктер адалат. Олордын тоозында, элден озо, А.С.Суразаков белетеген «Алтай республиканын кыска энциклопедиязы» (2010) үч мун экземплярла Новосибир калада чыккан. Је бу бичик садуга јок, баазы 2 мун 500 салковой болордо, оны тегин кычыраачы садып та алар аргазы јок. Анда республиканын једимдери, јенүлери ле атту-чуулу улус керегинде кыска јетирүлер берилет. Республиканын 20 жылдыгыла колбой, бу бичик өскө укту айылчыларга сыйлалат, чынынча айдар болзо, ол - туристтерге де эмес, элден озо школдын үредүчилерине ле үренчиктерге керектү бичик. Онын таныштырузы элбеде јарлалган учун көп сөс айтпайын.

Экинчизинде, республиканын төс калазында өткүрилген билим конференциялардын турултазы оройтып эмезе ойинде кепке базылып чыкканы. Андыйлардын тоозында, темдектеп алза, «Чорос-Гуркин и современность. Оноские встречи» (2010), «Языковая ситуация и языковая политика в Республике Алтай» (2010), «Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI века» (2010), «Традиционная культура коренных жителей Горного Алтая в XX веке» (2010), «Шинжүде Л.Кокышевтин чүмдемелдери» (2010), Н.У.Улагашевтин 150 жылдыгына учурлай кепке базылып чыккан бичиктер ле эки буклет: «Институт алтаистики им С.С.Суразакова» (2010), «Труды преподавателей кафедры алтайского языка и литературы» (2010) ла онон до өскө. Билим јуунтыларды, журналдарды адабай да турум. Анда билимчилердин статьялары јарлалат: «Языки и литературы народов Горного Алтая», «Филология и человек», «Мир науки, культуры, образования», «Билим» ле онон до өскө.

Мынан көргөндө, Алтай республикада эн учурлу керектерге учурлалган јетирүлер ойинде јарлалат: түүкинин, этнографиянын, тилдин, фольклордын, литературанын сурактары аайынча. Је түүкинин кажы ла ойлигин анылу

шинжүчи элбеде ле теренжиде шиндеер учурлу. Естине кажы ла билимчи танынан шиндемел ижиле кычыраачыны соныркадар аргалу. Бүгүңги өйдө шинжүчи бойында ла казынат, бедиренет, туйказынан бичинет. Бичигенин жарлаар да аргазы жок. Мындый айалгада билим ичкери өзүм жаан алынбай туру. Жарлу улустын (Г.Чорос-Гуркин, Н.У.Улагашев) толун жажыла колбой өткүрилген конференцияларда кажы ла шинжүчи олордын өйлигине кирип, олордын чүмдегенин баалап, солун ачылталар эдип туру. Бу учы-куйузы жок иш. Темдектеп алза, менин жетирулерим мынайда адалган: «Актуга жабарлаткандардын ортозында Г.И. Чорос-Гуркиннин салымы ла чүмдемелдери» эмезе «Ук-төс – алтай литературанын анылу жанры».

Калганчы адалган өрөги эки бичикте Алтай республиканын кажы ла шинжүчизинин бүдүрген иштери темдектелген. Анан республикада кандый билим иштер өткүрилип турганын ла ок өйдө билимчилер кандый бичиктер ле бичимелдер чийип турганын ондоор аргалу. **Танынан кепке** базалып чыккан бичиктердин тоозында түүки билимдердин кандидады М.Клешевтин «Народная религия алтайцев: вчера, сегодня» (2011), этнограф В.Я. Кыдыеванын «Чегедек – эпши кижинин кеби» (2010), А.Т.Тыбыкованын «Теоретические вопросы алтайского языкознания» (2010) деп шиндемел бичиктери. Школго ло алтай бөлүккө керектү бичиктерди адабай да турум. Бу жанынан жаан ла төзөмөлдү иш бүдүрилген. Ол тоодо Т.Е.Орсулованын «Алтай тилдин синтаксиси» (2011), үредүчи Н.Н.Санинанын бир канча бичиктери, ол тоодо журктардын түүкизи керегинде ижи ле о.ө.

М. Клешевтин бичигинде алтайлардын кудай жаныла колбулу көрүми бүгүңги өйлө тудуш көргүзилгени солун. Шак ла жаны үйе ондобой турган сурактар блааш-тартышту да болзо, билгир аларга тузалу. Мынан ары автор джунгар өйликти эбеде ле теренжиде шиндеер деп иженедис.

В.Я.Кыдыева музейдеги жетирулерге ле Г.И.Чорос-Гуркиннин иштерине тайанып, алтай кеп-кийимди бүгүңги үйеге жартаганы быжу ла бүдүмжилү. Мынан көргөндө, жаны үйе алтай улустын озодон бери жандаган жанын жанырта ширтеп, акту бойынын шүүлтезин билимде ченеп, калыгына жандырып турганы ажарулу. Республика ончо жанынан онжип барадарда (анчада ла культура, спорт, медицина, керек дезе журт ээлем), жаныс ла билим ле үредүликте керектер комой айалгада. Гуманитар билим он-жирме жылга озолоп өзөрдин ордына көстин көскө кунурап барадыры. Ередүликте кубулталарды кайкабаска болбос, төрөл тил ле литератураны айалгазы чик жок уйдаган. Мыны бир ле темдек чике керелейт: бу калганчы онжылдыкта су алтай школдордо төрөл тилин билбестердин тоозы көптөгөн.

Төрөл тил ле литература аайынча көп иш эдилеп те турза, же көскө жаан көрүлбес болды. Өрөги адалган А.Т.Тыбыкованын бичигинде тилдин түүкизи ле эмдиги айалгазы, лексикология ла диалектология, морфология ла синтаксис аайынча солун шүүлтелер айдылган. Мыныла колбой фонетиканын сурактары сондоп туру. Жаны үйенин шинжүчилери алтай тилдин грамматиказын, башка-башка сөзликтерди белетеер деп иженели. Литератураны шиндеери кенейте үзүлген, Алтаистиканын институтында литературанын секторы

јоголтылганынын шылтузында иштеер јерлер де астаган. Ол ок өйдө литературанын билимчилеринин алдында учы-кыйузы јок бүдүретен иш туруп јат. Јаны чактын башталганында алтай калыктын эрјинези дегендий (классиктер) бичиичилер ак-јарыктан јүре бергениле колбой, олордын арткан-калган энчизин јуунадары ла шиндеери төс ајаруда боло берди. Бу јанынан оокылу чаазындар да бичилген, је каруу јок. Ого коштой, келер јылдарда литературанын музейин төзөп, ончо эдим-јазалдарла оны јеткилдеер керек. Керек дезе Л.В.Кокышевтин јаткан туразында музей эткедий. Је бу сурактар јамылулардан, акча-манаттан камаанду.

Чүмделген литература эки тилле (орустап, алтайлап) кепке базылып туру. Је ойто ло бичиичилер ортозында анылу ширтеечи (критик) јогынан чыккан бичиктер ајару јок артат. Кажы ла чыккан бичикке билим ле кееркедим де кычырым (отзыв) эмезе элгештирим (рецензия) бичилер учурлу. Эм тура бу јанжыгу сондоп туру. Керек дезе көчүрөөчилер де јок арттыс. Ол јанынан билимчи В.П.Канаринанын шинжүлү ижи јарт керелейт.

Јаны чүмдөөчилердин көп сабазы үлгерлер бичийт. Анчада ла јиит үлгерчилер бойынын чүмдемелдериле кычыраачыны соныркадат. Естине солун жанрларды орныктырып турганы јилбилү: мак, сыгыт, куучын кептү үлгер, кокыр, басня ла о.о. Бүткүл республиканы аймактарла бөлип, лирика, проза, драма кандый айалгада болгонын көрөли.

Аймактарла көрзө, анчада ла Улаган ла Кош-Агаш үлгерчилериле сонуркадат. Онын бир шылтагы, бу аймактарда төрөл тилдин учуры јабызабаган. Элјоны чук јуртап, алтай тилле эрмектежип, тилдин јулугын сескен. Ол тоодо Анжела Тадырованын «Эрке ле байлу јанарым» (2010), Айлана Сартакованын «Јебрентик Алтайым» (2011), Н. Енчинованын «Улу јуунын јанары» (2010), Алтын-Ай Сартакованын «Кайкал болгон канадым» (2010), Алтынай Санаанын, Лаура Абулованын ла онон до өскөлоринин. Калганчы эки адалганында эм тура танынан бичик јок то болзо, је чүмдемелдери ийделү, бескелү. Јүк ле бир үлгердин јолдыктарына, кееркедимине (түндештирүлерине, эпитетке, суркеберлерге) ајару эдели. Анылу јайалталу Алена Санаанын үлгери «Бијечи» деп адалат. Мадактын учы угаштырылбаган да болзо, анылу сүр-кебердин (күнчыгыш бијечи) болужыла кееркедим шүүлте чике айдылган:

Арчуулым тагынып, бијеге чыгадым,
Мен бүгүн – күнчыгыш јаражай,
Удура турган јииттин көзинде
Јажына сакыган кулумји чагылгай.

Чүмдү күүге јүрегим канатту,
Колдорым јайылып, эбирип келезим,
Будыма чачылган чечектин јаражы
Јажытту сөстин ачат белгезин.

Колын чабынган јиит, энчикпей,
Ичкери куйунду бијеге кожулды.

Сакыбас јанынан бириккен колдорго
Кыймыгым Шива ошкош бодолды.

Мен бүгүн күнчыгыш бижечи,
Јети арчуулым солоны јүзиндий,
Јажытту көргөн көзимнин күрени
Түштүктен келген чайдын өниндий.

Экинчизинде, бу аймак чүмдеечилерге ајару эдип, чыгатаң бичиктерге акча-манатла бөлүш јетирет. Онын шылтузында төмөңги бичиктер кепке базылып чыккан. (Өрөги адалганынын экүзи бойынын аргазыла чыгарган).

Айлана (Алена) Сартакова түш деген эп-сүме ажыра анылу сюжет төзөп, ич сезимди, ал-санааларды кычыраачыга эптү јетирет («Түженип јатсам, өскө талада», «Энем түжүмде», «Эне кижинин сызы»). Төрөл тилинин бийик учурын баалап көргөни «Алтай тилис», «Айлаткыш түби» деген үлгерлерде темдектелет. Јүк ле төрт јолдыкты алалы:

Төрөл тилис агару ла байлу,
Тилис тистин эрке ле улу.
Орхондо сенин баштапкы алтамын,
Ороон ичинде эмдиги салымын.

Јиит автор тилинин јебренин, бүгүңги айалгазын терен ондоп, мыңдый үлгер чүмдегени оморкодылу. Бу ок јуунтыда тургуза көчүрилген үлгерлер база бар. Оны үлгерчи Өлөштөй Тадинов белетептир.

Ондой аймак эки-үч катап чүмдү сөстин (поэзиянын) энирин өткүрип, чүмдеп турган јииттерди јууганы, туштажу өткүрип, бирлик јуунты кепке базып чыгарганы учурлу темдек. Мынан ары олордын кажызы ла танынан јуунтылу болгодый.

«Урсулдын толкулары» (2010) деген јуунтыга кирген үлгерчилердин көбизи кычыраачыларга таныш. Ненин учун дезе олордын кезиги јажы јаан өрөкөңдөр, ол ок өйдө јаны чүмдеп турганы база бар. Кычыраачылар М.С. Кудачинованын, Аруна Монголованын үлгерлериле, пародист Чоднак Эремзеевле таныш. Газетте јарлалганы: М. Сулачакова, А. Яманова, В. Кертешев, Б. Киндииков, А. Усов, А. Хабаров ло оноң до өскөлөри. Олордын ортозында кожончызы да, күү чүмдеечизи де, јурукчызы да бар. Бу јайалталар чүмдеечинин көрүми сан-башка деп база катап керелейт. Јүк ле күүнзегеним: бир чүмдейле ундып салар эмес, кажы ла јолдыкты, кажы ла мадакты, бүткүлинче үлгерди катап көрүп, јазап, үлгердин шүүлтезине, кееркедим кемине ајару этсин деп. Ол тушта үлгердин учуры да, тыш кебери де чындыйлу болор. Су алтай јурттарда орус тилле чүмдеп турганын кайкабаска болбос, је олордын кажызы ла ойкогон санааны, айткан шүүлтени кычыраачыга јетирерге амадайт (В.Кертешев, М.Токтонова, А.Хабаров). Јурукчы Борис Киндииковтын «Јүрек кылымнын јанары» (2012) деп үлгерлик јуунтызы чыкты. Онын кире сөзин Бичиичилер бирлигинин турчызы Авчы Самунов бичигени быйанду ла учурлу.

Шабалин аймактан Зоя Топчина «Кожоным – жайым кырларда» (2005-2006) деп жуунтызыла кайкаткан, эмди де бүткүл жуунты белетеп алтыр. Кажы ла тушта өткүрө узун үлгерлебей, кыскачак эттире чүмдеерге албаданар керек. Ол тушта сөс, сүр-кебер ле кееркедим шүүлте тос аяруда болор. Елгерде элден озо сезим болор учурлу. «Сыгыт» деп үлгеринде үлгерчи алтай улустын жандаган жанжыгулар ла бүгүнгү айалга удурлажа жураган. Жоннын жарабастарын тоолоп тура, үлгерчи алтай кижинин көрүмин жаны үйеге жартайт. «Жер ээлу» деп кижичи акту жүректен бүдетен: аржан сууларын, ажуларын байлайтан, алкайтан. Онын да учун «Жүреги керсү калыгын, Жер Алтайын кичееген. Кызаланду чактарга/ Кызыл тынын корыган». Жарабастар биледе, ук-төстө, кажы ла кижиде, калыкта болгон. Бүгүнгү айалга чек башка:

Жанжыккан ук-тазылыс

Жабыс көрүп баштадыс.

Каны жаныс карындаштар

Көрүшпес болуп канайтыс?

Мынан ары үлгерчинин ый-сыгыды иле. Каруузы жок сурактар тургузып, автор бүгүнгү айалганы чикезинче көргүзөт. Бу ончозы «оору» үйенин кылыгы, жарабастарды бусканыны шылтагы. Онон улам Зоя Топчина эртенги күнге баштанып туру:

Эртенги күнге көс түнүк,

Сананбас болуп канайттыс?

Жабыс берилген жүрүмди

Жазап жүрбөс, бис кайттыс?

Бу бир кижинин онтузы ончо калыкка жайылып, кажы ла кижинин өкпө-жүрегин ойкоп турат. Алтайды ээзи бис деп айдар учурыс бисте бар ба, жок по? Сыгыт жанрды анылу темдеги кородол, жылыту, ал-санаага алдыртканы. Бүгүнгү үлгерчилер сыгыт ажыра озогызын ойгортып, эмдигизин түндештирип солун үлгерлер чүмдегилейт. З. Топчинаны ээчиде солун үндер жаан угулбады. Апшуяктудан Павел Ялатов бойынын үлгерлерин орус тилле жарлады (көчүрөөчизи - С.Дыков), газетте А.Шымдышев деп улус чүмдеп туру. Бойынын чүмдегенин үлгерчи Кижичи эске айтканда ол бийик једим. Ненин учун дезе ол кажы ла јолдыгын, Сөзин баштапкы катаптый бедиреп табат. Анайда П. Ялатов чүмдеп туру.

Кан-Оозында да жаны чүмдеечилер бар. Ол тоодо кокырчы, кожончы - Р.Танытпасов, үлгерчи Л. Тоенова, чөрчөкчи Т.Акулова ла о.ө. Жаан јаштулардан прозала Ј.Б. Каинчин эрчимдү бичип, бойынын чүмдемелдерин эки тилле жарлайт. Ол өзөктө јакшынак прозаиктер де, поэттер де болгон. Бүгүн ологорго учурлай кабинет музей төзөлгөннин анылап темдектеер керек: Мөндүр-Соккондо И.В. Шодоевке учурлалган ла Кан-Оозынын орто үредүлү школында Ш. Шатиновко учурлай. Бүгүнгү јииттер олодон тем алып чүмдеер аргалу.

Улаган аймактан Сергей Тадыкин кеп куучындарды орныктырып, «Кайракан-Жарынак» (2010) деп бичимел жарлады. Бу бичикти, чынын айтса, мен күчсинип кычырдым. Једимдер де, једикпестер де бар учун. Бир жанынан, автор оос поэзияны укканы аайынча бичиген, ондо јастырап, кожор арга јок. Экинчи

жанынан, түүкиде чын болгон учуралдарды бүгүнгү көслө, көгүсле ондозо, көбөк сөөктү Жарынактын уулы Жабагаштын эткен кылыгы угы-төзинин кинчеги болуп артат. Керек кандый болгонын анайда ла жураганда, кычырарга кату.

Бу жетирүни литературага жуук чүмдеерге турган болзо, Жабагаштын сыныкканын, сагыш алынгананын өскүрте көргүзүп, автор кычыраачыны кожо санааркаткан болзо, жылбилү куучын болор эди. Бириктире айткажын, оос поэзиянын жетирүлерин кееркеде көргүзери база бир сурак. Бу тушта автор укканын куучындагадый эттире бичиген. Айдарда кем, качан, неден улам оны куучындаганы база бир сурак. Мындый эп-сүмени кулаккла угарга эптү, же кычырарга күч. Орто ортозында өскө сөөктөрдүн бүткенин жартаганы жылбилү ле жиит үйеге тузалу.

Айдарда, бу бичимелде элден озо көбөктөрдүн салымы, угы-төзи ле сойондорло жуулашканы, амыр-энчү учун тартышканы түүкилик жетирү болуп артат. Тил жанынан «кебек» дегени түрк сөсти орус тилге көчүрзе, ойто ло жерлик ийт боло берет. Ончо түрктердин байлу аны көк бөрү болордо, өскө дө калыктарда бу сөс туштаганыла оморкойлы: «башкорт»–бөрүнүн бажы эмезе «ногай» дегени монгол тилден база «ийт» деп көчүрилет. Сөөктөрдө дө, бүткүл калыктардын адында да бу сөстин учуры жылыббаган.

С. Тадыкиннин айтканыла, көбөгөштөн жети сөөк Алтайда таркаптыр, онын бирүзи «жабак» болтыр. Бу сөөктөрдүн эл-жон ортодо таркаганын эмдиги өбөкөлөрдөн таныгадый: Калановтор, Чокватор, Толоевтер ле о.ө. Мындый ок жетирүни (эске алыныш ла калыктын чүмдү сөзин) бичик эттире жазаган кижини – Улаганнын орто үредүлү текши школынын үредүчизи – Н.Н. Санина. Ол бир жылда эки бичик чыгартыр: «Тайгалар» (2010), «Улаганнын укаалу сөзи» (2010). Онон озо чыкканыла алтай кычыраачы - «Улдаалар журтаган Улаган» (2008) деген бичигиле - таныш. Бүгүнгү жүрген жаан-жашту өрөкөндөрдүн эрмек-сөзин токой-чачпай угуп, бичип алала, эл-жонго, анчада ла жаны үйеге, жарлаитаны каруулу ла быйанду керек. Мындый ок эске алыныштарды өскө аймактар жууган, жарлаган болзо, ол түүкиге кере бичик болуп артар. Жада-тура, бичиичи улус ого тайанып, жакшынак повесть те, роман да бичиир аргалу. Онын башталганы - В. Ядагаевтин бичиктери. Калганчы өйөлөрдө Улаганнан Алтын-Ай Сартакова деп чүмдеечи бойынын куучындарыла соныркатты. Келер өйдө анда жакшынак проза өзүм алынар деп ижендирет.

Сакылталу бичик - үлгерчи Карлагаш Элдепованын «Жоголбос истер» (2011) деп көнү куучыны. Автордын жартаганыла, ада-өбөкөнүн өткөн жолун, Ак-Чолушпа өзөктө болгон 19-20-чи чактардагы учуралдары эске алыныш ажары эзедип, жаны үйеге бичип салары – төс амаду болтыр. К.Элдепованын сөстөриле: «Канча чактардын түбинен кандый ла изин элим артырга, ол истерди оvdурбаска октом көрмдер мени ойгоскон. Айса болзо, амадуум болуп алып жүрген жүктерим женилер, карган-тиженнен угуп жүргеним канча көгүске томурлып калар».

Көнү куучыннын төс геройы, Агуна, эки үйени өдүп, кара кыймыгунын кара көлөткөзүн эбеде көргүскен. Бичик башка-башка учуралдардан турат. Ол ончозы бажалыктарда темдектелген. Бир анылап темдектегедийи - ол авторын

байлык эрмек-сөзи, экинчизи - Ак-Чолушпа өзөктин эл-јонынын эрмек-куучыны, жүрүмнин чындык учуралдары.

Чүмдемелдин төс темазы - алтайлар XIX чакта крестке түшкени, Алтайда граждан јуу ла коммуна төзөлгөни, адакы учында актуга јабарладып, албаты-јон актуга айдадып, аттыртканы, јаны жүрүм тозогони – бу ончозы – түүкилик керектер Ак-Чолушпа өзөктин эл- јоныла колбулу учуралдарды токпой-чачпай јетирери. Мындый јаан амаду сүрекей ле солун болбоды. Ненин учун дезе түүкиде ол керегинде көп айдылган. Бу тушта түүкилик керектерди автор бойынын ондогоныла, көрүмиле кееркеде көргүзөргө ченешкен. Экинчизинде, литературада кижинин кубулчан санааларын бултаарта јетирери деген некелте бүтпей калды. Карлагаш јакшынак үлгерчи деп биле тура, прозала чүмдееринде бу бичик баштапкы ченелте болуп туру. Онын учун једимдер ле једикпестер туштайт.

Чүмдемел качан бичилер? Качан сени кандый да сурак ойкоп, амыр бербей турза эмезе ороондо, кижиде кандый да учурлу керек болгон болзо, деп јарлу бичиичилер айдып салган. К.Эльдепова дезе бойынын укканын, билгенин јаны үйеге јетирерге амадаган. Керектер туку XIX чактан башталып, XX чактын талортозына јетире чөйилет. Кандый керектер јуралган? Алтайлар крестке түжүп, булгалып, көксинде алтай јанын артырганы. Совет өйдөги граждан јуунын јанылгазы терен ис артырган, коммуна төзөлгөни ле айдуга албанла барганы.

Чүмдемелдин төс геройы бу ончо керектерди бир учукка тизип, кычыраачыга соныркада «куучындайт». Көнү куучыннын учында Боду деген уулчак ойто ло монастырь болгон јерге келип, коммунарлар јаткан турада –эмдиги школдын интернадында јадып үренерге атанат. Кандый учуралдар көгүске јаркынду ис артырды? «Чынчу камнын өлүми», «Эмчи Буубай», «Айдунын ачу јылдары», «Аттын солузы» ла онон до өскө. Је кезик бажалыктар бой-бойыла колбу јогынан бичилген, жанрдын ээжизи турумкай эмес. Чындык керектерди кееркеде көргүскени солун.

Бириктире көрзө, өскө чакта јаны үйе өзүп туру, анчада ла үлгерчилер көп, прозала чүмдегени ас туштайт. Бир јанынан, кееркедим литературанын өзүминде элден озо эске алыныштар, кере бичиктер, кеп куучындар орныгат. Оны ээчиде јаны романдар ла повестьтер чүмделер учурлу. Онын төзөлгөзи бар. Сакып көрөли.

Јаны авторлорло коштой атту-чуулу бичиичилердин чүмдемелдери ойтодон кепке базылат. Мынан озо К.Төлөсовтин, Б.Суркашевтин, Ш.Шатиновтын, С.Сартакованын чүмдемелдери чыккан эди. Бу тушта Л.Кокышевтин эки бичиги сүүндирди: «Елгерлер ле туујылар» (2010) ла «Туулардын уулы» (2010). Мынан озо онын «Мен слерди сүүгем» (1983) ле «Кереес јанар»(2000) деп үлгерлик јуунтылары ла эки романы (2003) ойто катап чыккан эди. Баштапкы адалганында талдалган үлгерлер чыккан. Тургузаачы А.Адаровтын бойынын өйинде айтканыла, 7 том чыгарар амаду болгон. Онын јүк ле поэзиязы 40 лист калын бичик, је акча-манат јоктын шылтузында чыкпаган эди. Эмдиги чыгарып турганы кандый ээжиле такып чыгарылганын ондободым. «Тубадан» (1958) баштаган болзо, онон озо чыкканы – «Алтын көл» (1956) - ненин учун ајаруда

жок артты? Такып чыгарылып жаткан болзо, жаны бичикте бир де түзедү жок болор учурлу. Мында дезе «Поэзия» деп үлгердин ады солылган, кепке базыларда көп жастыралар туштайт. Бу ончозы – шинжүчи кижиге чаптык, иш жоктон иш болуп жат.

Л.Кокышевти катап кепке базып чыгарганда, онын бичигенин кем де солыыр, өйгө келиштире жазаар, түзедер учуры жок. Бу чыгарганында «Тубанын» бажалыктары шылтагы жогынан кезилтир, өскө жолдыктарла башталат. Мынайда кылынарга жарабас. Чүмдемел ол ло бойы артар учурлу. «Тубаны» жанырта жазайла, экинчи катап чыгарарда, автор чикезинче темдектеп салган: «Жокту алтай кижиге алдамыш кей Тубанын ачымчылу да, ат-нерелү де жүрүми керегинде жирме төрт жанарлу туују» деп. «Елгерлер ле туујуларда»(2010) дезе 24 бажалыктан 16-чызы киртир. Естине бажалыктарды өскөртө адап салган. Л.Кокышевтин чүмдемелдерин бир чыгарза, алдындагы аайынча эмезе ончозын жылдарла керелеп темдектеер керек. Мындый иште кыйалта жогынан шинжүчи керек. Бичик чыгараачылардын база бир кылынганы – таныктарды баш билинип солыганы. Анайда бир автор бичиген болзо, жараар, улустын чийгенин түзедерге жарабас. Чын бичилеринин ээжизин буспас керек.

Драматургия аайынча эки сөс. Жыл башталарда «Восхождение на Хан-Алтай» («Алтайга көдүрилгени») деген көргүзү-ойын каланын драмтеатрынын сценанында тургузылган. Ол керегинде менин «Статьи об алтайской литературе» (2010) деген бичигимде айдылган учун, катап айтпайын. Бу тушта режиссер Н.Ф.Паштаковтын тургусканыла «Солтоннын уулдары» керегинде куучын өдөр. Ол аайынча «Алтайдын Чолмоны» газетте жетирулер болгон (К.Адарина, Т.Васильева, В.Кыдыеванын). Керек дезе жаны, тузалу жетирулер де айдылган. Текст кычыраачыларга таныш эмес болбогон. Ненин учун дезе оны бичиичи Б.Бедюров 60-чы жылдарда жаан-жаштулардан угуп, 70-чи жылдарда «Жылдыс» деген альманахта жарлаган. 80-чы жылдардан бери ол школдын бичиктерине кирип, кажы ла жыл кычырылат. Же текстти школо үренери ле сценадан көргөни база башка.

Андагы керектер Тибетте, Кыдатта, Алтайда ла Россия тергезинде өдүп туру. Керек дезе кара-казахтар керегинде база куучын өдөт. Мынан көргөжин, алтай фольклордо ло литературада мынайда башка-башка ороондорды көргүскени баштапкы катап. Сценада көргүзилип турган учуралдар 18-чи чакта өдүп жат. Төс аяруда кара маймандардын жуучыл жол-жорыгы, албатызы, Алтайы учун тартыжузы. Олордын өзөдөн бери журтаган жери – Иртыш бажында Таш-Соқы деген жер. Же олжодо болуп, айдадып, олор башка-башка ороондордо жүрген.

Сценада керектер Тибетте төс геройдын үредүзи тушта өдүп туру. Онон кыдаттар жайрадылган Ойрот каандыктын улузын бийлеп аларга ченежет. Көргүзү-ойынга бир ле түзедү жетпейт. Сценадагы тургузылган токтоодо озо баштап лама отурган, онон ого кыдаттын жуучылы чыгарда, үчинчи учуралда ого Боорды чыгарар керек болгон. Өскөртө айтса, ончо керектер Алтайда токтоор учурлу болгон. Бу тушта төс геройдын, Боордын сөстөри: «менин судурымды

эм тура кычырар кижн табылбас, јети үйенин бажында...» дегени шак бүгүнгн де эмес, келер өйгө келижет.

Естине, Боор төс герой болгондо, оны топ санаалу, өйлү көгүстү кижн эттире учына јетире апаргадый болгон. Ненин учун дезе ол Тибетте 18 жыл үренеле, айлаткыш көрүмдү белгеечи болуп јайалтыр. Көргүзү-ойында шак онын эрме-сөзин орныктырып, тоомјылу герой эттире көргүскен болзо, танылу ла бүдүмјилү болор эди. Блааш-тартышту деген геройлордын бирүзи – Эр-Чадактын сүр-кебери. Оны монголдор үч јаштуда олјолоп, бойынын черүзине кошкон, айдарда, ол монголдорго багынып калган, алтайларга өкпөзи өчпөгөн герой туру. Өй ол эки геройды ченеп јат: кажызы турумкай, кажызы садынчак.

Сценада тургускан сурак чике: кыдаттарга багынар ба, орустарга кожулар ба? Бу тушта ойто ло Боордын сөстөри болушту. Ол айдыптыр: «Кыдаттын, Монолдын јерине јуртаарга качан да барбагар... Ол коркышту калын албаты. Эдегинен ажына берер, алтайына батбай барар, слерди туй тепсеп салар».

Шак бу јолдыктарда алтайлардын тоозы ас болгоны, калык болуп артары учурлу. Байла, онын да учун бир өйдө алтайлардын башчылары Абак ла Мачык алтайларын орустарга кожуп јада айдыныптыр: «Качан бирде калыгымды, арба ла сула талдаган чылап, көзинен танып айрып аларым». Мынайда айтканы бүгүнгн өйдө чын болуптыр. Мындыј јол талдаганынан бүгүнгн алтайлар бүткүл калык болуп артканы бу туру.

Маймандар озодон бери јуртаган јерине - Эрчишке - једеле, катап ла белгелеген. Боор көрүп турза, кулун беени ажыра секирип турар. Айдарда, айлаткыш көрүмдү Боор айдыптыр: «Бистин эмди јуртайтан јерис – Бий сууны кечире, Кени-Урсул деген өзөк». Бу ончо белгелер айлашкыш Боордын эрмек-сөзине кийдирилген болзо, көргүзү-ойыннын учуры, кееркедим кеми, ийдези бийик болор эди.

Айдарда, алтай драматургия јаан јол алыныбаган. Каран Кошевти ээчиде Н.Ф.Паштаков бойынын бичиген ле тургускан көргүзү-ойындарыла аныланат. Келер өйдө шак бу жанрга ајару эдип, јаны драматургтар өскүрер керек. Оныла колбой, өскө калыктардын драмазына тайанып, јаны көчүрмелер белетеери база төс ајаруда. Коштой јаткан хакас ла тува карындаштардын драматургиязын төрөл тилле сценада тургусканы база тузалу.

Бириктире көрзө, јаны чакта литературага јайалталу јииттер кожулды, је јаркынду чүмдемелдер бичилгелек. Онын шылтузында кажы ла чүмдеечи бойынын узын курчыдып, јаан јаштулардан тем алып, чүмдү сөстин ийдезин бийиктедер деп иженедим. Анчада ла чүмдемелдин учурын теренжидип, керектерди ле учуралдарды теренжиде ле элбеде көргүзер аргалу. Андый чүмдемелдердин төзөлгөзи болгодый эске алыныштар, кере бичиктер ле билим јетирүлер бар. Оны ончозын јуунадып, јаныны ачар, ачылталар эдип, кееркеде јураары артат. Озо чыккан статьяларда В.Ядагаев, Рустам Тодошев, Сергей Адлыков, Јергелей Унукова деген чүмдеечилер керегинде айдылган учун оморды адабадым.

Көчүриш керегинде көп бичилбеген. Алдында жылдарда көчүречилер бойы эмезе бичиичилер сөс айдып туратан эди. 2004 жылда өткөн билим-

практикалык семинарда көчүрменин түүкизи ле эмдиги айалгазы керегинде айдылган. Бу өйдөн бери жарлалган көчүрмелер аайынча анылу ширтү болбогон учун, баштап тарыйын кандый көчүриштер эдилгенин көрөктөр. Көчүрөөчилердин анылузы не десе, олар жебрен орус, жебрен түрк, жебрен монгол тилдерден керек десе орто чактарда бичиктерди алтай тилге көчүртир. Андыйлардын тоозында А.Адаровтын «Кичү ле Жаан бичикти» (2002) С. Маловтын орус тилге көчүргенинен алтай тилге жетиргени. Түүкичи Г.П. Самаевтин (2004), көчүрөөчи Каран Кошевтин (2006), билимчи Т.М. Садалованын (2010) ло онон до өскөлөри.

Каран Кошевтин көчүргенин шинжүчи Т.Садалова ширтеп, мынайда айдат: «Величайший памятник древнерусской литературы, зазвучавший густым, сочным алтайским языком. Знакомые для алтайского восприятия образы ветра, шума реки, сравнения героев с птицами, зверями. При всем обилии конкретных топонимов, этнонимов, имен героев и персонажей перевод воспринимается и ложится на алтайский слух, греет сердце даже самого взыскательного алтайского читателя, что свидетельствует и о адекватности, богатстве алтайского поэтического языка» (Родник, 2011). Мынан артык баалап та болбозыс. Јүк ле поэтин калганчы јолдыктарын эске алалы:

Бу јүрүмнен айрылып барзам,
Суучак болуп шоорлой берейин.
Суузаган кижі үстиме энчейип,
Бойынын сүрин көрүнип турзын.

Экинчизинде, орус тилден Т.Шевченко «Тарас Бульба», француз тилден орус тил ажыра Антуан де Сент-Экзүпери «Кичү Бий»(2008) ле о.ө.

Ечинчизинде, түрк тилдүлердин чүмдемелдерин орус тил ажыра төрөл тилге көчүргени: чуваш Н.Ижендейдин «Тууларга бербеген баланын үни»(2002), саха-якут тилге «Јылдыстар когы» Ј.Каинчиннин ле о.ө.

Ол ок өйдө алтай тилден орус эмезе өскө түрк тилдерге көчүрилгени база бар. Темдектеп алза, тыва көчүрөөчи Менги Ооржак А.Саруеванын, С.Суразаковтын, Л.Кокышевтин, А.Ередеевтин, Г.Елемованын тоолу үлгерлерин бойынын төрөл тилине јазымы јоктон јакшынак көчүртир. Ол ок көчүрөөчи Н.Улагашевтин «Сынару» деген чөрчөги аайынча М.Бедушевтин пьесазын тыва тилге чындык көчүрген. Онын кепке базылып чыкканы «Менги» (Кызыл,2008) деп үлгерлердин, куучындардын ла көчүрмелердин јуунтызыда эмитир. Бу бичиктин база бир анылузы – автор бойынын үлгерлеринен өскө мында јопон поэзиядан ла монгол литературадан алган чүмдемелдер тыва тилге көчүрилтир. Түндештире көрзө, бистин ортодо мынайда өскө тилден төрөл тилге көчүргедий көчүрөөчилер.

Бириктире көргөжин, литературада јаны үндер бар, јаркынду чүмдеечини келер өй көргүскей. Је литературадын кееркедим кеми эм тура јабыс, тын аныланбайт. Байла, онын да учун кере бичиктер, эске алыныштар, кеп куучындар жарлалат. Јада тура, ого тайанып, бичиичилер солун чүмдемелдер бичиир деп иженели.

Өрө айдылганына кандый шеекте эткедий:

1. Билим иштерди эрчимдедер. Иштенгедий шивжечилер бар, фе иштегедий фери фок баскылайт;

2. Кееркедим литературада фавы ендер угулат, фе сөскө, сэр-кеберге, кееркедим шүүлтеге афару этпейдилер. Аймактар сайын көргөжин, төрөл тил кунурап баратканы сезилет.

3. Билим ле чемделген бичиктерге ширтеечи (критик) керек, оны өскө тилдерге фарлаарга анылу үредүлү көчөреечи фок. Елгерчи ле прозаиктер литературанын өземинде табылар, фе драматургты анылап өскөрер керек.

4. Елгерчилер эбиреде телекейди фурап көргөздилер, ичкирим телекейди сезим ажыра фетирип болбой турат. Оны шылтузында поэзияны ордына фалан ла эптү елгерлеш туштайт. Жавы чүмдеп тургандар прозаны жанрларын ылгаштырбай турган учун эм тура эске алыныштый, кере бичиктий чемдемелдер бичилет. Ого тайанып, чемдеечи качан бирде роман эмезе повесть бичир аргалу.

5. Чыккан бичиктерди көрзө, литературалык тилдин чын бичилеринин ээжизи шылтагы јогынап бузулат. Мыны билимчилер ле бичиичилер өмө-јөмө шүүжип көргөдий.

Бир чүмдемелди ылгаганы

а) Куучын кептү үлгерди көчүргени.

Сурайа Сартакованы ады 70-чи јылдарда литературага кирген. Ол јылдарда јаны чүмдеп тургандарга учурлалган семинар Горно-Алтайскта өткөн эди. Анда башка-башка аймактардан чүмдеечилер келип, бойынын ченелте бичимелдериле таныштырган. Олордын ортозында Сартакова Светлана Михайловна (эмди Кензина) јүрген. Москвадагы А.М.Горькийдин адыла адалган Литературный институтка ол бойынын аргазыла кирген болтыр, оны 1976 јылда божоткон.

Баштапкы үлгерлик јуунтызы «Јаш тужымнын јанары» (1977) деп адалат. Оны ээчиде оннон ажыра бичиктерлү. 1995 јылда Г. Чорос-Гуркиннин сыйынын лауреады деп адаткан, 1996 јылда Россия бичиичилеринин турчызы. Онын ады «Сибирь в лицах» (Новосибирск, 2001) деген бичикке кирген.

70-чи јылдардан талортозында кыстардын лириказы анылу јерде турат: Г. Елемова, Г. Умашева, С. Сартакова ла онон до өскөлөри. Онон озо кыстарга учурлалаган лириканы эр улус чүмдейтен. С. Сартакова десе кыстарды адынан чике айдынган. «Мен алтай кыс!» деген үлгерде поэтесса алтай кыстын кылык-јанын, анылузын темдектеп, оны чейне чечекле тундеп, кылыгы «јажыл өлөндий јымжак», кайа кептү кату деп үлгерлейт. Уул ла кыстын ортодо колбулар «Таныш эмес уулга» деген үлгерде чындык көргүзилген:

Эрмек айткан – кемзингем,

Төмөн көрүп, кару бергем.

Јылдыстый чокту көзине

Кирбик алдынан туйка көргөм.

От, очок, эне – бу төс теманы коп ширтеечилер, бичиичилер темдектеген. Жук ле Сурайанын бойынын ырызын анылаза, бүгүн ол - беш балалу, көп баркаларлу келин. Елгерчи кижинин салымы онын чүмдемелдеринде деп тегинду айдылбаган. Ончо сурактардын каруузы - онын бичиктеринде. Прозала ол кыскачак журамалдар чүмдеген. Олордын жанры солун – куучын кептү үлгерлер: «Тилим», «Жүрүм», «Уйат». Ол керегинде толо айдылар.

Алтан јашты алтай улус укаалу јаш дежер. Кижини, байла, жүрүмнин талортозын жүрүп, анылу санаа алынат, көрүм-шүүлтези де төп, айлаткыш санааларга да јединет. С. Сартакова бу кемине једингенин төмөги јолдыктар керелейт:

Бажымды качан да бийик тударга
Бажы буурыл кырларым үредет.
Калыкка күчимди кысканбай жүрөргө,
Коробос кутук сууларым үредет.

Алтай литература билимде куучын кептү үлгердив өзүми аайынча шиндемел иштер јок. Ненин учун дезе, XX-чи чактын бажында бу жанр табылып, јаан өзүм алынбаган. Жук ле XX-чи чактын экинчи жарымында андый жанрла бир кезек бичиичилер чүмдеер болгон. Кыскачак ла өдүмир чүмдемел болгоныла куучын кепү үлгер новелла жанрга жүзүндөш. Жүрүмде өдүп турган керектерди ылтап ла журап көргүзери бу жанрды авылу темдеги. Је куучын кепту үлгер сыравай башка эпле чүмделет. Мында элден озо авторды сезими, өкпөөринижи озолоп турар. Онов чүмдеечинив эп-сумези ле кееркедим эп-аргалары авыланар. Мынды жанрла ас-мас ла бичиичилер чүмдеп туру. Көп нургуны бу жанрды ээжизинен чыга бередиленер.

Сурайа Сартакованын «Тилим» деген бичимели куучын кептү үлгер деп жанрла чүмделген. Ненин учун дезе, элден озо мында лирикалык күүн-тап иле сезилет, экинчизинде, эрмектердив бүдүми авылу күүлтле(ритм) тургузылган. Ечинчизинде, такыптан айдылган сөсколбулар анылу угаштыру бүдүрет. Эмди бу айдылганы чикезинче тексттев көрөли. Автор бичийт:

«Алтай тилимди јокту, куучындаарга эби јок деп айдышкылайт. Јок, алтай тил – чечен тил. «Айткан сөс, аткан ок» дегендий, бир сөслө јыга салар аргазы бар, јылдысла тендей көдүрип те чыгар, чололоп то айт, мактап та айт, аткан октый – јаспас.

Алтай тил – ээлгир тил. Угуп отурзав, тирү тын-ийде урулып тургандый. Кандый койу, кожовдый коо, сарындый өткүн, ээзиндий јенил.

Алтай тил – эптү тил. Сөстөри ажындыра ту качаннав ла белетелип калгандый. Бой-бойына тизилип, эптү-эптү урулып браадар. Ээндий ээлип турар, тыттый бек ле быжу, мөштиј јымжак, угаштыра айтканы – корбологон артыштый.

Тилин билбес кижини – өскус. Тилин јектеген кижини - онов комой. Ол үүринен астыккан куш. Айдары јок јөөжөзин јылыйткан јокту».

Чүмдемел автордыв көдүривилу күүн-табыла бичилген. Төрөл тилин билбестерле ол чике удурлажып, алтай тилдин атаанын алып, оны корулап, көдүринилү сөс айдат. Чүмдемелдив јук ле баштапкы эрмеги тегин эрмекле

чүмделгендий: «Алтай тимди јокту, куучындаарга эби јок деп айдышкылайт». Айла, мында да лирикалык герой, ол ок автор, тилин корулап, «ол - менин тилим» - деп, ол чокымдайт.

Өскөртө айтса, өскө тилдердив ортозында менив төрөл тилим деген шүүлте чокым сезилет. Онов ары анылу ийделе, өкпөөртүле чүмделген жолдыктар бир аай тизилген. Онын кажызы ла «алтай тилим», «алтай тил» деген сөсколбудау турат. Кажы ла үзүк анылу күүлтле, күүле угаштырылган. Кажы ла бөлүкте алтай тилдив авылузы, учуры, аргазы јарталат. Кажызында ла авылу шүүлте айдылган. Баштапкызында, төрөл тил чечен болгоны; экинчизинде, тилдин ээлгири чокымдалган; үчинчизинде дезе, онын эптүзи көргүзилген. Бу түп шүүлтелер, тепкиштий, ээчий-деечий угаштырылган. Естине, кажы ла оудомол-шүүлте кееркедим кемиле авыланат.

Төрөл тилдив чеченин автор калыктын бир кеп сөзиле чике айдып салган: «айткан сөс, аткан ок», өскө јерде ол «октый» деп тундештирилген. Сөстив ийдези сүрекей тыв. Ол кижини јыга автарып та салар, эмез, јылдысла теудей те-нериге көдүрип те чыгырар. Чындап та, кадалгак, јаман сөстөв кизи орыыр. Сөс кижиге јыдадый кадалып, өйкөөр дө, өрүмдеер де, керек дезе өлтүрип те салар. Мактулу сөс дезе кижиге болушту, кажы тушта кижини өкпөөртип, өрө көдурер, канатандырып ийде-күч те берер. Автордын чүмдегениле, «Айткан сөс – аткан ок» дегендий, бир сөслө јыга салар аргазы бар, јылдысла теудей көдүрип те чыгар, чололоп то айт, мактап та айт, аткан октый – јаспас».

Экинчи бөлүкте төрөл тилдив ээлгири јарталат. Оны автор байлык эпитеттер ажыра көргүскен: алтай эрмек-куучын койу, кожовдый коо, сарындый өткүн, эзиндий јенил. Автордын чүмдегениле, «угуп отурзав, тирү тын-ийде урулып, тургандый. Кандый койу, кожовдый коо, сарындый өткүн, эзиндий јевил».

Төрөл тилдив эптү болгонын автор бир эрмекле көргүзет: «сөстөри (оны) ту качаннав ала белетелип калгандый». Бу эрмек тегин эмес, база тундештирүлү чүмделген.

Ечинчи мадакта автор тилдин эптүзин ээлгир ээне агашла, бек ле быжу тытла, јымжак мөшлө, корболоп өскөн арчынла тундештирет. Шак бу эпитеттер, тундештирүлердев башка автордын өкпөөринижи иле сезилет. Ол јогынан бу эрмекти бис тегин эрмек деп айдар эдибис. Мында автордын сүүжи, оморкожи, кайкалы салынган.

Төртинчи мадакта автордын бириктире айткан түп-шүүлтези. Орө төрөл тилин билер кизи айдынган болзо, мында дезе тилин билбес кизи – ол бойынын калыгы ортозында өскүзиреп јүрген кижидий деп тундештирилген. Автордын сөстөриле, «тилин билбес кизи – өскүс». Онов ол баштап «кушла», онон «јокту» кижиле түвейлештирилген. Тундештирү бу тушта јайылган кептү чокымдалат, өнөтийин куурчыда јуралат: «ол - үүринен астыккан куш» эмезе «айдары јок јөөжөзин јылыйткан јокту». Мынайда јаныс ла төрөл тилинин атаанын алып турган үлгерчи Сурайа Сартакова айдар ла үлгерлеер. Бу

јолдыктардын кееркедим кемин сезерге, куучын кептү үлгерди орус тилге јолдыктай көчүрели. Онын ады орус тилге «Родной язык» деп көчүрилет:

«Утверждают, что мой родной язык скуден, неудобен для общения. Напротив, алтайский язык - очень меткий язык. Как говорится в народе, «слово не воробей, вылетит – не поймаешь» - одним словом, он может «умертвить» человека или вдохновить его до расстояния звезды. Ругай или восхваляй его, все равно попадешь прямо в цель, словно пуля из ружья.

Алтайский язык - очень гибкий язык. Если прислушаться к его мелодике, то кажется, что, как будто, изнутри вливается какая-то жизненная энергия, мощь. Он льется так густо, словно задушевная песня, словно пронзительный стих, словно легкий ветерок.

Алтайский язык - очень удобный язык. Слова его как будто подготовлены заранее, давным-давно. Слово бусинки, нанизаны они друг на друга. Он – гибкий, словно рябина, крепкий и твердый, словно лиственница, мягкий, как кедр, слова его рифмуются, словно можжевельник ветвистый.

Невладеющий родным языком человек подобен сироте. Пренебрегающий родным языком - еще хуже. Он – словно птица, отставшая от стаи. Он, подобен нищему, потерявшему свое нажитое добро».

Көчүрмеде тилдив ончо јаражы, јажыды ачылат, сезими, шүүлтези јарталат.

Айдарда, Сурайа Сартакованы *«Тилим»* деген кыскачак чүмдемели ончо јанынан *куучын кептү үлгер* деп жанрга келижет. Мынайда өткөн чактын бажында Г.И.Чорос-Гуркин чүмдеген, ол чактын экинчи јарымында көп тоолу прозаиктер бичиген, ол тоодо Сурайа Сартакова болуп јат. Мынав да ары алтай литературада бу жанр өзүм алынар деп үлгерчинин *«Јүрүмнив элестери»* (2010) деген бичиги керелейт.

Төрөл тилин корулаган поэттердин база бирүзи – Карыш Кергилов. Ол бойыны *«Кайлык тилдү үйеме»* деген үлгеринде Сурайа Сартакованы шуултезин улалта үлгерлейт. Бүгүнгү јашөскүрим тил керегинде нени айтканын ол кайкап туру. Ого удурлажа поэт айдынат:

Кезик јииттердин айдып турганын

Угарга коронду, уйатту:

«Бу ла бистив алтай тилистив

Сөстөри келишпес ле јокту».

Ооско батпас эрмекти

Орустап, алтайлап четкилейт.

Озогы состорин айдарга

Уйалгылап јүргилейт.

Јастыра орустазан –

Каткы-шоодыш айрылбас.

А јаман алтайлазав –

Ајару да салынбас.

Энчи тилинди билбезев,

Эмди сен кандый укту?
Jeбрен тилис «жокту» эмес,
Оны билбес – сен жокту!

Поэт Карыш Кергиловтын төрөл тили jeбрен болгоныла оморкоп, оны бүгүңги жииттер канайда энчиленип турганын көргүзет. Мындый ок үлгерлер эмдиги жиит үйеде база бар. Оны жашөскүрим өкпөөртү жогынан кычырба,. кый-алта жогынан оныла омооркоор ло улуркаар. Адакыда Сурайа Сартакованың төрөл тилге учурлаган үлгерин орус тилге көчүргениле тундештирели. Онын жолдыктары быжу, топ, сөзлиги бескелү, курч. Елгер «Төрөл тилим» деп адалат:

Төрөл тилимниң кажы ла сөзи
Тын-канымдый. Меге баалу.
Жараш болгой тилдер өскөзи,
Жонымнын тили неден де кару.

Туманду чактарды өдүп келген,
Түмен калыктың тили болгон.
Тизеге түжүп, жайнап көрбөгон,
Тилдер ортодо кайылып калбаган.

Жеримнев айрылып, жер де кессем,
Тилим тынатын кейдий керек.
Канча да кире ардак та жүрзем,
Кайран тилим энчидий кереес.

Автор бу үлгерди 1979 жылда чүмдеген, оның көчүрмези «Язык родной» деп адалып жарлалган. Бу көчүриш једимдү деп темдектеер керек. Мынаң да ары андый көчүрмелер болор деп сакыйлы.

б) Поэттин сатиразы.

Лазарь Васильевич Кокышевтин «Культуразы јок немелер» деп үлгери оның «Адалар түжелет» (1972) деген јуунтызында кепке базылып чыккан. Шак бу јуунтыда поэттин сатиралу үлгерлери, өткөништери элбеде берилген. Оны автор «Улустын жүрүминев» деп ылгаштыра темдектейт. Литература билимде эки ондомол бар: сатира ла юмор. Юмор дегени – коот-күлүмјилү чүмдемел. Анда автор јадын-јүрумдеги каткымчылу учуралдарды автор кокыр-каткы ажыра көргүзет. Сатирада дезе жүрүмниң айалгаларын, керектерди ле кижинин кылык-јандарын өнөтийин көпчиде јурап, учурын шоодылганду эттире јурайт. Сатира – комический жанрдын бир бүдүми. Л.Кокышевтин өрөги адалган чүмдемелдеринде текши сүр-кебердең башка керек дезе чике улустын ады да адалат: Јамануул, Туйкаш, Баабый ла оноң до оско. Је өрөги үлгерде керек дезе ат та јок. Онын ордына Л. Кокышев «немелер» деген сөс тузаланган. Бир јанынан, ол өйлөрдө чике сөс табылбагандый деп бодолор. Экинчи јанынан, автордың адаганы кажы бир кычыраачыга јарабас та угулар.

Алтай улус, темдектеп алза, орус улуска көрө, бастыра бар-жок тынду ла тыны жок немеге «ол не?» деген суракла баштанат. Жаныс ла кижиге «Ол кем?»-деп, баштанат. Айдарда, Кижинин учуры бийик ле көдүринилү. Оны жабыс тужүрер учурыс жок. Бу тушта автор чикезинче алтай кижинин адын тужүрген уулга баштанып, онын «культурный» болор аргазын ченейт. Мында «коркышту культурный» уулдын тыш бүдүми, кылык-жаны, эрмек-сөзи – ончозы шоодо јуралган.

Баштап тарыйын ол бичикчи ле культураны билер деп јуралган: техникум-ды божоткон, «барган јерин суразау – Барнаулда токтогон» эмтир. Поэттин сөстөринде онын сүр-кебери бир ле темдекле көргүзилген – «килтиреген». Өскөртө айтса, бу чүмдемелдин төс геройы - тыш бүдүмиле јалтыраган, мызылдаган уул эмтир. Онын кеп-кийими де анылу: «сүүри башту өдүги» чике тундештирү ажыра коргүзилген: «сүзеген уйдын мүүзиндий», «солып кийген носогы солонинын јүзиндий», костюмын «косту очоктон туураладат», джинсы кийген эмтир, тыртык сабар бажында тырмагын јазап отурат». Сабарында десе јүстүктү эмтир. Коркышту культурный уулдын тыш кеберин автор мынайда јурайт:

Сирейе ле тебинзе,
Сигареди ышталат.
«Сирень деген јиколон
Сиркелү баштан јытанат.

Тижин күрүм арчыбай,
Джинсы кийип, шайравдайт.
Јүзүн јунбай јүреле,
Јүстүк кийип јарјандайт.

«Коркышту культурный уулдын» тыҥзынганы азыраган ада-энезине кандый күүндү болгонынау билдирет. Оны бир ле мадак керелейт: «Тере тонду адазын /«Тербезен» – деп каткырат. /Бажы буурыл энезин, /«Барыня» деп отурат».

Ада-энезинин аскан курсагын чексиркеп јерийт. «Чегенди» кефир что ли?» - деп билееркейт, «курутты» јиир-јибес отурат. Уулдын эрмек-сөзи орус сөстөрлө кошмоктолгон. Автордын сөстөриле:

Алтайлап эрмек сураза,
Айтпай оозын тыртыйтат.
Алдында јаткан газетти
«Алтайдын чолмоны» - деп кычырат...

Иностранный сөс билип,
Интересный неме айдат.
Бойына туней тенекти
Күйүндирип, кайкадат.

Бу мадакта автордын база бир сөс чокумдалып туру. «Неме» дегенин ол чикезинче «тенек» деп сөслө солыган. Төрөл тилин билбес уул «јүс албаты ортодо јүзин кайдаар сугат не?»- деп, автор кородойт. Онон теренжиде корзо, «Најылары сураза, нациязы кем деп айдат не?» - деп, поэт санааркайт. Бу улгердин төс шүүлтези төмөги јолдыктарда јажынган:

Кееркедип эткен кийимди
Кем де кийер јаны бар.
Кижинин онон јүзи бар,
Культуразы, тили бар.Е

Бу јолдыктарда автор алтай кижинин јүзи, культуразы, тили керегинде айдып турганы јарт. Ол өскө укту калыктардан оны анылап, башкаландыртып, ол ок ойдо оныла оморкоттыртат. Айдарда, Л.Кокышев бойынын сатиразында алтайлардын адын түжүргөн «тенектерди» көргүзип, оларды «куучындаарын ундыган культуразы јок немелер» деп адайт. Кижинин культурный болгоны онын кеп-кийиминде эмес, озо ло баштап байлык көгүс-көрүминде. Культурный кижикылык-јаныла да, ич санаазыла да, билгириле де, керек десе кеп-кийимиле де аныланар. Культура дегени, бир јанынан, кижинин когус-байлыгын керелейт. Онын экинчи учуры калыктын энчизиле колбулу. Культура дегени - ол калыктын откон јолын, түүкизин билери, онын једимдериле оморкооры, јевүлерин улалтары. Анылу ајаруда калыктын төрөл тили туру. Ол јогынан кижинин көкси куру болуп јат. Айдарда, автор бу чумдемелде алтай уулдын «коркышту культурный» болгонын кокыр-каткы ажыра шоодо јураптыр, бойынын ал-санааларын чикезинче көргүстир.

Сонында ол «Јүрүмге келишпес јүрүмдү уулдар» деп үлгер чүмдеген. Анда поэт алтай уулдардын салымын терең ондоп, шак ол тенексу санаанын шылтагы илезине чыгарат. Елгерди толо кычыралы:

Јүрүмге келишпес јүрүмдү уулдар,
Ненин де учун слер меге ачу...
Тыныжы јайым улуска, слерге,
Тымык јуртыгар, байла, тынчу.

Такталып калган јол-јүрүмде
Тапчы слерге, билерим оны.
Кайып учар күүндү де болзоор,
Канадаар јерде, билерим оны!
Салым слерди кыйа да берзе,
Санаагар бийик, билерим, слерди.
Тенери түбиле учпаган болзоор,
Тенек неме јок болор эди...

в) Бир үлгерди ылгаганы

Ончо поэттер јылдын өйлөрине учурлай көп үлгерлер чүмдеген. Кыш, јас, јай ла күски күндер јүзүн өндөрлө будулып, кычыраачынын сезимин ойгоскон. Ол тоодо – Шатра Шатиновтын «Кар айланып, айланып...» деген јолдыктардан

башталган үлгери. Онын шүүлтезин ондоп аларга, ас ла салза, үч-төрт сурактыҥ каруузын јартап алар: Көскө кандый јурук јуралат? Улгер кандый күүн-тапла чүмделген? Автор оны кандый сүр-кебер ажыра көргүзет? Елгердин төс шүүлтези кандый?

Баштап тарыйын ол ар-бүткенге ле учурлалгандый деп бодолор. Улгерчи бир болчок карычактыҥ јерге келип түшкенин көрүмјилү јурап, ар-бүткенниҥ айалгазын јарт көргүскен. Апагаш көбу карды кастын јуныла чике түндештирип, онын чыкту кейле јорыктаганын автор үлгерде тындандыра јураган. Нениҥ учун чыкту дезе, күски күн кышла солынат.

Карычак кейде јенил элбеҥдеп, чылазынду јорыктап, адакы учында, кижичилеп, арыган, чылаган, јерге келип түжеле, «тыны чыгып, мелирейт». Елгерде автор чике түндештирүден башка (кар//кас јувы), сүрекей көп олицетворение (айланып, элбендейт, мелирейт, јорыктап, үргүлейт), эпитет (чыкту) тузаланган. Онын шылтузында јурук божогон кептү, бүдүмјилү деп сезилет. Лирикада элден озо кижинин ал-санаалары (образ переживание), ич телекейи (душевный мир) сүр-кебер ажыра јуралат. Бу тушта кижинин сакылтазы, сүүнчизи ле амадузы, баштапкы кардын сүр-кебери ажыра көргүзиген.

Бу үлгер алтай кожоннын үлекер кебиле чүмделген, сегис јолдыктан турган. Эки мадактыҥ турган бүдүмин көрзө, кожоннын кебине бир ле мадак јеткедий, ондо ончозы айдылгандый. Је автор кожоннын кебин бузып, оны эки мадакка јетирет: баштапкы мадакта ар-буткеннин јуругы, экинчизинде - кижинин ал-санаалары. Баштапкы мадактын баштапкы эки јолдыгы туней табыштан да эмес, үйеден турганы эптү угаштырылат. Онон автор албатынын кожонынын некелтеринен чыгып, үлгердин ондайын јеткилдеерге үчинчи ле төртинчи јолдыктарды угаштырбаган, је учы угаштыру эптү угулат(элбендейт, мелирейт). Айтканысты быжулап, үлгерди толо кычыралы:

Кар айланып, айланып,
Кас јувындый элбендейт.
Јерге келип түжеле,
Тыны чыгып, мелирейт.

Чыкту кейде јорыктап,
Чылаганы бидирет.
Амадузы бүткендий,
Араай, тымык үргүлейт

Экинчи мадак туйук (баштапкы ла экинчи јолдыктар) ла үндү табыштардан (үчинчи ле төртинчи јолдыктар) башталат. Бу үлгер кожоннын кебиле 7-8 үйеден турган, јүк ле баштапкы мадактын үчинчи јолдыгы алты үйелү, је токтоду бар учун, ол билдирбей де туру. Бүткүлинче көрзө, үлгерде ар-буткеннин айалгазы кижинин ал-санааларыла, амаду-күүниле колбой јуралган.

Јерге келип түжерден озо, карычак кандый јол өткөни јуралат. Поэт карды тындандырып, адакы учында уйуктадып салды. Эмди јердин үсти ап-апагаш, тымык-тымык, эбиреде ап-ару кей. Лирикалык герой бойы да кыштын келерин сакып, баштапкы карычакка сүүниптир. Кар јааганы онын да сакылталу амадузы бүткендий бодолот. Је улгерде јаныс ла ар-буткеннин јуругы керек болгон

болзо, автор бойынын үлгерин «Кар» эмезе «Кышкы күн», «Кыш келгени» деп адап салар эди. Улгерге анылу ат берилбеген. Ненин учун дезе үлгердин учурында ар-бүткен ле кижини, кижини ле жер-телекей, айлаткыш шүүлтеле «журум ле өлүм» деген ордомолдор туштайт. Кардын буткени чыкту кейден. Күс кышла солынат. Онон яс ла жай болор. Ар-бүткеннин айалгазы (Круговорот в природе).

Елгерде анайда ок жаныскандыра кижинин айалгазы сезилет (мотив одиночества). Карычактын өткөн жолу кижинин салымыла тудуш (мотив дороги). Карычактын сүр-кебери ажыра автор кижинин салымын (мотив выбора пути) база көргүскен. Кижини жүрүминде бойынын жолун бедиреп, база көп буудактар өдүп (үлгердин жолдыктарыла, «чыкту кейде жорыктап»), амадаган амадузына жединет. Кижини бу жүрүминде нени де бүдүрүп салала, үргүлжикке бу жерде жөре берет (жүрүм ле өлүм). Айлаткыш санаа-көрүм. Кайкамчылу учурал. Бу үлгер поэтин баштапкы үлгерлеринин бирузи деп чотолот. Шатра Шатиновтын божогоны 2009 жылдын күчүргөн айдын тогузынчы күни. Шак бу күн Кан-Оозына кар күп ле түшкөн. Калыны жырым метр кире болор. Кенейте ле коронсоок кыш боло берген. Автор чумдеерин чүмдеп, бичиирин бичип амадузы буткендий үргүлжикке уйуктап калган. Онын бичиктери кычыраачыларга жажына артты. Айдарда, бу 1961 жылда чүмделген Шатра Шатиновтын үлгери бойынын айлаткыш шүүлтезиле терен учурлу. Мынайда бис бир улгердин тургузылган бүдүмин (композиция), чүмдү тилин (поэтический язык), автордын үлгерлежинин анылузын бүткүлинче шивдеп көрөдиз.

Елгерди көчүрер тушта кардын жерге түшкенин анылу сүр-кебер ажыра жетирер. Түп шүүлте: карычак тирү, тынду ол жүк ле «үргүлейт». Жолдыктай көчүргенин Алексей Тадиновтын көчүрмезиле түндештирели. Бистин жолдыктай көчүргенисле:

Снег кружится и кружится,
Словно перо гусиное, маячит.
Опустившись на землю,
Устало он дрожит.

По влажному воздуху путешествуя,
Заметно он притомился.
Цели своей достигнув,
Мирно, тихо дремлет.

Алексей Тадиновтин көчүргенинде угаштыру да бар, тындандыра жураганы да иле:

Снег в отсыревшем воздухе
Гусиным пером **кружится**,
Будто **мечтая** об отдыхе,
Устало на землю **ложится**.

Путешествуя, он притомился,

И продрогшим путником сирым,
Словно цели своей добился,
Задремал себе тихо и мирно.

Бу ок ўлгерди шор укту ўлгерчи Геннадий Косточаков база кочўрген.
Онын учун эки кочўреечинив кочўрмезин туудештире коргөдий.

II. Взаимоперевод тюркских литератур Алтайско - башкирские литературные взаимосвязи

До настоящего времени сравнивались обычно литературы разностадиальные, разноуровневые, разнонациональные. В типологическом плане чаще всего рассматривались взаимосвязи двух литератур, как, например, русская и киргизская (Мамбеталиев 1993), татарская и русская (Нигматулина 1997), башкирская и русская (Кульсарина 2007) и т.д.[1] В литературоведении обычно обращали внимание на то, как национальные литературы перенимали опыт русской и зарубежной литературы через их перевод на русский язык. Близкородственные литературы сопоставлялись лишь по отношению к художественному переводу.

Исторически сложилось так, что алтайская литература больше имело дело с татарской, нежели с башкирской литературой, поскольку в XIX веке духовная литература, а также первые буквари и книги для чтения издавались в Казани; некоторые алтайские миссионеры, а впоследствии писатели получили образование в Казани. Во второй половине XX столетия произведения татарских писателей переводили на алтайский язык. К примеру, сборник стихов «Мао-битская тетрадь»(1961) М.Джалиля существует на Алтае в переводе поэта А.Адарова.

Алтайско-башкирские литературы сравниваются нами впервые, так как в них прослеживаются генетические, типологические и контактные взаимосвязи.

Во-первых, они являются близкородственными не только в языковом, но и историческом и этнокультурном плане. Не вдаваясь в подробности исторических событий, отметим лишь тот факт, что по утверждению историков, в VI-VIII веках существовал тюркский каганат, народ которого расселился впоследствии по всему миру. На Алтае проживали разные племена и роды, самый многочисленный из которых «теле» или «теленгиты». Отсюда и произошло историческое самоназвание алтайского этноса как «теленгиты». Имена тотемных птиц и зверей до настоящего времени сохранены в названии титульных народов: туркмен (я – турок), башкорт (голова волка), ногай (собака) и т.д. В названии некоторых этнических групп или народов прослеживается их происхождение от птиц, как, например, куманы (куу+мен), хакасы (ак=кас), что переводится на русский язык как «я происхожу из лебедя» или «я происхожу из гуся».

Во-вторых, истоки этих литератур восходят к древней поэзии тюрков VI-VIII - XII веков. Почти до 90-х годов XX столетия мы не имели права говорить о своих древних корнях. В литературоведении существовал негласный запрет на удревнение истории тюркских литератур. Считалось, что многие нацио-

нальные литературы появились лишь после октябрьской революции. Профессор Н.А. Баскаков впервые ввел в периодизацию тюркских литератур орхон-енисейские памятники (Баскаков, 1948). Однако, в свое время его работа под названием «Алтайский фольклор и литература» (1948) подверглась критике и его концепция не получила дальнейшего развития. Лишь в последние два десятилетия восстанавливается предложенная им периодизация.

Некоторые ученые придерживались более позднего зарождения тюркских литератур. В частности, Г. Хусаинов считает, что «ранняя башкирская художественная литература восходит к болгарскому периоду (XII-XIII вв.), к древне-болгарским поэтическим памятникам» [1983, с. 12]. Все это свидетельство того, что тюркские литературы в течение многих веков отдалены друг от друга территориально и подразделены на зональные и региональные общности. Тем не менее, тюркские литературы признают поэзию древних тюрков единственным своим источником.

По верному замечанию Г.Хусаинова, «башкирская письменная литература является восточной по географическому признаку, генезису, по своей внутренней природе и типу. Многие ее генетические корни, типологические черты, поэтические традиции тяготеют к классическим литературам на арабском, персидском и тюркском языках» [Хусаинов 1998, 371].

В тюрко-монгольский период алтайская литература в течение пяти веков существовала в устной форме. Обнаруженные в последние годы буддийские молитвы, исторические летописи, дидактическая литература до настоящего времени остаются неисследованными. Однако, в фольклоре этого периода обнаружены песни, в которых упоминаются далекие от Алтая горы и реки. В частности, в народных песнях «Мырат-бий», «Шуну батыр» упоминается река Эдил (Идель-Волга), гора Урал. По мотивам, системе поэтических образов они напоминают башкирские кубаиры «Идель-йорт», «Эй, Уралым, Уралым». Значит, в этих строках прослеживается передвижение тюркских народов за Урал, через реку Волга.

В XV-XIX веках в башкирских, татарских литературах особое место занимает жанр шежере (родословная). По словам исследователя И. Хасанова, «Тарих нама-и болгар» (1805) Таджедина Ялсыгулова считается одним из ранних произведений тюркоязычной литературы, написанных в жанре шежере. В нем автор «приводит свою родословную, охватывающую предков с древнейших времен» [2006, с.24]. В типологическом плане образцом написания родословной в алтайской литературе считается автобиографическая повесть М.В.Чевалкова (1817-1901) под названием «Жизнь Чевалкова» (1860). Она написана, как известно, по просьбе тюрколога В.В.Радлова и опубликована в «Образцах народной литературы тюркских племен» (1866). Повесть основана на исторических преданиях и реальных фактах и событиях второй половины XIX столетия.

Впоследствии в этом жанре сочинял свои произведения И.М.Штыгашев (1861-1915). В башкирской литературе имеется также шежере, сочиненное в стихотворной форме. В них отмечается влияние не только письменной литера-

туры, но и героических сказаний. Из всего сказанного следует, что татарская и башкирская литературы считаются более зрелыми и богатыми в тематическом и жанровом отношении, по сравнению с алтайской.

Тем не менее, алтайская литература прошла путь ускоренного развития, за короткий промежуток времени переняла опыт развитых литератур, особенно русской, а через перевод и опыт близкородственных литератур. Об этом свидетельствует появление новых жанров в башкирской и алтайской литературах. К примеру, на рубеже XIX-XX веков в алтайской литературе существовали лиро-эпические жанры (басни, поэмы), дидактическая и духовная поэзия (поучительные и нравоучительные стихи), стихотворения в прозе и эпистолярные жанры и т.д. По верному замечанию башкирского литературоведа Г. Кунафина, «одним из плодотворных направлений является исследование историко-литературного процесса под углом зрения жанровой системы, позволяющее сочетать анализ общих закономерностей литературного развития с их индивидуальным творческим проявлением» [2006, с. 8].

В первой половине XX столетия литературы тюркских народов развивались в едином идеологическом русле, односторонне перенимая опыт европейских литератур. Как пишет Р. Баимов: «Основные жанры башкирской литературы формировались по западному (русскому) образцу. Тем не менее, ... традиционные формы восточной поэзии ... продолжали жить, обновляясь новым содержанием, особенно в творчестве первого поколения поэтов революционных лет» [2006, с.24]. А алтайская литература прикоснулась к литературным традициям восточных литератур лишь в середине семидесятых годов XX столетия.

В постперестроечное время тюркские литературы вернулись к своим древним истокам для того, чтобы заново обрести национальные традиции. На Алтае и в Башкортостане обнаруживаются наскальные надписи, философский и поэтический смысл которых интересуют не только рунологов, но и исследователей литературы. К примеру, на Алтае найдена надпись, содержание которой звучит философично: «Я окропляю землю кровью быка, для того чтобы исцелиться». По мировоззрению тюрков существует три мира: верхний, нижний и срединный. В среднем мире живут люди, по обычаю они «угощают» ушедших в мир иной, верхний, а также злых духов в подземелье. Или: «Опечалившаяся супруга твоя пусть покоится в мире своих предков» и т.д. Все эти надписи связаны с миропониманием тюркских народов.

Помимо генетических и типологических взаимосвязей во второй половине XX столетия отмечаются контактные связи алтайской и башкирской литератур. Точнее, в этот период происходит взаимоузнавание двух литератур на новом литературно-творческом уровне, точнее, через переводы художественных произведений. Так переведены на родной алтайский язык произведения башкирских писателей и, наоборот, на башкирский язык переводятся произведения алтайских писателей.

Обращение к художественному переводу на Алтае обусловлено, прежде всего, отсутствием драматических произведений на алтайском языке во второй

половине XX столетия. Исключение составляет драма «Туманный Аргут» (1969) Л.Кокышева, написанная в стихотворной форме. Алтайский писатель продолжил традиции эпических сказаний, одновременно он перенял опыт русских классиков. А именно, в 60-е годы ему идентично удалось перевести на родной язык драму «Борис Годунов» (1960) А. Пушкина.

Шатра Шатинов - как известно, поэт, автор более 20-ти поэтических сборников. Казалось бы, нет у него никакого опыта перевода драматических произведений. Тем не менее, он сумел конгениально перевести на алтайский язык трагедию «В ночь лунного затмения» (1978) Мустая Карима. При этом под его рукой были не только русский перевод, но и оригинал. Причем Ш. Шатинов был лично знаком с автором данного произведения. Трагедия башкирского писателя заинтересовала алтайского поэта и в содержательном и в образном плане, поскольку судьба алтайского и башкирского народов была драматична в историческом плане. Кроме того, обычаи и традиции их имеют общие черты сходства. Перевод трагедии осуществлен с оригинала, одновременно использован русский перевод. Чутье к близкородственному языку позволило строго следовать поэтической строке подлинника. По словам поэта-переводчика Ш. Шатинова, М. Карим при встрече одобрил его перевод, не было замечаний даже по поводу имен персонажей. Писатели встречались неоднократно в Москве, на Алтае, вели дружеские беседы о творчестве, о художественном переводе.

В трагедии, как известно, имеется сообщение Яманака о беркуте, выбрасывающем из своего гнезда птенцов. Этот эпизод придает произведению трагический исход. Перевод данных строк Ш.Шатиновым звучит несколько прозаично, но с тревожным оттенком: «Эне - муркут торт балазын талбып олтур койт! Ончозынын косторин ойо чокып, Уйадан канаттарыла чыгара таштаган». В этих строках заключены разгадка и развязка всей трагедии.

Судьба властной вдовы Танкабике predetermined заранее. Драматично сложились судьбы ее сыновей. В начале трагедии вдова достойна похвалы, поскольку весь дом, вся семья держатся на ее плечах. В конце – она оказывается обессиленной, неспособной помочь собственным детям. По словам Ю.Нигматулиной, «М.Карим в своем произведении показал власть социальных предрассудков над душами людей и даже над сердцем матери. Героиня трагедии М.Карима Танкабике из страха потерять власть в своем роду, из страха быть разоблаченной в грехе молодости выгоняет сына и его возлюбленную в степь в ночь лунного затмения на явную гибель» (Нигматулина 1997,с.167).

Влюбленные отрекаются от обычаев и традиций предков во имя чистой, светлой любви. Эти строки переданы переводчиком красочно и поэтично: «Төртилези, карын да, кудайлардый. Төрт омок каандардый. Төртилезинив бажында чолмон фарыйт, Төртилезинин үстинде күн чалыйт» и т.д.

Перевод Ш.Шатинова насыщен образными выражениями, переданными пословично-поговорочными строками. Нередко встречаются фразеологизмы, подчеркивающие поэтичность строфы. В этом смысле перевод соответствует оригиналу. Алтайский читатель и зритель удовлетворены переводом Ш. Шатинова. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы и рецензии на спек-

такль и перевод, опубликованные в местной прессе в 1978 году. Ш. Шатинов, действительно, успешно справился с передачей поэтических особенностей произведения. На наш взгляд, в переводе встретились две равносильные личности – автор и переводчик, которые оказались в стихии сотворчества.

Впоследствии Ш. Шатинов посвятил Мустаю Кариму, поэту-герою, поэту-наставнику, ряд стихотворений, опубликованных в его сборнике стихов «Луна у колыбели» (Горно-Алтайск 1982, 8-11). Как известно, нелегко войти в мир чужого поэта и слиться с его героями, жить и страдать вместе с ними. Так и случилось с алтайским переводчиком Ш. Шатиновым. По завершении перевода трагедии М. Карима он ощутил полное «опустошение», с одной стороны; с другой, творческую свободу и великое удовлетворение со сделанным. Об этом свидетельствуют три стихотворения, посвященные башкирскому писателю Мустаю Кариму. Одно из них без названия, первые строки которого звучат кратко, как констатация факта: «Завершена работа». Характерно то, что в нем снова оживают герои переведенной им трагедии. Алтайский поэт прощается с ними как с живыми, родными. Любовь Акјигита и Зубаржат сравниваются по-этом с ножом в футляре. Строками переводчика: « Акфигит ле Зубаржат - / Айрылышпас кын- бычак -/ Ак чек тапту, сури кеен, /Алтайлап слерге суушкен». Их невозможно разлучить. Образ влюбленных чист и прозрачен. Переводчику равно близки и другие персонажи трагедии М. Карима: светлый мальчик Дьяманак и вечный бродяга Тензиш. Ведь в жизни всегда существуют добро и зло. И в этом противоборстве любовь, по словам поэта, «побеждает» злую зависть.

Ш. Шатинов, словно первый читатель своего перевода, в своем стихотворении рассуждает не только о судьбе героев трагедии, но и о вечных вопросах бытия. Творческая работа завершена, переводчик освобожден от таинственного мира поэта Мустая Карима: «Сижу я опустошенный,/ словно потерявший жемчужину, закуриваю./ И, кажется мне, что я разгадал тайну Карима,/ Разрезав и зашивая снова, сердце его». Вот его оригинал: «Доксырап калган отурым./ Доктонып, танкымды тартадым. /Каримнин фўрегин кезеле,/ Кайкап калгамдый шидейле».

Последующие два стихотворения («Вдали от славы и величия», « Когда Мустай похлопал по плечу») посвящены реальной встрече двух близкородственных поэтов. Место их встречи – Малеевка, дом творчества писателей в Подмосковье. С одной стороны, они отдыхают творчески. С другой стороны, как одаренные личности, создают свои произведения в тиши, вдали от родного дома. Тем не менее, идет процесс сотворчества, взаимного узнавания, взаимного понимания двух поэтов. Алтайский поэт воссоздает в своем стихотворении годы Великой Отечественной войны в Подмосковье, где участвовал башкирский поэт. Вот и реальные факты из биографии писателей легли в основу очередного стихотворения. Как известно, Мустай Карим в одном из сражений получил ранение в грудь. Поэт-солдат выжил от ранений и после войны продолжал воспевать родину-мать. Этот эпизод поэтически воссоздан в стихотворении Ш. Шатинова.

В третьем стихотворении встречаются два поэта: один из них умудренный опытом поэт-герой, другой - отличающийся скромностью и деликатностью алтайский поэт. В стихотворении подчеркивается простота, добродушие М. Карима и творческое вдохновение автора. Получив одобрительную поддержку аксакала, он активно продолжает перевод других драматических произведений для национального драматического театра им. П.В.Кучияка. К примеру, Ш.Шатиновым переведены на родной язык произведения русских и зарубежных писателей: Н.Гоголя «Женитьба», Н.Островского «Без вины виноватые», Э.Филиппе «Цилиндр», У.Шекспира «Отелло», Б.Шоу «Пигмалион», К.Гальдони «Трактирщица» и другие.

В 80-е годы состоялись встречи алтайских и башкирских писателей на земле Башкортостана (1982) и Алтая (1983). Итогом этих встреч послужили переводы произведений башкирских писателей на алтайский язык, которые представлены в литературно-художественном сборнике «Песни с Урала» («Уралдын фанары», 1983). В него вошли стихи Салавата Юлаева в переводе К.Телесова, Я.Кулмыя в переводе П.Самыка, Ш.Биккол в переводе И.Белекова, Б.Рафикова в переводе В.Качканакова, Р.Сафина в переводе А. Адаров и других. Кроме того, в эти годы переведены на алтайский язык автобиографическое произведение М.Карима «Долгое, долгое детство» в переводе Т.Торбокова, драма А.Мирзагитова «Змея в пазухе» («Койнында фылан») в переводе П.Самыка. В целом алтайский читатель имеет общее представление о башкирской литературе. В настоящее время в алтайские школьные учебники вошли отрывки двух произведений М.Карима: «Долгое, долгое детство» (7кл) и «В ночь лунного затмения» (11кл), а в курсе «Литературы тюркских народов России» студенты знакомятся с башкирской литературой в переводе на алтайский язык.

Таким образом, в последнее десятилетие происходит единение тюркских народов через осознание своих исторических корней. Во-вторых, отмечаются типологические и контактные связи литератур не только с тюркской, но и с русской, а через нее с зарубежной литературой посредством взаимного перевода художественных произведений национальных писателей. Переведенные на родной язык художественные произведения башкирских писателей становятся литературным наследием алтайского народов. В дальнейшем предстоит возобновить прерванные творческие контакты писателей и продолжить взаимоперевод художественной литературы непосредственно с языка оригинала, а также подготовить переводчиков национальных литератур.

Литература.

1. Маметалиев К. Русско-киргизские литературные связи. - Бишкек, 1993; Нигматулина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. - Казань: ФЭН,1997; Кульсарина И.Г. Мотивы и образы башкирского фольклора в русской литературе XX века - Уфа: Гилем,2007

2. Баимов Р.Н. Восточные традиции и башкирская литература XX века.// Восток в исторических судьбах народов России Книга 2-я –Уфа:Вили Окслер.2006.-с.24-25; Кунафин Г.С. О некоторых вопросах жанрового изучения лирического рода литературы// Там же/ - С.81-83.

3. Хусаинов Г.Б. Башкирская советская поэзия. 1917-1980.- М: Наука,1983

4. Хусаинов Г.Б. Истоки и традиции // Хусаинов Г.Б. Литература и наука.- Уфа:Гилем, 1998
5. Нигматулина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. - Казань.- 1997
6. Мустай Карим. Ай карыккан тунде («В ночь лунного затмения») – Горно-Алтайск, 1978 (перевод на алтайский язык Ш.Шатинова)
7. Киндикова Н.М. О переводе трагедии «В ночь лунного затмения» М.Карима // Материалы конференции «Урал-Алтай: через века в будущее» - Уфа, 2005
8. Шатинов Ш.П. Луна у колыбели. Стихи. – Горно-Алтайск, 1982.- С.8-11
9. Уралдын фанары (Литературно-художественный сборник «Песни с Урала»). - Горно-Алтайск, 1983

Алтайско-казахские литературные связи: история и современность

Алтайско-казахские литературные связи до настоящего времени не были предметом литературоведческого исследования. Рассматривались лишь фольклорные связи двух народов, в частности, роль фольклора в развитии каждой из названных литератур или становление национальных литератур под влиянием русской литературы. Причиной столь позднего интереса к обеим литературам явились то, что алтайская и казахская литературы оказались родственными, причем со второй половины XIX века на Алтае проживает диаспора казахов. Казалось бы, зачем сопоставлять тюркские литературы: алтайскую и казахскую? Между тем в литературе этих народов имеются общие этно-эстетические корни, типологические схождения в тематическом, образном плане и контактные взаимосвязи.

Под общими корнями имеются в виду орхоно-енисейские памятники, включенные в литературоведческий оборот лишь в 90-е годы XX столетия. Как известно, после того как появилась работа ведущего тюрколога И.В.Стеблевой «Поэзия тюрков VI-VIII веков (М.: Наука,1965), каждый из тюркских народов искал свое, собственное в общетюркской литературе. Так, если в 40-е годы речь шла только об истоках киргизской [Богданова,1947] и алтайской [Баскаков,1948] литературах, то в конце 60-х годов XX столетия М.Джолдасбеков ищет корни казахской литературы в древней поэзии тюрков (Джолдасбеков,1969). Как пишет Б. Д. Балапанова, «не трудно заметить генетические связи многих стихов-талгау, казахских жырау XI-XVIII вв.. с текстами орхоно-енисейских памятников VI-VIII веков с общетюркскими письменными памятниками XV-XVIII вв..» [Балапанова, 1987, с.4].

С тех пор пересмотрена периодизация тюркоязычных литератур, по-новому осмыслены исторические корни и их современное развитие. Ныне мы придерживаемся четырех основных периодов в истории тюркских литератур Сибири: древнетюркский, который охватывает VI-VIII-XII вв.; тюркомонгольский (с XIII-XVIII вв.); литература второй половины XIX - начала XX столетий и литература XX-XXI вв.

К сожалению, после распада Советского союза, казахская литература не вошла в энциклопедический словарь «Литературы народов России. XX век.»

(М.:Наука,2005). Неслучайно Мурат Ауэзов предлагает: «Нам нужно неустанно раскрывать самих себя, от имени региона разговаривать и договариваться с остальным миром, выходить на международные организации высшего уровня» [ж. «Дружба народов»,2007,№6]. И действительно, пока мы сами о себе не расскажем, кто о нашей литературе напишет? Было время, когда создавали коллективную «Историю советской многонациональной литературы» (М.: Наука,1970-1976). Сегодня каждый из национальных литератур пишет историю своей литературы, причем на родном и русском языках. «История казахской литературы» на казахском языке написана в 6 томах (Алма-Ата,1960-1967), мы же сумели создать «Историю алтайской литературы» в двух книгах (Горно-Алтайск, 2004) на русском и на родном языке («Алтай литературанын түүкизи», 2008).

Как известно, казахская литература существует на Алтае в русском и алтайском переводах. Алтайский читатель с 50-х годов XX столетия узнал имена казахских писателей Чохана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева, Мухтара Ауэзова, Ануара Алимжанова, Олжаса Сулейменова, Ильяса Есенберлина, А.Нурпеисова, Ф.Унгарсынову, М.Шаханова и многих других. Исторически сложилось так, что имя первого алтайского писателя второй половины XIX столетия М.В.Чевалкова (1817-1901) называлось наряду с именами казаха Чохана Валиханова (1835-1865), бурята Доржи Банзарова.

Казахская литература вошла в алтайскую культуру благодаря переводу ее на родной язык. Так, в 50-е годы в школьные учебники необходимо было включить произведения разных национальностей. Алтайского сказителя Н.Н.Улагашева (1861-1946) сопоставляли с казахским акыном Джамбулом Джабаевым, дагестанским Сулейманом Стальским и т.д. Однако переводчиками в те годы выступали не профессионалы, а далекие от литературы люди. Поэтому художественный уровень переведенных произведений не всегда соответствовал оригиналу, при этом переводы осуществлялись с готового русского перевода.

Уже к концу 50-х годов качество переводов улучшилось, так как к переводу привлечены были профессиональные поэты, только что закончившие в Москве Литературный институт им. А.М.Горького, ныне известные поэты Алтая Аржан Адаров, Лазарь Кокышев, Эркемен Палкин, Б.Укачин и другие. Так, в 1958 году переведены на алтайский язык лучшие стихи казахского поэта Саттара Сейтхазина: «Айтпа», «Сүүген эдив», «Жылкычы» в переводе А.Адарова [Алт.Чолм. 1958, за 12 февраля]. Именно в этом году писатель С.Сейтхазин впервые побывал в Горном Алтае в составе российской писательской делегации. В 60-е годы особый интерес представляет рассказы Мухтара Ауэзова в сборнике «Дети мира»(1964) в переводе алтайского журналиста В.С.Кыпчакова.

В дальнейшем художественный перевод приобретает двусторонний характер: алтайская литература переводится на казахский, и, наоборот, казахская переводится на алтайский язык. Таковы, к примеру, стихотворения Сырбая Тауленова, посвященные Алтаю, в переводе алтайского поэта А.Адарова; сборник

стихов «Алтайские мотивы» (1971) А.Адарова в переводе С.Сейтхазина; роман Ильяса Есенберлина «За свободу степей» («Чөлдөрдүв жайымы учун», 1974) в переводе А.Адарова; роман «Арина» (1972) алтайского писателя Л.Кокышева в переводе на казахский язык С.Сейтхазиним и др.

По поводу исторического романа «Хан-Кене» И.Есенберлина переводчик А.Адаров пояснял алтайскому читателю: «Действия в романе происходят в 40-е годы XIX столетия в казахстанской степи. Автор описывает исторические события художественно правдиво и убедительно. Главным героем выступает Касымов Кенесары, бесстрашный воин, не раз одержавший победы и поражения» [Адаров, 1974, с.3]. Критики спорят по поводу достоверности исторических событий. Нам важно художественное отражение их в произведении. Роман отличается изобилием художественно-изобразительных средств, богатством образных выражений, красотой слова и мысли. В переводе А.Адарова он обрел вторую жизнь на Алтае.

Достаточно передать песню рано повзрослевшей 14-летней девочки, вынужденной вместе со всеми кочевниками переселиться в другие края: «Төрөл жерим көзимнев ырап жат, / О, Төрөлим! Ыйым тумалап жат. / Неге кудай сен бисти каргады, / Ак-жарыкта тоскурып айдады? / Кару жеристи бис таштап барганыс, / Кайра көрүп, ыйлап калганыс... / Өскө жердеп нени табары, элим? / О, кайда менив кайран жерим? / Жаштап ала түбек бисти базырган, / Чечек жайылбай, төзинде кургаган. / Карыкчалду бистив ол салымыс, калыгым, / Күн алдында биске өскө жер жок калыгым».

Смысловой перевод этих строк: «За что мы покидаем родные края, / О, моя родина-степь. / Задыхаюсь я от плача, о, мой народ! / На чужбине мы завянем, словно нераспустившийся цветок, / Такова наша печальная судьба. / Под солнцем нет для нас другой земли».

Примерно так воспевал свою родину алтайский народ, оказавшись на чужбине: «Эртишти төмөн кас келди, / Эки канады бош келди. / Эне Алтайды сананып, / Эки көзимнев жаш келди. / Кадынды төмөн кас келди / Канады төзи бош келди / Кайран Алтайды сананып, / Кара көзимнен жаш келди». В этих строках упоминанием двух рек - Иртыша и Катуня - четко нарисован образ Алтая. А чувства и мысли человека выражены через образ птицы - гуся.

А самое главное для нас является то, что оба писателя в свое время были знакомы друг с другом, о чем свидетельствуют воспоминания А.Адарова, помещенные в предисловии переведенного им романа: «Ильяс Есенберлинди мен жакшы билерим. Оны «Чөлдөрдүв жайымы учун» деп романын мен акту күүнимнев жилбиркеп көчүргөм. Бу - ойгор көгүстү, курч санаалу, жаан жалакай жүректү кижини. Мен ого Алма-Атаны алтын күзинде, Азияны ла Африканы писательдеринин У-чи конференциясында туштагам. Казах ла алтай литератураларды колбузы жылдып жылга там ла тыгып жат. Ол колбуны башталарында улу казах жеринин эв жаан бичиичилеринин бирүзи Ильяс Есенберлин турганы сүрекей жарамыкту» [Адаров, 1974, с.3]. Впоследствии, уже в зрелом возрасте, поэт Аржан Адаров под влиянием этих переводов (кроме казахских романи-

стов, им переведен роман Ч.Айтматова «И дольше века длится день») приступил к написанию собственных исторических романов «Синяя птица смерти» (1993), «Сердце, опаленное огнем» (2001).

В первом романе действия происходят на стоянке, куда поселился главный герой, бывший работник обкома партии Эрел Яприн. Он осознанно готовится к своей смерти. Однако его беспокоят воспоминания прошлого, поскольку пятнадцать лет своей жизни он просидел в тюрьмах Магадана, Колымы, Красноярска. Эрел Яприн - не случайный человек, он - полиглот, владеющий четырьмя языками, одаренный музыкант, художник, мастер на все руки. В последние годы старик зарабатывал на хлеб, работая печником. От изображения прошлых лет автор легко переходит к сегодняшнему дню, действительное переплетается с ирреальным, как сон и явь. Герой разговаривает с самим собой. Иногда души ушедших в иной мир людей становятся собеседниками. Так раскрываются исторические события XX столетия. Таким образом, в романе «Синяя птица смерти» изображена не судьба одного человека, а целого народа.

Ярким событием в литературной жизни Алтая явилась публикация отрывков перевода романа «Абай» Мухтара Ауэзова (1897-1961) в литературно-художественном альманахе «Алтын-Кель» («Золотое озеро», 1978, №1, с.108-113). Перевод осуществлен прозаиком Т.Торбоковым профессионально, художественно выразительно. Неслучайно он вошел в школьную хрестоматию «Алтайская литература» (2001), а в курсе «Литература народов СНГ» в вузе изучается «Кан-Кене» И.Есенберлина и трагедия «Тайна, унесенная Чингисханом» М. Шаханова.

В 80-е годы возобновлены личные и творческие связи казахских и алтайских поэтов. Об этом свидетельствует статья критика С.С.Каташ под названием «Бессмертие таланта», посвященная 90-летию казахского писателя М.О.Ауэзова, опубликованная на алтайском языке в альманахе «Эл-Алтай» [1988, №2, с.115-120]. Особенно активно публикуются в периодической печати Алтая стихи С.Сейтхазина в переводе алтайских поэтов Паслея Самыка и Эзендея Тоюшева. Его стихи изданы на Алтае отдельной книгой под названием «Красный генерал» (Горно-Алтайск, 1971). Все это способствует текстологическому сопоставлению перевода одного произведения разными переводчиками. Это в основном лирические стихи С.Сейтхазина: «Жаскы чөл», «Айга сүскен Алатау», «Жаш тужыма жанадым», «Кураандар кабырган кыс», опубликованные в альманахе «Алтын күс» (1982) и «Эзен бе, Алтай», «Бистив ойибис керегинде» [газ. «Алтайды Чолмоны», 1982, за 23 июня]. Отдельные стихи Абая Кунанбаева опубликованы в переводе на алтайский язык Э.Палкиным («Жиит тужымда үредүге»// альманах «Алтын-Күс»). Переведенные на алтайский язык произведения казахских писателей становятся литературным наследием алтайцев. Знаменательным явлением в культурной жизни обоих народов явился 125-летний юбилей со дня рождения Абая. Этой дате посвящена статья С.Каташ под названием «Великий сын казахского народа» [Звезда Алтая, 1971, за 14 июля]. Им же опубликована очередная статья о казахско-алтайских культурных связях «Древнее родство и братство» [Звезда Алтая, 1983, за 16 августа].

К сожалению, с 90-х годов XX столетия мы потеряли всяческие связи с казахскими писателями. За это время в каждой из упомянутых литератур появились новые романы и повести, интересные рассказы и стихи, не всегда доступные алтайскому, казахскому читателям. По этому поводу критик Виктор Бадиков своевременно пишет: «Эпоха современной казахской литературы началась с 1991 года, с обретения независимости. Казахская словесность заново восстанавливает историю своего народа» [ж. «Дружба народов», 2007, №3, с.213-215].

В алтайской литературе тоже происходит много интересного в идейно-эстетическом, тематическом, жанровом плане. В повести «Пусть глазам покажутся алтайские горы» Дибаша Каинчина, к примеру, описано возвращение из Казахстана репрессированных алтайцев. Мать с тремя малыми детьми после мучительного пребывания на чужбине пешком переходит бескрайние казахстанские степи и, наконец, оказываются на родине. В самые трудные минуты своей жизни алтайская женщина по имени Мызыл обращалась к Алтай–Кудаю и шептала одно и то же выражение: «Пусть глазам моим покажутся родные мои горы!». Современных алтайских писателей интересуют не только события XX столетия, но и древнетюркские события. Таковы повести «Пепел звезд» (1992) Д.Каинчина, сонеты «Тени Куль-Тегина» (1995), трагедия «Письмо, посланное из каганата» (2000) А.Адарова, рассказы «Племя Беркута» (1986) Д.Маскиной, «Синий волк» (2004) Н.Бельчевой. В них ставится вопрос о том, возможно ли единение тюрков в наше время?

Однако, из-за отсутствия профессиональных переводчиков, новинки алтайской и казахской литературы остаются лишь в оригинале. Разве что последние исследования литературоведов написаны на родном и русском языках [6]. В этом смысле мы солидарны с мнением упомянутого В.Бадикова о том, что «поэзия – наиболее развитый жанр. Вся беда в том, что они не переводятся на другие языки и существует в локальной среде». Далее, он отмечает отличительные черты поэзии современных казахских поэтов: «В стихах Темирхана Мадетбека, Болата Шарахымбая, Есенбая Дуйсенбайулы бьется пульс нашего сложного времени. Стихи их упруги, мускулисты, ассоциативны, актуальны, строптивы, гражданственны. Особняком стоят признанные интеллектуалы Мурат Ауэзов и Ауэльхан Кодар» [ДН, 2007, с.215]. Эти стихи хочется читать и на алтайском языке. Такие же характеристики можно дать и алтайским поэтам. К сожалению, мы не слышим друг друга. Проблемой остается восстановление дружеских связей обоих народов, возобновление перевода алтайской и казахской литературы непосредственно с оригинала, нередко даже, минуя русский перевод.

Таким образом, очевидны генетические, типологические и контактные связи алтайских и казахских писателей, велика роль художественного перевода в развитии национальных литератур, творческих личностей обоих народов. В дальнейшем предстоит возобновить прерванные творческие контакты писателей и ученых, продолжить взаимный перевод литератур непосредственно с языка оригинала или с русского перевода, а также подготовить будущих переводчиков национальных литератур. Остается лишь протянуть руки, чтобы приобрести изданные в национальных республиках художественные книги.

Литература.

1. Ауэзов Мурат. Под впечатлениями Японии// ж. Дружба народов. - М.,2007, №6
2. Бадиков В. Казахстанская литература начала века.// Дружба народов, 2007,№6.- С.213-215
3. Джолдасбеков М. Древнетюркские литературные памятники и их отношение к казахской литературе. – Алма-Ата, 1969; Балапанова Б.Д. Социальные и дидактические мотивы в казахской поэзии ХУ-ХУШ вв. (Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук). - Алма-Ата, 1987.-С.4.
4. Каинчин Д.Б. Көстөриме туулар көрүнзін (Пусть глазам покажутся горы) –Горно-Алтайск,
4. Каташ С.С. Алтайские варианты казахского эпоса «Козы–Керпеш и Баян-Слу»// Ученые записки ГАНИИИЯЛ, вып.4,1961.- С.73-91.
6. Киндикова Н.М. Алтайская литература: проблемы и суждения. – Горно-Алтайск, 2008; Ее же. Сборник статей об алтайской литературе. - Горно-Алтайск, 2010
7. Кондаков Г.В. Связь времен. Русско-алтайские литературные связи дооктябрьского периода. - Горно-Алтайск,1979; Кондаков Г.В. Духовное согласие. - Горно-Алтайск, 1983; Маметалиев К. Русско-киргизские литературные связи.- Бишкек, 1993;Нигматулина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур.- Казань, 1997; Кульсарина И.Г. Мотивы и образы башкирского фольклора в русской литературе ХХ века.- Уфа, 2007

Ч. Айтматов алтай тилле: көчөрмелерди түндөштүргөни

Кыргыз бичиичи Чынгыс Торекулович Айтматовтын ады-чуузы телекейде текши фарлу. Онын чөмдемелдери башка-башка тилдерге көчөрүлөт, ол тоодо алтай да. Өскө утку бичиичилердин чөмдемелдерин көчөрүп тура, алтай бичиичилер Ч. Айтматовтын чөмдемелдерине авылу афарулу. Ненин учун дегежин, элден озо, кыргыз калык – алтайларга эу ле фуук карындаш калыктардын бирези. Чокымдап айткажын, көрөм-шөөлтезиле, кылык-фавыла, фадын-фөрөмиле де. Өе кыргызтар мусульмандар болуп авыланат. Экинчизинде, Ч.Айтматовты телекей кычырып турарда, алтайлар да артпаска турган эмей. Учунчизинде, жавыс ла калык ортодо эмес, бичиичилер ортодо натыйлык тыгыганыла колбулу. Төртүнчизинде, Ч.Айтматовтын чөмдемелдеринде тургускан сурактар ойдин курч сурактары болуп, ончо бичиичилерди жылбиркедет. Ол ок ойдо кыргыз бичиичинин чөмдемелдерин алтай тилге көчүргөни бичиичилердин чөмделге узун ченерге мөрлү. Онын камааны жаныс ла бир-эки бичиичиге жеткен эмес, бүткүл литературанын озумине жозокту. Ч.Айтматовты алтай тилге көчүргөнинен кажызы ченемел алган, кажызына ол тебү берген, артканына камааны жеткен.

Кыргыз бичиичинин чөмдемелдерин алтай тилге Б. Укачин, Ө. Каинчин, А. Адаров, Т. Торбоков ло онов до Өскөлөри көчөрөт. Олордын көчөрмелерин тавына көрөп, бирлик шөөлте эткедий арга бар.

Б. Укачин Ч. Айтматовтын еч повезин алтай тилге көчөргөн: «Кожонун кээзи», «Кызыл арчуулду терегежим», «Төөнүн көзи». Көчөрөп тушта ол Ч. Айтматовтын «кыргыстап та, орустап та чыккан бичиктерин тузаланган». Бай-

ла, онын да учун кӧчӧрмелердин чындыгы бийик, кееркедим кеми бӧдӧмфиле, кычырарга февил ле филбиле. Бир ӧйдӧ Б. Укачиннин мынайда эрчимде иштегени тежемде ле алтай литературанын ӧземинде тузалу. Чокымдап айткажын, Б. Укачиннин кӧчӧрмелерине тайанып, алтай прозаиктер бойынын чӧмделге фолын ӧвжиткен. Ол ок ӧйдӧ Айтматов алтай литературанын энчизиндий тамырланып файылган. Б. Укачинди ээчиде Ч. Айтматовты ӧскӧ дӧ бичиичилер кӧчӧрер боло берген.

Б. Укачиннин ченелте кӧчӧрмези — телекейлик фарлу повесть — «Джамиля». Орус тилге оны А. Дмитриева кӧчӧрген. Б. Укачин дезе повестьтин адын кыргыз тилдеги аайынча адап iат: «Обоон» дегенин «кее» деп, чокымдап «Кожовнын кеези» деп кӧчӧрер. Ч. Айтматов агару сееш керегинде бичиген. Ол куулгазын кожовды, ӧскӧртӧ темдектегежин, сеештин кеезин Б. Укачин алтай кычыраачыларга фетирерге амадаган. Кӧчӧрөөчи автордын фавыс ла марын, эрмек-сӧзинин бӧдӧмин чокым фетирип турган эмес, баштапкы сезимди, фажыт кеенди сӧрекей бӧдӧмфиле ле ӧскӧртӧ (в развитии) фуртайт. ӧаркынду сееш фавыс ла кееде эмес, фурукта ла кееркедим сӧстӧ иле сезилип туру. Айтканысты бӧдемилеп, повестьтин башталганын эки тилле кычыралы.

«Вот опять я перед этой небольшой картиной в простенькой раме». Бу эрмекти Б. Укачин алтай кычыраачыга манайда кӧчӧрет: «Мен катап ла бу чеми фок тегин рамкада кондырып койгон фуруктын фанында турум. Онов ары «ордына» дебей «болгой» деп сӧс тузаланып, «выставка» деген орус сӧсти алтайлап кӧчӧргедий болгон. ӧе ол фылдарда алтай эрмек-сӧс фокту деп бодолотон. Мынав улам кӧчӧрөөчи каа-фаада эрмекке фартамал кожуп турат. Темдектезе, орус тилле эки эрмектев турган езекти Б. Укачин узада кӧчӧрет: «В ней нет ничего стыдного, но это далеко не образец искусства. Она проста, как проста земля, изображенная на ней».

Б. Укачиннин кӧчӧргениле: «мында бир де фаман, уйату неме фок, фе андый да болзо, искусстводо бу эв талдама ла кайкамчылу фурук эмес. Кудайдын сӧрине чилеп, бу менин алдымда турган фурукка мӧргегедий, бажыргадый неме база фок. Ол бистин феристин кебери мында, бу фурукта».

Текстеги кыргыз сӧстӧрди (саман, адат, апа, байбиче ле о.ӧ.) ол ло бойынча, тузаланганы, ого авылу фартамал бергени повестьтеги керектер кыргыз фуртта ӧдӧп турганын керелейт.

ӧурукта Джамиля ла Даниярдын сӧр-кебери, агару сеежи фуруралганы фарт. Бу куулгазын сеешти автор солун эп-аргалардын болужыла — кее ле фураныш ажыра фетирет. Сееш керегинде бир де сӧс айдылбагандый, фе Даниярдын кожовынав, Сеиттин фуругынав ару сеешти сескедий.

«Онын (Даниярын — Н. К.) кожовынын кеезинде кандый да ӧдеви изе, кандый да амаду бар болгоны мени тын кайкадып ла филбиркедип турды. Мыны, мындын энди не деп айдарын мен ол до тушта билбегем, эмди де билбей фадым: оны угуп брааткан кижини бактыртып, база кожовчынын бойын ок чы-

лап, Өскө кижинив ӨкпӨӨртип турар арга, байла, фавыс ла онын ӨзӨгинеv чыккан енде эмес, база Өскө неде де бар болор. Кижинив сыравай ла фажыгту санааларын ӨзӨгинеv бери коскорып чыгар кечти ол, Данияр, кайдав, кемнев алган? Мен эмдиге фетире оудоп болбой, кайкап фередим» — деп, Сеит эске алынат...

Данияр кожовдоп ло ийгенде, мениv санаа-кееним сав башка, кижиде оудоп болбос боло беретен фок по? Эмди катап база ла анайда бердим. Бу сав башка, фарты фок кеенимниv аайына мен кенетийин ле чыгып, мынав ары нени эдетенимди оудоп алдым. Мен ол санаа-кеенимди фурукка салар, фураар учурлу»

Башкир бичиичи М. Каримниv геройлары Акфигит ле Зубаржат («Ай карыккан тенде») агару сееш учун буруладып сёрдерген болзо, Джамиля ла Данияр фавы ла ойгонып келген ару сеежин корулап, фуртын таштап, файымга ла телкемге чыгып фадылар. Бу повестьти кычырып, алтай кычыраачылар агару кеенге, ару сезимге табарткан болор.

Ол керегинде кӨчречи мынайда эске алынат: «Да, «Джамиля»... моя особая радость, и моя горячая любовь, ибо без этих чувств я бы, наверное, не смог передать на родном языке жизненность образов и слог Чингиза Айтматова. И еще я горжусь (и не хочу скрывать), что повесть эта на моем языке впервые появилась из-под моего скромного пера и по душе пришлась алтайскому читателю. Посему смею сделать вывод, что произведение, переведенное с любого языка народов нашей планеты, становится достоянием и гордостью культуры того народа, на языке которого оно стало звучать. Так, знаменитая «Джамиля» Чингиза Айтматова, вышедшая в 1961 году на алтайском языке, стала украшением и нашей растущей литературы».¹

Еч фылдыv бажында, чокымдап айткажын, А. М. Горькийдиv адыла адалган Литературный институттыv экинчи курсында еренип тура, Б. Укачин Ч. Айтматовтыv «Кызыл арчуулду терегежим» ле «ТӨӨниv кӨзи» деген повестьтерин кӨчёрген. Бичиичинив фетиргениле, «кӨчериш такпа ӨткӨн. Мевдеш фогынав, кыргыз бичиичинив чөмдегениниv фажыдын ачып, чөмдемелдердиv тургузылган бөдөмин, сөр-кеберлердиv, бичиштиv марын оудоп аларга ченешкем».²

Онын да учун, байла, кӨчөречинив узы, баштапкы кӨчөргенине кӨрӨ, ӨскӨни билдирлө. Анайып, 1964 фылда «Туулар ла чӨлдӨрдиv повестьтери» деген бичик кепке базылып чыккан. Онын кире сӨзинде айдылат:

«Кенделө кычыраачылар, слер бу «Туулардыv ла чӨлдӨрдиv повестьтери» деген бичикти кычырала, повестьтердиv фараганы фарабаганы, кӨчөречинив тили керегинде издательствого эмезе кӨчөречиге шеелтегерди ийетен болзогор, факшы болор эди».

Бойынын Өйинде, байла, шеелтелер айдылган, фе бу тушта «ТӨӨниv кӨзи» деген повестьтиv оудаиы (содержаниези) аайынча куучын ӨдӨр. Ол керегинде кӨчөречи кыскарта мынайда айдат: «Верблюжий глаз» – о злом Абакире-грактористе и поначалу беспомощном романтике, но все-таки победившем невежество и зло молодом еще Кемеле». Чөмдемелде эки геройдыv сөр-кебери тевдештире фуруалган: Кемел ле Абакирдиv.

«Академик» деп чоло ат адаткан Кемел, чындап та, студент эмес. «Керек десе институтка кирерге ченешпегем – деп, ол айдынат. – Мен школды божоткон ло бойынча бери, Анархай фаар, келгем. Качан бери атанар алдында болгон фуунда бисти, айдарда, ол тоодо мени база, «азыйда сэрбеген ферди кӧдӧрөөчи мактулу фииттер, фавы ачылган талаларды фалтанбас пионерлери» дешкендер».

Абакир десе 30 фашка феткен эр, фе фаантайын ла ачынып, кыфырынтып, тывзынып ла бийиркеп билер. Кылык-фавыла керкет, кедер, керек десе ончо улусты бойынав фабыс кӧрӧр. «Байла, мени кудай кыйнаган туру, онын учун мындый Анархайга келип,.. фадар болуп калган турум» – деп, ол ачурканып айдынат.

Фарт, экенив бу чӧлгӧ келгени солун, шылтактары эки башка. Фе недев улам Кемел «академик» деп чололоттырган?

«Мени анайып Абакир адаган. Мында мен бойым бурулу. Бойымнын шеемтеди фажырып билбезим, кичинек уулчак чылап, сананган амаду-санаамды чыгара айдып ийерим, а улус мени шоодып, каткырыжып фат – деп, Кемел айдынат. – Бу керекте мен тыв ла бурулу эмес, а сыравай ла фаан бурулу кижии историяны ереткен ередечи Алдияров деп, кем-кем билген болзо...» (с. 164). Чокымдап айткажын, чӧлдӧ турган кезер ташты кем тургусканын билер кижии чыкпай турарда, Кемел фартаган: «Калмыктар мында он фети чакта болгон. А бу турган керее десе он экинчи чактыйы. Таш кижини, байла, монголдор кенбадыш фаар улу табару эткен ӧйдӧ тургускан болор. Олорло кожо бис, кыргыстар, Енисейдев бери, Тянь-Шань ферине келгенис. Бистев озо мында кыпчактар фуртаган — сары чачту, кажав кӧстӧ улустар».

Мындый фартамал Абакирге фарабаган. «Эх, академик! — тиштери ӧтӧре ол кыфырав айдып, кызыл тамырларлу тегенек ошкош, кадалгак кӧзиле кылчавдады. — Биске, ередези фок немелерге, лекция кычырар десе билерив, а бее ле тӧтӧни ылгаштырып болбой фавы — дейле, Абакир ого чоло ат чапшырып берген. Кемел десе бу аттав уйалып, кемзинип фӧретен.

Абакир фавыс ла Кемелге кыфырав эмес, ол оныла кожо иштеп турган улусты фабыс кӧрӧп, олордыв ижин афаруга албайт. Ол фавыс ла бойын кичееген эр. «Сен мында фавыскан эмезив, ого езеери, мында сенив бойыннын айлыв эмес» — деп, Садабек тавкыдав улам кӧйген кийисти ӧчӧрип, Абакирди тезедет. Фе болгобос фанынав олор экӧ согужа берген. Бирези темир такалу сопкты тудунганча, экинчизи — гайка толгойтон ключту. Экӧ ӧлежерге де белен. Ычкынып ийген ключти ала койып, Кемел эбиреде улусты болушка кычырат. Ӗскӧ эп-семе табылбаган. Сӧслӧ олорды токтодып болбозы фарт болгон.

«Мен бу ӧйдӧ чыгып, байа мавзаарыган бойынча чачып ийген ключти бедреп табала, айылдав ырап, таш кижинив фанына экелип, ферге кӧмӧп койдым — деп, Кемел айдынат. Бойыннын кӧчи фетпегенинев улам ол ок ӧйдӧ бу улусты кату, калфу ла бой-бойына казыр болгонын кайкап, ӧкпӧ- фӧрегинив ачужын бадырып болбой, Кемел ыйлап фат. «Мени кем де кӧрбӧгӧн, мениле не бо-

ло бергенин бойым да оvdобой тургам. ɖавыс ла бу таш кижиде, сыравай ла менив шырамды билип алгандый, карарып оvкойгон кθзинив орозыла мен фаар коронду кылчайат».

Бу ɵйдɵв ала Кемел кичеенип иштеер деп мык сананып алды. «ɵлɵийин, фе улус меге кыйгырардав болгой, кывыс эдип сθс тθ айтпас эдип, бойымным керегимди бєдуредим. Мен ɵскθ улустав эмеш те коомой эмес деп, чындап та, кθргезип берер ɵй феткен» (с. 176).

ɖе онын бу да ару кєєни, эткен ижи темей болуп калды. Абакирдив кыйгызынав, фаман сθстθринев качып, ол фєре берерге сананган, кайра келбеске сананган. ɖе ого фаба Сорокин фортуп келеле, эрмек фоктов «сумказынав кызыл листти — менив комсомольский путевкамды чыгарды».

«Не болгонын бойым да билбезим, фе мен мевдебей онын кийнинев кайра бастым» — деп, Кемел фартайт. Чокымдап айткажын, Анархайдыв чθлинде фавыс ла Абакирдий эмес, факшы да улус иштеп фатканын Кемел оvdогон. Сорокин оны арбабайт, керек дезе бурулабады да. Кайра бурулзын деп сурабаган да, фе бойынын сєр-кебериле, фана баспас кичеевкейиле, онов ижиле фиит уулга ол тем болгон.

Мынын кийнинде Кемел бойын бойы ченеп фат, Анархайдыв чθлине ол иштеп келген, айдарда, ол ончо ишти каруулу бєдєрєр учурлу. Адакы учында Кемел Абакирди фєвип фат: кєчиле де эмес. Сагыжыла, учурлу сθзиле. Оны дегин ферге «академик» деп чололобогон. Кемелдин кθрєм-сагыжы тєєкилик. Чɵлгθ баштап ла келерде, ого ɵткθн ɵйлɵрдив табыштары угулгандый болгон. «Мув туйгактардыв тийген тибиртине фер кєєлеп, силкинет. Талайдыв толкузы чылап терєлип, атту кθчкєн улустар фер-фєлбис кыйгыла, учында темир фыда кондырылган узун агаштарды ла салкынга кайра элбиреген мааныларды тудунган учурткылап барадат. Менив кθзимнив алдында коркышту согыш ɵткθн фадат. Темирдив шывырты, улустыв кыйгызы ла аттардыв тиштежип тебишкени угулат. Мен бойым база кайдада кайнаган тартышта немедий эмирим... ɖе согыш сыныга берерде, фаскы Анархайдыв сыртына апагаш кийис айылдар файылгылап, турлулардыв єстине ɵтθктив чавкыр ыжы тартылып, кайдав чыгып келгенин де билбирбєс, кайдаар баратканын да оvdобос тθлɵрдив кєзєвилери шывырашкылайт...» (с. 168).

Кемел фавысла калыгынын тєєкизин ɵндоп турган эмес, Анархай чθлдив келер ɵийин керегинде сананат. ɵкпθθринген кєєниле чємдеген єлгерде ол айдынат:

...мен билерим: ɵйлɵр болор,—
Андый кєндєр кайда да кєлип фат.
Анархай кєен, байлык болор,
Баргалу чθлим сакып фат.

ɵткθн лθ келер ɵйди оvdоп турган кижиге бєгєнги ɵй баалу ла каруулу. Онын да учун Кемел кичеенип иштенет. Керек дезе ол Абакирди де токыналу єниле єредип фат. «Сєн фаш эмес, фаан кижиде инев. Кєзикте чын неме айдып фадыв. ɖе ол онызы учурал болуп сєнив тиливе илинип фат. Кєм де кємди де

санандырбайт, кезнетпейт, амадатпай токтодып, тудуп болбос деп, сен унды-бас учурлу. Улус бойынып сананып тапкан билериле малдап ачыланып фат ине. Андый ок шеелтени Абакир качып фере берерде, Калипа айдып фат: «Иштевкей уул деп бодогом, онып фаантайын кородоп феретени табынча токтоор деп бодогом. Далакайымла, сеежимле онып ӨзӨк-буурын фымжадып аларга санангам. А ол? фе, ол керегинде көп нени айдар... Ат база иштенип фат, а кижичи болор учурлу, анда элдеп озо кез деп неме болор керек... Ол тушта иш те ырысту болор, эткен керегинде амадаган амаду да болор. А ол, ол нени де оудобогон. Кандый болгон, андый ок бойы фере берген...». Айдарда, эки геройдып салымы эки башка файалган. Абакир фек ле бегенги кен ле ферген эмитир, естине фавыс ла бойын сананган, Кемел десе «бу боромтык баргааларлу казыр чөлдө Анархай деп адалган кен-фарап ороон болорына бедеп фат». Бу повестте кижинип чыдамкай, арга-чыдалы керегинде фемдемде фураптыр. Естине кандай ла иш кижинип амаду-кезениле тудуш болгону фарталат. Керек десе повестте ада да төс геройдып санааларыла колболу. Элдеп озо чөлдө табылган суунып ады болуп фат. Айла, чын ады эмес, геройдып адаганыла. Экинчизинде, ол эки фииттеп сеешкенин керелейт. Еченчизинде, ол сууга келип, Кемел ачынбаска токунап, амыранып алат. Чөл төөдий чыдамкай, суучак онып көзиндий токуналду. Куучынчынып сөстөрилел, «мен суу ичип алар деп, черчеле томмок суу фар бурулдым. Суу тебилип, чыгып фаткан феринде араай-араай бортылдап кайнап, табылу ла серезен агып фатты. Ол каравуй ойдыктып тереп тебинеп, сананып фаткандый, боромтык өвлө фарыйт».

Ишти көндөктирер керек болгон. «Трактор теннип бозомын коркыда таркырап чыкканча, мен оны иштедип болбой, узак мукандым. Онов кабинага отуруп, фарыткыш отторды чагылтып ийдим. Эмди мен ончо керектер учун каруулу» – деп, Кемел айдынат.

Мындып ок ченелтелер өдүп чыккан геройдып сер-кебери дыбаш Каинчиннип «Кырада истер» (1969) деген повестинде фураплат. Чемдемелдип төс шеелтеси – кижичи бойынып ферин ле фолын таап, феремде кандый да ис артырап учурлу¹. Сеенер, Кемел чилеп, бойынып арга-чыдалын ченеп туру. Булгак санааларын фемип, ол айдынат: «Сен фаантайын фарбынып, кородоп турар кайткав! Бу иштип, бу феремнип фавыс ла уур фаман фанын афарар кайткав! Сенде оморкоор, сеенер арга бар. Сен фиит, су-кадык. Сенде кеч бар. Сен – кижичи!»

Сеунердип мынайда айдынганын, санаа-кезени кубулганы учурлу. Бу кырада туку качаннап бери Сеенердий улус таркаган. Олор мынайып ла көпкөрө фыгылганча екестеп иштейле, бойынып ырызын тапкан.

Сеенер, Кемел чилеп, бойынып салымын сананат: «...Келер кесте ол еренип барар. Бир фылдап Сеенер тракторист. Аш салар... Кышкыда улуска өлөп тартар. Ол бир уунда сегис-тогус тыттарды колбойло, сөгө-фыга сеертеп келер. Бастыра деремне, кем кижичи тышкары чыгып, кажы кижичи көзнөктөп көрөп, Сеенердип экелген агаштарынып арбынын кайкаар...»

Сөөнердив фараткан кызы – Надя. Эм тургуза ол сөөген кызынав да кемзинет. Өөк ле Надя оны көргөн болзо деп сананат. Ч. Айтматовтын геройы база амадайт: «Мен кенетийин ол бир томмок сууны фанында туштаган көөркий кыс чермежи фыйылып, фанымда болзын деп кееңзейдим». Ол тушта «бу боромтык баргааларлу казыр чолдө Анархай деп адалган кеен-фаращ ороон болорына мен бедер, бедер эдим... Анархай!»

Тевдештире көргөжин, бу эки чемдемел – «Төөнүв көзи» ле «Кырада истер» – бойыны амаду шөөлтелериле, тургузылган бедемиле, керек десе кееркедим эп-аргаларыла да бой-бойына теудеш.

Кайкамчылузы не дегежин, Б. Укачин Ч. Айтматовты көчөрип те турза, фе оны камаанына алдыртпай бойыны салым фолыла, чемдеер марыла өскөн.

Прозаик К. Төлөсов десе, Ч. Айтматовты көчөргөнгөн де болзо, фе онов тем алып, чемделге фолын өвжиткен. Темдек эдип, өөк ле бир чемдемелди айдалы: «Ташта истер» (1966). Бойыны тургузылган бедемиле, керек десе чемделген кеезиле ол Ч. Айтматовты «Кызыл арчуулду терегем» (1961) деген повезине фезендеш. Чемдемелдив бажалыктары солун: «Прологты ордына», «Шоферды куучыны», «Долды мастерини куучыны» ла «Эпилогты ордына».

К. Төлөсовты «Таштагы истерде» куучынчы (рассказчик) бойыны ферумин фолдо туштаган таныш эмес кижиге куучындап фат. Бу эске алыныштарда куучынчыны, повестити төс геройыны, аргару сеежи, ычкынган ырызы ла беткөл салымы фарталат. Айла, кеезиле де бу чемдемелдер лирикалык кеентапла, бир кижини кожовынды чемделген.

Өавы чемдеп турган прозаиктерге, чокымдап айтса, ө. Каинчин ле К. Төлөсовко, Ч. Айтматовты тузаы феткени билдирле. Бу фанынав алтай бичиичилерге Б. укачинни де көчөрмелери тузалу болгон. Ч. Айтматов бойыны көрумиле, амаду-шөөлтезиле алтай бичиичилерге фуук ла фарт болгонын керелейт. Кыргыз ла алтай тилдерди тевейин афаруга алза, чемдемелдерди эрмексөзи де, кеези де эпте угулган. Ол ок өйдө геройлор бойыны кылык -фаныла, чырай-бедумиле, фадын-феремиле де, көрум-шөөлтелериле де алтай кычыраачыларга серекей фуук. Мынав улам Ч. Айтматовты кажы ла бичигени алтай кычыраачыга ууландырылганды деп бодолот. Ч. Айтматовты «Төөнүв көзи» (1964) ле ө. Каинчинни «Кырада истер» (1969) фезенде болзо, оны ээчиде Ч. Айтматовты «Уулыла тушташканы» («Свидание с сыном») деген куучынны оудайын ө. Каинчин «Калтар атту Кааканы Суркаш эшке айылдап фергени» деген чемдемелинде улалтканды кычырылат.

Ч. Айтматовты куучынында Чордон өбөгөн фууда божоп калган уулыны фууга атанар алдында фуртаган ла ередечи болуп иштеген ферине барып келерге амадайт. Барбас та эди (анда уулы бар эмес), фе бодоштыра санааларда ла амыр бербей турган эске алыныштарда айрыларга ол фол-форукка атанат. Өолой Чордон уулын ейдешкенин фап-фарт эске алынды. Оныла кожо Чордонны городто фуртап турган кыстары Зейнеш ле алико болгон. Карынжакын,

Султанды, фууга аткарбазын деп, олор карган адазын шибеледип турган. Султан дезе адазына чике айдып фат: фууга ол бойыныв кееңиле суранган.

Адазы оны оудогон, сөс фогынав фөптөгөн. Кыстарды дезе карганкты бурулап, сен уулынды өлүмгө ийип фадыв деп бурулагандар. Бу ейдеже тушта Чордонныв көзине кызыл платту кыс Султанды ейдешкени элес эдип көрүнгөн. Шак бу учуралдав улам карыыр фажы федеберген өрөкөн, «уулына јолугарга», оныв иштеген фери јаар ууланып јатканы ол.

Ненив учун Ч. Айтматов куучынын «Уулыла тушташканы» деп адаган?

Чынынча айдар болзо, Чордон уулына фолукпаган, ол фууда божоп калган ине. Мында дезе канча фыл өткөн совында, уулыла такып тушташкандый ижемфилу фол-форук фууралат. Уулыныв фаантайын ла келип барзын деген сурагы да бөтти, эске алыныштар да тузалу болды, бодоштыра санааларын да бөдемфилеп алгандый учурал келишкен. Чордон амадаган ферине фетти бе, фок по, автор куучынын фетире чөмдебегендий токтодот.

Бу куучынныв оздайын улалта Ө. Каинчин 1969 фылда «Калтар атту Кааканыв Суркаш эшке айылдап фөргени» деген повесть чөмдеп фат.

Автордыв чөмдегениле, «Каака сегис балалу болгон, фе олор токтобойтон. Арткан фавыс уул, Тодор, фууда божогон. Каака дезе конфипого фөреле фанып келген. Келзе, Тодор фок. Онов ол ло ыйлап-сыктап, кородоп фөргенче, Сары деп кыста Тодордов сукас уул арткан деп угулган». Эмдиги өйдө ол Москвада, череде.

Каака Суркаш эшке фөргени де – ол депутат Суркаш Москва барып фөрерде, Берденге, Кааканыв уулыныв уулына, фольккан ба деп сурап барган. Череве фанып келзе, каака ого тура тудуп берерге фат. Повестьтив тургузылганы бу ла. Өе анда Кааканыв бөткөл фөрөми, ижи-тожы, кылык, фавы, серкебери фөдимде фууралган. Кизи бу ак-фарыкта фөрерде, кандый да тузалу ис артырып салар учурлу. Шак андый ис – ол Кааканыв туткан туралары бу дернедеарткан, азырабаган да болзо, угы-төзин улалтатан уулыныв уулы бар. Чөмдемелдив эпилогында айдылат: «Кааканыв Суркаш эшке фетире фөргенинев бери еч фыл өтти. Өрөкөн ол ло фаста, фер эрип келерде, эне-адазына, сегис балазына, төрт карындаштарына фер боочыны ажып, фана берген. Мөүкөзин тударда, улус көп фуулган... Берден Кааканыв сөтөгине барып фурген. Өавыс ла төртөн кенинде болбогон: агашка барала, тракторы сынала, ондо конгон». Мында Ө. Каинчин геройыныв салымын божогон кепте көргөзөт.

Бу чөмдемел бичилген совында, Ө. Каинчин Ч. Айтматовтыв «Өакшы болзын, Гулсары» (1972) деген повезин алтай тилге көчөрерге белен болгон. Чөмдемелдив баштапкы фолдыктарын оныв көчөргениле төвдештирели. Орус текстте: «На старой телеге ехал старый человек. Буланыв иноходец Гульсары тоже был старым конем, очень старым».

Ө. Каинчиннив көчөргениле бу езектеги сөрекей учурлу сөс «старый» бир кезек астап, учуры фуук сөстөрлө солынган: «Абразы калтылдап, карган кизи

браат. Комуттаган ады да – кула Өүдө Гулсары дейтен форго база согумтык, каргсан». Бу езектев элдеу озо Танабай ла Гулсарыныв сэр-кеберлери авыланат Олордыв сэр-кеберлери колыныштыра фура алган. Эске алыныштар ажыра ӨткӨн ӨйлӨр, фөрөм фарталат. Танабай иштев кейиле, фана баспазыла, турумкей санааларыла авыланат., Гулсары дезе база, кижичилеп, тындандыра фура алган. Шак бу эки сэр-кебер кӨчөрөөчүни филбиркеткен. Ө. Каинчиннив айтканыла: «Ч. Айтматов теп-тегин, кӨскӨ фаан илинбес немени учурлу эдип кӨргөзөтөтүн фаантайын кайкадат» Онов башка кыргыз калыктыв оос чөмдөлгөзүн повестыте тузаланганын солун: ботого, Каракулга авчы ла кыс керегинде кожондор ло кеп куучындар. Өе элдеу озо ол автордыв «Калтар атту Кааказына...» төвөй болгоны учурлу.

«Өакшы болзын, Гулсары» деген повестыте Бакасов Танабай уулы ла келдине айылдап фөргени. Ө.Каинчиннив кӨчөргөчиле: «олордо эки бала чыккан, оны кӨрӨргӨ барган. Бөдөн койдыв эдин, бир сумал картошко ло ей кижинив быжырган фөзөн-фөер калаштарын апарган. Ейи Өайдар оорыйчав бололо, ненив учун кожо келбегенин, ол фавы ла оудоды. Өайдар кемгеде айтпаган да болзо, фө келдин сөзбөйтөн. сулы деген де бооду, куравы кижичилеп, кату башбингир ей кижиге учурайла, ейине удурасос то айдып болбой, сулуэтадып койгон отурап. Ейи ӨбӨгӨнин канайдайын ла дезе, онойдып турар. Улуста бир кезек «мен» ле дейтен улус бар. Олор кижиге кезөрт эдерин, кижини ачындырып, айткылап ийернин негеде бодобос. Өавыс ла баш билеечи болойын, ӨскӨ не де керек фок дээр».

Бу да барышта база ла андый кыйгак чыккан. Танабайдыв уулын фаан ишке алар дежеле, онов керексигилебөй, ӨскӨ кижичилеп тургускылаган болтыр. Келдинив бир бурузы фок кайнына калып барып турган шылтагы ол...

Мындычуган-табышты ары ла укпайын, акту фөрге кыйгастатпайын деп, Танабай тенди тен дебөй тургуза ла кайра фанган. Өе оныв эв фуук нӨкӨри – эрфине ады, чагы чыгып, фолдо Өлөп фат. Ө. Каинчиннив кӨчөргөчиле: «Гулсары, ейгенинив орды артып калган бажы тескери курула тартылып калган, фалбагыннап фатты. Өиилип калган такаларлу, фарылып калган туйгактарлу төрт саны төрт башка сирейип калган. Олор эмди качан да фөр баспас, фолдорго шабыдый фарап истерин артаспас. «Эмди фөрөр» – деп, Танабай атка калганчы эвчөйип, оныв кӨстӨринив фыкпыктарын фаап койды. Ейненин алып, кайа кӨрбӨй, базып ийди».

Танабай Бакасов бу тунде Өлөп фаткан Гулсарыныв фанында ончо мынча фөрөмин эске алып, ӨкпӨзинив ачузын бадырып болбой ыйлаган. Аткада эмес, бу фөрөмдеги фөдикпес-тутаптарды эске алып, улустыв кыйгас кылык-фавын кайкап, кижичилеп бойыныв Кижичилеп адын тежербөске албаданып... Ол кӨпти фавыдап баалаган, оудогон.

«Танабай уйгенин колтыктанып алала, чӨллӨ барып ла фадат. КӨстӨринив фаштары фөзөн фодой агып, сагалын елөштөп тат. Өе ол таштарын арчыбайт.

Карган фаш өткөре бу фавы ачылып фаткан кенди, фавыскан туу эдектей учуп брааткан касты көрөп турат. Боро кас еерине федерге мевдеп браат.

– Уч, уч, көтөркий – деп, Танабай араай шымыранат, – канады чылагалакта ееревди федиш – дейт. Онов ешкереле, – факшы болзын, Гулсары! – деди».

Ө. Каинчинин көчөргениле, Ч. Айтматов алтай литературага экинчи такыш кирип фат. Соуында, «Ак керептив» (1983) езектерин журналисти С. Кыдыева көчөрөрдө¹, Ө. Каинчин онын кееркедим кемин бойынын курч көзиле, ус перозыла кееркеде фазаган². Шак бу көчөрме керегинде толо айткадый.

Повестьтин оудайын (содержаниезин) Ч. Айтматов бойы кыскарта мынайда фартайт: «Ак кереп» деген повесть кижинин буурзагы, ак-чеги керегинде. Озо баштап куучын бичиирге санангам. Бичийле, учын таап болбогом. Фартап айтса, куучын чат ла божобос. Беш бек (страница) кожуп ийеримде, бедуми бузула берген. Ортозын бичип, ойто башталганын фазап турарымда, 150 бектев ашкан повесть боло берди». Кыскарта айткажын, бу повесть 7 фашту уулчак ла онын фалакай таадазы керегинде, база – Меесте Эне-Мыйгак ла ак кереп керегинде болор. Уулчак балык болуп кубулала, ак керепке удур фезе бергени керегинде. Эскөртө айткажын, фаш баланын фүреги, фаркынду-жараш амадулары фөрөмдеги каршулу керектериле фөпсинишпей, ап-ару артып калганы керегинде.»

Бу тушта көчөрөчилердин ижиле таныжып, бир кезек афарулар эткедий. Элде озо повесть эки атту болгоны солун: ак керепти ээчиде «чөрчөктүккийнинде» деген ат адалат. Баштапкызын А. Твардовский сыйлаган, экинчизин автор бойы адаган. Фө көчөрөчү тушта оны «чөрчөкти ээчиде» деген, чемдемелдин оудайына келижет. Уулчак бойынын бодоштыра көрөлөрүн ээчиде суула фезе бергендий. Фө эки көчөрөечи – С. Кыдыева ла Ө. Каинчин – автордын сөстөрүн чике көчөрөргө амадагандар.

Экинчизинде, көчөрөчилер повестьти алтай тилге көчөрип тура, сав башкаучуралга туштаган: «Момун таадактав чөрчөгүндеги эне Мыйгак меесте. Мыны автор афаруга албады ба, айла бичиичинин кееркеде чумдегени бе? Фө бу да тушта көчөрөчилер автордын чемдегенине тайанып, сөр-кеберди буспаска албаданганы фарт.

Повестьтин башталганын журналист С. Кыдыева орус текст аайынча мынайда көчөргөн: «Ондо эки чөрчөк болгон. Бирезибойындыы, оны кем де билбес. Экинчизин десе таадазы куучындаган. Онов бирези де артпаган. Бу керегинде куучын».

Фарт, эрмектин тургузылган бөдөминфаан буспаска амадаган. Фө бу фолдыктарда не керегинде, эмесе кем керегинде эрмек-куучын өдөтүнүн көчөрөечи темдектебеген. Шак бу езекти Ө. Каинчин мынайда фазаган: «Уулчакта эки чөрчөк болгон. Бирези бойынын, бойы сананып тапкан. Экинчи чөрчөкти ого таадазы куучындаган. Учунда уулчакта бир де чөрчөк артпаган. Куучын бу керегинде болор».

Мында тургуза ла повестьтыв төс геройы чике адалат, керек дезе адакыда не болотонун темдектеп тургандый. Эрмектерди мынайда тургусканынав кычыраачы да текстле филбиркей берет. Онов ары С. Кыдыеваныв көчөргени: «Ол фыл ого фети фаш толгон, сегиске алтаган». Ө. Каинчин дезе бу эрмекти суалтай эдип кыскарта: «Ол фыл ого туйла фети фаш толгон». Онов ары эрмектер тынданып, көскө көрөнер, кулакка угулар болуп кубулат. Темдектеп алза, школго барза эдинетен сумканы көчөрөөчи Ө. Каинчин мынайда фурайт: «Өылдырып ийзе, шалт фабыла берер, фылтырууш темир сомокту кара дермантин сумка. Келтейинде оок-тобыр немелер салатан кармангду. Кыскарта айткажын, теп ле тегин школго эдингендий кайкамчылу протфель». Афару эдели: байа, көчөрөөчи сумка деп сөс тuzаланган, учында онын адын чокумдап айдат. Бу ончозы оок-тобыр учуралдардый темдектер. Өе көчөрөөчинив ижинде кажы ла сөсти эмезе сосколбуны, онов эрмекти, керек дезе беткел езекти чындык көчурери сөрекей учурлу. Чемдемелдив кезин, автордын енин айтпай да фадыс. А ол база да афаруда болор учурду. Ненив учун дезе, көчөрөөчи бойын «фажырып», автордын енин, амаду-санааларын фетирерге чырмайат. Өрөги адалган көчөрөөчилер шак бу некелтелерге тайанып, Ч. Айтматовтын повезинив керекте езектерин алтай тилге федимде көчргендер.

* * *

Ч. Айтматовтын «И дольше века длится день» деген романы 1980 фылда ак-фарыкка чыккан. Алтай кычыраачы оны А. Адаровтын көчөргениле 1988 фылда таныжып фат. Мындый фаан прозалык чемдемелди көчөрөрние А. Адаров темигип те калган, ченемели де бар. Темдектеп алза, бойынын Өйинде А. Адаров Э. Войничтин «Овод», Н. Гумилевтин «Коркышту Өч», А. Ивановтын «Уулчактар», «Өштөжө», Д. Фурмановтын «Чапаев», И. Есенберлиннин «Чөлдөрдив файымы учун» ла онов до Өскөзин көчөргөн. Бу тужында бичиичинив фавыс ла Ч. Айтматовтын ады эмес, романдагы фавырта көргөн лө бултаарта көргөскен керектер филбиркеткен. Элдеу озо романныв ады солун. Ч. Айтматовтын фетиргениле, чемдемелдив баштапкы адалган ады «Обруч» – «Курчу» болгон¹. Өартап айткажын, манкурттардын бажына кийдирген курчуны теленкейди бийлеп аларга умзангандар беткел орчылавга, кижиликтыв бажына кийдирер амадулу. Өе романныв мындый адын ол Өйлөрдө фартпаган, бичикти кепке бazyп чыгарбас та эди. Онын учун Ч. Айтматов романан У. Шекспирдин сөстөрилe, Б. Пастернактын көчөргени аайынча «И дольше века длится день» деп адаган. А. Адаров дезе оны сөрекей кыскарта «Чактав узун кен» деп алтай тилге чокум көчөрет.

А.Адаровтын көчөргенинде бир кыйыш эрмек фок. Кажы ла бекти, кажы ла езукти, керек дезе эрмекти чемделген аайынча, тургузылган бедумиле алтай кычыраачыларга фарт ла эпте фетирет. Өе прозаны көчөрөтени сөрекей ле февил эмес, ончозын фартап, көргөзе, кыймыктандыра, тындандыра фураар керек. Естине автордын енин, куучын-эрмектив кезин эбелте, фөрек томурта

фетирери учурлу. Темдек эдип, бир ле езекти тындайлы: «Поездтер кезережип Өткелей берзе, көчкө тешкен кийинде чилеп, чөлдө кенете тып-тымук боло берер. Андый шык эткен тымыкта берувкей чөлдүв естинде, бийик кейде, угулар угулбас кайкамчылу табыш барын, ол фарт эмезе фердеу келип турганын телке сезип фат. Онызы бийикте кейдүв ойынду агындары, айдыв-көннүв айалгазы удабастав кубуларыныв белгези. Авычак мыны ферегиле билип фат. Ол текши тебекти эс-бос, фарт эмес сезип те турза, улып, шыкылдада еруп те ийер кееңи келип те турза, шык тымык фадар болды. Ненив учун дезе, айдары фок торологоны ар-беткеннүв ийген сыркыны көмө базып салат».

Өрлердүв адын, геройлордүв ады-фолын көчереечи алтай тилге эптештирип, көп фандай автордүв ла бичилгени аайынча фетирет. Темдектезе, Ана-Бейт, Боранглы-Буранный, Найман-Ана, Жолбарс ла о.ө. Бичиичи Ч. Атматов кажы ла фердүв адын фартап көргезет. Боранглы – өотконду дегени автор салкындарга ачык, анчада ла кыштыв өйлөринде, качан Сары-Өзөктөрдө шуурган, фоткон башталар тушта ол туралардүв көзнөктөрине четире кереп, темир фолды туй шуурып, карды шак эттирте ныкталай согуп салатан... Оныв учун чөлдөги бу разьезд Борнгли-Буранный деп адалатан...» (с. 13). Шак бу ферде ишке чыдамкай, бойбойлорына кару ла буурзак, турумкай ла бек санаалу улус фуртап фат. Айла, көп тө эмес, эки-еч ле биле: мында Казангап, Едигей, Абуталип деген улус иштенген. Романда фурапаны аайынча 44 фыл иштеген Казангап фада калган. Едигей оныв сөтөгин Ана-Бейт деген ферге каруулу фууп койор деп амадайт. Шак бу учуралла колбой романда көп-көп эске алыныштар, өткөн керектер ле улустыв салымы ачылат. Керек дезе улустыв кылык-фавы ла көрөм-сагыжы өйлө кубулганы фарт темдектелген. Эрмекте бир аай глаголдор тузаланганынав улам, кезик учуралдар өлө, тыны фок деп билдирет. Өе бу да тушта көчереечи автордүв эрмек-сөзинеv фаан ырабаска албаданган. Бу айтканысты бөдемфилеп көрөли. Манкурт болуп калган уулын бедиреп, Акмайа төтөгө минген Найман-Ана чөллө барып фат. Бу учуралда А. Адаров мынайда кочерип фат: «Найман-Ана бойыныв Акмайазын камчылап, озо баштап төтөлөр табылганына айдары фок сееңип, ичкери мавтаткан, онов коркып, эди-каны сооп, эмди-эмди ле манкурт эдип кинчектеп салган уулын көрөп ийеринеv чек ле куды чыга берген. Онов ойто ло аайы фок сееңип, бойыла та не болуп турганын чек оудоп болбой барган. Еерле төтөлөр мында отоп ферелер, фе оныв малчызы кайда? Кайда да мында болор учурлу. Онов тууразында, ыраакта, ферген кижини ол көрөп ийген. Анча мынчадаv ол кем болгонын фартап көрөп болбозыв. Артынчакту төтөзин фединип алган узун тайакту кижини мавдайына бөркин теvзейте кийип, ол фаар токыналу көрөп турган. Онов феде конып келеле, уулын танып ийеле, төозинеv фылбыркап теже конгонын Найман-Ана билбей де калган. Өерге келип тешкендий билдирген, фе мынызы неме беди!

–Уулым, менив балам! Мен сени бедиреп ферөм! – овор экенив ортозында тайаларды ол билинбей өдө фергерген.– Мен сенив энев!

Онов тургуза ла ончозын оудоп, ферге тизиреде тебип, эриндери тыркы-ражып, бойын чек ле тудунып болбой, Өксөп-Өксөп ыйлай берген». Езекте глагдор сөрекей көп, эки-эч сөстөн каталыжып калган. Ончо ло глаголдор өткөн өйдү кебериле тузаланган. Өе кажы бир тушта автор эрмектерин тындандырып ийет: «Бут бажына туруп болбой, ыгылбаска, ол нени де керексибей турган уулыны ийнинев бек тудунып алып, ачу-коронын көмө басып болбой, ыйлап-ыйлап турган».

Ол канча кендерге сагышта ферген неме, эмди, көчкө чилеп, көгестев, көстөү төгөлип, оны кен-санаазын өчөрип, көмө басып фат. Көстив фажына елештеле берген саамай чачы өткере, фолды тоозын-тобрагын көстив фажыла булгап, тыркырап турган сабарларыла оны фезине былфап, ыйлап-ыйлап, уулыны таныш ла кару чырайын афыктап, оны удур көрөрүн иженип сакып турган. Канайып-канайып танып ийер болор бо? Бу кеч эмес ине. Энезин кижичи канайып таныбас!» Бу езекте кубулталу ал-санааны көргөскени мөрлө, өе өзөк-буурына чаккан амаду-көунди сезимфиле көргөскөндий болгон.

А. Адаров кажы ла бекти авторды эрмек-сөзи аайынча көчөргөн учун чөмдемелдү текши кеми келижип фат. Романны кеми 330 бек (страница) болгон. Тогус фылды бажында Ч. Айтматов романына база бир учурал кожуп, оны «Белое обложко Чингизхана» деп адаган. Чөмдемелдү оудагына бу сөрекей учурлу езек. Бойыны өйинде оны фаратпас эди. Өе эмди романбеткелинче толо деп кычырылат. Келер өйдө, байла, А.адаров бу да езекти алтай тилгекөчөрип салар. «Сары өзөктөги кыйнаш», манкурт керегинде кеп куучын ажыра автор бугенги өйдү курч сурактарын тургузып туру: ол– кижичи ле өмөлик, кижини кижичи кире бодобозы, фавны бурузы, кижичи бойыны угытөзин билери ле о.ө.

Ч. Айтматовты «Солдатты уулын», орустап «Солдатенок» деген куучынын, Т. Торбоков алтай тилге көчөргөн. Куучын кичинек те болзо, өе анда кижинин сезими, сагыжы өскони сөрекей чокым чуралат. Куучынны төс геройы – Авалбек ле оны энези. Керек кичинек фуртта өдөп фат. Айла, узак та өйгө эмес, бир-эки ле часты туркунына. Уулын айлында көрөп турар кижичи фок болгон учун, өеенкул оны ишке кожо алып фөретен. Өе бир кен ологорго кинопередвижка келген. Өурт улуска, анчада ла балдарга, бу фаан солун ла «байрам». Кинодогы артисттердү бирези орус кижиче төвей эмес болордо бо, аса Авалбекти тым отурзын деп пе, энези уулына айдат: «Бу сени адав!» А фаш неме бөде берген. Мынайда ла кинодо солдат оны адазы боло берген. «Бу ла өйдө ала фуу ого ойын эмес» – деп, автор бичийт. Чыданыкпас Авалбекти баштапкы кубулганы бу болор. Уулчак адазыла кожо от-фалбышты оротозында. Өе удабай ла оны адазы «төзинев кеске өлө чилеп» ыгылган. Уулчакты кичинек фөреги дезе баштапкы катапфууда кижини фөреми ле салымы учун сыстап баштаган. Бу – уулчакты фөрөминде, ал-сагыжында экинчи кубулта. Өе ол фек ле чокчойто коштоп койгон тектив естинев фылбырап төшкен. Өүдөйип келеле,

айткан сөстөри: «Менин адам Өл калт!» Мында уулчак ечинчи катап кубулат. Көрөөчилер алач кайкап, фек ле «ийиндерин кызындылар».

Авалбек дезе, ачузын бадырбай, олордон баш кекиш те болзо, сурангандый ойто кыйгырат: «Слер көрдөөр не, менин адам Өл калт!»

Бир де бөдөмфи таппай, уулчак керек дезе адазы канайда фыгылганын көргөзөт. Ол «полдо тоолонуп, онов колдорун файа чачып, экраннын алдына чалкойто фада берди. Ол Өлөп калган кижини болуп фаткан». Өеенкул оны «Бу не ден куртын кайнап туру» деп, кату арбап та ийер эди, фе «көстөри фашталып калган энези оны фердеп өрө көдөрип: «Ол сенин адап болгон» – деп, арга фокто бөдумфилеп фат. Өаш солдат учунда «фажын фудунып, фудругын теешип, унчыкпай барадат». Адазы фогын, фууга барган адазы кайра келбезин, уулчак шак бу Өйдө кинодон көрөп алала оудогон. Автродын сөстөриле: «Өавыс ла эмди, фөреминде баштапкы ла катап, ол эв фуук кижини фылыйтып салганын сести. Кенетийин ого фууда Өлтөрткөн адазы учун коркышту ачу боло берди. Энези кожо ыйлалзын деп, оны кучактай алала, өксөп-Өксөп ыйлар кееши келди». Эмди Авалбек эс-билишип, сагыжында фаандап калгандый болот. Бу уулчактын төртинчи кубулганы.

Токшын Торбоков – фиит көчөреечилердин бирези. Ч. Айтматовтын куучындарыла филбиркегени солун. Өе көчөреечинин узы чала фетпей турат. Кажы бир езекти Т. Торбоков су-алтай эттире көчөреерге амадайт. Онов улам текстте коштомо сөстөр лө бузулбас сөсколбулар фаантайын туштайт. Кажы тужында ол фартамалдар тузалу, фе сөсти чикезинче көчөрери учурлу болуп туру. Темдектезе, куучыннын башталганында көчөреечи чике сөс таап болбой бир сөсти узада көчөрөт: «кой кыркып тураачы кажаанда». Өскөртө айткажын, «кой кыркыйтан кажаан» эмезе, чокымдаар тушта база узун фартамал боло берет. Темдектезе: «Ол шиферле фабылган кажаан эмди де ол ло феринде, фурттын ары фанында кырды эдектей алган фолдон ыраак фокто, туруп фат».

Су алтай сөсколбулар кажы тушта эрмекти тындандырып та ийер аргалу. Бу фанына көчөреечинин тили ээлгир ле байлык. Темдектезе: «уулын айлында ай-уй деп көрөп отуруп кижини фок болгон учун оны ишке бойыла кожо алганча баратан» эмезе «кино башталарын ол бууры тегенгенче» сакыган ла о.Ө.

Өе Ч. Айтматовтын эрмек-сөзине эптешпес сөсколбулар кошкондо, кычырарга эби фок угулат. Темдектезе: «Бу не сай деп куртын кайнап туру, бого ло отур!» – деп энези уулына айдат. Өарт, автор мынайда бичибеген, естине орустап та көчөргенинде андый фолдыктар туштабайт. Айла, орус тилге Ч. Айтматов бойы көчөргөн болуп фат. Автродын чөмдегениле: «Они с матерью примостились на тюках шерсти, позади других. Отсюда было виднее. Ему, конечно, хотелось сидеть в самом первом ряду, там, где, подле экрана устроились на полу прибежавшие из совхоза ребяташки. Он было кинулся к ним, но мать одернула: «Хватит, носишься с утора до вечера, побудь со мной – и усадила его к себе на колени».

Бу езекти Т. Торбоков мынайда кӧчӧрөт: «Энелӧ-уулду улустыҥ кийинде, чокчойто коштоп койгон тӧктиҥ эстинде отургандар. Онов иле. Уулчак фурттаҥ чӧркӧлижип келген оок балдарла кожо улустыҥ алдында, полго отырып аларга сананган, фе энези кайра тартып алган».

Эрмектерди кыскартканы факшы, те каа-фаада езектиҥ учурын оҥдоорго кӧч боло берет. Нениҥ учун дегежин, кӧчӧрөөчи автордыҥ кееркедим эп-аргаларын фаан афаруга албай, бойыныҥ марылы кӧчӧрө берет.

Тӧмӧнги езекте, темдектеп алза, автордыҥ тӧҥдештирелери фарт угулат: «В тот час Авалбек смотрел на отца глазами сына, и в его детской душе поднималась горячая волна неизведанной сыновей любви и нежности. Отец на экране словно бы знал, что за ним следит сын, и словно бы хотел за свою мгновенную жинь в кино показать себя таким, чтобы сын вечно помнил о нем и вечно гордился им – солдатом минувшей войны. И война с этой минуты уже не казалась мальчику забавной, и ничего смешного не было в том, как падали люди». Үе кӧчӧрөөчинин сӧстӧрилге бу езекти оҥдоорго кӧч.

Бириктире айткажын, Т. Торбоковтыҥ кӧчӧрижи солун. Анчада ла эрмек-сӧзи байлык, фе кӧчӧрөөчи каа-фаада фыйымжырап, автордыҥ эромек-созин бузып, бойыныҥ марыла кӧчӧрөт. Мында бойыныҥ фажыды да федими база бар. Айтканысты быжулап, куучынныҥ калганчы фолдыктарын кычыралы: «фавы ла эмди, фӧремде баштапкы ла катап, ол эҥ фуук кижини фылыттып салганын сес-ти. Кенетийин ого фууда ӧлтӧрткен адазы учун коркышту ачу боло берди. Энези кожо ыйлазын деп, оны кучактай алала, ӧксӧп-ӧксӧп ыйлаар кӧени келди. Үе энези унчукпайт. Уулчак кӧзинин фажын фудунып, фудругын тӧенип, база унчукпай баратты». Орус тексттин калганчы фолдыгы: «и он молчал, сжав кулаки, сглатывая слезы».

Т. Торбоков Ч. Айтматовтыҥ бичиктерин элдеҥ озо алтай тилге кычырып оҥдогон. Б. Укачиннин кӧчӧргениле, «Кожонныҥ кӧези» ле «Туулардыҥ ла чӧлдӧрдиг повесттериг» деген бичиктериге филбиркеп, совында ол сӧрекей фарт ла фуук деп билдирет. Кычырган кийинде, ол узак ӧйгӧ кандый да куулгазын айалгада фӧрип, геройлордыҥ салымы аайынча санааркайтан, ӧкпӧӧринетен, «кыйналатан». Автор кыргыз тексти кӧргӧн дӧ болзо, фе кӧчӧрӧр тушта орус тилдеҥ суй эмесЮ, алтайсу этирте кӧчӧрӧрге амадаган. Анайда «Солдаттыҥ уулы» ла «баштапкы ередечи» деген чӧмдемелдер кӧчӧрилген. «нениҥ фалавын» автор театрыдыҥ сурагы аайынча кӧчӧртир. Анай да ок ӧ. Каинчин «ӧакшы болзын, Гулсарыны» сценага ойноорго эптештире фазаган. Бичиичи-прозаик те болзо, фе керек тушта сценада ойногодый кӧргӧзе-ойынныҥ эп-аргаларыла танышканы тузалу ла кӧчӧрме ижинде мӧрлӧ.

Адакыда мындыҥ тӧп шӧелтелер эткедий. Баштапкызында, кажы ла ук литература (алтай да, кыргыз та) бойыныҥ тӧукилик фолыла ӧскӧн. Үе олордыҥ ӧземинде фӧзӧндеш учуралдар (типология) туштайт. Б уайалганы мындыҥ темдектер керелеп туру. Б. Укачиннин прозага Ч. Айтматовтов камааны фок то болзо, фе кажы тушта олордыҥ геройлоры тӧвейлеге берет (Аба ӧрӧкӧн лӧ мо-

мун таадак). Эмезе, Ү. Каинчин Ч. Айтматовтын «Уулыла тушташканы» деген куучыныла таныш эмес те болзо Үе бойынын Үемделге фольнда Ч. Атматовтын шеултелерин улалтып тургандый («Калтыр атту Кааканын Суркаш эшке айылдап фургени»). Экинчизинде, Ч. Атматовтын кӧчӧрөөчилери – бичиичи улус. Айдарда, омордын Үавыс ла кӧчӧрер узы ӨскӨн эмес, анайда ок Үемделге Үайааны байып, Үаранып Үат. Ол керегинде толо сӧс, чокымдап айткажын, кажызы ла керегинде тавынав эрмек-куучын Өткӧргедий.

Борис Укачин Ч. Айтматовтын Чумдемелдерин А.М. Горкойдив адыла адалган Литературный институтта еренгелек тушта кӧчӧрӧп баштаган. Естине кӧчӧрөөчи ол тушта Үек ле елгерлер умдеп турган, проза бичигелек болгон. Бу ӨйгӨ Үетире ол Үук ле поэзияны (И. Ерошинни Ү «Чавкыр Үурт», 1960) кӧчӧрген. Ченемели Үок кӧчӧрөөчи Ч. Атматовтын Үемдемелдерин Үалтаныш Үогынав кӧчӧрӧп баштаганы аҮарулу. Үе Б. Укачинни Ү кӧчӧргени Үозокту болуп турганынын бир шылтагы, ол орус ла кыргыз тексттерге тайанып кӧчӧргени.

Экинчизинде, бичиичинин тили кӨнӧ, бир де кажылгак Үер Үок. Үе эв ле таан Үедим – ол Ч. Атматовтын повестьтеринин кӧузин Үазымы Үоктов Үетиргени. Беген б. екачин кыргыз бичиичинин бӧдемҮиле ле тоомҮылу кӧчӧрөөчилеринин тоозында. Үе ол туштагы, чокымдап темдектегезин, 60-чы Үылдарда кочургенин энди автор Үавыдав кӧрӧп, каа-Үааа бир кезек тӧзеделер де эткедий. Ол элде Ү озо глаголдорды чӧйӨ эмезе чокпоорто тузаланары. Темдектеп алза, бир эрмктив учы тӨрт глаголдов турат: «тадар болуп калган турум» (эмезе эрмекти турган бӧдемиле эмес, кӧчӧргениле бичигени) «мен тын ла бурулу эмес» (эмезим – Н.К.), тӧукилик терминдерди чикезинче тузаланары (кезер таш, Өнсай эмезе Энесай), орус сӧстӨрди чике кӧчӧрери ле о.Ө.

Б.Укачинни Ү Үетирген кӧузин прозаик К. ТӧлӨсов бойынын лирикалу повестьтеринде Үозокту тузвалатат. Ол, темдектеп алза, «Ташта истер», «Кайда ол Үол?» ло о.Ө. повестьтер. Чокымдап аткажын, К. ТӧлӨсов Ч. Атматовты кӧчӧрбеген де болзо, Үе оно Ү тем алганы сезилет. («Кызыл арчуулду терегезим», «Ак кереп» ле о.Ө.). Б. укачин Ч. Айтматовтын камаанына алдартпай, чике бойынын Үолыла ӨскӨн. Бу айдылганын бир учурал керелейт. Б Укачинни Ү баштапкы прозалык бичиги – «Ээле туулар»– 1971 Үылда кепке базылып чыккан. Анда «Ээле туулардын сыгындары» деген повесть бар. Онын учунда тӧс герой, Аба, оорузынав Үазылган отурат. Атордын Чумдегениле: «Аба ӨбӨгӨн Үазылган. Ол, байла, карыыр тӧбинде Үавыс ла кардынын язвазын эмдеткен эмес, Алтай ээзи Ак-Бырманла да колбулу оорузынав Үазылган болор. Абанын эмдиге Үетире тире отурганы Үакшы. Айса болзо, удабас МӨнкеш Үеенинин тойы болор. Ого туружар... Үе Аба чылап оорып Үерген улус бар болзо, ол ӨбӨгӨнни Ү бойына барып, Үолыкпай. Онын Үери Еч-Энмек деп тайганын колтугында куулгы деп Үерт болор».

«Творческая лаборатория писателя» деген статьясында Б. Укачин «Ээле тулардын сыгындарын» канайда чемдегенин тартап салган. Чокымдап айтканын, бичик чыккан кийинде автор онов көп федикипестер таап, керек десе, бойынын алдында каруулу сурактар тургузат. Темдкетесе, 80 фашту Аба Өрөкөн уур операцияда болуп, повестив учында канайда тире арткап?

«Мен сананзам, ол тушта мен чындык фөрөмге тайанбай, бойымнын амаду кеунимди бөдемфилерге ченешкем: кандый да болзо, туунын ээзи фок деген шеултни фөмөргө чөмдегем». Өе бичик чыккан кийинде бу амаду-кеун төзөлгө фок болгонын автор бойы оводоп, повестив федикипестерин тезедип фат. Бичиичи бу повезин сценага тургузарга фазап фат. Айла, бу бичик фазалган кийинде элден озо орус тилле чыккан. Онов 1981 фылда «Сөш ле өштөжө» деген бичикте алтайлап кепке базылат. Шак бу фезенни учунда повесть 1969-1977 фылдарда чөмделген деп темдектелет.

Мынав көргөжин, авторды повестив баштапкы фезени токунатпай, фаантайын санандырган. Өе камааны фогынав да эки бичиичини шөегенинде төвей учуралдар болордов айабас. Бу тужында таадактардын сөр-кебери фезендеш. Момун таадак феенини көзинче бойынын бөдемфизин ычкынып «Өлөп фат» (Ч. Айтматов «Ак кереп», 1975). Б. Укачинни Аба Өрөкөнни десе бойынын фажын фажап, фөретен фөрөмин фөрөп, ол фөрдөөн атанып фат. Өеени Эрден ав аткан бурузын бойына алынат).

Көчөрөечи Ө. Каинчин айтканыла, Ч. Айтматовтын чөм-чам фок геройлары, тегин учуралдарды фаркындапта көргөскени филбиркеткен, онов бойы көчөрип баштаган (Ч. Айтматов «Факшы болзын, Гулсары»). Ө. Каинчинге кыргыз бичиичини чөмдемелдерини фавыс ла овдайы ла тургузылганы филбиле болгон эмес (темдектеп алза, «Төөнни көзи» ле «Кырада истер»), анайда ок оны чөмдемелдерини байлык кееркедими. Ол, темдектеп алза, «Ак керептеги», «Чактап узун кендеги» сөр-кеберлер ле сөр-темдектер. Керек десе көчөрилбеген «Плаха» деп романны сөр-кеберлери Ө. Каинчинни кееркедим шөегени байыткан, фавы эп-сөмелерге ууландырылган болордов айабас. Темдектеп алза, «Көзибисте Көк-Кайадагы» Көөрөм-Уул, койчы-Уул, Фаркындукыс деп ле о.Ө. сөр-кеберлер кычырарына соныркадат.

Кайкамчылузы не дегежин, Ч. Айтматовтын телекейи там ла фаандап, бойынав «ырап» туру: элдеп озо оны геройлары фөк ле кыргыз фөринде фуреттен («Джамия», «Төөнни көзи», «Кызыл арчуулду терегежим»), оны кийинде автор ол четөдөп чыгып, казах («Чактап узун кен»), нивх («Пегий пес, бегущий краем моря»), орус («Плахадагы» бир кезек учуралдар) ла өскө телекейге чыгат. Керек десе учурал чикезинче кайда өдөп турганы фогынав текшикижилик сурактарга баштанганы («Тавро Кассандры») туштайт.

Анайда Ө. Каинчин кичинек фуртын чертезинөп чыгып, Алтайынын башка-башка талаларына фөрүктөйт («Аба фыштын балазы»), Казахстанны чөлиле өч балалу алтай кичи фөйү фөпнып келеткенин бөдемфиле фурайт («Көстөриме

туулар кӨринзин»). Керек дезе ӨткӨн чактарга бурулып («Ылдыстар когы»), келер Өйдү сурактарыла филбиркейт. Чокымдап айткажын, Ө.Каинчин Өй лӨ чертини кемфибей файым фурап темиккен. Оны Геройлоры, Ч. Айтматовты ок чылап, чике атту: Ташчайнар ла Акбара («Плахада»), Каранар («чактау узун кенде»); Кер-Бее Ө. Каинчинни «Адалар фолында»эмезе «Ылдыстар когындагы» Кан-Кереде деген кушты сөр-кебери ле о.Ө. КӨчөрөөчи Ө. Каинчинни сӨзи быжу, тӨп, эрмек-кучыны су-алтай. Бу айтканысты «Өакшы болзын, Гулсары», «Ак кереп» деген кӨчөрмелер керелейт.

А.Адаровты сееген бичиичилерини тоозында (Габриэль Гарсия Маркес «Сто лет одиночества», М. Булгаков «Мастер и Маргарита» ла о.Ө.) Ч. Айтматовты ады адалганы тегинде эмес. Алтай бичиичини элдеу озо Ч. Айтматовты романы филбиркеткен, оны сюжеди, тургузылганы: эске алыныштарды болужыла откӨн ӨйлӨрди эзеткени, солун учуралдар ла теекилик керектер. Ол ок ӨйдӨ авторды эп-аргалары, роман деген жанрла чемдегени. КӨчөришке темигип калган бичиичи Ч. Айтматовты бир де кечсинбей, февилинче ле кӨчөртир. совында ол бойы баштапкы катап роман деген жанрла чемдеп фат («Өлемни чакыр кужы», 1993).

Т. Торбоков кӨчөрөөчи деп ададала, Ч. Айтматовты еч чемдемелин алтай тилге кӨчөргөн. Бу кӨчөриштерде бойыны федими де, федикупес-тутактары да бар. Ол фогынав болбозы база фарт. Ол ок ӨйдӨ ӨрӨги адалган кӨчөрөөчилерди чике бойыны ени танылу: Б. Укачинни ӨкпӨӨринижи, Ө. Каинчинни табылу сӨзи, А. Адаровты чике кӨчөрижи, Т. Торбоковты фадагай эрмеги ле о.Ө. Бир кӨчөреле, бичиичилер бойыны кӨчөргенине такып бурулып, тезедип ле фазап тургажын, эмезе бой-бойлорынав ченемел алыжып, Ч. Айтматовты марын фетирерге амадагажын, алтай кӨчөрмелер алавузу фогынав талдамаларды тоозында болор.

Бириктире кӨргӨжин, Ч. Айтматовты чемдемелдери алтай тилге фаантайын кӨчөрилип туру, келер де ӨйдӨ кӨчөрилгедий. Кезик чемдемелдери кӨчөрилбеген де болзо, олоорды камааны сезилет. Ч. Айтматовты кӨчөрмелерини шылтузында алтай бичиичилерди фавыс ла кӨчөрме узы бийиктеген эмес онойдо ок чемделге фаяаны байып туру. Ол ок ӨйдӨ Ч. Айтматовты чемдемелдери алтай литератураны кееркедим энчизи болуп чотолот.

Ч. Айтматовты чемдемелдерин кӨчөрмелериле теудештирип тура, кажы ла ук литература (алтай да, кыргыз та) бойыны фолыла ӨскӨн деп темдектеер керек. Өе олоорды Өземинде фезендеш учуралдар (типологическое сходство) болордов айабас. Бу айалганы ӨрӨ адалган чемдемелдер ле кӨчөрмелер керелейт.

Литература.

Айтматов Ч.Т. Кожовны кеези. - Горно-Алтайск, 1961 (алтай тилге Б. Укачин кӨчөргөн); Тууларды ла чӨлдӨрди повестьтери. Горно-Алтайск, 1964 (Б. Укачин кӨчөргөн); Өакшы болзын, Гулсары. Горно-Алтайск, 1972 (Ө. Каинчин кӨчөргөн); Солдатты уулы

//Алтай литература, 5 –чи класстын еренер бичигинде.- Горно-Алтайск, 1990. С. 146-151 (Т. Торбоков кӧчӱрген); Айтматов Ч.Т. Баштапкы ередечи //Алтайдын чолмоны 1980, 28-29-30 август (Т.Торбоков кӧчӱрген); Ак кереп //Эл-Алтай, 1991, №1.- С. 88-111 (с. Кадыеванын кӧчӱргени); «Алтай литература» (8-чи класстын еренер бичигинде). - Горно-Алтайск, 1993.- С. 128-150. (С. Кыдыеванын кӧчӱргенин кееркеде ӱ. Каинчин фазаган); Чактав узун кен.- Горно-Алтайск, 1988 (А.Адаров кӧчӱрген); Укачин Б.У. Со времен «Джамили» (К 50-летию Ч. Айтматова) //Укачин Б.У. На мой взгляд...- Барнаул,1996. -С. 28-34; Укачин Б.У. Творческая лаборатория писателя //Актуальные вопросы алтайской литературы, Горно-Алтайск, 1975.- С. 121

Тыва литератураны алтай тилге кӧчӱргени: сурактын тӱӱкизи

Сибир талада башка-башка укту тӱрк калыктар фуртайт: алтай, тыва, саха, шор, хакас; монгол тилдӱзи - буряттар. Олордын литературазын озо баштап орус тилге кӧчӱрип, калыктар бой-бойыла танышкан. Онон кажы ла калык ӱскӧ уктулардын литературазын орус тил ажыра тӱрӱл тилге кӧчӱрер боло берген. Темдектеп алза, туку 30-чы фылдарда орус тилге ӱлгерлик фуунтылар кӧчӱрилген: «Поэты Горного Алтая» (1932), «Новая Шория» (1938) ле онон до оско. Лириканы ол фылдарда И.Мухачев, Е.Стюарт, В.Непомнящих деп кӧчӱреечилер кӱчӱретен. «Сибирские огни» «деген журналда бир кезек ӱлгерчилердин чӱмдемелдери кепке базылып фарлалган.

50-чи фылдарда «Поэты Хакасии»(1950), «Поэты Горного Алтая» (1954), «Поэты Тувы» (1957) деп ӱлгерлӱ фуунтылар чыгатан. Оны ээчиде бириктирилген фуунтылар кажы ла калыктын ӱлгерчизиле, чӱмдемелиле таныштыратан. Темдектеп алза, «Литература народов Сибири», «Поэты народов Сибири» ле онон до ӱскӧ.

Алтай-тыва кӧчӱрмелерди шиндеген шинжӱчилердин тоозында Н. Киндикова (1989,2003), М. Мискина (2004), А. Киндикова (2004), С. Комбу (2005;) ла онон до ӱскӧлӱри. Олордын бичимелдеринде тыва лириканы ла прозаны тӱрӱл тилге кӧчӱргени, чӱмдемелдердин тӱӱкизи ле кееркедими керегинде айдылган. Темдектеп алза, С.Комбунун бичимели Л. Кокышевтин чӱмдемелдерин тыва тилге кӧчӱргенине учурлалат. Онон озо ол кӧчӱрмелер керегинде Д.С. Куулар ла М. Хадахане деген шинжӱчилер бичиген эди. Је калганчы адалганы кӧп сабада тыва бичиичилердин чӱмдемелдерин орус тилге кӧчӱргени керегинде айдып туру. Алтай ла тыва кӧчӱрмелер аайынча бу бичимелде баштапкы катап шинделет.

Кӧчӱрмелердин тӱӱкизин кӱргӱндӱ, тыва литература алтай тилге 50-чи жылдарда кӧчӱрилип башталган. Элден озо оны студент уулдар, ол тушта А.М. Горькийдин адыла адалган Литературный институттын ӱренечилери -Л. Кокышев, Э. Палкин, А. Адаров - кӧчӱргендер. Ол жылдарда олор керек десе кинонын субтитрлерин алтай тилге база белетейтен. Ченемели јок кӧчӱреечилерге Салчак Токанын «Араттын сӱзи» (1953) деген повези элден озо анда кӱргӱскен чындыгыла јуук ла таныш деп билдирген. Ненин учун десе, алтай литература

П.Кучияктын «Адыжок» (1937-1943) деген жетире бичилбеген романыла олор таныш. Бу эки чүмдемел автобиографиялык болгоныла солун. Же П.Кучияк романнын жүк ле башталганын чүмдеген болзо, С.Токанын чүмдемели үч башка бичиктен турат. Онын учун тыва билимчи Д. Куулар оны трилогия деп адап туру.

Баштапкызында, төс геройдын, Тывыканын бала тужы көргүзилген болзо, экинчи бичикте тыва калыктын жаны учун тартыжузы ла үчинчизинде – бүткүл Туванын өнжип жаранганы, совет ороонго кожулганы јуралат (Куулар, 125).

XX чактын 50-чи јылдарында онын жанры повесть деп адалып, үч јаан бөлүктен турган: «Төс чадырда», «Ырыс кайда», «Тартыжу башталды». Көчүрөөчилер бу повести орус тил ажыра төрөл тилге көчүргөн. Онын шылтузында бир кезек јастыралар да болордон айабас. Же орус көчүрме ле алтай текстти тундештиргенде, јазымы јоктон көчүрилгени иле билдирет.

Шинжүчи М.С.Мискинананын чике темдектегениле, «Положительной стороной переводного произведения можно отметить добросовестный и полный (без сокращения) перевод повести. Идентично передана образность, удачно переведены лирические зарисовки. Стилистические же особенности писателя переводчиком, на наш взгляд, не удалось в полной мере перевести» (Мискина, с.24).

Тыва–алтай бичиичилердин колбузы туку 30-чы јылдардан бери болгодый, ненин учун дезе ол јылдарда Ойрот-Турада тыва студенттер үренген. Олордын тоозында Салчак Тока, поэт Александр Даржайдын эне-адазы ла өскөлөри де. 50-чи фылдарда тыва литератураны жүк ле алтай тилге көчүргөн болзо, 60-чы фылдарда тыва-алтай бичиичилер удур-тедир айылдажып баштаган. Ширтеечи С.С.Каташ ла В.И.Чичиновтын «Путь молодой литературы» (1973) деген бичигинен кычырадыс: «В 1965 году в село Каярлык в гости к его труженикам приехала группа тувинских писателей, возглавляемая Салимом Сюрюн-Оолом» (с.86). Ол алтай угаачыларга А.Адаровтын «Көчкүндер» деп улгерин орус тилле кычыртыр. Мындый ок туштажу энирлер Тувада өткөнин эмдиге фетире тыва карындаштар эске алгылайт. Алтай бичиичилердин адын соныркап угуп, керек дезе анайда тыва балдардын Ады да адалтыр.

60-чы јылдарда төрөл тилге Олег Саган-Оолдын «Кайадан да бек» деген куучыны алтай тилге көчүрилген. Ол «Јылдыс» (1965) деп кееркедим литературалык јуунтыда јарлалып јат. Онын көчүрөөчизи тил шиндеечи В.Тадыкин. Куучыннын ондайын көчүрөөчи чындык јетирген. Керек дезе кееркедим эп-аргаларды да чокым берген. Бу ок чүмдемелди 70-чи јылдарда поэт Ш.Шатинов төрөл тилге көчүртир. Эки көчүрөөчинин көчүрмезин тундештиргенде, В.Тадыкин текстке јуук көчүргөн, Ш.Шатинов дезе орус тексттен ыраган. Онын шылтагы – автор кочурмени алтай кычыраачыга јуук эттире көчүрерге ченешкени. Бу јылдарда алтай бичиичилердин чүмдемелдери тыва тилле јарлалат. Ол керегинде билимчи Сайлыкмаа Комбу бойынын «Лазарь Кокышев в Туве» деген статьясында бичийт [Комбу, 2004, с.104-107]. Онын бичигениле, 60-чы јылдардын башталганында Л.Кокышевтин үлгерлери «Шын» деп тыва газете ле «Улу-Хем» деп журналда кепке базылып чыккан. Тувада Л.Кокышевтин көчүрөөчилеринин бирүзи - Салчак Молдурга. Бу көчүрөөчи ал-

тай тилди јакшы билгениле аныланат. Андыйлардын тоозында: «Кабай кожон», «Салкын», «Јойгон» деп улгерлер ле «Тайгыл» деген баллада, «Туба» деген туујы.

Л.Кокышевтин прозазынан тыва тилле «Аринанын амыдыралы» (1969) деп адалып «Арина» деген роман Монгуш Доржунын кочургениле јарлалган. Мыны көчүрерге ого А.Китайниктин көчүрмези болушту болтыр. Је кочуреечи өс текстке тайанганы јарталат. «Как работал над переводом «Арины» бичимелинде М.Доржу эске алынат: «Лазарь отправил мне свой роман на алтайском языке. И я трижды читал и перелистывал... Только потом я начал работу над переводом» (Комбу, с.106). Айдарда, кочуреечи ос текстен кочурген, орус кочурмеле тундештирген болтыр.

70-чи јылдарда тыва ла алтай бичиичилердин колбулары тынып, удуртедир кочуриштер башталган. Алтай бичиичилер Тыва јаар јорыктап, колбуларды улалткан. Тыва укту бичиичилер-карындаштар Алтайга келип, алтай бичиичилердин чумдемелдериле танышкан, анда оны көчүрген. Андый колбулардын шылтузында «Карындаштык Туванын үни» (1974) деп јуунты кепке базылып чыккан. Анда тыва лирика, проза элбеде јарлалат. Ол керегинде толо айдылган (Киндикова,1989).

80-чи јылдарда алтай поэттер тыва үлгерчилерле танынан таныжып, јилбиркеткен чүмдемелдерди торол тилге көчүрип баштаган. Андыйлардын тоозында Юрий Кунзегештин «Күн чалыткан Тува» (1981), Александр Даржайдын «Арчыннын јыды» (1985) деп јуунтылар. Кочуреечилер Б.Укачин ле Ш.Шатинов бүткүлинче бир улгерлик јуунтыны торол тилге кочуртир. Баштапкызы авторло таныш бололо, өс текстти колго туткан, тундештире орус текстти коргон. Экинчизи тыва поэтле таныш болуп, онын телекейин чике ондогон ло сур-кеберлерин чындык јетирген. Айдарда, алтай–тыва литературалык колбулар ту 50-чи јылдардан ала башталып, бугунге јетире улалат. Је калганчы чыккан јуунтыларла алтай кычыраачы таныш эмес. Ненин учун дезе ол кочуришти улалткан кижии јок. Јүк ле Гузель Елемованын бир канча поэттердин, ол тоодо С.Комбунын, Черлик–оол Куулардын көчүрмелерин белетеп, газетке јарлаган. Мынан ары анылу көчүреечилер удуртедир көчүрмелер белетееринде аланзу јок. Ненин учун дезе фаны уе Алтай литературала филбиркеп, оны Тыва тилге фозокту кочурип туру. Андыйлардын бирүзи – тыва поэт-көчүреечи Менги Ооржак. Ол бойынын бичигине монгол, фопон, алтай көчүриштер кийдиргени солун. «Менги» (Кызыл,2008) деген фуунтызына ол алтай поэттердин улгерлерин, Н.Улагашевтин «Сынару» деп чөрчөги аайынча А.Бедушев белетеген пьесазын кийдиртир. Ол тоодо С.Суразаковтын, А.Саруеванын, Л.Кокышевтин, А.Ередеевтин, Г.Елемованын тыва тилге фазымы фоктон кочурилген улгерлери кирген. Көчүреечи орус тилден эмес, ылтам ла алтай тилден тыва тилге көчүргени фозокту. Мынан ары оско до көчүреечилер табылар деп иженели.

Литература.

1. Куулар Д.С. Историко-литературные аспекты творчества С.Тока// Куулар Д.С. История и современность. Сборник трудов по фольклору и литературе.-Кызыл: Тув. кн. изд.-во, 2002.- С.120-127
2. Орус-оол С.М. О переводах героического эпоса //Перевод тюркских литератур Сибири.- Горно-Алтайск,2005.- С.36-59
3. Комбу С.С. Лазарь Кокышев в Туве//Перевод тюркских литератур. – Горно-Алтайск,2005.- С.104-107
4. Киндикова А.В. Поэтика переводных произведений// Перевод тюркских литератур.- Горно-Алтайск,2005. - С.107-112

Төрөл литератураны орус тилге көчүргени ле көчүрөөчилер керегинде сөс

Төрөл литератураны орус тилге көчүргенин бис жебрен ойликтев бери көрөдис. Ненив учун дезе кажы ла литературанын өткөн жолы, түүкизи, ойликтерге болингени бар. Көчүрөөчилер дезе эки бөлүккө бөлинет. Баштапкызы, тилдин шинжүчилери, экинчизи - литературанын билимчилери. Жебрен түрк литератураны элден озо ады-жарлу немец укту түркчи В.В.Радлов, ошон датчан укту кижин Томсен кычырып, учурын толо жартаган. Тил шиндеечи С.Е.Малов XX-чи чактын 50-чи жылдарында таш бичимелдерди аайлу – башту эттире орус тилге көчүргөн [1].

Литература билимде онын учурын ла тузадын түркчи (тюрколог) Н.А.Баскаков жартаган («Алтайский фольклор и литература»,1948). С.Суразаков дезе таш бичиктерди оос поэзияла тундештире көрүп, онын үзүктөрүн төрөл тилге суй көчүргөн («Алтай литература»,1962).

Шинжүчи И.В.Стеблеванов шиндемел иштери текши жарлу. Таш бичимелдер үлгер кептү чүмделген деп ол 1965 жылда чыккан бичигинде жетирет. Оны кееркеде көчүргени «Поэзия древних тюрков VI-XII веков» (М.,1993) деген бичикте бар. Жебрен поэзияны орус тилге көчүрөөчи Анатолий Преловский көчүрттир.

Бу өйдөн ала Сибирде журтаган калыктар бойынын тилине жебрен бичимелдерди көчүрүп баштаган. Анайда Тывада поэттер А. Даржай ла Ю.Күнзегеш оны кееркеде көчүргөн, Хакасияда - Г.Казачинова, Алтайда – А.Адаров куучын кептү көчүрттир [2]. Бу көчүрмелер кееркедим болзо, ошон башка билим көчүрмелер бар. Темдектеп алза, тыва шинжүчилер орхон-енесай бичимелдерди билим эп-аргала тыва ла орус тилге кепке базып чыгарган. Ол бичиктин Ады - «Куль-тегин. Орхон-енесай бичимелдеринин тураскаалдары. У1-У3 чч.» деп адалган, Новосибирде 2003 жылда чыккан.

XXI-чи чактын башталганында Сибир талада жебрен бичимелдер аайынча билим учурлу конференциялар өткөн: Абаканда (2001), Кызылда (2003, 2010), Горно-Алтайскта» (2004,2009). Абаканда жебрен таш бичимелдерди кычырганынын 280 жылдыгын темдектегендер. Анда айдылган шүүлтелер «Актуальные проблемы сохранения и развития языков, культур и истории народов Саяно-Алтая» (2001) деп бичикте жарлалган. Орхон-енесай бичимелдин 110 жылдыгына ла Н.Ф.Катановтын «Опыт исследования урянхайского языка» деген

бичиктин 100 жылдыгына учурлай Кызылда телекейлик симпозиум өткөн. Онын жетирүүлери «Письменное наследие тюрков» (Кызыл, 2003) деп бичикте жарлалган. Жебрен таш бичиктерди Саха-Якутияда, Хакасияда, Тывада, Алтайда төрөл тилге көчүргөндөр: билим ле кееркедим эп-сүмеле. Алтайда десе Сибир талада кееркедим литератураны көчүргөнгө учурлай 2004 жылда билим-практикалык семинар өткөн. Анда жебрен бичимелдерди көчүргөни керегинде эрмек-куучын база болгон.

2009 жылда Горно-Алтайскта Алтайдагы таш бичимелдерге учурлалган телекейлик симпозиум өткөн. Бу ончозы - түрк калыктар бойынын тазылтамырыла жилбиркеп турганын керелейт. Айдарда, жебрен бичиктерди Алтайда С.Суразаков, А.Сабашкин, К.Кошев, А.Адаров көчүртир. Олордын көчүрмелерин түндөштүрө көрөргө бир канча сурактарды жартап алар. Баштапкызы, неден улам көчүргөн? Көчүрөр тушта кандый тексттерге тайанган? (С. Малов, А. Преловский). Олордын көчүрмелери баштап ла кайда жарлалган? (Темдектеп алза, К.Кошевтин көчүрмези «АЧ» газете 2001 жылда чаган айдын 16-чы күнинде жарлалган). А.Адаров ненин учун куучын кептү көчүргөн? Көчүргөнгөнүн амадузы кандый? Көчүргөнгөнүн кееркедим кеми кандый? Жарт эмес сөстөр, эрмектер көчүрмөдө туштайт па? Көчүрөр тушта шивжүчилердин иштери болушту болгон бо? Бу да ошон до өскө сурактарды ширтеп көрөри артты. Жебрен поэзияны көчүргөни керегинде Т.М. Садалованын ла А. Тарбанавтин бичимелдери бар [3].

Түрк-монгол өйликтин бичимелдери алтай тилге көчүрилгелек, же баштапкы ченелтелерди – «Моволдордын эржинелү кеп куучынын» (2010) – «Сокровенное сказание монголов» шинжүчи Т.М. Садалова белетеген. Бүгүн оны 9-чы класстын үренчиктери кычырат. «Огус керегинде бичиктер» (2010) деп чүмдемелди түүкичи Г.П. Самаев алтай тилге көчүргөн. Онын кире сөзүндө автор бичийт: « Бу бичикти көчүрөөчи озогы эки бичиктен тургускан Ол эки бичик экилези орто чактарда түрк укту улустын чаазынга коло бичиген бичиктеринен арткан» Онын өс тексти Парижде ле Дрезденде чеберлелип жат. Бу ок өйликке келиштире Т.М. Садалованын «Загадки Шуну-батыра» (2006) деп шинжү ижин кычырза болушту.

XIX чактын экинчи жарымында көчүрмелер кудай жаныла колбулу. Ол ок өйдө орус классиканы төрөл тилге көчүрүп баштагандар. Ол керегинде башка куучын. Бу өйликте М. Чевалков, И. Штыгашев, Г. Чорос-Гуркин чүмдеген. Же олордын бичигени эки тилле туштайт. Темдектеп алза, «Чөбөлкөптүв жүрүми» (1860) эмдиге жетире орус тилге көчүрбеген болзо, «Ундылбас кереестин» (1884) өс текстти эмдиге табылбаган. Орустап ол «Памятное завещание» (1990) деген бичикте жарлалган. М.Чевалковтын үлгерлери, баснялары десе «Мудрый богатырь» (1987) бичикте бар. Ол керегинде «Наследие Чевалкова в современном осмыслении» (2008) деп бичикте кыска жетирү эдилген.

И. Штыгашевтин бичимелдери орус тилле жарлалган. Шор тилле чүмделген үлгерин хакас укту шинжучи В. Акпашева орус тилге сыгыттын кебериле көчүрүп салган. Г. Чорос-Гуркиннин чүмдемелдерин төрөл тилге жур-

налист В.Кыдыев ле эмчи М.Сазанкин көчүргөн. Ол керегинде университеттин үрөнөөчилери С. Чайчинова (2004) бойынын ченелте бичимелдеринде жарлаган.

XX-чи чактын баштапкы жарымында көчүрөр ишке жарамыктуу айалгада төзөлгөн. Анчада ла орус классиканы төрөл тилге жакшы көчүрүп баштагандар. Көчүрөөчилердин тоозында А. Чоков ло А. Эдоков эптү көчүргөндөр. Ол керегинде шинжүчи З. Казагачеванын «Зарождение алтайской литературы» (1972) деген бичигинде толо айдылган. А. Чоковтын көчүрмелерин университеттин үрөнөөчизи А. Конунов ширтеп көргөн эди (Алтайдын Чолмоны, 1998 жыл, сыгын айдын 22-чи күни). Анайда ок көчүрмө ле өс чүмдемелди тундештире көргөни бу бичимелдин авторынын иштеринде туштайт (1989, 1994, 2001, 2003).

XX-чи чактын баштапкы талортозында көп жандай үредүге керектү чүмдемелдерди төрөл тилге көчүрерин кичеегендер. Ого коштой кееркедим чүмдемелдер алтай тилге көчүрилген, керек десе Алтайда көчүрөөчи кымыс иштеген, көп көчүрилген. Көчүрөөчиге эдилген некелтелер жабыс учун ол көчүрмелерде көп једикпестер туштайт. Бу айалганы Е.М. Чапыевтын статьязы керелейт (Бийск, 1954). Ол јылдарда литератураны көп көчүрөөчилер көчүргөн. Олордын тоозында Н. Шабураков, Н. Каланаков, С. Сабашкин, Н. Кучияк ла ошон до өскөлөри. Анчада ла орус классиканы көчүргени солун: А. Пушкинди, А. Чеховты, Салтыков-Шедринди, Н. Островскийди ле ошон до өскөлөрүн.

XX-чи чактын экинчи жарымында көчүрмелер керегинде элден озо шинжүчи С.С. Суразаков бичиген. Онын «Литератураны көчүрери керегинде јуун» (АЧ, 1958, 27 февраль) деп статьязы газетте жарлалган. Шинжүчинив ајарузында элден озо көчүрөөчүнүн чындыйы туруп јат. Көчүрилген чүмдемелдер керегинде керек десе көчүрөөчилер бойы да бичип јат. Темдектеп алза, П. Самыктын Л.В. Кокышевтин көчүриштерин бийик баалап көргөни «Улу поэт алтай тилде» деп статьяда жарлалган (АЧ, 1960, 18 август). П.Самыктын бичигениле, «Кокышевтин кажы ла сөзинин учуры сүрөөн терен, кажы ла сөзи сүрөөн кеберлү, чечен, чокум, айтканы эптү болуп јат». М. Лермонтовтын «Елгерлер» (1960) деген бичигине эки туујы ла лирикалык улгерлер кирген. Туујыны көчүргени «албаты бойы айткандый эдип, орус исторический кожондордын эп-аргаларыла, айдатан аайыла бичилген»- деп, П. Самык темдектейт. Ошон ары автор көчүрөөчи Л.Кокышев орус туујыда угаштыру јок үлгерди анафорала көчүргенин кайкайт. Онын темдектегениле, «алтай тилде качан да болбогон фольклордын эп-аргалары да, табылу эпический кеми де Л.Кокышевтин кочургениле эпту ле ээлгир». Л.Кокышевтин көчүргенинде байлык, ээлгир тил сезилет. Темдек эдип, «Каан Иван Васильевич, јиит опричник, јалтанбас којойым Калашников керегинде кожон» деген туујынын тоолу јолдыктарды кычыралы:

Агару Русьтан, энедий јеристен,
Андый јарашты кем де тапшас:
Куу баскандый, ол јымжак базытту,
Күүле көргөндий, ол јараш көстү,
Айткан сөзи тоорчык үниндий,

Ару качары, кызарган тандый,
Алтын чачы арказын јолдогон,
Ак төжине оролып ойногон,
Алена Дмитриевна деп атту болуптыр
Којойым јуртында өскөн эмтир.

Мынан башка Л. Кокышев орус поэт М. Лермонтовтын «Мцыри» деп туујызын көчүргөн. Куучын кептү чүмдемелдерди көчүргенинен Н.В. Гогольдын «Тарас Бульба» (1961) деп чүмдемели солун. Оны бойынын ойинде алтай тилге А.Сабашкин ле З.Табакова көчүртир. Айдарда, орус классика алтай тилге јозокту көчүрилген. Ол аайынча башка куучын. Алтай поэттердин чүмдемелдери орус ла оско укту калыктардын тилине анчада ла јозокту XX-чи чактын экинчи јарымында көчүрилген. Кажы ла поэт бойы анылу көчүрөөчилү де боло берген. Ол керегинде төмөги јолдыктарда айдылар.

Шинжүчилерден көчүрмелер аайынча Г.В. Кондаков көп бичиген. Орус ла алтай литературалардын колбуларын ширтеп тура, ол көчүрөөчилердин узына ајару салат. Ол ок өйдө Г. Кондаков алтай тилден орус тилге бойы көчүретен. Онын учун бу шинжүчинин ле көчүрөөчинин эткенин бис база баалап көрөр учурлу. Шиндемел иштерде алтай ла орус бичиичилердин најылыгынын төзөлгөзинде чүмдемелдер ле оны удур-тедир көчүргени айдылат. Анайып, Г. Кондаков бичиичи А. Коптелов ло П. Кучияктын колбуларын ширтеп, көчүрмелер керегинде база айдат (Алтай, 1970, №3, с.109-113).

70-чи јылдарда алтай лириканы орус тилге көп көчүргөн көчүрөөчилердин бирүзи - И.О. Фояков. Ол орус тилге кепке базылып чыккан үлгерлик јуунтылардын адакы сөзинде үлгерчилердин анылузын темдектеп, көчүрөр тушта кандый күчтерге туштаганын ла оны канайда јендеп чыкканын чике айдып салган. Темдектеп алза, «Несколько слов о поэзии Горного Алтая, о переводах ее на русский язык и об искусстве поэтического перевода вообще» деген статьяда автор көчүрөөчинин бир кезек сурактарына ајару салат. Онын бичигениле, поэзияны текстке јуук көчүрип болбос. Качан да болзо, тудулбас, өскө тилге айдылбас јажыттар бар. Ол темдектейт: «Да, абсолютный поэтический перевод, по-видимому, невозможен. Всегда остается что-то неуловимое, не переданное средствами иного языка, и всегда будет казаться, что, может быть, это самое «что-то» и есть главное» [Высокая радуга, 1971, с.208-211]. Анайып, И.Фояков алтай поэттердин үлгерлерин тил билбестин шылтузында јолдыктай көчүриш ажыра көчүргөн. Је јолдыктай көчүрмени автор бойы белетеген болзо, быжу болор эди деп И.Фояков темдектейт. Бу ок бичикте онын А.Адаровтын, Л.Кокышевтин, Б.Укачиннин, Э.Палкиннин, Ш.Шатиновтын, П.Самыктын, Э.Тоюшевтин лирикасын көчүрери аайынча айдыган шүүлтелери салынган. Ол көчүрөөчи де кижиге, автордын бойына да тузалу болор.

«Поэты Горного Алтая» (1972) деп јуунтыга кирген алтай поэттердин үлгерлери аайлу-башту тургузылган. Анда Чагат-Строевтен ала Б.Бедюровко јетире үлгерчилер кирген. Естине көчүрөөчилери - башка-башка улус. Бу бичиктин кире сөзин алтай литературанын өзүмин јакшы билер бичиичи А.Л. Коптелов бичиген. Ол алтай литературанын баштапкы көчүрөөчилеринин адын

адап, көчүрменин шылтузында башка укту калыктар таныжып, литературазын кычырып турганына аяру салган («Светлые родники поэзии»). Бүткүлинче көчүрмелердин чындыы керегинде айдылбаган.

«Демьян Бедный – переводчик алтайской легенды» (1973) деп адалган Г. Кондаковтын статьясында алтай туујуны орус кижиканайда көчүргени керегинде айдылат. Ого тайанып, өскө до туујулардын көчүрмезин көрөргө жараар. И. Фояковтын көчүрмелери «Горы и звезды» (1982) деп жуунтыда салынган. Онын кире сөзінде автор ак-чек айдынат: «Я не знаю алтайского языка. Мне помогает подстрочник, то есть буквальный прозаический перевод, сделанный кем-то, владеющим обоими языками. Чаще всего это сам автор». Онон ары көчүрөөчи И.Фояков кычыраачыга жолдыктай көчүришти мынайда жартайт: «Ол, менин көчүргенимле (көчүргени - Н.К.), эски тураны бузала, жаныдан салганы. Кажы ла тоормошты темдектеп. Кееркедим жолдык шак андый». Көчүрөөчи онон ары чокымдайт: «Перевод никогда не может быть точной копией оригинала. Хотя, конечно, хозяин должен узнавать свой дом, поэт – свое стихотворение. Добиться всего этого вместе чрезвычайно трудно. Но потому интересно» [Фояков, 1982, с.7-9].

80-чы жылдарда алтай литература орус тилден башка өскө калыктардын тилине көчүрилер боло берген. Же ол керегинде бу ойгө жетире шиндемел иш бичилбеген.

90-чы жылдарда алтай тилге көчүрилген бичиктер керегинде бу автордын бичигинде – «Эмдиги алтай лириканын кееркедими» (1994) айдылган. Бу жылдарда телекейлик литература жозокту көчүрилген. Ол керегинде бичиичи улус айткан. Темдектеп алза, П.Самык Н.Рерихтин көчүрмелери керегинде бичиген. 2004 жылда Сибирь талада кееркедим көчүриштин айалгазына учурлаган билим семинар өткөн. Анда сүрекей учурлу ла тузалу куучын өткүрилип, айдылган шүүлтелерди кепке базар деп жөптөгөндөр. Анайып, «Перевод тюркских литератур Сибири: проблема художественного перевода» (2005) деген бичик чыккан. Анда жарлу шинжүчилерле кожо керек дезе университеттин үренеечилери ле аспиранттар база турушкан. Бу өйдөн ала озор кажы ла бичиичинин көчүрмелерин көрүп, ол бойы кандый көчүрөөчи болуп турганын бүдүмжилейт.

Бириктире көрзө, көчүрмелер керегинде бириктире көргөн эмезе бичиген шиндемел иш бу ойгө жетире бичилбеген. Андый да болзо, шинжүчилердин бичиктеринде ле танынан жарлалган бичимелдерде көчүрмелер керегинде жетирүлөр туштайт. Онон башка көчүрөөчилер бойы көчүрүп турган чүмдемелдер керегинде айдып жат. Анчада ла бичиичилер көчүрмелери аайынча бойынын санаа-шүүлтелерин жетирип, көчүрменин учурын ла тузазын жартап турурлар. Келер өйдө шак бу сурак аайынча танынан шиндемел иш бичилер деп иженедис.

Тузаланган бичиктер.

1. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности.- М.-Л.,1951; Енисейская письменность тюрков.- М.-Л.,1952

2. Адаров А.О. Жебрен тюрк бичимелдер// Эрјине сөс.- Горно-Алтайск,2005.-С.40-77
3. Моволдордын эрјинелү кеп куучыны (Т.М. Садалова көчүрген).- Горно-Алтайск, 2010; Огус керегинде бичиктер (Г.П.Самаев көчүрген). - Горно-Алтайск, 2010
4. Чурекенова С. М.В.Чевалков – көчүрөөчи ле онын чүмдемелдерин көчүргени// Наследие М.В.Чевалкова в современном осмыслении.- Горно-Алтайск, 2008.-С.80-81
5. Чайчинова С. Г.И.Чорос-Гуркиннин чүмдемелдерин көчүргенин тундештиргени // Тюркоязычные литературы Сибири: проблемы художественного перевода.- Горно-Алтайск,2004. - С.66-69
6. Конунов А. Алексей Чокор – көчүрөөчи //АЧ, 1998, сыгын айдын 22-чи күни
7. Комбу С. С. Лазарь Кокышев в Туве // Тувинская правда, 2004, от 17 авг.
8. Киндикова Н.М. Тюркские литературы Сибири: проблемы художественного перевода // Перевод тюркских литератур Сибири. Теория и практика. - Горно-Алтайск,2005. - С.3-13
9. Каланакова Ч.Э.Палкинни чөчүрижини авулузу//Тюркоязычные литературы Сибири. - Горно-Алтайск: изд-во «Орехов».- С.53-55
10. Махин А. Көчүрмелерди тундештиргени (О переводе прозы К.Телесова)// Тюркоязычные литературы Сибири.- Горно-Алтайск: изд-во «Орехов» - С.179-184
11. Торбогошева Л. Ш.Шатинов көчүрөөчи//Тюркоязычные литературы Сибири: проблемы художественного перевода. - Горно-Алтайск,2004.- С.56-60.

Көчүрөөчилер керегинде сөс

Бу өйгө фетире бис көчүрөөчилер керегинде чике сөс айтпаганыс. Онын бир шылтагы – шинжүчилер көчүрөөчи керегинде ас бичиген. Устине бу калганчы жылдарда ол атту-чуулу көчүрөөчилер жүрүмнен ырап барадарда, олар учун таныштыру сөс айткадый. Көчүрөөчи – ол өскө тилден төрөл тилге кандый бир чүмдемелди эмезе бүткүл литератураны өскө укту калыктын тилине көчүрүп турган кижилер. Көчүрөөчи үч башка бөлүккө бөлинер: анылу үредүлү көчүрөөчи, бичиичи-көчүрөөчи ле автор-көчүрөөчи. Калганчызына, темдектеп алза, Ж.Б. Каинчин кирип фат. Калганчы фылдарда ол бойынын чүмдемелдерин фаныс ла фолдыктай эмес, бүткүлинче орус тилге көчүргөн. Онын бир болушчызы – кызы Кемине Каинчина. Көп алтай бичиичилер бойы көчүрөөчи болуп, орус ла өскө укту калыктардын чүмдемелдерин төрөл тилге ажыра көчүредилер. Андыйлардын тоозында, темдектеп алза, А.Адаров, Л.Кокышев, Б.Укачин, Ш.Шатинов, П.Самык, К.Кошев ле онын до өскөлөри. Ередүлү көчүрөөчи деп бис, темдектеп алза, алтай бичиичи Токшын Торбоковты адаарыс.

Өрөгү адалган көчүрөөчилер көп нургунында орус тилден төрөл алтай тилге көчүредилер. Алтай литератураны орус тилге көчүрүп турган көчүрөөчилер керегинде бу өйгө фетире толо айдылбаган. Онын учун бар литературага тайанып, бис олардын кажызын ла анылап көрөрис. XX-чи чактын баштапкы фарымында, чокымдап темдектезе, 30-40-чи фылдарда Новосибир каланын бичиичилери алтай литератураны орус тилге көчүргөн. Ол керегинде шинжүчи Г.В. Кондаковтын «Связь времен» (1979), «Духовное согласие» (1983) ле «Магнитное поле поэта» (1976) деген бичиктеринде толо айдылган да болзо, көчүрөөчилерди ойтодон эске алалы: А.Смердов, Е.Стюарт, В. Непомнящих, И.Мухачев, А. Павлов ло онын до өскөлөри. Бу тушта бис XX чактын экинчи

фарымында көчүргөн бичиичилер керегинде айдарыс. Олордын тоозында, тем-дектеп алза, Абрам Китайник, Явиль Мустафин, Александр Плитченко ло өскөлөри де алтай прозаны фозокту көчүргендер.

Анчада ла лириканын көчүрөөчилери көп лө башка-башка. Ненин учун де-зе, кажы ла үлгерчи танынан көчүрөөчилу болордон айабас, ол ок өйдө бүткүл литератураны көчүрүп турган көчүрөөчилер база бар. Ол тоодо ферлеш поэт-көчүрөөчилерди - К. Козлов ло Г. Кондаковты – адаар керек. Алтай лириканы биле тура, керек дезе тилди факшы ондоп тура, олоор бойынын өйинде орус тил-ле сүрекей чындылду көчүрмелер белетеген. Же орус тилге эн ле көп көчүргөн көчүрөөчилердин тоозында И.Фоняков, А.Плитченко, Б.Слуцкий, Я.Козловский ле онон до өскөлөри. 80-чи фылдарда олоордын тоозына татар укту Равиль Бу-хараев кожулып туру. Калганчы өйдө фурукчы Сергей Дыков алтай поэттердин - Б.Укачиннин ле Ш.Шатиновтын- кыскачак фолдыктарын орус тилге федимдү көчүрөт. Öрöги адалган көчүрөөчилер керегинде шинжүчилердин ижинде ай-дылбаган учун, бу тушта олоордын салымы ла көчүрмелери аайынча кыска фетиру берерис.

Абрам Ушеревич Китайник (1922-2001) - бойы журналист, бичиичи ле фарчы кижичи, Иркутск калада чыккан, узак өйдин туркунына ол Новосибирде фуртаган. «Сибирские огни» деген журналдын редакциязында ла «Детская ли-тература» деп бичик чыгаруда иштеген. Ол ок өйдө А.Китайник сибир талада фаткан калыктардын баатырлык кай чөрчөгин орус тилге көчүргөн ле сибир талада чүмдеп турган прозаиктердин бичигин орус тилле «Молодая проза Си-бири» деген фуунтыга белетеген.

Ол ок өйдө А.У. Китайник - алтай прозачы улустын чүмдемелдерин орус тилге көчүргөн көчүрөөчи. Андыйлардын тоозында Ч.Чунижековтын «Мунду-зак» (1974), Э.Палкиннин «Алан» (1975), Л.Кокышевтин «Арина», «Цветок степей» ле онон до өскө. Калганчы эки роман «Женщины» (1977) деп адалып, ойто катап чыгарылган. Орус укту кижиге кем фолдыктай көчүрме белетегени эм тура фарталбаган. Э. Палкиннин «Аланын» жолдыктай кочурген кижичи - эт-нограф Н.И. Шатинова, ого жөмөшкөни билимчи Р.А. Палкина деп жарталды. Же Л. Кокышевтин Ариназын кем көчүргени чике жарталбаган. Эске алыныштарда В.И. Чаптыновтын ады адалып турат. Ол керегинде О.А. Савчиц, Л.В. Кокы-шевтин тул эжи эске алынган. Белетелген фолдыктай колбичинтини А.Л. Коп-телов кычырып, бир эмеш түзөдүлөр эткен деп фетиру бар. Г.В. Кондаковтын бичигинде айдылат: «А. Коптелов, рецензируя подстрочный перевод романа Л. Кокышева, говорит о поэтических достоинствах книги алтайского автора, о ее познавательном и воспитательном значении. А. Коптелов, зная быт алтайского народа, мельчайшие этнографические детали, указывает на некоторые непра-вильные родовые наименования (иркит, тодош) алтайским словом, обозначаю-щим различные предметы обихода и не переведенным на русский язык, дает на полях рукописи их перевод, чтобы облегчить работу переводчику и сделать текст более понятным для русского читателя (Кондаков, 1983). А.Л. Копте-ловтын колбичинтиге чийген элгештирими көчүрөөчиге бөлүштү болгоны фарт.

Je бистин билерисле, «Арина» деп романды эки көчүрөөчи көчүрөргө ченешкен. Олор – А. Леуткин ле А. Китайник. Баштапкызы 1962 ылда бойынын көчүрмезин фарлаган, А.Китайник дезе 1968 ылда. А.Леуткин романнын баштапкы бөлүгинен 8 бажалык көчүргөн болзо, экинчизи 3 бажалыкту романды 2 бажалыкту эттире орус тилге көчүртир. Экүнин көчүрмезин түндештире көрзө, кажызы ла үзүктөрдү эмезе эрмектерди кыскартып, эмезе ого фемей фетиру берип, керек дезе бойынын кожуп та эрмектер кийдиртир. Бир фанынан, онын федими бар, экинчи фанынан, чаптыгы иле билдирет. Бу айтканысты түндештире көрөли. Романнын башталганын эки көчүрөөчи канайда көчүрөт? Ос текстте: «Арина ачып салган көзнөктин алдында фаткан. Чала кейеле, бөкөйип калган свечиге түней эки карыган эмеген оны айланыжып турдылар. Кажы ла күркүреген кекертке олор терген крестенгилеп, фарыжып тургандый, фаныс енле чөйө тартып турдылар: кайрако-он!». Аjarу эдели, көскө көрүнөр түндештирүүлөр мында бар.

А. Леуткиннин көчүргени: «Арина лежала у самого окна. Две древние старухи, удивительно похожие друг на друга, хлопотали вокруг нее. После каждого раската грома они испуганно горбились, беззвучно шевелили губами, потом будто по команде, выкрикивали: - Кайрако-он! кайрако-он!».

А. Китайниктин көчүрмезинде: «Арина лежала у самого окна. Возле нее хлопотали, скрючившись, как оплывшие свечные огарки, две старухи...». Онон ары А. Китайник текстте фок учурал кийдирип, мындый эрмек кожот: «Будь хоть немного полегче, Арина давно бы прикрикнула на них: «Ну, чего топчутся!». Мынан көргөндө, кажы ла көчүрмеде бойынын федими ле једикпестери бар, је автордын шүүлтезин олор јакшы јетиредилет. Көчүрөөчини ижи сүрекей күч. Јук ле тил билери керек эмес, башта, меде анылу иш өдүп фат, бир тилден экинчизине. Ол ок өйдө автордын чүмдееринин анылузын јазымы јоктон артырар керек. Мындый некелтени ченемели јаан көчүрөөчилер тургузып туру.

Мустафин Ямил Мустафьевич - 85 јашту көчүрөөчи. Ол бойы башкир укту. Онын салымы кайкамчылу јайалган. Адазы мулла болгон учун олордын билезин Сибирь јаар актуга айдай берерде, энези түней ле балдарыла башкир тилле куучындажатан. Је уулчактарды эбиреде орус тилдү улус болгон учун, балдар түргөн өскө тилге јайыла берген. Је каны тартып, ол түрк уктуларды сүрекей јакшы ондойтон. Онон улам Ямил Мустафьевич өскө тилден орус тилге көп чүмдемелдер көчүргөн. Ол тоодо Күүгей Төлөсовтин чүмдемелдерин: «Где та дорога?», «Песня», «Девушка из голубой долины», «Цветы мигают» ла онон до өскө. К.Төлөсовтин чүмдемелдерин анайда ок орус тилге көчүрөөчи В. Јагунин база көчүргөн.

Бичиичи Б.Бедюровтын эске алынганыла, К.Төлөсовтин баштапкы јолдыктай көчүрмезин ол белетеп берген. «Дружба народов» (1967) деп журналда онын көчүрмези јарлалтыр. Темдек эдип, ос текст ле көчүрмени түндештирели: «Кайда ол јол» (1968) деп повестьтин баштапкы јолдыктарын кычырганда, ол мынайда чүмделген: «Бистин јуртта сүүнчилү такшы уулчак

өскөн. Ол уулчак кайда барганын, нени эдип жүргенин билбезим. Же кайда ла жүрзе, нени ле этсе, ол алдындагы ла бойы – шулмус, сүүнчилү болор. Ол уулчактын чын адын ундып салдым. Же беш-алты јашка једип келерде, улус ого Јантык Курт деп чоло ат адагылаган эди».

Бу јолдыктардын көчүрмези мынайда угулат: «Давно это было – во время войны. Жил в нашем селе веселый славный мальчишка. Я знал его очень хорошо, но, как ни странно, не помню его настоящего имени. В памяти моей сохранилось лишь его прозвище. С чьей-то легкой руки его стали звать Дьянтык-Курт». Кажы ла јолдыкты көчүрөөчи көчүрди бе дезе, јок, көчүрөөчи бу берилген үзүкте кандый шүүлте салынганын өскө укту кычыраачыга јарт болзын деп јайымжырап көчүрген. Естине керек качан, кайда болгонын чокымдаар керек болгон. Анайда көчүрөөчи чүмдемелдин күүзин тудуп алала, автордын шүүлтезин јетирерге чырмайган.

Ј. Каинчинин чүмдемелдерин А. Плитченко, Д. Константиновский, А. Ханбек ле онон до өскөлөри орус тилге једимдү көчүрген. Калганчы өйдө Ј. Каинчин бойынын чүмдемелдерин бойы көчүрер болды. Онын шылтагы – көчүрөөчиге иш јал төлөбөй барган өй келишкен. Ого јөмөшкөн кижиге – филология факультетти божоткон Кемине Семеновна. Анайда, темдектеп алза, «Лунная соната» (2004), «Пепел звезд» (2006) деп бичиктер кепке базылып чыкты. Калганчы адалганы якут тилге база көчүрилген.

Көчүрөөчилер јавыс ла романдар ла повестьтер, куучындар көчүрүп турган эмес, алтай лириканы да једимдү көчүргендер. А. Адаров бойынын эске алыныштарында, темдектеп алза, А. Смольниковты, А. Плитченконы, И. Фояковты, А. Храмовты ла онон до өскөлөрүн адайт. Онын шүүлтезиле, «Көчүрөөчилер башка-башка көчүрөт, кем состон сөскө, кем учуры айынча. Көчүрген тушта көчүрөөчилер сениле коштой отурып, јолдыкты канайда көчүрер, не керегинде айдылган, күүзи, ритмиказы, темп, күүн-санаазы канайда берилгенин сурап көчүрерге ченежет. Же канайда ла көчүргенде, оригиналга јетпес. Түвей ле бичиичинин терен когүс-санаазын, көрүм-шүүлтезин, нени айдарга сананганын јетире ондобойдылар».

Көчүрөөчи Илья Олегович Фояков керегинде В.И.Чичинов јолду айткан: «... Фояков много и охотно переводит. В этой работе толмача он раб оригинала и соперник поэта, нет, он ученик Поэзии. Переводы, помимо обогащения братских литератур, в том числе и алтайской, шлифуют видение и арсенал самого мастера...».

Илья Фояков (1935-2011) бойы үлгерчи, јарчы ла көчүрөөчи. Ол үлүрген айда Иркутск областта Бодойбо деп калада чыккан. Ленинградта филфакта журналистиканын бөлүгин 1957 божодып, «Именем любви» деп үлгерлик јуунты чыгарган. Новосибирде иштеп тура ол 60-чы јылдарда А.Адаровтын («Руки»), Э.Палкиннин («Осеннее утро») үлгерлерин орус тилге көчүрүп ченеген. Оны ээчиде Л.Кокышевтин, А.Адаровтын, Э.Палкиннин, А. Ередеевтин, Ш. Шатиновтын, П. Самыктын, Э. Тоюшевтин ле онон до өскөлөринин. 70-чи јылдарда онын көчүрмелеринен турган «Высокая радуга» (1971), «Горы и звезды» (1982) деп јуунтылар чыккан. Баштапкы бичиктин учында алтай бичиичи-

лердин үлгерлери керегинде төп шүүлтелер айдылган. Темдектеп алза, «Аржан Адаров – по складу своему ярко выраженный публицист, о чем бы ни писал он, даже о природе, о любви, - в основе его стихов всегда четкая, развивающаяся мысль, и ее развитие нужно прежде всего стремиться передать в переводе.

Лазарь Кокышев – поэт настроений, его стихи подернуты как бы нежным туманом, его называют иногда «алтайским Есениным», многие строки Кокышева популярны в народе как песни. Парадоксально, что именно он, импровизатор, стал автором первого романа в алтайской литературе.

Борис Укачин – повествователь, почти каждое его стихотворение, даже короткое – какая-то история, случай из жизни, он тяготеет к жанру поэмы, некоторые свои большие стихотворения называет «маленькими поэмами» или «рассказами в стихах».

Сосредоточен, обстоятелен Эркемен Палкин, его раздумьям свойствен серьезный, «высокий» слог – недаром в Литературном институте он был одним из любимых учеников Владимира Луговского» и так далее о других алтайских поэтах Ш. Шатинове, П. Самыке, Э. Тоюшеве, А. Ередееве [с.209-210]. Көчүрөөчи И.О. Фоняковтын түп шүүлтөзи: «Да, абсолютный поэтический перевод, по видимому, невозможен. Всегда остается что-то неуловимое, не переданное средствами иного языка, и всегда будет казаться, что, может быть, это самое «что-то» и есть главное» [Высокая радуга, 1971, с.208-211].

Онын калганчы көчүрмелери – Борис Укачинин үлгерлери. И.О. Фоняков керегинде Амыр Укачинин бичимелдерин кычырага жараар: «Слово о мастере поэтического перевода» (АЧ, 2010, за 4 ноября), «Памяти мастера» [АЧ, 2012, за 16 августа].

Б. Бедюровтын көчүрөөчилери көп, ол тоодо баштапкыларынын тоозында - Ярослав Васильевич Смеляков, Яков Абрамович Козловский ле онон до өскөлөри. Баштапкызы Б. Бедюровтын чүмдемелдерин көчүрөргө бойы сураган эмтир. Ол тушта авторды көчүрөөчи билбес те болгон. Е. Евтушенко кожо үренген Э. Палкиннин «Такой обычай» (1959), Б. Укачинин «Ветка горного кедра» деген көчүрмелерден өскө орус ла өскө укту кычыраачылар бу ойго жетире таныш эмес болгон. Р. Гамзатовты көчүргөн Наум Гребнев ло Яков Козловский Б. Бедюровтын үлгерлерин база көчүргөн. Калганчызы оны бичиичилердин турчызына бүдүмжилеген эмтир. Ол керегинде Б. Бедюров бойынын эске алыныштарында куучындаган. Кийинде озор таныжып, көп көчүрмелер белетеген. Керек десе Я.Козловскийдин мөнкүзин үйдежер тушта, 2001 жылда Б.Бедюров калганчы сөс айттыр.

Татар укту Равиль Раисович Бухараев (1951-2012) алтай поэттердин үлгерлерин база көчүргөн. Онын бойынын жуунтызы «Яблоко, привязанное к ветке» 1977 жылда чыккан. Ол татар да, орус та, англичан да тилдерди жакшы билетен. Алтай поэттердин жуунтызынын ады - «Когда цветет маральник» (1985) деп адалат. Көчүрөөчи Казаньда 18 октябрьда чыккан, калганчы жылдарда Лондондо журтаптыр, 24 январьда жада калган, мөнкүзин Казаньда жууган. Карыкчалду жетирүни «Посол татарской культуры в Европе» деп, бичиичи ле журналист Ю. Поляков жолду адаган. Айдарда, алтай бичиичилердин

кӧчӱречилери кӧп лӧ башка-башка. Алтай кычыраачы ла бичиичилер ологро быйанду артат.

Литература.

Кондаков Г.В. Магнитное поле поэта. – Барнаул,1976.- С.129-148; АЧ.,1988, за 29 июня; Алтай Телекей, 2003,№3,с.78;Дружба народов,2010,№5; Киндикова Н.М.Поэтична ли поэзия Б.Укачина// Эл Алтай, 2005, №3. - С.102-109; Укачин А.Б. Слово о мастере поэтического перевода//Алтайдын Чолмоны,2010, за 4 ноября; Укачин А.Б. Памяти мастера.// Родник, 2012,16 августа; Прищепа В.П. «Щемящей совести строка...» - Абакан, 2009.- 455с.

Бичиктердин тисмези.

Мундус-Эдоков М.В. Зерно - по всходу. - Горно-Алтайск,2006; Кошев К. Билге каганга учурлалган кереес //АЧ,2001,чаган айдын 16-чы кӱни; Поэты Горного-Алтая.- Новосибирск,1932; Под солнцем Родины. - Новосибирск,1938 (Н.Добычин); Заглась золотая заря. - М.-Л.,1939 (пер.Д.Бедного); Заря над Алтаем - Барнаул, 1954; Поэты горного Алтая.- Горно-Алтайск,1954; В горах Алтая.- М., 1957 (пер. Е.Стюарт, Мухина, Непомнящих); Песню над Катунью. - Горно-Алтайск,1962; Песни голубых долин. - Горно-Алтайск, 1963; Высокая радуга. - Горно-Алтайск, 1971 (пер. И.Фонякова); Поэты Горного Алтая.- Новосибирск, 1972; Горы и звезды.- Горно-Алтайск, 1982; Когда цветет маральник.- Горно-Алтайск, 1985 (переводы Р.Бухараева) и др.

Зарубежная литература в переводе: проблема инонационального восприятия

Проблема инонационального восприятия переводной зарубежной литературы в отечественном литературоведении почти не рассматривалась. Исключение составляют взаимоотношения русской литературы с зарубежной литературой, а литература народов России и СНГ, кроме киргизской, оставалась вне внимания. Негласно считалось, что это прерогатива узких профессионалов-зарубежников, с одной стороны; с другой - в 60-е годы XX столетия отечественные литературоведы были заняты в основном выявлением роли фольклора в формировании национальных литератур или влиянием только русской литературы на становление и развитие национальных литератур. И только в 80-90-е годы XX века появились единичные статьи, посвященные исследованию многонациональной литературы в международном контексте[1, 2]. Однако в них речь идет о восприятии многонациональной литературы иностранными читателями.

Вопрос о восприятии переводной зарубежной литературы инонациональными читателями остается актуальным ввиду того, что зарубежная литература не только переводится на многие языки народов России, но и в XXI веке уже начался перевод непосредственно с языка оригинала на язык переводимой литературы. Во-вторых, художественный перевод в качестве локального текста является актуальной проблемой исследования не только для лингвистов, но и для литературоведов, поскольку переводчики имеют дело с подлинником и ограничены в свободном обращении с переводимым текстом. Художественный перевод, как известно, выступает посредником между разными культурами. В

нашем случае мы имеем дело с оригиналом как с «каноническим текстом» и вариантами их перевода. А переводы выполнены писателями разных культур и времен. Заметим также и то, что зарубежная литература на Алтае переводилась с русского переложения, нежели с оригинала. Редко встречается перевод непосредственно с языка оригинала. Переводческая деятельность писателей как раз и обеспечивает локализацию в конкретном тексте с целью передачи национальных особенностей ландшафта, исторического контекста, этнографического своеобразия, речевой специфики героев и т.д.

До настоящего времени в литературоведении рассматривался художественный уровень переводной русской литературы, а переводная зарубежная литература оставалась вне поля зрения исследователей, поскольку она считалась третичной по отношению к оригиналу. И если речь шла о зарубежной литературе в переводе, то это касалось лишь особенностей ее тематики и проблематики, нежели о специфике ее поэтики. Исследователи А.А. Бурцев из Якутска (1995), Ф.А. Велиханова из Азербайджана (2004) пытаются рассматривать якутскую и азербайджанскую литературу в историко-типологическом сопоставлении с мировым литературным процессом [3,4]. По мнению Ф. Велихановой, этот «способ ведет к преодолению замкнутости национальных рамок, более широкому выходу к сопоставлению и оценке национальных литературных явлений» [4, с.40].

В последние годы в исследовании молодых обнаруживаются попытки рассмотрения влияния традиций зарубежной литературы на развитие национальных литератур. Таковы, к примеру, статьи М.А. Бурцевой о типологическом сопоставлении произведений А.Кулаковского и английского поэта Т.С. Элиота или влияние традиций В. Шекспира на творчество якутского писателя П. Ойунского [5,6]. Владея родным, якутским, и английским языками, исследователь на основе сравнения оригинала и его перевода приходит к выводу о том, что «согласно воззрениям Т.С. Элиота, причиной вечной трагедийности бытия людей является их собственная природа. Человек подчиняет свою жизнь земным желаниям, греховное начало вытесняет в его душе божественное. И потому обращение человека ради спасения души к Богу не приносит ему утешения...» [5,с.96]. А якутский поэт А. Кулаковский, по мнению М. Бурцевой, видит угрозу в человеческих пороках, растущей жадности и неукротимой гордыне [5,с.97].

В последние годы отмечается два направления в исследовании взаимосвязи зарубежной литературы с национальными литературами: во-первых, выявляется творческое соприкосновение национальных писателей с зарубежной литературой, правда, через русский перевод. Известно, что национальные писатели в начале XX столетия создавали произведения, прежде всего, опираясь на собственный материал, редко выходили за рамки национального мировоззрения. Из литератур народов Сибири исключение составляет якутская литература, которая имела длительные контактные связи с русской литературой. В якутской литературе возможно влияние традиций переводной зарубежной литературы в начале прошлого столетия. Во-вторых, прослеживаются типологические связи

национальных литератур с традициями зарубежных писателей на уровне тем, сюжетов, мотивов и образов, но, подчеркнем, не в контактных связях. К примеру, якутский писатель П.А. Ойунский опирался, в первую очередь, на сложившуюся историческую обстановку в стране, в Якутии в частности, и мог создать произведение трагического масштаба на материале собственного мировосприятия. (Здесь имеется в виду типологическое сопоставление произведений «Красный шаман» и «Куданса Великий» П.А. Ойунского и «Гамлет» и «Макбет» В. Шекспира). В своем автореферате кандидатской диссертации М. Бурцева подчеркивает, что «все свое творчеством П. Ойунский доказывал, что якутская художественная литература не должна быть замкнутым феноменом, что на основе собственных традиций она может творчески воспринимать опыт других развитых литератур» [6,с.5]. Так, по утверждению М. Бурцевой, в личном архиве П. Ойунского обнаружен трехтомник произведений В. Шекспира. Этот факт свидетельствует о том, что писатель был осведомлен в существовании зарубежной литературы в русском переложении, а значит, «он мог вдохновляться его творениями как художник» [5,с.15]. М.А. Бурцева в своей работе убедительно прослеживает сюжетно-образную структуру драматической поэмы «Красный шаман» якутского писателя и трагедии «Гамлет» В. Шекспира. При этом находит типологические сходства и различия в структуре обоих произведений. Она пишет: «Для Гамлета и Красного шамана тяжкий путь познания был связан с душевными муками и чисто человеческим страданием, ибо им пришлось отказаться от многого, что составляет смысл жизни и счастья» [6, с.21].

Влияние переводной зарубежной литературы на развитие других национальных литератур Сибири, по нашему мнению, возможно лишь во второй половине XX столетия, нежели в начале прошедшего века. В свое время литературовед Л.Н. Арутюнов дал образец типологического исследования художественного мира латиноамериканских писателей (У. Фолкнера, Г. Маркеса и др.) с миром национальных писателей (Ч. Айтматова, Г. Матевосяна) [7]. Этот опыт исследования стоит продолжить в XXI веке. По всей вероятности, в скором будущем литературоведы обратятся к философскому осмыслению традиций русской и зарубежной литературы и заговорят о восприятии индивидуального зарубежного опыта национальными писателями России и СНГ, так как зарубежную литературу современные читатели осваивают не только в русском и родном переводе, но и в оригинале.

Прежде чем говорить о функционировании переводной зарубежной литературы на Алтае, попытаемся выяснить ответы на следующие вопросы: когда начался перевод зарубежной литературы на родной язык, какие произведения переводились и почему? Кто из алтайских писателей переводил и каков художественный уровень переводной литературы? Попутно рассмотрим проблему инационального восприятия зарубежной литературы иноязычными читателями во временной последовательности.

Примечательно то, что алтайские читатели знакомы с зарубежной литературой еще в 30-е годы XX столетия, поскольку все малые народы были увлече-

ны революционным движением во всем мире. Ярким образцом сказанного выступает содержание переводной книги под названием «Развевается пламя революции» («Революциянын жалбыжы жалбырайт»), изданной в Ойрот-Тура в 1933 году в переводе известного алтайского писателя П.В. Кучияка (1897-1943). Заметим, что он переводил с русского переложения, а значит, его перевод считается третичным. Было ли это заказной работой или нет, сегодня судить трудно, поскольку дневники самого писателя начинаются с 1935 года [9].

В этот сборник вошли авторы разных континентов, в том числе, например, Т. Кобояси из Японии, Дин Серал из Китая, Р. Курден из Италии и многие другие. Книга издана тиражом 1000 экземпляров. Алтайские читатели впервые познакомились с зарубежными авторами, расширили свой кругозор, узнали много интересного из быта и жизни иностранных народов. Их, прежде всего, интересовал вопрос о жизни простых тружеников других континентов земного шара, в частности, чем они занимались, каковы их думы и чаяния. Тем самым они, алтайские читатели, вдохновлялись революционными событиями не только на малой родине, но и во всем мире. К сожалению, этот опыт перевода художественной литературы резко прервался из-за отсутствия профессиональных переводчиков в военные 40-е годы XX века. Более того, как известно, многие творческие работники были незаконно репрессированы. И только в 50-е годы появилась очередная переводная книга под названием «Прогрессивные писатели мира» («Телекейдин прогрессивный писательдери») (1957) [10].

Характерно то, что главным редактором этого выпуска выступил талантливый, в то время начинающий писатель Л.В. Кокышев (1933-1975), переведший не одно произведение зарубежных писателей. В сборник вошли не только поэтические, но и прозаические произведения писателей из разных континентов и стран: Америки, Австралии, Голландии, Кубы, Индии, Чили, Китая, Японии, Турции и т.д. Книга издана тиражом 2000 экземпляров. Переводчики не указаны, однако, известно, что одним из них был племянник П.В. Кучияка - В. Качкананков, в то время носивший фамилию известного писателя. Тематика произведений разнообразна, тем и интересна была она алтайскому читателю. Представлены были по 1-2 произведения зарубежных авторов, притом не только западноевропейских, но и восточных. Среди них особый читательский интерес снискали американец Т. Драйзер, француз Луи Арагон, Ц. Ванцаров из Польши и т.д. Основным мотивом вошедших в вышеупомянутый сборник произведений является сохранение мира и согласия во всем мире.

Что касается переводной детской литературы, то в 50-е годы один за другим выходит ряд зарубежных произведений в красочном оформлении и с иллюстрациями к ним. Среди них сказки Р. Киплинга в переводе Н.П. Кучияк (1949), Г.Х. Андерсена (1958) под редакцией Э. Палкина, рассказы китайского писателя Хуа Шань «Письмо с петушиными перьями» - «Канатту письмо» (1957) в переводе алтаеведа Е.С. Алчубаевой, венгерского писателя Шандор Петефи «Примирение (1957) и другие, которых стоит переиздать в XXI веке. По верному замечанию А. Адарова, в 50-е годы уровень художественного перевода не совсем соответствовал образцам перевода. С одной стороны, существовала

строгая цензура, которая следила за правдивостью дословного перевода, а не художественной мысли. Нельзя было даже переставлять слово в предложении. Будучи редактором детской литературы, Шатра Шатинов в свое время перевел на алтайский язык сказки немецких братьев Гримм (1957). Все это способствовало не только ознакомлению со сказками народов мира, но и развитию профессиональной художественной литературы на Алтае.

В середине XX столетия будущие алтайские писатели освоили зарубежную литературу в русском переводе. По воспоминаниям А.Адарова (1932-2005), он, в качестве читателя, с увлечением воспринимал произведения Стендаля, Драйзера, Теккерея, Лонгфелло, Беранже, Мопассана и многих других. Суровый реализм, умение Стендаля проникать во внутренний мир людей: бедняков и богачей, молодых и старых, мужчин и женщин - удивляло московских студентов. Песни Беранже А.Адаров знал наизусть, а Оноре де Бальзак стал его любимым писателем. Алтайские студенты Л. Кокышев, А. Адарова, Э. Палкина полюбили также стихи шотландского поэта Роберта Бернса [11, с.80]. Впоследствии Л.Кокышев удачно перевел его стихи на родной, алтайский язык.

В 60-е годы XX столетия на Алтае активизировался перевод зарубежного фольклора и литературы [12]. Новоиспеченные писатели тогда еще Горно-Алтайской автономной области А. Адаров, Л. Кокышев, Э. Палкин по возвращении из Москвы занялись переводом не только русской классики (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Чехов и др.), но и зарубежной литературы. Таковы сборники стихов Мао Цзэдуна «18 стихотворений»(1960) и роман «Овод» (1960) Э. Войнич в переводе А. Адарова, стихи Роберта Бернса(1967) и отрывки из романа чехословацкого писателя Ярослава Гашека(1967) в переводе Л. Кокышева и др. Из этих произведений алтайские писатели узнавали героев любимых кинофильмов (здесь имеется в виду одноименный фильм по роману «Овод» Э. Войнич), знакомились с произведениями всемирно известного поэта, приключениями Швейка из романа «Приключения бравого солдата» (1967). Особый интерес представлял не столько героический образ революционера, сколько психологизм прозы Э.Войнич, драматизм взаимоотношений влюбленных, юмор заграничных авторов.

В моей памяти сохранилось поступление романа «Овод» в сельские библиотеки Онгудайского района. В те годы читатели четко не осознавали, что перевод осуществлен алтайским писателем А. Адаровым. Они просто нарасхват брали «алтайское произведение» и передавали друг другу, зачитывались алтайским текстом и пересказывали друг другу его содержание. На устах были имена Монтанелли, его внебрачного сына Артура, Джеммы и других героев. Возможно, в те годы действительно ощущался «читательский голод». Переводное произведение они воспринимали как свое, родное и принимали героев в качестве живых «актеров», поскольку процесс чтения и показ кинофильма в те годы шел одновременно. Причем читатели были разного возраста: старшеклассники и взрослые. Так имя английской писательницы Этель Лилиан Войнич крепко закрепились в сознании того поколения. Лишь позднее они поняли, что роман был удачно переведен именно классиком алтайской литературы А. Адаровым.

Переводы С. Маршака стихов Р. Бернса были по душе Л.В. Кокышеву, испытывавшему также как и шотландский поэт, первую любовь и разлуку. Неслучайно образ возлюбленной ярко запечатлен в любовной лирике и Р. Бернса, и Л. Кокышева. Истоки творчества обоих поэтов в народной лирике. Шутливый тон, народный юмор, виртуозное владение родным языком способствовали алтайскому поэту адекватно передать чувства и мысли инонационального поэта. Л. Кокышев сумел сохранить в своих переводах 1967 года песенное начало стихотворений Р. Бернса, удачно передал их ритмику и мелодику. Потому переводы Л. Кокышева воспринимаются алтайским читателем как народные песни. Впоследствии стихи Р. Бернса вошли в школьные хрестоматии.

В 70-е годы перевод стал выборочным: каждый из алтайских писателей переводил произведения полубившегося им писателя, тем самым знакомил алтайского читателя с новыми именами зарубежных авторов. Таковы произведения американского негра Л. Хьюз, французского поэта Поль Элюара, испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки, немецкого Г. Гейне, Б. Брехта, норвежского Г. Ибсена, латиноамериканского поэта П. Неруды, венгерского Ш. Петефи и многих других. В литературно-художественном альманахе «Эл-Алтай» появилась специальная рубрика под названием «Мировая поэзия». Среди основных переводчиков были Б. Бедюров, К. Кошев, П. Самык, Ш. Шатинов, Б. Укачин и др. В свое время в альманахе были опубликованы переводы стихов И. Фонякова, посвященные Вьетнаму (перевод Б. Укачина) и Японии (перевод Л. Кокышева) [13, с.55-59]. В 1979 году Б. Укачин обратился непосредственно к переводу стихов вьетнамских поэтов Дык Мау Нгуен, Нам Зианг Нгуен, Динь Тхи Нгуен и других [14]. Это свидетельство о достоверности исторических событий и идентичности переводов с русского переложения.

Переводные произведения французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери под названием «Маленький принц» (1972) и «Земля людей» (1975,1982) в переводе Б.Бедюрова получили широкий читательский резонанс. Если в 70-80-е годы они только познакомились с удивительным произведением писателя, то в 90-е годы отдельные отрывки его вошли в школьные хрестоматии. А в 2000 году книга французского писателя переиздана в красочном оформлении, и в связи с приездом его внука на Алтай состоялись дружеские встречи с алтайскими читателями во многих районах республики и взаимное приглашение переводчика Б.Бедюрова в Париж. Об этом свидетельствует местная информация в прессе [15].

Особо стоит выделить поэтов Ш. Шатинова и П.Самыка, которые подготовили перевод драматургических произведений для постановки на сцене национального драмтеатра, в том числе: «Отелло» (1989) В. Шекспира в переводе Ш. Шатинова, «Изобретательная влюбленная» (1982) испанского драматурга Лопе де Вега в переводе П. Самыка. Несмотря на заказной характер пьес, переводные спектакли имели огромный успех у зрителя. Отличительная черта переводов – сочный язык и ритм, краткость изречений, емкость выражений.

Следует заметить, что в 80-е годы переводилась и восточная, и западноевропейская литература. По утверждению А.Бурцева в Якутии больше всех пере-

ведена французская литература, на Алтае предпочтение отдавалось японской, монгольской, турецкой литературам. Причина обращения к переводу монгольской литературы ясна – территориально Алтай расположен по соседству с Монголией, поэты часто общаются друг с другом, взаимно переводят и издают свои переводы. К таковым относится сборник стихов и рассказов под названием «Дружеский привет» (1979) [16]. Турецкая, как и алтайская, считается тюркоязычной литературой. К японской литературе отношение особое. Во-первых, в свое время запрещалось переводить иностранную литературу, японскую в особенности. В этом свою роль сыграли отголоски репрессии 30-50-х годов, партийность литературы, несоответствие требованиям соцреализма и т.д. С середины 70-х годов алтайские поэты увлеклись краткостью японского стиха (танка, хокку, хайку). Затем они нашли много общего в менталитете обоих народов. Сегодня японская литература пользуется широкой популярностью не только среди писателей, но и у алтайских читателей. Особый интерес представляют поэтические переводы произведений И.Такубоку, Исса Хитоморо, Муросяки Секибу и др.

Не умаляя переводческие достижения переводчицы Веры Марковой, все же заметим, что иногда в ее переводах наблюдается констатация факта, явления, действия, тогда как алтайские переводчики обращают внимание на характер восточного человека, хотя и наблюдаются алтаизированные варианты отдельных переводов. Для наглядности сравним перевод В. Марковой и варианты переводов на алтайский язык: «Сверчок звенит в траве./ Сижу один./ На камне придорожном, смеясь и плача./ Сам с собою говорю». Перевод Б.Бедюрова: «Кайда да јуук јанымда /Аспан ыйлап тургандый./Ол менин болчок јүрегим/Ачузына чыдабай, /Кородоп турган болбайсын».

Перевод Б. Укачина: «Сананзам,/Кайда да менин бойымда/Кандый да аспан ыйлап тургандый,/Карыкчал басты/Кайран бойымды».

Б. Бедюров ввел сравнение образа сверчка с состоянием сердца, а Б. Укачин описал состояние одиночества, внутренний мир одинокого человека. Тем не менее, оба перевода воспринимаются читателем как единый локальный текст, идентичный оригиналу. В других переводах Б. Бедюрова соблюдено чувство меры в эмоциях, характерное для восточного человека, сдержанность чувств и неприметная внутренняя радость, охватившая его мгновение, выраженная в слове-образе, жесте-действии. Нередко алтайские переводчики (Б. Бедюров, Б. Укачин и др.) пытаются внести дополнительные слова и фразы или строки в строфу для того, чтобы точно передать чувства и мысли японского поэта.

Впоследствии у алтайских поэтов появились собственные стихи-миниатюры. Однако это не подражание восточной поэзии, а поэтические откровения в японском стиле. Так, на стыке двух культур появляется качественно новая лирика, приближенная к первоначальному истоку – фольклорному. Японскую лирику удачно переводили не только писатели-профессионалы, но и алтайские журналисты (А. Матин, Б. Кудирмеков и др.), увлеченные зарубежной лирикой.

Что касается прозаических произведений, то на алтайский язык переведены такие произведения Акутагава Рюнэско, как «В чаще» (1976) в переводе Б. Бедюрова, «Паутинка» (1994) в переводе Д. Каинчина. Сопоставляя русский и алтайский переводы, исследователь творчества Д. Каинчина У. Текенова приходит к выводу о том, что «перевод рассказа «Паутинка» звучит по-алтайски, но не потеряна связь с оригиналом, как с идейно-образной стороны, так и с поэтической точки зрения. Создавая совершенно новое произведение, Дибаш Каинчин художественно обогащает тексты инациональных шедевров включением в них национального мировоззрения родного этноса» [17, с.133]. И далее, автор подчеркивает: «Каинчин-переводчик отстаивает право вымысла, фантазии, гротеска в художественном переводе, отбор ярких жизненных фактов, позволяющих раскрыть тему с наибольшей выразительностью использования образного языка [17, с.132]. Приходится согласиться с мнением У. Текеновой и принять перевод таким, каким он осуществлен, поскольку перевод оказал влияние на творчество самого писателя-переводчика. Японские тексты читаются алтайцами с большим интересом, поскольку они вошли в школьные хрестоматии.

И, наконец, зададимся вопросом, почему писатели переводят зарубежную литературу, а читатели заинтересованы в ней? Казалось бы, современные читатели двуязычны. Они запросто осваивают иностранную литературу в оригинале, точнее, через русское переложение. Как свидетельствует опрос, проведенный среди студентов пятого курса, они лучше воспринимают ее на алтайском языке. Значит, алтайский читатель заинтересован в чтении ее на родном языке. В то же время, знакомясь с иностранной литературой, они сопоставляют развитие литератур разных народов. Такие же вопросы были заданы в свое время алтайским переводчикам. Ответы были убедительными: в 50-60-е годы отсутствовала художественная литература на родном языке; писатели-переводчики перенимали опыт других авторов; старались ознакомить алтайских читателей с мировой литературой, привлекала философская мудрость Востока и т.д. Ответы не требуют комментария.

Как видно из вышесказанного, зарубежную литературу в основном переводят профессиональные писатели, которым выгодно перевести произведения одного из популярных поэтов или их целые сборники произведений. Обычно алтайские поэты переводили их в связи с юбилеем зарубежных писателей, иногда переводчика связывала духовная связь, как, например, испанского поэта Лопе де Вега и П.Самыка. В другом случае их привлекали краткая форма стиха или поэтические слова и образы иностранных поэтов. По верному замечанию А. Левидова, «автор – образ- читатель – единая система, в центре которой находится художественный образ, важнейшая промежуточная «инстанция» в общении читателя с автором, когда он читает, автора с читателем, когда он творит. Именно здесь – в художественном образе – сближаются, встречаются, соприкасаются, переплетаются, пересекаются их творческие пути» [18, с.336].

В жанровом отношении предпочтение отдавалось переводу лирики, в редком случае проза, чаще всего - драма. Нередко алтайских поэтов интересовала драматическая судьба поэта, как, например, увлекшись судьбой поэта, стихи

турецкого поэта Назыма Хикмета переводят П. Самык и Б. Бедюров. С одной стороны, алтайские писатели были знакомы с ним, как, например, А. Адаров; с другой - алтайских поэтов завораживала идея того или иного поэта или произведения. Так переведены стихи венгерского поэта Шандор Петефи (1984) П. Самыком, французского (Поль Элюар) и немецкого (Г. Гейне, 1987) поэтов Б. Бедюровым и т.д. А писатель П. Самык не только увлеченно переводил зарубежную детскую литературу, но и проводил большую просветительскую работу среди алтайских читателей. Об этом свидетельствуют его литературные статьи о поэтах других континентов в местной газете «Алтайдын Чолмоны» и альманахе «Эл Алтай» [19].

В 90-е годы XX столетия переводческая деятельность алтайских писателей была прервана по объективным и субъективным причинам. Однако для театральной постановки нужны были новые переводы. Эту сложнейшую задачу претворил в жизнь народный писатель Республики Алтай Шатра Шатинов (1938-2009). Им подготовлен к изданию ряд переводных произведений, к глубокому сожалению, до сих пор не опубликованных. Предстоит обязательно их издать, так как переводы Ш. Шатинова представляют интерес не столько с художественной стороны, сколько как лингвистический текст. Переводчиком осуществлен огромный труд и усилия для того, чтобы сохранить в алтайском переводе авторский стиль, поэтическую красоту текста, передать особенности эпохи, воспроизвести индивидуальную речь героев и т.д. Это такие шедевры, как «Гамлет» (2005) В. Шекспира, комедия «Цилиндр» (1996) Эдуардо де Филиппо, «Пигмалион» Бернард Шоу, «Трактирщица» Карл Гальдони, «Мещанин во дворянстве» Ж.Б. Мольер, «Синяя птица» М. Метерлинк и другие.

В начале XXI века зарубежная литература воспринималась алтайскими читателями только через фольклор, так как современную литературу перестали переводить. Лучшие сказки народов мира переведены на родной язык единственным алтайским переводчиком-профессионалом Т. Торбоковым, который вторично издал «Жемчужные сказки: сказки народов мира» (2004) объемом 30, 25 п.л. тиражом 1000 экземпляров. Первоначально он издавался в 1982 году. Среди народных сказок особый интерес представляли авторские сказки датчанина Х. Андерсена, итальянца Д. Родари, немецких братьев Гримм, англичанина Р. Киплинга, француза Ш. Перро и многие другие. К примеру, волшебная сказка «Спящая красавица» интересна своими загадочными превращениями, при этом напоминая алтайскую сказку «Счастливец» («Ырысту»). В обоих действуют волшебники, которые помогают главному герою.

Современная зарубежная литература почти неизвестна алтайскому читателю. Не потому что она не предоставляется через библиотечную сеть, а главным образом потому, что ее перестали переводить. Исключение составляют прижизненные переводы А. Адарова китайской классики, опубликованной в журнале «Мир Алтая» (2004), восточной лирики (Омар Хайям, И. Такубоку) в переводе Б. Укачина в его сборнике «Судьба не станет ждать» (2005) и японской лирики в переводе Б. Кудирмекова на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны» (2012). В целом предстоит большая работа по подборке зарубежных ав-

торов и перевода восточной и западноевропейской художественной литературы на родной, алтайский и другие языки народов России.

В настоящее время читатель удовлетворен тем, что перевод произведений иностранных авторов осуществляется с русского переложения. Хочется надеяться, что когда-нибудь появятся переводчики, которые обратятся непосредственно к оригиналу. Знание иностранных языков дало бы положительные результаты в художественном освоении инонациональной истории и культуры. В школьном и вузовском обучении переводное произведение как локальный текст адаптируется в инонациональной среде и становится культурным достоянием того народа, на язык которого он переведен. При этом учитывается не только историческая обстановка в стране, но и культура переводимого народа. Переводные произведения зарубежных авторов ныне стали духовным наследием национальных литератур России и СНГ.

Таким образом, мы рассмотрели проблему восприятия инонациональным читателем переводов зарубежной литературы во временной протяженности, которая начинается с 30-х годов XX столетия. Первоначально алтайский читатель воспринимал зарубежную литературу как «чужое», заграничное, знакомился лишь с его содержанием, сравнивал свое с чужим. Только впоследствии переводной текст стал восприниматься как родное, алтайское, близкое по душе художественное произведение. И, наконец, переводы стали художественным достоянием национальной литературы, их изучает молодое поколение в школах и вузах страны. В данной статье нами рассмотрены лишь некоторые аспекты восприятия переводной зарубежной литературы, остается проследить трансформацию духовно-нравственного и художественного опыта народов мира в творчестве ряда национальных писателей, оказавших воздействие на особенности развития отдельных жанров в литературе сибирского региона. Только тот факт, что зарубежная литература переводится, означает, что национальные литературы соприкасаются с тайнами мировой классики.

Список литературы.

1. Мотылева Т.А. Многонациональная советская литература в международном контексте// Единство. Сборник статей о многонациональной советской литературе. Выпуск четвертый. - М.: «Худ. лит-ра», 1982. - С.156-191
2. Османова З.Г. Киргизская литература в контексте мировой классики//Советская тюркология.- М.: «Наука», 1990, №2.- С.102-103
3. Бурцев А.А. Необходим новый подход // Новый взгляд на якутскую литературу. – Якутск, 1995.- С.63-68
4. Велиханова В.А. Азербайджан в единстве мирового культурного пространства// Сравнительное литературоведение.- Баку, 2004. – С.39-40
5. Бурцева М.А. А.Е. Кулаковский и Т.С. Элиот («Сон шамана» и «Бесплотная земля»)// Наследие А.Е.Кулаковского в контексте духовной культуры России.- Новосибирск: Наука, 2011. – С.94-99
6. Бурцева М.А. «Красный шаман» и «Кудангса Великий» П.А. Ойунского в свете шекспировских сюжетов и образов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н. – Улан-Удэ,2012
7. Арутюнов Л.Н. Национальный мир и человек.- Советская литература и мировой литературный процесс.- М.: Наука, 1972. - С.173-197

8. Революциянын жалбыжы жалбырайт (Развевается пламя революции). Сборник художественных произведений. - Ойрот-Тура, 1933. – 146с.
9. Кучияк П.В. Воспоминания. Дневники. Письма.- Горно-Алтайск, 1979. –214с.
10. Телекейдин прогрессивный писательдери. (Прогрессивные писатели мира).- Горно-Алтайск, 1957. – 186 с.
11. Адаров А.О. Дорога в большой мир. – Горно-Алтайск, 1979. - 269с.
12. Телекейдин албатыларынын чорчоктори(Сказки народов мира в переводе М.Суразаковой, Д.Каинчина).- Горно-Алтайск, 1962.- 52с.
13. Фояков И.О. Стихи о Вьетнаме и Токио //Туулардын Ылдызы. – Горно-Алтайск, 1970.-С.55-59
14. Укачин Б.У. Стихи вьетнамских поэтов//Алтын-Кол.- Горно-Алтайск, 1979, №1. - С.75-77
15. Родных Н. Маленький принц заговорил по алтайски// Звезда Алтая.- Горно-Алтайск, 2008; Тарбанаев А. Кичу Бий Алтайда// Алтайдын Чолмоны, 2008, за 5 сентября
16. Најылык эзен (Дружеский привет). Рассказы, стихи. – Горно-Алтайск, 1979
17. Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. – Горно-Алтайск, 2011.- 179с.
18. Левидов А.М. Автор-образ - читатель.- Л.: «изд.-во Ленинградского университета», 1977 – 359с.
19. Самык П. Латинский Американын ак санаазы: о поэте Пабло Неруда// Кадын. - 1973. №2.- С.36; Его же. О пребывании в Горный Алтай польского писателя Яна Гочола// Алтайдын Чолмоны, 1980, за 4 сентября.

Бичиичинин жүрген ле чүмдеген өйлөрүн жанырта көргөни

Очоктын жебезиндий үч нөкөр – А.Адаров, Л.Кокышев, Э.Палкин - XX -чи чактын экинчи жарымында алтай литературанын одычагын көвжиде күүдүрип салала, бу жүрүмнөн ырай берген. Олорды ээчиде көп лө солун жайалталар болгон ло арткан. Ончозы ла бу үчүден тем алып, бойынын өйинде олорго тендежерге амадаган. Литературанын эжинези (классик) болгон өрө адалган чүмдечилерди бириктире көргөдий, же кажызы ла алтай литературанын түүкизинде, текши алтай культурада анылу ис артырган учун, кажызын ла чыкканы аайынча ээчий–дечий танынан көргөдий. Олордын чүмделгези жаныс ла темазыла, учурыла байлык эмес, литературанын агынына солун жанрлар кийдиргениле жилбилү. Ечүдин эн жааны А.О.Адаров бойынын чүмдеер узун эртемине жеделе, түрмек сонеттерле, романдарла көргүсти, кычыраачыны сонуркатты. Ол керегинде анылу куучын болор. Элден озо јарт эмес сурактарга каруу берели.

Бу өйгө јетире бичиичинин көмзөзи деген сурак литература билимчилердин алдында турбаган. Ат-нерелү чүмдечилер ада-өбөкөзинин јеринден јүре беререде, олордын энчизин корулаары, тудунган-кабынган јөөжөзин чеберлеери, колбичинтинин јуунада көрөри курч сурак боло берди. Онын бир шылтагы – бу өйгө јетире республика кеминде литературный музей тзөлбөгөни; экинчинде, алтаистиканын институтунда литературнын секторы јоголтылганы. Бу ончозы не керек дезе, кажы ла алтай бичиичи аайынча шиндейтен иш сүрекей көп лө эл-јонго тузалу. Темдек эдип, А.Адаровты алалы. Јаткан туразында ме-

мориал темдек кадаары, эдингген-тудунганын, колбичинтизин, кайралдарын текши эл-жон көрзин деп ас ла салза, бүткүл тура-музей керек. Онын амыранып-тыштанып бичинген жери Союзга болордо, удурумга анда да бир кыпты белетейле, школдын үренчиктерине, университеттин үренеечилериле көргүскедий айалга төзөөр керек. Ненин учун десе, бу үчүнин толун жажы улай-телей: эзенде Л.Кокышевтин, оны ээчиде Э.Палкиннин ле онон до ары.

Калганчы жылдарда алтай чүмдеечилердин толун жажын (юбилей) кем өткүрер деген сурак курч турат. Бичиичинин төрөөн-тугандары бойы айдынбаза, бу сурак кемге де керек жок болуп барадыры. Литературанын эрјинези болгон чүмдеечилерди јаныс ла јуук төрөөндөри эмес, јанда отурган башкараачылар ајаруга алып, текши эл-жон көдүрер ле эске алынар учурлу. Естине бичиичинин толун жажын јаныс ла кожон-комутла јыргап салар эмес, билимчилерге күннин күнге шиндеер анылу айалга төзөөр керек. Ол тушта чүмдеечинин литературалык энчизи ајаруда артар, өскө укту кычыраачыларга солун болор.

Атту-чуулу А.О.Адаров меге канайда келишкен? Алтай литературанын түүкизин бичиир тушта онын сүр-јуругын (литератураный портрет) профессор С.С.Суразаков бичиир болгон. Је 80-чи жылдарда ол јада каларда, филология билимдердин кандидады С.М.Каташеви сурагандар. Је ол бичииринен мойношкон, ненин учун десе ол Л.В.Кокышевтин сүр-јуругын бичиир учурлу болгон. Айдарда, аспирант та эмес, јаны ла ишке келген, ченемели жок кижиге, меге, аксакал А.Адаровтын чүмделге јолын бичиирге келишкен. Онойып мен Москвага Аржан Ойинчиновичтин бичиктерин «јүктенгече» јеткем. Школдын үренер бичигин белетеер тушта ойто ло А.Адаров меге келишкен.

Эмди бичиичинин 80 жажыла колбой, онын чүмделге энчизин ойто ло мен студенттерле кожо көрөтөн турум (Кандык айда бичиичинин 80-јажына учурлай билим-практикалык конференцияны өткүрилген). Ненин учун десе, озо бичигеним толо эмес, калай шинделген. Естине јаны бичиктер јарлалган. Чыккан бичиктерин собурып көрөло, кайкатканы – андый көп чүмдемелдер төрөл тилле бичилген, је ненин учун орус тилге јаан көчүрилбеген, анчада ла прозазы? Онын шылтагы, байла, јаныны чүмдеери төс јерде турган. Алдында партиядан камаанду болгон бичиичи јаныртунын өйинде јайымды сескен, чүмделге узун курчыткан, јанырта чүмдеерге белен болгон. Айдарда, онын энчизинде не аркан? Лирика, лиро-эпический туујылар, ол тоодо түрмек сонеттер, проза, драма ла көчүрмелер, јар-куучын (публицистика) ла кееркедим-литературалык статьялар, кычырымдар (отзывы) ла элгештирим (рецензия), самаралар ла санаалар...

РСФСР-дын культуразынын нерелү ишчизи (1982), Алтай Республиканын эл бичиичизи (2004) А.О.Адаровтын (1932-2005) литературалык сүр-јуругы «Алтай литературанын түүкизинде» (2004) бичилген, «Россиянын калыктарынын литературазы. XX чак» (2005) деген сөзликке кирген, «Алтай республиканын энциклопедиясында» (2010) кыска јетирү база бар [1]. Бу тушта бичиичинин јүрген ле чүмдеген өйлөрине ойто бурулып, не корүлбегенин, ненин учун шинделбегенин көрөли. Элден озо јартап алатан сурактар: Аржан Ойинчинович ненин учун автобиография бичибеген? Экинчизинде, онын библио-

графиялык жуунтызы бойынын ойинде не белетелбеген? Ечинчизинде, онын чумдемелдерин кем, качан, канайда ширтеп коргон? Бичиичнин ченелте улгерлери качан жарлалган? ла онын до окко сурактар.

Аржан Адаров бойынын журумин ненин учун бичибеген, элбеде ле теренжиде жарлабаган? Бир жанынан, ол совет ойдон ло компартиядан камаанду болуп, жайымжырап, ак-чек бичиир аргазы жок журген. Чек бичибеген эмес. Кере бичиктерде жетирuler бар ла. Же ол толо эмес. «Чумдеечи кижинин журуми онын бичимелдеринде» деген канатту состор бар. Же А.Адаров озо ло баштап чумдеерге амадаган. Онын улам бичиичинин чумдегени жук ле 1977 жылда, 50 жажыла колбой белетелген ле ончо бичиичилерле кожо «Писатели Горного Алтая» (1988) жылда чыккан бичикте темдектелген. Оны ээчиде «Алтайские писатели. Юбилейные материалы. Автобиографии»(2001) деген бичикте онын автобиографиясы база чыкпаган. Керек дезе библиографиялык жуунты да бойынын ойинде кепке базылып чыкпайтыр. Онын да учун бу ойго жетире бис бичиичинин журген ле чумдеген ойлорин толо билбес эптирис.

Автобиографияны А.О.Адаров 7 апрельде 1970 жылда бойынын колыла орустап бичиптир. Анда айдылганыла, «Я родился в 1932 году в месяце малой жары, точного календарного числа мать не помнит, в семье бедного, многодетного колхозника Адарова Ойинчи Телесовича, в Онгудайском аймаке Горно-Алтайской автономной области. Отец погиб или, как говорится, пропал без вести на фронте в 1943 году. Учился, работал чабаном, помогал матери растить младших братьев и сестру...». Бу жолдыктардан Аржан Ойинчинович жайгыда чыкканы ла адазы толос соокту болгоны жарталат.

Чумдеечинин паспортунда кичу изу ай (15 июнь) эмес, жаан изу ай (15 июль) деп темдектелтир. Айдарда, бичиичинин толун жажын шак бу тооло темдеектеерге келижет. Автобиографияда база бир солун жетиру – ол: «Я женат. Имею двух детей: дочь и сын. Счастлив. Упорно работаю, стараюсь совершенствовать свое творческое мастерство. В настоящее время работаю директором издательства. Планирую написать крупный роман. Получится ли? Этого не знаю». Айдарда, 70-чи жылдардан ала ол роман бичиирге амадаптар. Же бир кезек качаланду айалгалардан улам ол романды А.Адаров жук ле 1988 жылда чумдеп баштаган.

Экинчизинде, бичиичи кизи бойынын чумдемелдери ажыра бойы ла бойынын најыларын бичиир аргалу. Шак андыйлардын тоозында эн жуук најызы болгон Эркемен Палкинге учурлап чумдеген улгер – «Најыма» (1977) ле журумнен эрте барган Л.Кокышевти эзедип бичигени –«Жаан телекейге жол» (1979) деп бичик ле бойы керегинде кыскарта айдынганы «Тамырланып озугер, тандакталып суннигер» (2002) деген бичимелде айдылат. Анылу ажаруда калганчы - «Кудайлык Алтай. Ергулји сунш» (2005) - романы болуп жат.

Антыгарлу уч нокор, чындап та, нак ла бирлик журген. Олордын салымы алтай калыктын туюкизинде терен ис артырган. Еч нокорди бирлик коргодий, же бу тушта Аржан Ойинчинович Адаровты анылап, онын чумдемелдери ажыра бойы керегинде айтканына ажару эдели. «Најыма» деген улгер бойынын чумделген кемиле, анда айдылган шуултезиле, кееркедим кемиле А.Адаровтын

талдама чүмдемелдеринин бирүзи болуп чотолот. Ненин учун десе үлгер сыгыт кожондый чүмделген. Айла, эки нөкөр төлөс сөөктү болуп, карындаш улус болуп жүрген. Комдош сөөктү најызы Лазарь жүрүмнен кенейте барарда, экү тын карыгып, бой-бойыны килежет. Кичү төрөли омордын - Кайрылык ла Жоло журттар. Онын да учун А.Адаров чүмдейт:

Яш тушта баскан јеристен
Яш агаштар өскөн дежет.
А түрген суучак кожонысты
Эмдиге јетире чөйгон дежет.
Уктын ба, најым?

Бу калганчы айдылган сурак кажы ла мадактын учунда туштайт. Анда јайну, ый, сурак. Кичү төрөли оморды сакыйт, кычырат, көрүксыйт. Онон улам поэт најызына баштанат: «Алтайыска ойто баралык,/ Алтын сындарга чыгалык!»...Тууларыс бисти кучактагай,/ Агаштар уткып, шуулашкай./ Яш тушта чылап, энелер/ Эжикте унчыкпай уткыгай» (с.204-205). Сөскө шылтай айдалы, экүнин энелери узак јаш јажаган, А.Адаровтын энези, Токна, 96 јаш јажаптыр. Онын да учун экү эв ырысту улус болуп чотолотон.

Бу тушта эки нөкөр не јаныксыйт? Элден озо төрөл јеринен ийде-күч аларга, јерлештеринен алкыш сөс угарга, кару энелерин көрүп аларга. Поэттин үлгерлегени:

Күүктер үни ойто ло јынкылдап,
Бисти танла эртелеп ойгозор.
Турналар үни тармалу шынырап,
Ыраак јолдорго алыс кычырар.
Уктын ба, најым?

Кутук суудан экү ичеле,
Кубуларыс деп мен айтпазым.
Је төрөл јерис агару тыныжы
Сыныбыс сергидер, билерим.
Уктын ба, најым?

Эки нөкөрдин чыккан-өскөн јерине јаныксыганынын база бир шылтагы үлгердин эки јолдыгында айдылат: «Јүткүйле, бис, нени тапканыс?/ Јүрегис шыркалу артканыс./ Уктын ба најым?». Мынайда айдынганы сүрекей ле чын эмес. Бу јурумде антыгарлу үч нөкөр көпти билген, көргөн, жүрүмге жүткүген, јаныны тапкан ла ачкан. Је коромјы омордын салымында өткүре терен карыкчал артырат. Онын да учун экүнин жүреги «шыркалу». Эки најы калас јабарлаткан да, айттырткан да. Чүмдеечи П.Самыктын бичигениле, «анчада ла Лазарьды ла Аржанды «политический јастыралары» учун алтанынчы јылдарда тын кыйнаган эмей. «Национализм» деп темадан айрылатаны бир де буру јок јиит поэттерге јенил болбогон. Естине, алтай «бичик-биликтерден» оморды јабарлаган улус база ас эмес болгон. Је јиит поэттерди чындык сүүш, нөкөрлик, келер өйгө иженчилер чылабас канатту эткен. Поэттин кудайы – Поэзиянын куулгазын тын-сүнези ле ээзи – Муза болор. Экинчи кудайы – жүрүмди, ар-бүткенди, кижиге

ликти, эл-калыкты кайран эжин, балдарын сүүгени» (АЧ,1997, тулаан айдын 19-чы куни). Ол керегинде поэт эске алынышту повезинде айдынар.

Бу үлгерди ээчиде Аржан Адаров бойынын эске алынаштарын - «Jaан телекейге жол» (1979) - бичип жат. Колбичинтилерде онын ады «Ол жылдар ундыл-бас» деп адалган. Мында ол антыгарлу бичиичи Л.В.Кокышевти эзедет. Же кажы ла тушта үч нөкөр кожо журалат. Бу повестьтин кире сөзінде А.Адаров бичиген: «Мында айдылган жүрүмнин учуралдары ончозы чын болгон. Бир де көпчиткен ле өскөрткөн неме жок». Онын амадузы – «Лазарь Кокышев керегинде сөзимди, эске алынганымды артырып саларга амадагам.» (с.6).

Бичиичи анчада ла улустын кылык-жанын кайкап туру. «Бу ненин учун мындый? Кижини көмө базар деген санаа кайдан келип жат? Бис ас та болзоос, албатыбысты сүүгенис, ого өзүм, ырысту жүрүм күүнзегенис. Бу жаман ба? Бойынын албатызын сүүгени, ондо искусство, литература, культура, наука болзын деп амадагыны килинчек пе?» (с.160). Онон ары А.Адаров алтай улустын жаман кылыгынын шылтагын жартайт: «Ненин учун андый, бу бистин улустын коркынчагы ойинен өткүре. Jaан жамылу ла улус көрүп ийзе, жарындарын жабызадып, баштарын бөкөйтүп ийер». Онон автор бойы ла ол сурактын каруузын берип турат: «Андай да болбой база, канча жүсжылдыктарга базынчыкта, кулда жүргенде» (с.142). Мынайда бичиичи алтайлардын түүкизин терен билип тура айдынганы учурлу.

Еч нөкөр ороонун төс калазынан – Москвадан - Алтайына жанып келеле, каруулу иштерде иштептир. Ол керегинде А.Адаров мынайда бичиген: «Бис жирме беш, жирме алты жаштуда каруулу иштерде иштегенис. Эркемен - областной радиокомитеттин старший редакторы, Лазарь – писательский организациянын каруулу качызы, мен областьтын бичиктер чыгарар издательствозынын баш редакторы. Ол тушта бисте ченемел ас болгон, же иштеер, албатыга туза экелер деген амаду айдары жок коп болгон» (с.161).

Өскө жерде А.Адаров үч нөкөрдин чүмдегенин баалап, ак-чек айдынат: «Мендештен улам бир кезек үлгерлер, куучындар кееркемжи кеми жанынан жабыс та болгон эмей». Онын шылтагын автор мынайда жартайт: «Профессиональный литературанын өзүп орныгарынын сыранай ла өзөгінде турганыс деп айтсам, жастыра болбос болбой. Айса кем-кем мыны жаратпас. Декларативный поэзиянын олжозынав айрыларга анчада ла меге женил эмес болгон. Алтай поэзияда жаны жанрларга жүрүм берери башталып жат: баллада, элегия, сонет, поэма. Журамал литературанын жаранып өзөрине кижинин ич өзүмин көргүзерине, профессиональный литературанын кемин бийиктедерине көп ийде-күчтер берилип турган» (с.166). Бүткүлинче бу повестьте Л.Кокышевти эзедип тура автор бойы керегинде көпти бичиген. Экинчи jaан согулта – ол кайран эжин, Надежда Михайловнаны, жылытканы. Ого учурлай поэт 7 түрмек сонет чүмдеген. Ол «Сүүштиң куулары» (1997) деп адалган. Анчада ла «Санаалар» (1996-1997) дегенинде поэт өлүмнин алдында учурлу сурактар тургузат: «А сени, поэт кандый салым сакыды?». Онын каруузы: «Айткан сөзим артар айса жарыдып» (с.106).Ороон жайрадылган шылтузында автор калыгы төрөли керегинде терен шүүп туру.

Акчалу байлар Алтайысты садып алар,
Андар чылап, бисти кырып та салар.
Jүреги селт этпес качан да олордын.
Кайран Алтайыс кайкалду жараш турар,
Айса өскө чырайлу улус журтаар,
О кудай, мыны канай айдарын!

Калыгына баштанып, поэт алкайт: «Өрө өндой! Jыгылба, кайран калыгым!
Менин де сөзим жүректерге томылды. Енимди салкын күүзинев таны.» (с.117).

«Тамырланып өзүгер, тандакталып сүүнигер» (2002) деген бичимелде А.Адаров Кайрылык журт, жеени Василий Туткушев керегинде бичип тура, бойы айдынган: «Адаров - ак жаланда турган жаныс агаш эмес, жеендерлү, таайларлу, женестелген журтту. Ада-өбөкөм Алтын-Көлдөн, Чолушпанан да көчүп келген болзо, угу-тукумым теленит те болзо, мен бугун алтай кижги. Төлөс сөөктү» («Алтай-Телекей», 2002, №1-2, с.110). Айдарда, А.Адаровтын автобиографиясы толо эмес, жук ле эске алыныштардан турган. Онын учун бичиичинин чүмдеген энчизин ле жүрүмин теренжиде шивдеп көрөр ой келди.

Еч нөкөрдин чүмделге жолы сүрекей ле женил болбогон. Бойынын ойинде, темдектеп алза, А.Адаровты «жарабас», тудулу деген тема аайынча чүмдегени учун канадын да сындырган. Ол, элден озо, Г.И. Чорос-Гуркинге учурлай үлгерлер чүмдеген учун; экинчизинде, жебрен түрктерди ойгортконы учун, ого учурлай «Тонйукук» (1971) деген туујуы чүмдеген учун ла онон до өскө. Онон улам жиит чүмдеечи бойынын айлаткыш шүүлтелерин чике айдынарынан жалтанып жүртир. Темдектезе, А.Адаровтын эске алынганыла, « Чорос-Гуркинди актаган жыл, облисполкомнын туразында Григорий Иванович Чорос-Гуркинге учурлалган бир ле күннин кору-выставказы өткүрилген. Онон оны ойто уштып, музейге суккандар. Көргөн улус жайатанан узын кайкап, журуктардын жаражыла оморкоп, сөс жок арткан. Бу көрүге мен бойымнын күүнимле баргам» (Эске алыныш). Онон улам А.Адаров «Гуркиннин журуктарын көрүп тура» (1962) деп улгер чүмдептир.

Бу залда Алтайдын кырлары, салкындары,
Солоныдый чечектери, түрген суулары.
Оны ончозын кандый будуктарла жураган?
Кайкамчылу куулгазын канайып табылган?

Мындый үлгер бичиген учун бойынын ойинде А.Адаров «выговор» до алтыр. «Гуркин – контрреволюционер, оны мактаган деп. Баштапкы ла катап, эн ле озо мындый журукчы бар деп мен бичиген болгом. Журукчыны мактаган деп табыштар, үлгерди бичиген кийнинен эмештен жоголып калган» (Эске алыныштарды алтай бөлүктин үренеечизи А. Кайчина бичип алган). Түүкиге баштанганын автор мынайда жартайт: «Мен түүкичи эмезим, же андый да болзо, бу билимле јилбиркеп таныжып јадым. Анчада ла жебрен ороондо, албатылар керегинде бичиктерди кычыраарын сурекей сүүйдим. Мун жыл, эки мун жыл мынан озо Алтайда кандый улус јаткан, нени эткен, нени сананган? Оны билип алары јилбилу эмес пе? Је ол ыраак өйлөрдди билип аларга, биске түүки, археология, этнография деп билимдер болужып јат. Алтай керегинде, Алтайда јаткан уктар,

сөөктөр керегинде көп билимчилер бичиген. Меге анчада ла Л.Н.Гумилевтын «Јебрен түрктер» (1967) деген бичигиле танышканымын кийинде бу туујуны бичиир деп сананып алгам»(Кире сөс.Тонйукук,1971,с.3). Ого коштой 1966 жылда Египетте болгон. Бу ончозы түүкилик чүмдемелдин төзөлгөзи болуп туру.

Је А.Адаров бойынын өйинде, најылыктын кожончызы деп адаткан, «партийный бичиичи» деп адалган. Калганчызын оны чүмдемелдери керелейт: «Ленин күнди көдүрет», «Ленинге», «Партийный билет», «Смольныйдын отторы» ла ошон до өскө. Је кажы ла тушта ол бойынын төс темазына – «Өйим, төрөлим, калыгым» - бүдүмјилү арткан. Элден озо ол јебрен өйликти, алтайлардын түүкизин талдап алганы кайкамчылу. Ол жылдарда бу өйлик тудулу, јарабас сурактардын бирүзи болгон. Је А.Адаров неден де јалтанбай, оны көдүрип чыкканы учурлу. Оны «Көчкүндер», «Албатым», «јардымда туулар», «Санаалар», «Улу көчүш ле ошон до өскө үлгерлери керелейт. Экинчизинде, А.Адаров «төрөлим сок јаныс» деп өскө уктуларга айдынган: «Төрөлис бар», Алтайым деп мен айтсам», «Сок јаныс төрөл, «Россия» ла ошон до өскө. Ечинчизинде, калыгымнын тоозы ас деп ачурганганы јаантайын сезилетен («Ас болгоныстын шыразы», «Калык качан да уйуктабас», «Бис. Албаты. Алтай», «Алтын сынду Алтай» ла о.ө.). Өрө айдылганы лирикада да, прозада да, драмада да, јар куучында да чике темдектелген. Бир јанынан, А.Адаровтын эрмек-сөзи ээлгир эмес кату, керек дезе кажылгакту деп билдирер. Је кажы ла тушта онын айлаткыш шүүлтелери озолоп турат.

Аржан Адаров качан чүмдеп баштаган? Онын ченелте үлгерлери «Алтайдун Чолмоны» газетте XX чактын 50-чи жылдарында кепке базылып туратан. Андыйлардын тоозында «Јайдын күнинде», «Аш» (30 сент.), «Мен үнимди берерим» (3 дек.), «Комсомольский болуш» (15 дек.) деген куучын. Мынан көргөндө, јиит чүмдеечинин темазы јүртишчинин ижи-тожы, јиит кижинин амаду-јүткүжи болтыр. Јииттерди литературанын јолына баштандырган кижии Евгений Модестович Чапыев болтыр. Бойынын эске алыныштарында А.Адаров бичиген: «Евгений Модестович келер өйлөрдө бу уулчактардан комой эмес литераторлор өзөр, озор алтай литератураны јаны бийиктерге чыгарар деп канайып сескен, канайып билген? Мен бодозом, јаныс ла ойгор јүректү, айлаткыш санаалу Кижии мыны сезип, билип ажындыра көрүп јат» (Эл-Алтай, 1990).

Ол ок жылдарда баштапкы кычырымдар кепке базылып чыккан. Бичиичи ле журналист Чалчик Анчинович Чунижеков бойынын «Јиит поэттердин стихтери керегинде» (30 июль 1950) деген бичимелинде темдектеген: «Адаров стихтер бичигенде јакшы теманы талдап алат, тили чечен, художественный јанынан јозокторы, идеязы бар болуп турат: «Май», «Төрөл Алтай», «Јайдын күнинде». Мындыј јолдыктар поэтти канаттандырып, чүмдееер узын јарандырап айалга берет. Владимир Адаровтын ченелте үлгерлери - «Ырысту јүрүм», «Јииттердин кожоны», «Колхозчылардын кожоны» - ла «Айула согушканы» деп куучыны «Ырысту јүрүм» (1950) деп јуунтыда кепке базылып чыккан. Анда ок В.Кучияктын «Најылар» деген куучыны јарлалат. Керек дезе «Стихтер ле куучындар» (1950) да деген јиит авторлордын јуунтызында А.Адаровтын «Ырысту балдар» деген үлгери кепке чыккан.

Өрөгү чүмдемелдерди А.Адаров «Амыргы» деген литературный кружокко жүрүп чүмдеген болзо, оны ээчиде ол алкыш сөстий, албатынын кожонундый жолдыктар чүмдеп баштаган. Мыны ада-энезинин жайалтазына бурулганы деп темдектеер керек. Ончо ширтечилердин шүүлтөзиле, А.Адаровтын адазы да, энези де кожончы улус болгон. Ол керегинде А.Л.Коптелов то, поэт К.Козлов то бичиген [8]. Керек десе Кайрылык журтта Жононок деп кайчы болгонун ончо жерлештери эске алгылайт. Онын кай чөрчөктөрүн Володя (Аржан) жашта сүрекей жылбиркеп угатан. Бу ончозы жиит чүмдеечинин көксинде терен ис артырган.

Поэттин адазы, Ойынчы, жууга барала жанбаган. Энези Токна койчы болуп, Толубай деген кышкы ла Кара-Жүрек деп жайгы турлуда жайлайтан. Кичинек Володянын сүүген ижи - энезине, кожо чыккан алты-жети эже-сыйындарына, ага-карындаштарына болужары. Олордын жааны Кула, адазына бүдүштөш, эжелери Тарынчак ла Байда, кырындаштары Байкал ла Борис, сыйынынын ады – Тамара. Володя жети классты Кайрылыкта, онон 8 класста Ондойдо үрөнгөн. Ырыс болуп, ол жылдарда койчы-малчы улустын балдарын областтагы национальный школга жууган. Олордын тоозында Володя Адаров болуп жат. Бичиичинин эжези, Иришева (Адарова) Байданын эске алынганыла, «карындажы 1932 жылда, колхоз жаны ла тӱзӱлип турарда, жайлуда чыккан. Адазы каткак сынду кижы 1930 жылда Кениде, онон Жолодо журтсоветтин башкараачызы болуп иштеген. Онон ол орыырда, ойто Кайрылык кӱчӱ бергенис». Энези 1938 жылдан ала койчы болуп иштеген. Озочыл чабан болуп, 1953-1954 жылдарда Москва барып келген. Ередуден жанып келеле, Аржан энезин городтен экелген, бойынын билезиле кожо бир турада жаткан.

Аржан чыгарда, соок-тайагы жаан, мандайы жаан болордо, оны Букабай деп адаган. Ол жылдарда Кайрылыкта Кучабай, Текебай, Букабай деп аттуу уулчактар ӱскӱн. Ередӱчинин сӱзиле, «Букабайдын ал-санаазы Толубайда, курт-конус жиир деп, ӱркӱ-момон таап жиир деп». Андый да болордон айабас, ненин учун десе жуунун кийинде балдар аштап-суузап, чындап та, жаныс бойынын курсагын сананган эмей. Школдо ӱренип турарда, ол адын орустап Володя деп бичиткен. Бичиичи бололо аданганы – Аржан туру. 9-10 класстарда национальный школда ӱренип турарда, Володя кожон чүмдеп туратан. Жуу ойинде онду кийим де жок болгон. Журтта сок жаныс кӱктӱнӱр машина болгон. Аржаннын энези, Токна, балдарына, керек десе деремненин де улузына кийим кӱктӱп болужатан [9, эске алыныштардан].

Москвадагы А.М.Горькийдин адыла адалган Литературный институтта ӱренип турарда, А.Адаров элден озо прозанын семинарында турушкан. Онын башкараачызы – Н.И.Замошкин деп ӱредучи. Же ӱлгер чүмдеери озолоп турарда, ол лирикага жайылган. Прозала эки куучыннын, бир повестьтин бичигин чыгарала, коп нургуны лирикала чүмдеер болгон. Жүк ле 90-чы жылдарда ол роман деп жанрга бурулып, терен шүүлтөлү эки роман чүмдеген. Экинчизи эки башка бичиктен турат. Драмачы болбос то эди, же национальный драмтеатрда пьеса чүмдеечи жок учун, ол бу жанрга баштанган, литературада драманын башка-

башка бүдүмдерин ченеп көргөн: комедия, водевиль трагедия, драма ла о.ö. Бу да жаньртулары учун А.Адаровты озочыл чүмдеечи деп адагадый.

А.О.Адаровтын энчизинде якшынак лирика, проза, драма, көчүрме ле литературалык бичимелдер бар. Онын чүмдемелдери керегинде элден озо бичиичи улус (Козлов,1959, Коптелов,1963) ла шинжүчилер (Суразаков, 1960;Тюхтенев,1962) бичиген[5]. Орус тилге көчүрилгенин ороонун жарлу шинжүчизи (Р.Бикмухаметов,1964) ле көчүреечи (И.Фоняков, 1972) улус бичиптир[6]. Олордын темдектегениле, А.Адаров - жаркынду жарчы, нени ле бичигенде, керек десе ар-бүткен болзын, сүүшке учурлалганы - ончозында ла чике шүүлте салынган» - «Аржан Адаров по складу своему ярко выраженный публицист, о чем бы ни писал, он, даже о природе, о любви, в основе его стихов всегда четко развивающаяся мысль» [7, с.209].

А.О.Адаров бойынын 50 жажына учурлай «Менин сүүжим өлбөс» (1982) деп жуунты кепке базып чыгарган. Ого бойы талдаган үлгерлер ле туужылар кирген. Айдарда, озо чыкканын ойтодон көрүп, мындагызын тундештирерге жараар. Бу жуунтынын бажалыктарынан көргөндө, автор озо чыкканын жуунадып, онон эн артыгын талдап, керек десе жаньдан түзедип, быжулап чүмдеген. Айдарда, автор элден озо «канат берген төрөлине» учурлай үлгерлерди бир бөлүкке жууптыр. Бичиктин тургузылганын көрзө, озо жашта бичигени ле эр-темине жеткени иле аныланып туру. Жаш туштагызы өктөм, жүткүмелдү, керек десе көөрөм. Кичү төрөлинен чыгып, элбеде ле теренжиде көргөни Алтайы ла калыгы. Андыйлардын тоозында, темдектеп алза, «Кайрылык», «Төрөлим», «Алтайым».

Экинчи бөлүк жанжыккан аайынча «Нажылык көлдор жылузы» деп адалат. Мында автордын ачык-жарык күүни, амадузы, быйанду шүүлтелери айдылган. Темдектеп алза, «Комус» деген балладанын чүмделгенин автор бойы мынайда жартаган: « Огоош болорымда, комысты чалгынын бажынан эдер болгон. Комыс башка-башка. Оныла тилиле де ойноор улус бар. Тойлордо, байрамдарда, ойындарда комысла ойноп, жиит улус санаа-күүнин айдынар болгон. Олор комыстын тилин ондоп, бой-бойлоры куучындашкылаар. Анчада ла койчы-малчы улус оны бойыла кожо алгылап, ойногылап жүрер. Отурган ла јерине ойноор, санаа-күүнин јенилтип алар. Комыстын күүзи сүүш, төрөли, албатызы, Алтайы керегинде. Ол жаньс ла бисте эмес, онойдо ок Азияда, Европада, эмди анан болгой, Америкада да бар. Жаньс ороондордо бүдүмдериле башкаланат. Учурь бастыразында жаньс» [Кайчина, эске алыныштардан].

Ечинчи бөлүкте – «Мөнкүлик жүрүм жаркыны» - Ада-Төрөл учун жуунын жаньлгазы кирет. Онын төзөлгөзи – автордын жүрүмиле колбулу. Ненин учун десе, жууга барган адазы, јерлештери, тул келиндер – ончозы жуунын жылдарын эзедет. Естине жуу жаньс ла алтайларла колбулу эмес, өскө дө калыктардын салымында терен ис артырган. Төртинчи бөлүкке «Сен керегинде үлгерлер» - поэттин эн кару јолдыктары кирген. Бойынын өйинде бу тема база да јарабас темалардын бирүзи болгон. Анда автор бойынын сүүжин бичигендий деп чотолотон. Ойлөр өткөн, жажыт ла куулгазын јолдыктар эмди бойынын јерин тапкан. Элгерлерле коштой, А.Адаров чын керектерге эмесе түүкилик учуралдарга

тайанып солун туужылар чүмдеген. Андыйлардын тоозында, темдектеп алза, «Карган камнын түвүри», «Тийин», «Эжиктер», «Гоби Алтай» деген туужылар.

А.Адаровтын 60 жажыла колбой, бичиичи Б.Укачин мынайда чын темдектептир: «Аржан Адаров – ол бистин кемибистен де артык иштенкей, амыр билбес кижги. Бат онын да учун Адаровтын изи, јолы танылу ла јаан, эткенбүдүргени көп лө көрүмјилу... Онын бойынын јайаганы, алтай ла орус, өскө тилдерле чыккан бичиктери, онын үстине төрөл тилине көчүриштерин кожуп ийзе, чындаптан да, бүткүл библиотека» (Алт.Чолм, 1992, јаан изү ай). Чындапта, бичиичинин энчизинде 28 кире үлгерлик јуунты бар. Онын 15-чизи орус тилге көчүрилген, ол тоозо казах ла тыва тилдерге; 10 кире куучын кептү чүмдемелдер чүмделген, је бирүзи де орус тилге көчүрилбеген. Јук ле 60-чы јылдарда Б.А.Басаргиннин көчүрмелери «Годы и люди» (1962) деп јуунтыда јарлалган. Чүмдеечинин романдары ла повестьтери чек көчүрилбеген деп Айдар керек.А.О.Адаровтын јүк ле өскө тилдерден көчүргенин бириктире көрзө, чын да бүткүл библиотека болор. Драмада да А.Адаров - башка-башка жанрларла чүмдеген бичиичи.

«Јанарым менин - канадым» (1988) деген үлгерлик јуунтыга поэттин јаны чүмдемелдери кирген, солун эп-аргала, жанрла чүмдегени сезилет. Баштап ла анылаганы - поэт үлгерлеште солыштыру (инверсия) тuzалантыр, үүр тизим үлгерлер ле бир түрмек сонеттер (венк сонетов) чүмдептир. Јуунты 7 бажалыктан турат. Шүүлтезиле эр-темине јеткен поэт өткөн лө келер өйлөрдн түндештирип, јаш туштазын эзедип, үргүлјик сурактардын учурын јартайт. Јаш тужы јаныс ла санаада эмес, түш ажыра јаркынду ла јараш јуралат. Кижинин јаш тужы ла јиит ойи, эр-кемине јеткени ле өрөкөнгө јетире («Түженип барзам - уулчак эмтирим», с.153).

Ойгор кемине јеткени – ол айлаткыш санаалар. Бу јуунтыга кирген ончо үлгерлер 80-чи јылдардын талортозында чүмделген. Бис калганчы бажалыкты – «Ойто ло јас» - ајарып көрөли. Ненин учун дезе анда поэттин кичү төрөли јаркынду јуралат. Баштапкы ла үлгер «Бийик чечектер» деп адалган. Мында үлгерчинин јаш тужы эзелет: Толубай турлу, Јаан тайга, кой кабырган энезинин сүр-кебери, јантык тура, аттан бийик өлөндөр, шоор тарткан уулчак ла кураандар – бу ончозы јүрүмде чын болгон учуралдар. Онын да учун јажы јаан өрөкөн чыккан-өскөн алтайын алкап айдынат:

Толубай алтайыма једип барала,
Тонмок суузынан сүүнип ичедим.
Өскөн јеримнин јаражын көрүп,
Өлбөс јүрүм барына бүдедим.

Айлаткыш санаала, чындап та, кижги өлүмтик, јүрүм үргүлјик, јүрүм кижинен камааны јогынан улалып барадар. Шак бу шүүлтени автор анчада ла чокымдайт. Оны ээчиде баштапкы јеенине учурлалган јолдыктар. Угы-төзи улалып турганын ондоп, поэт айдынат:

Јүрүмнин улу учуры
Сени көрзөм јарталат!
Јүр, сүүн, јанарла,
Јүрегим омок кыйгырат.

Јүрүм - поэтке тартыжу, карага јендиртпези, јүрүм – ол ойгор күүн -кудай Онын да учун поэт јолду айдынат: «Јүс те буудак туштаза, Јүрүмде менин јолым бар. Тамы да түбине таштаза, Талбын учар канат бар» (с.153). «Ару јүрүмге бүткен санаамды» деген үлгерде лирикалык герой ол ок автор чөкөмји јоктон ойто ло јаныс ла јакшыга ла јарашка бүдет, үстигет(с.168-169).

А.Адаровтын «Јанарым – менин канадым» (1988) деп јуунтызына анайда ок үч тизим чүмдемел кирген: «Алтайдын агаштары», «Он эки јыл јанары», «Алтайдын таштары». Мындый ок үлгердерди бойынын өйинде Б.Укачин де, Б.Бедюров то чүмдеген эди. Је А.Адаровтын тизимдеринин төзөлгөзінде алтайлардын чүмдү сөзи салынган. Оны автордын јөмөлтө сөзи керелейт: «Албатым эзедип айтканы». Ненин учун дезе, анда «чөрчөк лө јүрүм» колыныжып калган. Кажызы чын, кажызы санан тапкан учуралдар, је озодон бери ол эрмеккуучында улалат. Темдектеп алза, баштапкы кеп куучын – ол «Алтайдын тууларында агаш јок болгоны», экинчизи – орто чакта Калдан каан алдтайларды олјолоп «карагайдын чочогойына бастырып айдаганы, үчинчизи - кушкаштар агаш үренин Алтайга чачканы.

Кандый амадула А.Адаров бу бир үүр үлгерди чүмдеген? Элден озо озогызын ла эмдигизин колбоштырып, келер өйдө Алтайдын агаш-тажы, ан-куштары артабазын деген шүүлтеле чүмдеген. Экинчизинде, Алтайын јанарлап, кожондоп салар деген амадула, үчинчизинде, Алтайдын байын тудары. Јаны үйе агаштарды ылгаштырып, кажызын ла алкап салары учурлу болгон.

Агаш алтайларга озодон бери куйак ла кабай болгон. Поэттин көрүмиле, кажы ла агаш «кижидий јүрүмдү», кижидий салымду, јаш бүрлерлү ле бек тазылду». Учурлаганы мөштөн эмес, теректен башталганы база учурлу. Ненин учун дезе фольклордо, анчада ла кай чөрчөктөрдө терек – Алтайдын јебренин керелеген агаш. Бу айалганы корумдардан табылган «алтын кежик јурук керелейт, бүгүнгү күнде ол Эрмитажта тургузылган, бичиктер де кееркедилген. Темдек эдип, С.Суразаковтын «Алтайский героический эпос» (1985) эмезе В.Кыдыевтин «Бренд Алтая» (2010) деген бичиктерди алалы. Анда казынтылардан табылган алтын терек јуралган. А.Адаровтын јолдыктары: Јүс олбыкту бай терек

Јүрегисте өскөнчө.

Онын бажынан алтын күүк

Өлүм јок деп эткенче.

Тыт агаш јер-телекейде эв ле көп лө јарлу. Онон көп эдимдер јазалган. Алтай кижитытты кезип јада, акту күүннинен суранатан, алкыш сөзин айдынатан. Јебрен өйлөрдө «бүткүл тыттан межик эдип, алып-баатырдын сөөгин корумдайтан. Онын да учун А.Адаров озогызын ойгортып улгерлейт:

Агаштар үрени тирүде

Албаты үрени не олор?

Мун јылдарды өткүре

Јүрүмисти ол көрөр.

Кайын агашты ончо калыктыр јандап, кожонго ло бичикке кийдирген. А.Адаров албатынын кеп куучынын ойтодон эзедип, алтайлардын салымыла

колбойт. Кайыунын јулугы баланы, онон калыкты аргадаган деп. Онон ары карагай, мөш, чиби, аспак ла јойгон бир тизү тözöйт. Кажызы ла учурлу.

«Он эки јыл јанары» сүрекей ле бүдүмјилү эмес. Автор алтайлардын көрүмине тайанбаган, белен јетирүни чике тузаланып болбогон. Онон улам тизүнин учуры, кееркедим кеми јабыс. «Алтайдын чечектерин» алкап тура, А.Адаров айлаткыш санаа айдып туру:

Је бир јаста келбезим,
Ырайтан турум јажына.
Сүнем чечектү сындарла
Сүүнип келер кем билер?
Күн чечектин үстине
Күүним јайнап энилер (май, 1985).

Јүрүм, сүүш ле өлүм керегинде айлаткыш шүүлтелер поэттин түрмек сонеттеринде айдылар. Айдарда, А.Адаров бойынын библиографический указателян кепке базып чыгарбаган. Андый јуунтыны библиотекарь Л.Т.Баштыкова 1988 јылда чыгарган. Онон бери чыккан бичиктер кайда да темдектелбеген. Бичиичи алтай литературанын агынына солун жанрлар кийдирип, бойынын чүмделге узун элбеде көргүскен. Андыйлардын тоозында - алтайлап «Сүүштин куулары» (1997) ле орустап «Вижу нежный образ твой» (1997) деген түрмек сонеттердин јуунтызы. Автор оны бойынын 65 јажында кепке бызып чыгарган. Анчада ла «Санаалар» деген түрмек сонетте ол бойынын шүүлтелерин айдып салган: кижиле онын салымы, Муза ла онын келер өйи, Алтайы учун санааркаш. Поэт угы-төзи керегинде мынайда үлгерлейт:

Тенистен тениске јетире јуртаган
Теле, төлөс јуучыл та кайда?..
Телекей үстинде ундылып калдым.

Поэттин ал-санаалары калыгынын, Алтайынын келер өйдөги салымы керегинде төмөги јолдыктарда айдылат:

Јебрен магысты бис ундып салдыс,
Бис кандый да бирикпес, өштөнкөй.
Кандый ченелте экелер јеткерлу өй,
Алтын тагылысты ундып, аракы аладыс.

Акчалу байлар Алтайысты садып алар,
Андар чылап бисти кырып та салар.
Јүреги сель этпес качан да олордын.

Кайран Алтайыс кайкалду јараш турар,
Айса өскө чырайлу улус јуртаар,
О кудай, мыны канай айдарын!

Бу түрмек сонетте алкыш сөстий јолдыктар туштайт: «Өрө өндөй! Јыгылба, кайран калыгым! Менин де сөзим јүректерге томылды. Енимди салкын күүзинен таны...». Бу ок шүүлтелер бичиичинин калганчы романында элбеде јуралар.

Бичиичинин үлгерлик телекейи

А.О. Адаровтың чүмделге жолын көп критиктер, бичиичилер ле шивжүчилер ширтеген. Поэттиң баштапкы алтамдарын шивжүчи Т.С. Тюхтенев шивдеп көргөн: једимдерин ле једикпестерин јолду темдектеген. Оны ээчиде А.Л. Коптеловтың статьяларында А. Адаров керегинде јылу сөстөр айдылат. Јербойыны шивжүчилери - С. Суразаков, С. Каташ, Г. Кондаков - оны чүмдемелдери керегинде көп статьялар бичиген. Төс ајаруда поэттиң лириказы болгон. Оны көп јандай критик, журналист, көчүреечи улус бичиген (И. Фояков, К. Иванова, В. Чичинов ло о.ө.). А. Адаровтың проказы ла драматургиязы керегинде сүрекей ас айдылган (Р. Палкинаның ла С. Тарбанакваның шивдемел иштеринде). Ого тайанып ла олордын шүүлтелерин улалта А.Адаровтын улгерлерин, сонеттерин ле романдарын ширтеп көрөли.

Бичиичиниң баштапкы үлгерлеринде параллелизм, такып айдылары, солыштыру, тоологон үн ле кандый да солун ууламјы бар. Темдектезе, «Сүүйдим сени, төрөл јерим» деген үлгерде бу өрө айдылган темдектер ончозы иле көрүнет:

Сүүйдим сени, төрөл јерим,
Көзимде јашту, көксимде чокту.
Сананып, көзимди јумзам,
Көрүнет кырларың.
Кунугып, јавыскан тыңдазам
Шуулайт агаштарың.

Онов башка, автор үлгердиң ичинде каруузы берилбеген сурак тургузып, ого каруу берет эмезе чокымдап тургандый эттире чүмдеер марын тапкан:

Мен бийикте, јайлуда, чыккам,
Булуттар јуугында.
Мен мөңкүлер јанында чыккам,
Јылдыстар јуугында...

Эмезе «Чолушманка» деп елгердең алалы: «Кийими оның өвжүк эмес, кийими оның коомой болды, фе кунукпайт чолушманка. Ол фаращ, омок болды...»

«Адам» деген елгерде мындый фолдыктар бар:

Мениң адам коммунист болбогон,
Партийный билет карманында тутпаган,
Кырларда актардың огына шыркататкан,
Јаагында үлдүниң сорбузы арткан.

«Болбогон», «тутпаган», «өвжүк эмес» ле онов до башка фаратпаган учурлу, фөптөбой турган сөстөр А. Адаровтың авылу үлгерлежин керелейт.

өскө елгерлик фуунтыларда - «Кески салкын» (1960), «Кенге фуук фер» (1963) - поэттиң бичижи уурланып, темазы ла төс шүүлтези теревжип турганы

сезилет. Мынап ары А. Адаровтын бичижи фаранып, өзеп ле өвжип фат. Озо баштап Адаровтын үлгерлери төрөл јерине ле кару јерлештерине учурлалган болзо, кийнинде ол бойынынг јүрүми ажыра алтай јоннын салымын ла онын өткөн јолын көргүзереге амадайт. Бичиичинив бала тужы Ада-Төрөл учун Улу јууныв кату јылдарына келижет. Онын да учун поэтив көп саба үлгерлери бу темага учурлалган. Онын төзөлгөзинде чын болгон учуралдар, адазын јоксынып кунукканы ла карыкканы, тул эненив күч ле шыралу, је турумкай јүрүми салынган. Андыйлардын тоозында «Адам», «Солдатыв уулдары», «Сакылта», «Түш», «Сурузы јок», «Менив поэзиям» ла онов до өскө үлгерлер.

А. Адаровтын адазы Ада-Төрөл учун Улу јууга атанып, ойто кайра келбеген. Энези узак јылдардын туркунына койчы болуп, сегис баланы бойы јавыскан чыдаткан. «Менив поэзиям» деген үлгерде автор чындык сөс айдат:

Койлор түгинив кычкыл јыды,
Булуттар ортозындагы айдын јемтиги
Кой каруулдаган энемнив кожовы
Менив поэзиям, ончозы, ончозы.

Је поэт јаеыс ла бойынын јүрүми керегинде бичип турган эмес, ол учуралдар ажыра андый ок улустыв күч салымын, күүн-санаазын чындык көргүзет. «Јевүге» деген јаан эмес үлгерде автор солдат кижинив ат-нерезиле оморкоп туру:

Сен герой до эмежив,
Сен баатыр да эмежив,
Сен солдат,
Көп балдарлу ада.

Онов ары поэт терев учурлу сөстөр айдат:

Эрмек јогынав, кыйгы јогынав
Балдарывды јардывла бөктөп,
Төрөлиуди төживле бөктөп, ичкери алтагав.

Мындый тегин сөстөрлө А. Адаров үлгердив бийик учурына јединет.

Профессор С. Суразаков А. Адаровтын үлгерин шивдеп тура, мынайда темдектеген: «Онын поэзиязы — јайым поэзия деп айдарга јараар. Ол јүрегинде не барын чике ле јайым айдарга кичеейт. Кезикте келишкедий поэтический кебер де бедреереге ого өй јок аайлу. Је ошкош ло онын поэтический сүркеберлери јилбилү, онын айткан санаа-шүүлтелери терев ле төп».

Бу ла шүүлтени улалта, А. Адаровтын бойынын сөстөрин кычыралы. «Төрөл јеримнив салымы» (1969) деген үлгерлик јуунтыда ол айдат: «Поэзия — ол бир улу кожов, комыдалду, сүүнчилү, каткымчылу ла карыкчалду. Поэзия јаркынду будуктар эмес, ол терев санаа, јүректив үни, јүрүмнив сызы ла ырызы».

«Түш» деген үлгерде, темдектеп алза, поэт терев шүүлтелү төп санаа айдат:

Ундылбаган кожовдый
Јүрегиме сыс арткан.

Бу улу өйлөргө
Та менив амадуум барган,
Та айлаткышла айланып жүреле,
Адамныv калганчы сөзи
Уйкулу түнде жүрегимди тапкан,
Уур, ырысту түш болуп,
Бурылбастав бурылып, чочыткан.

Чүмделген кемиле анчада ла жуу ойине учурлаган үлгерлер авыланат: «Жууныv өйлөри», «Жол», «Тул келиндер», ле о. ө. Өрө адалган баштапкы үлгерди А. Адаров 1970 жылда бичиген. Ол 1974 жылда чыккан «Күн жаркынду Алтай» деген жуунтыга кирет. Анда тылдагы улустыv жүрүми, жууныv күчтерин јевүлү өдүп келгени сүрекей чындык јуралат.

Сезимјизи јаан билдирбес кыскачак јолдыктарда сүрекей чокту журуктар бар. Елгердив јүк ле эки мадагын темдек эдип көрөктөр:

Куу туралар куравы,
Куу салкындар ачимчыл.
Куу чырайлу улустыv
Көстөринде кунукчыл.
Аттар јакшызы жууда,
Арткандары арык;
Айылдыv јанында јавы
Кугарган јадык.

Бир түвей табышту сөстөр, томырылган јолдыктар кычыраачыны кунукчылду күүн-тапка экелет. Автордыv журанган өвдөри де өчөмик ле куу. Ого удурлаш бир ле өв бар: «Кандый кызыл тавдак». Чокымдап айтса, кижинив канындый кызыл деп, поэт коркымчылу ла чочыдулу өв кийдирет.

Озо айдылган беш төртјолдыкта тыны јок журук берилген. Куу салкындар, шуурганду эвирлер - көстив ле соок кыштыv темдектери. Јүк ле алты мадактаv тургуза өйдив глаголдоры туштап, сүрлү журук тынданып эрийт. Байагы кыймык јок журук араайынав кубулат: «кобылар күүк үниле үнденет», «тул келиндер чалгызы шыныражып баргылайт, обоолор салгылайт». Елгерде билдирер-билдирбес өйдив өдүжи темдектелет. Күс кышла, јас јайла солынганы жүрүмниv улалып јатканын керелеп туру, жуу ойинде иш те ізілбеген. «Көстөр јажы өткүре айланган агаш ийик» деп, поэт бир јолдыкта айдып салган. Калганчы мадак озо айдылган эки бөлүкти (эки башка поэтический сүр-кеберди: кыш ла јайды) бириктирип, үлгердив чүмделген кемин толтырат. Мында лириканыv јажыды: «Айдыv түнде јылдыстар/ Мызылдажып тыркырайт, /Уйкузы јок көстөргө /Көк чокторы төгүлет».

Бу мадактыv үчинчи јолдыгы жууныv шыралу јылдарын эске алындырып туру. Айдарда, А. Адаров бу үлгерде калык-јонныv күчтерди јевип чыкканыла, омордыv турумкайыла оморкоп, көдүривилү сөс айдыптыр.

«Келер тавдарда» (1965) А. Адаров жүрүмде болгон учуралдарды көгүске терев алганы, алтай калыктыv салымын шивдеп көрөргө сананганы ла оныv

кылык-жавын темдектегени сезилет. Онов улам поэтив үлгерлери шүүп көргөдий учурлу (проблемный), философия ууламжылу ла жар куучындык кумалду. Темдектезе: «Мен — алтай кижини, калык», «Албатым», «Көчкүндөр» ле онов до өскөзи.

«Жардымда туулар» деген үлгерде автор жүк ле сурак тургузып жат. Сурактын каруузы жок то болзо, үлгердин учуры жарт. «Ол, албатым, жерим керегинде санаалар» — деп, поэт айдат.

Ал-санааларына бактырткан лирикалык геройдын тыш бүдүмин автор сүрекей чокым журайт. Бу кандый да баатыр кептү кижинин сүр-кебери:

Менин жардымда теңдейишкен кайалар
Жарындарым туулар боло бергендий,
Кыймыктанып ийзем, көчкөлөр

Күзүрежип төгүле берер.

Көстөрүм менин — көлдөр,

Чөвүп ийзем, чайбалып,

Жараттарына ажынар.

Герой жылдарды, айлаткышты өткүрө көрүп, өйдүн каруулузын иле сезип турат:

Жардымда кыймык жок туулар,

Олор албатым керегинде айдатан

Сөстөрүм, шүүлтелерим.

Олорды көдүрүп чыгарым ба?

Айса, өйлөргө базыртып,

Ундылып каларым ба?

Мен өлгөндөр алдында каруулу,

Мен тирүүлөр алдында каруулу.

Көксимде күйгөн санаалар өлбөс

Чындык болуп чыгар ба?

Айса, өрө өспөй, жавырбай,

Кубалга базыртып салар ба?

Бу үлгерде сурак жүк ле темдектелген болзо, онов өскөлөрүндө поэт сүрекей каруулу сурактар тургузат: «Мен кем, алтай кижини? Менин угым кайда башталат? Бүгүнгү үйе неге амадаган ла кайдаар ууланган?» Темдектезе, «Мен — алтай калык», «Мен — кижини», «Көчкүндөр» деп үлгерлерди ажарып көрөли. «Мен» эмезе «бис» деп айдып тура, ол сөстөр ажыра поэт ончо алтай калыктын салымын, олордун өткөн жолун ачат. Онын да учун А. Адаровтын төс *темазын* өй, албаты ла төрөл керегинде санаалар деп айткадый. Анайда автор бойы «Улуска айткан сөзим» (1981) деген жуунтыда темдектейт. Бу жавыс ла адап салган тема эмес, үлгерде үлгерге, жуунтыда жуунтыга көчүп, поэтив өзүмиле өвжип, теревжип турган санаа. Олордун кажызы ла бой-бойлорыла колболыжып калган. Алтайы ла калык тудуш, албатынын салымы өткөн өйлөрлө колбулу. «Мен алтай кижини, калык» деген үлгерде канча жүсжылдыктар базынчыкта ла кулда жүргөн алтай жоннын сүр-кеберин поэт мынайда журайт: «Мен — алтай ка-

лык, жүрегимде — жыдалар, корголжын октор сорбызы», «Ырызы жокторды, жаман чактарда өлгөндөрдин тоозы. Мен — алтай кижги, өлгөнниң артканы, өлбөгөнниң ырызы».

Бу ла теманы улалта А. Адаров «Мен — кижги» деп үлгер чүмдеген. «Меге эмди канча жаш?.. Меге та муң жаш? Та миллион жаш?» деген сурактарга каруу берип, поэт жебрен кижиниң мөңкүлик жолын бүтүңги күнге жетире коскорот.

Елгер көдүривилү күүн-тапла божоп жат, учурыла кижиниң мөңкүлик болгону керелейт:

Мениң жажымда адалардыҥ жажы,
Келер жылдарымда балдарымныҥ жажы.
Мен - кижги,
Өлбөс, мөңкүлик кижги!

Алтай жонныҥ салымын, өдүп келген жолын шивдеп келеле, поэт «Көчкүндер» деп үлгер чүмдеген, анда мындый оморкодулу сөстөр айдылат:

...Бис — көчкүндер,
жавы жүрүмге көчүп келгенис.
Ак-жарыкка айылчы эмес,
Ээлер болуп, эмди келгенис.

Бу лирикалык геройдыҥ санаа алган калыктыҥ түүкизин, жүрүмин терев оvdогону болор. Калганчы жылдарда А.Адаров сонет деп жанрды ченеген. Сибирьде журтаган түрк укту бичиичилер бу эп-сүмеле база чүмдеп баштаган. Темдектеп алза, тыва поэттер Ю. Күнзегеш, М. Доржу, М. Кенин-Лопсан, А. Даржай ла о.ө. Мындый жанрла чүмдегени литератураның өзүминие бийик кемин керелейт. Алтай поэзияда бу жанр жавы ла ченелип жат. А. Адаровтыҥ 15 сонеттең турган бир түрбек үлгери (орустап оны «венек» деп айдар) солун. Оныҥ кажы ла сонеди озо айдылган сонеттиҥ калганчы жолдыгынаҥ башталат. Калганчы сонет десе кажы ла 14 сонеттиҥ баштапкы жолдыгынаҥ турат. Лирикалык үлгерлерде калыктыҥ түүкизиле оморкогон поэт мында бу теманы теревжиде ачып жат.

А. Адаровтыҥ сонеттери «Сүүштиң куулары» (1999) деген жуунтыда жарлалган. Ондо башка-башка сонеттер салынган. Баштапкызы ару сүүшке учурлалган. Сүүгенин кууларла түндештирип, «сүүш кубулар, же үргүлжик» деп поэт түп шүүлте айдып туру. Жылдыҥ он эки айына келиштире элес журуктар журап, жаркынду баштапкы сүүшти поэт эске алынат. Сүүгенинеҥ ырап калганын жаскы журук керелейт:

Эки турна бижелейт саста,
Бирүзи уча берер куркулдап,
Экинчизи артар калактап.
Экү бис ологго түвей ол жаста.

Сүүгенин таштап барганы учун, лирикалык герой бойын бойы бурулайт: «Мен та нениҥ учун ырагам, /Не көрөдүң, көөркийим, карыгып?!/ Өкпөөрдим, оны сананып, Сүүнчилу эрикчелге курчаткам».

Бу жолдыктарды А. Адаров 1985 жылда ала 1997 жылга жетире чүмдеген. Сонет деп жанрла бичири јевил эмес болгоны јарт. Је бичиичи јана баспай, бойыны чкеркедим узын курчыткан. Оны ээчиде А. Адаров «Ленинградты чкүлер аттары», «Јастыч элестери», «Каан кызы јаражай», «Күл-Тегинни чкөлөткөзи» деген сонеттер чүмдеген.

«Каан кызы јаражай» деп сонеттич темазы солун эмес. Поэт чүмдеп баштаганына ала калыктыч түүкизиле јилбиркеп, ого көп үлгерлер, туујылар учурлаган. Мында поэт төрөл калыктыч јебрен энчизиле, түрк калык јебрен болгоныла оморкойт. Екпектеч чыккан каан кыстыч мөчкүзи калыктыч јебренич керелейт. Билимчи улус блааш-тартышта. Археологтордыч табынтычы элдеч озо алтай калыктыч энчизи болуп јат. Поэт үлгерлейт: «Сенич каныч - бистич каныста, Сенич тыныч - бистич тыныста, эленчик јаварыс эмдиге күөлейт». Онов ары поэт оныч үргүлји болгоныч керелейт.

Мөчкү сөөгичди алып та барза,
Сүр-сүлтерич Алтайда артар.
Ак сүмерлер алдында турар.

Кай чөрчөктөги баатырларды эзедип, поэт Екпектеги јаражай кыс Алтайдыч деп бүдүмјилейт:

Алтайдыч кызы! Адычды билбезим.
Мөчкүди билимчи алып та барза,
Сени алтай эмес те деп таныза,
Сүнечди ого бис бербезис.
Ару сүнеч Алтайычда артсын,
Аргачы оны садыч болбос.
Јүрегис тирү - каныч сообос.

Лирикалу үлгерлердеч башка, А.Адаров балладалар, туујылар чүмдеп јат. Оныч туујылары башка-башка темаларга учурлалган: эмдиги ле озогы, керек десе јебрен өйлөргө. Андыйлардыч тоозында «Карган камныч түвүри», «Тонйукук», «Эжиктер» ле о.ө. Бу жанрлардыч эптүзи кандый бир текши керекти эмезе учуралды куучын кептү јетирип турганында. Анайда А. Адаров түүкилик темаларды кеvidип туру. Темдектесе, «Комыс» деп балладада алтай ойноткыныч күүзинеч улам өскө калыктардыч комызы керегинде сананыч, ончо эл-јон амыр-энчү јатсын деп алкайт. Бу ла тема «Орус албатыга», «Монгол јерине ийген эзен», «Чурапчыныч улузына» деген үлгерлеринде база бар. Көп балладалар ла туујылар түүкилик темага учурлалган: «Гоби Алтай», «Күлер күскү», «Карган камныч түвүри» ле «Тонйукук» деп алдынач башка бичик. Јадын-јүрүмнич бүгүнги сурактарына учурлалганы «Эжиктер» деп туујыда, «Тийич», «Боро уул» деп балладаларда кезем тургузылган.

«Эжиктер» - тууфы-санаа деп, автор бойы чокымдап темдектейт. Анда лирикалык герой јавыс ла бойыныч ал-санааларына алдырткан эмес, өткөн лө бүгүнги өй керегинде өвзүреде санааркайт. Лирический герой башка-башка

бозоголор алтап, «жабыс ла бийик, жалакай ла керик, сүүшке ачылган сүрлү эжиктер, сүдиргенде, кату ла кара эжиктер» ачып кирет.

Эжиктердив эв ле карузы — эски тураныв жабыс эжиги:

Эжиктерди жүрүмимде көп ачкам,

Эвчейип, алдына бажырбагам.

Je, эски эжик, сенив алдыва

Жабыс эвчейерин ундыбагам.

Лирикалык герой эр кемине жеделе, жер-телекейди эбирип жүреле, эне-журтына ойто келет. Ненив учун? Бу жаан телекейге жол ачкан эжик геройды каруулу санааларга табартат: чын жүрген бе? жаш тужындый ак-чек болгон бо? кандый жастыралар эткен? шылтагы кандый? Бу сурактарды күйбүредип, лирикалык герой жавыргандый, жавы ийде алынгандый жүрет.

Мынайда кажы ла кижини сананар, шүүнер ле жавырар учурлу. Бириктире көрзө, А.Адаров лириканыв башка-башка жанрларыла чүмдеген, лиро-эпикалык чүмдемелдер база (баллада, туузы) жарлалган.

А.Адаровтын куучын кептү чүмдемелдеринин түүкизи ле учуры.

Байлык поэзияла коштой, А. Адаров 60-чы жылдардав ала бир кезек эпикалык чүмдемелдер бичип, орус тилдев алтайга бир канча бичиктер көчүрет. Танынан бичик эттире А. Адаров куучындардыв эки жуунтызын («Бурылганы», «Түндеги жылдыстар»), повестьтердив эки бичигин («Амаду», «Жаан телекейге жол») ле романдар кепке базып чыгарды.

«Кем де айрып болбос», «Жууда өлгөн уулы», «Коммунист», «Түндеги жылдыстар» ла онов до өскө кыскачак куучындарда жадын-жүрүмнив кезем сурактары, улустыв кылык-жавы сүрекей эптү көргүзилген.

Өрө адалган кажы ла куучынды алзабыс, анда эки башка геройлор жүрүп жат. Бир бөлүк геройлорго өскө улустыв кунукканы, сүрнүккени, шыралаганы бир де эмеш керек жок. Олор жавыс ла бойыныв кара кардын тойдырып алар, амырзынып жадар, байып сайыркаар ла куру сөслө тывзынарын билер.

Экинчи бөлүккө Калапов Санаадый («Бурылганы»), Мергенов Авчыдый («Кем де айрып болбос») ла өскө дө геройлор келижет. Олор бойыныв сөзине турар, эткен керектериле оморкоор, өскө улуска килемкей ле буурзак. «Кем де айрып болбос» деген куучынныв төзөгөзінде чын болгон учурал. Ойынчы Адаровтыв жаан уулы, биленив болушчызы ла аданыв иженчизи, бажынав оорып, кенете жада калган. Бу жылыту Ойынчыны сүрекей санааркаткан. Кожо иштеген нөкөрлөри десе, керектив аайына чыкпай, оны актуга жабарлагандар. Куучында ол - Авчы Мергенов. Партиянав чыгарар деген жөпти угала, Авчы Мергенов арт учында айдынат: «Партбилетти слер айрып алараар, же менив акчегимди кем де айрып болбос».

«Эне» деген куучында эки уул чыдаткан Күжей карыыр жажында сок жавыскан артат. Онын бир уулы башка айылду болуп айрылала, карганакты керектебей барган. Күжей дезе, күнүв ле чеденге артылып алала, кара жолды ширтеп көрөт. Качан да бу жолло ол кичинек уулын жууга үйдешкен. Айса болзо, онын уулы кайра келер?.. Карганак чөкөбөй, сакыйт ла сакыйт.

«Ак чырайлу кудай» деп куучында жажы жаандай берген Таай (Төс геройдыв байлу ады. - Н. К.) баштапкы катап больницага жадала, озогызын ла эмдигизин түвейлештирет. Таайдыв сагыжында озодов артканы жүректи билдирер-билдирбес өйкөп, амырын апарат. Санаазын «ычкынып ла ийзе», онын алдында ак халатту хирург эмес, кам кыс айланып тургандый. Ненив учун дезе, озодо эмчи жок, жавыс кам «эмдейтен». Оны аргадаган ак чырайлу орус кижини көрүп, Таай быйанду сүүнет. Куучында срус ла алтай улустыв најылыгы жарамыкту көргүзилген. Кыска куучындарда А. Адаров көп лө сабазында улустыв кылык-жавына ажару эдип турган болзо, повестьтерде улус ортодо колбуларды ла олордыв тартыжузын сүрекей эптү көргүзет.

«Бойынын жаргызы» деп повестьте качкын Чама Бельчеков жууда шыркаткан болуп төгүнденеле, деремненив улузын колго тудуп, эв тоомжылу кижиболо берген. Качан жуук нөкөри болгон кижиде, сурузы жок калган Кару жерлежи, жанып келерде, Чама амырын жылыйтып, кирер-барар жерин таппай барат. Ал санааларынын бажына чыгып болбой, бойынын уйадына кинчектелип, артучында ол өлүп жат. «Онын өлүми кемге де солун болбоды» деп, автор куучынын токтодот.

«Амаду» деп жаан повестьте А. Адаров деремненив 50—60 жылдардагы кубулталарын сүрекей жарт көргүскен: механизация ла электрификацияны орныктырары ла кукуруза өскүрери. Бу жаан ла солун иштерде деремненив ончолузу туружат. Анчада ла эрчимдү туружаачылардыв тоозында жавы жүрүмге жүткиген жииттер — Карчага Кергилов, Эркелей, Жолдош, Эмил ле онов до өскөлөри.

Повестьтив башталганынав ла ала журт улус ортодо жаан тартыжу өдүп жат. Куру оосло эмес, ак-чек ижиле жииттер жавы жүрүм төзөп, бойынын амадузына жединет. Повестьте тартыжу учына жетире чындык көргүзилген болзо, геройлордыв эрмек-куучыны, кылык-жавы чокым жарталбаган, ненив учун дезе автор көп лө саба улустыв сүр-кеберин эмес, ишти көргүзет. Повестьте жаман кылыкту геройлордыв сүр-кебери анчада ла толо журалган. Темдектезе, уурчы Чама Тогусовтыв өлүмин автор сүрекей чокым көргүзет. Каравуй потпойлого көмүп салган акчалу шил банказын ол чыгарып жада, жаркынду күннив чогына көзи кылбыгып, бажы айланала көвкөрө жыгылат. Шил банка оодылган, уурдап алган акча жер башка жайрадылат, ачап Чама туралбай, ол ло жерине өлүп жат, акчек улус ортодо Чама Тогусовтый кижиде жүрүп болбозы жарт. Жакшынак сүр-кеберлер өскүрте эмес, бир аай берилген/ Олордыв ортозында жавыс Карчага Кергиловтыв сүр-кебери толо көргүзилген деп темдектеер керек. Герой канча ла катап жастырып турза, же жастырыштав жалтанбай түзелип, керекти жавыдав

баштайт. Ол жаан улусты тооп, каргандарды сөзүн аяруга алат. Карчага Кергилов — келер өйгө жүткиген, сананар да, сүүнөр де уул. Айдарда, А. Адаров бойыны прозазында журт жерди ишчилерин, оморды ижин, салымын, амадузын жарамыкту көргүскөн.

1979 жылда А. Адаров «Жаан телекейге жол» деп повесть жарлаган. Онын автор 1977-1978 жылдарда чүмдеп, баштап тарыйын «Ол жылдар ундылбас» деп адаган. Оны төзөгөзінде жарлу алтай бичиичи Л. Кокышев керегинде эске алыныштар, жүрүмде чын болгон учуралдар салынган. Эске алынышты повестьтү тургузылганына аяру этсе, анда төс геройды бирүзи - автор бойы. Бойыны адынав куучынды баштап, жуук нөкөри Л. В. Кокышев керегинде А. Адаров төп сөс айдат.

Л. В. Кокышевти сүр-кебери жиит тужынав ала эр-кемине жетире көргүзилген. Баштап ол көөрөм амадуларына олжолоткон шыравкай уулчак. Кем болоры ого эм тура ярт эмес. Же оны сөстөрине албатыга тузалу болорго кичеенгени иле билдирет. 10-чы классты божодып жада, ол амадайт: «Ох, уулдар, кандый макалу: үренип барарыс Москвага. Жүрүм кандый жакшы: үренип божойло, жанып келерис. Айса Кореяны эмезе Вьетнамны, айса Алжирди жайымы учун жуулажып жүре берерис! Мен барар эдим. Жер үстинде эмди де шыра, түбек көп. Эмезе кандый бир ыраак журтка үредүчи болуп жүре берерим...»

Л. Кокышевти амадулары төп, санаа-күүни быжу ла чике болгонын чүмдемелди учындагы сөстөр керелейт. Өткөн өй лө бүгүңги күн эптү селижип, бичиичини лирикалу эске алыныштарга табартат. Онов улам повесть бир улу кожовдый чөйилген.

Же каа-жаада автор текши шүүлтеге жединип болбой, карыкчалду ла каткымчылу учуралдарды жүк ле журап эмезе улай-телей тоолой берет. Андый да болзо, повесть - эске алыныш жетире бичилген кептү, танынан чумделген бичик болуп туру.

Качаланду 80-чи жылдарда А.О.Адаров тегин отурбаган. Ол Курайдын түүкизин бичиир амадула «Эржине Курай» (1986-1988) деп очерктер бичип жат. Же бир кезек шылтактардан улам ол бойынын ойинде чыкпаган. Жүк ле 2012 жылда «Кан-Куурай» деп адалып, ак-жарыкка чыккан.

«Өлүмни чавкыр кужы» (1993) деген романда Эрел Япринни, төс геройды, салымы көргүзилген. Айдуга апарганы - бир өйдө «жарабас» темаларды бирүзи болгон. А. Адаров оны ойто такып көдүргени, литературага кийдиргени жавырту болуп жат.

Романны чүмделгени 1988—1990 жылдар, 1993 жылда кепке базылып чыккан. Оны төзөлгөзінде — көмзөдөги жетирүлер ле түүкилик керектер. Автор мынав озо роман бичибеген, же өскө укту бичиичилерди романдарын алтай тилге көчүрген. Жавыртуны ойинде А. Адаров жайымды сескен, жавы темага, шүүп көргөдий сурактарга бурылган.

«Өлүмни чавкыр кужы» деп романдагы керектер көп өйдү туркунына өдүп жат. Романда бир кижини жүрүми эмес, бүткүл калыкты салымы журалат.

Төс герой, Эрел Миронович Яприн, бойынын ойинде обкомнын ишчизи болгон, 1936 жылда жабарладып, узак ойгө түрмеге отурып, Алтайына жанып келген. Эмдиги ойдө ол Чавкырлу деп турлуда журтап жат. Керектер бир аай ээчий-деечий эмес, кижинин салымы ажыра, эске алыныштардый көргүзилген. Эрел Мироновичтин сагыжында өткөн ой лө эмдигизи колыныжып калган: түш жери бе, чын керек пе деп, ол бойы да ылгаштырып болбойт. Сагышта анчада ла айдунын жылдары чокым-жарт журалат.

Ол косколорду жылдарда улусты бурузы жоктов айдап, түрмеге суккандар. Айла, кандый да терең шылтак жоктов, коптош ло жабарлаштын шылтузында. Көп сабазын «албатынын өштүзи», «кулак», «националист», «жопоннын шпионы» деп бурулаган. Андыйлардын тоозында чындык уулдар ла кыстар. Айдуга апарганын кинчектеп, кенегенче согуп, «төгүн чаазынга» кол салбаганча, токтойдондор. Айла, айдаткандар жаан мойношпойтон, ненин учун дезе, олоордын бурузы жок болгон, анда шылап, төгүн ле чынды ылгаштырып, актап салар болбой деп, олоор бүткен, калас иженген. Же ол ойдун «машиназы», «органнын» авылу ишчилери бойынын жакылтазын бүдүргөн: кажы ла деремнедең, районнов канча кижини айдаар, адар, түрмеге сугар. Мынайда Эрел Яприн айдаткан. Новосибирде оны адып салар деп жөптөгөн, же «керектү кижини» деп, ол жөпти 15 жыл түрмеге солыган. Катуну Красноярска, Колыма, Магадан деп жерлерде жевүлү өдүп, Эрел Яприн Алтайына тынду жанып келген.

Ол тегин кижини эмес, төрт тил билер, музыкант, журукчы, эмди — печке салаачы. Же иштеп турган эмес, улустун айбызын бүдүрүп, бойун азыранып жүргөн. Ол сок жагыскан. Сүүгенин, өскө укту Люда деп кысты, адазы учун кенейте айдай берген. Онов бери Эрел Яприн кижини албаган. Же түрмедең келерде, ырыс болуп, ого Наташа деп келин туштаган. Жаражай Наташанын салымы, бичиичинин жураганыла, жевил эмес жайалган. Жалакай жиит кыс жажыла бойынав чик жок жаан кижиге, фронтовик Туйтышевке, бартыр. Же жүрүминде ол сүүнчи көрбөгөн, өскө деремнеге өбөгөниле көчүп келеле, Айасту деп уулды сүүптир. Же Айасту Наташаны өбөгөнинең айрыларын сакып болбой, черүге атанган. Кайра келеделе, ол жевил жүрүмдү Маша деп кыс ээчидип келеле, тургуза ла той эткен. Удабай журты чачылган. Адакыда Айасту оны сакыган Кымыс деп кысты эш-нөкөри эдип алтыр. Олоор экү беш бала азыраган. Олоордын турлузында, эмдиги ойдө, романнын төс геройы, Эрел Яприн журтап жат. Байагы Наташа дезе мумиё бедиреп турала, туу-кайдаң автарылып божогон. Эмди онын сүнези Эрел Япринди бойына кычырат. Сүүгенине такып жолыгарга Эрел Яприн күнүн ле белетенет. Мынайда романда башка-башка салымдар ла учуралдар колыныжып калган.

Өрөги адалган геройлордов башка романда Яков Санабасовтын, Аркадий Иркитовтын, агалу-ийиндүлер Сүрүловтордын ла Куйкачынын сүр-кеберлери, кылык-жачы жаркынду ла көрүмжилү журалган. Тирү арткандардын тоозында — Яков Санабасов. Онын сүүгенин, Жиңилей Матыкованы, ада-энези аргалу-чакту деп бурулап, «кулак» дейле айдаган. Онов суру жок. Аркадийди адып салгандар,

Куйкачы катан жажына жетире жүргенче. Кажы ла геройдыҥ кылык-жаҥы бүткүлинче толо көргүзилген. Мында жаркынду сүүш, карыкчалду санаалар, өлүм ле жүрүм, улустыҥ жылытулары, туштажулары бүдүмжилү журалган. Бир кижиниҥ салымы бүткүл түүкини керелейт. Бүдүн чак болгондо, ой лө улустыҥ салымы бирлик колбуда.

Романныҥ чүмделгени солун: өткөн лө эмдиги ой колыштыра берилген. Өткөн керектер эске алыныш ажыра журалып жат. Учурывла роман түүкилик. Нениҥ учун дезе анда чын керектер, учуралдар ла болгон улустыҥ ады-жолы адат. Экинчи аҥылу темдек — романда кандый да кемжү, чертү жоктый: ой лө жер кемжилбейт, автор кандый да куулгазын айалганы чүмдегендий. Шак бу эп-сүме узак ойдиҥ туркунына тудулу болгон учун, бичиичилер чала жалтанып туратан. Жаҥыртылган литература недеҥ де камааны жок болгоныла аҥыланат. Романныҥ жаҥыс ла жанры эмес, темазы солун.

Калганчы фылдарда литературада керектерди ле кылык-фаҥдарды калыктыҥ салымыла колбой фураары фаҥжыгып туру. Керек дезе бүгүнгүзин көргүзерге, түүкилик аайынча өткөн лө келер ойлө колбой фурайдылар. Нениҥ учун дезе бичиичилер бүткүл чактыҥ турултазын көргүзерге ченежедилер: оныҥ фединин ле федикипестерин, айла, фаҥысфандай эмес, чүмдеечи кижиде бойыныҥ көгүс-көрүмиле, ылгап, ширтеп, түп шүүлтелер эдип.

Онов улам литератураныҥ эп-сүмелери де солун деп билдирет: чүмдемелдиҥ тургузылган бүдүми, кееркедим эп-аргалары. Геройлордыҥ кылык-фаҥы мындый эттире фураалган деп, оныҥ шылтагыҥ, айалгазын көргүзедилер. Айдарда, кылык-фаҥ ла керектив ээчий-деечий өдөри тыҥ ла афаруда эмес, бүгүңги ойдө оныла не болуп турганы учурлу.

Эбиреде айалгалар дезе геройдыҥ ич телекейин ачарга жөмөжөт. Анчада ла кижиниҥ салымы качалавду фураалтыр, фе табарыжу ажыра эмес, кееҥ-тапла, аҥылу кееле фураалган. Оныҥ учун прозада башталганынаҥ ала карыкчал кее ле түп-санаа салынат.

Романдагы керектер Чаҥкырлу деп турлуда өдүп фат. Чокымдап айтса, XX-чи чактыҥ 80-чи фылдары. Эрел Яприн - фаҥы феде берген өрөкөн, бойыныҥ өлүмин сезип ле сакып жаткан, же ума жок эске алыныштар ого амыр бербейт. Оныҥ учун өткөн лө бүгүңги керектер колыныжып калгандый фуралат. Ол көп фандай бойыла куучындажат, фе фок улустыҥ сүнелери чыңга бодолду оныла “эрмектежет”.

А.Адаровтыҥ бу романын түүкилик деп темдектеер. Нениҥ учун дезе, бичимелдиҥ төзөлгөзинде түүкилик керектер ле фүрүмде чын болгон учуралдар фуралат. Геройлордыҥ кезиги - база чын болгон улус. Э.Япринниҥ прототибы чын болгон кижиде болтыр – Леонид Эдоков Ондой аймакта Инеген деп ферде фураган. Шак бу учуралды бичиичи Александр Ередеев мынайда бүдүмжилейт: «А.Адаров оны (Эрел Мироновичти – Н.К.) жок жерден сананып таппаган. 70-чи жылдарда Ийинде Естиги-Карасуу деп жерде койчынын олон-баргаа базып салган кыштузында ак башту арык орокон сок жаныскан жадатан.

Ол копти коргон Кижн. Ады-јолы – Леонид Миронович Эдоков. Аржан шак бу кижинин сур-кеберин, кылык-јанын суреен элбеде јурап коргускен. Одузынчы јылдарда јалтанбас, санаалу коп алтай уулдар актуга буруладып, јен јастангандар. Онын учун автор олардын амадузын, корум-шуултезин, ак-чек ижин бириктирип, Эрел Миронович Јприн деп адаганы јолду» (АЧ, 1993, сыгын айдын 23 куни, с.4). Бу кижн јарлу алтай бичиичи М.В.Мундус-Эдоковтын јаан уулы болгонын эмди јаны ондоп турус.

Карыыр фажы феде берген Э.Јприн деп өрөкөн коногы феде берерде, турлузында сок фавыскан артыр. Айдудан келгени, Эрел Миронович Наташа деген фаражай кысла тушташкан, фе ол көөркийи мумие терип фүреле, кайа таштав фылбырап түжеле, божоп калган. Онын сүнези чавкыр куш болуп, тевери фаар уча берген деп, автор фурайт. Ол фаантайын Эрелди бойына кычырат. Эрел Миронович оныла биригерге белен, “өскө ороонго” федерге амадайт. Бир кижинив салымы бүткүл түүкини керелейт. Кижинив фүрүми, автордын бичигениле, чакла теv чөйилет. Айдарда, романда бир кижинив салымы эмес, бүткүл калыктын качалавду салымы чындык көргүзилген.

А.Адаровтын «дүрек өртөгөн от» деген романы 2001 фылда кепке базылып чыккан. Оны чумдеген өйи 1997-2000 јылдар. Бу романнын улалганы «Кудайлык Алтай. Ургулји сүүш» (2005) деп адалат. Мынын коргондо, автор экинчи романын он јылдын туркунына чүмдептир. Элдеv озо афару эткедийи – чүмдемелдив тургузылганы. Автордын сөзиле, «мында бүгүнги өй, онойдо ок туку качан өдүп калган фүрүм, керек дезе фебрен өйлөр керегинде айдылып фат». Бу терев ле элбек фетирүлерди автор фавы эп-сүмеле көргүзип фат. Өй ло фер кеми фок, кыйузы билдирбес. чертүзи чокым темдектелбеген. Бүгүнги өйдөv өткөнгө, фебренге бурулып, геройлор сав башка айалгаларда ла учуралдарда болуп фат. Бүгүнги өй романда Суртайдын көрүмиле фуралат. Өткөн өйлөрдн эмдигизиле түвдештирип, ороондогы текши айалганы ол мынайда темдектейт: «Эмди ле демократия деп фүгүриш туру! Ол тушта кывыс этпезив, кылай көрбөзив. Кылдаv чике фав келер деп өрөкөндөр чын айткан... Эмди Совет фавысты оотлоп салды, ороонысты файратылап койды. Арасей чакка кирди. Азыйгы фаан бий-коммунистер уурданлап баслай берди. Совет фавды каранга көрбөйтөн немелер керейлеп чыкты» (с.30).

Эмдиги өйдн автор бойы база кайкап турат: «Кече ле ого (Ленинге- Н.К.) черт берип турган кайракандар, бүгүн ого түкүреле, баскылай бердилер. Чындык, ыйлай согуп сөс айдатан күлүктер кайда? Өштү деп түрмелеткен Атаганов олардов ару ла ак-чек. Ач улуска, эпчил, уяады фок улуска, коот-фалаv. Байыгар! Аргалу болзогор алыгар деп, фавы фав үстинеv төмөн факарып фат. Фавы байлар болзын, капиталдын фавынынv тзөлгөзи олар. А тенектер кулга түжүп фатканын билгилебейт... Демократия. Ончозы тав алдынав машиналу, коттедж туралу болор күүндү... Кандый факшы өй келди. Азыйда албаты шивжүде иштеген, канча ферди карын алып, аргалу фаткан бир кижн эмди сайрап байый берди. Фавдар ого фөмөп фат. Байы, уурдан, процентти фок кредитти ал. Кан-

дый бийик некелтелү коммунист болгон! Андыйлар партияны чиридип, тенексү, кижикүүни фок фөптөр чыгарып, албатына табынча чөкөткөнин, улусты ичкери барар, өзөр күүндерине буудактар эткенин кем билбес? Ончозы билер. Үе неге де иженип фүредилер... Ийт айагына аш ичер, ийне көзине күн көрөр ой келип фат».

Төс геройды, Мирзабек Ойгорчынович Атагановты салымын тавына көрзө, сүрекей ле февил эмес фыйалган: тудулу фылдарда айдадып, 58 статьяла беш фыл түрмеде де отурып келген. Шылтагы совет фавга удур контра иш учун. Мына улам национализм бедреш башталган. Бу кижик автордын игизи (двойник) де болордон айабас. Ненин учун дезе, А.Адаров тудулу ойдо жалтанып та жүрген, ойдон камаанду болуп, чике айдынбаган. Мында ол герой ажыра айдынат, өкпө-жүрегин өйкөгөн курч сурактарды илезинче чыгара айдат. Бир жанынан, түүкилик керектер кубулган, ого сүрекей бүдүмжилү болгон герой, эмди ончозын жылыткан. Кемди бурулаар? Түүки оны актуга ла төгүндөп салгандый. Ороон жарладыган. Ленин, партия жоголгон. Ончо керектерди жанырта көрөтөн ой келген. Геройдын да, автордын да бүдүмжизи сыныккан...

Оны эжин, күү чүмдеечи Наираны, өбөгөни түрмелеткен деп иштеп чыгаргандар. Естине оны адазын 1937 фылды база “ албатыны өштүзи” деп бурулап адып салган. Нафы болгон улусты да кылык -фавы кенейте кубулган: «музыкальный школды директору айткан: “Атаганова! Слерди иштеп фыйымдап фадыбыс. Бойоор билереер... Бажын көдүрүп ол фаар көрбөгөн дө. Азы бу үй кижик оны мактап та туратан. А эмди? Ончолоры төмөн көрөр эмезе туура, факшы сурабас. Коркып фадылар».

Романны башталганында Мирзабек Атагановты эжи, Наира, рак ооруда улам эдиреп фаткан. өлүмнү алдында ол өткөн фүрүмине кайра бурулып, ончо болгон учуралдарды кече ле болгондый эзедет. Оны фүрүми февил эмес, көп бурулчыктарлу ла карыкчалду болтыр. Кызы Суркурай оору фоболдов эрте фашта фада калган, фе Айас деп уулы бар.

Романны учында Наира улу тынып, бу фүрүмнү ырап фат. Бир сананза, автор кайкамчылу нени де көргүспеди ошкош, фе бу романны фүк ле тыш кебери, авторды тузаланган эп-сүмези. Онын өзөгү терең, учы-кыйузы фок телкем ле элбек. Өскөртө айтказын, кижини салымы да сыныгар, биле де бузылар, кижик де өлүмтик, фе кижилик үргүлфик. Ненин учун дезе калыкты түүкизи ле культуразы терең тазылду. Наираны фүрген ле фүрбеген фүрүми чактар өткүрө үн алыжып, өскө фүрүмде укталып, бүгүнгү өйдө улалганча. Авторды фураганыла, Наираны угы төзи алтай эмес. Чөрчөктөн улам ол бойын “талайды кызы” деп аданат (с.16). Үе бу учурал бүдүмфилү эмес көргүзилген.

Атагановтор одузы калып фурт болгонын кыска фетирү керелейт. Атаган деп өбөкө «ада» ла «каган» деген сөстөн бүткен. Оны уулы Ойгорчы – төлөс сөөктү. Энезини ады Ковыркыс, чагандыктарда. Энезини угы –төзи Самтак байда таркаган. Самтакты уулы Бырчыт эки кысту: Суркурай ла Ковыркыс деп автор фартайт.

Ковыркыс эки уул азыраган: Мирзабек ле Байфүрек. Мирзабектив адын литвин укту Арунас өрөкөн фартайт: «Мирза казах ат болзо, “бек” дегени “князь” деп көчүрилет». «Албатыны канайта да кырза, эки-бирүзи артар»- деп, Мирзанын аказы Байфүрек бүдүмфилейт. Өткөн чакта Алтайда, Россиянын терезинде башка – башка керектер болгон - граждандар, революция, өмөликке көчкөни, айдуга айдатканы, Ада Төрөл учун Улуу уул оны ээчиде фабарлаш ла о.ө. Бу фаан фүкти А.Адаров бойынын романында кееркедим эп-аргала көргүзөргө амадаптыр.

«Кудайлык Алтай. Ергүлжи сүүш» (2005) деп адалган ороги романнын улалганы 2002-2005 жылдарда чүмделген. Онын баштапкы ады «Ергүлжинин Еч-Сүмери» деп адалган. Оны автор жаратпай, адакы учунда бу атка токтоптыр. Автордын чокымдаганыла, «бу роман «Jүрек өртөгөн от» (2001) деп романнын онон арызы. Ненин учун автор романды үзүктеген? Экинчиси онын улалганы болзо, романнын адын ол ненин учун кубулткан? Мынайда адалганынын шүүлтөзү кандый?

Булгак болбозун деп, романнын улалганын экинчи бичик деп адап, бу романнын шууп көргөдүй сурактарын ширтеп көрөли. Башталганынын кире сөзүндө автор айдынат: «Бу сөс – менин үйемнин сөзи, сүүжи, салымы...». Айдарда, автор бу роман ажыра көпти адыптыр, айдынтыр, санантыр. А.Адаровтын бойынын жартаганыла, бичикте «сүүш, ырыс, өлүм. Төрөл калыктын салымы керегинде санаалар. Жаман чакла колбулу журамалдар, салымдар база бар.» (Кире сөс). Автор бойынын санааларын бу бичикте жарт бичиген. «Jүрек ортогон от» деп бичиктин кире сөзүндө автор айдынган эди: «Бу менин биографиям эмес, же көп темдектер бичиичинин жүрүмиле колбулу болотон эмей» (с.3). Онын да учун төс геройдын ал-санааларында бичиичи А.Адаровтын үни, сөзи база жарт сезилет. Эр темине жеделе, романнын геройы адакы учунда сок жаныскан арткан. Онон улам Мирзабектин айалгазы А.Адаровтын ич-корумиле тудуш: «Жаныскан деп неме сан башка немее эмтир. Эбире толтыра улус. Најылар, таныштар, төрөөндөр, бойынын балдарын. А сен жаныскан. Бойынын санааларына, амадуларына, жүрүмдү, телекейди ондожынла – сен жаныскан» (с.45). Өскө тушта автор ойто ло ол шүүлтөзө бурулат: «Жаныскан...Жаныскан...Телекей ээн немедий. Улус көп, же кару Кижин жок» (с.81). Тос геройдын жаныскан артканынын бир шылтагы – өскө укту кижиле журтаганы, учы-түбинде «угы-төзи жылыып калатан туру». (с.21). Бу шүүлтөзө жаныс ла Мирзабек Атаганов ондоп турган эмес, онын эжи де, экинчи сүүгени Маргарита да айдып туру. Темдектезе, Нарита оло алдында айдынат: «Уулынды кичее, Мирзо. Айылду эдип сал. Алтай кыс алзын. Мендий телекейдин түбинен тенип келген неме эмес» (с.102). Ол ок шүүлтөзө туш кижин Маргарита сананат: «Ол Мирзабек өскө укту кижини не алды не?» (с.78). Мынды айалгада Мирзабек Атаганов, ол ок автор бойынын салымы, жүрүмү керегинде, жаанада көрзө, жиит республиканын келер өйи керегинде сананат. Романда тургускан баштапкы сурак – ол биле, журт жаирадылып, ук-төс үзүлүп баратканы. Оны канайта да аргадап аларга, автор жаны геройлор кийдирет. Эмчи келин Маргарита Мирзабек-

тин айылына келип, журтты улалтат. Олор уул чыгарын сакыйт. Уулы Айас база жеен кысты аларга сананат. Онон улам автор бичип туру: «Атагановтордын тазылы кургабас, озор. Ол сенин уулын тодош сөөктү кыс алып жатканы база жаан учурлу. Озодон бери төөлөс, тодош удур-тедир төрөөн болгон улус эмей» (с.182). Экинчизи - кичү төрөли керегинде санаалар.

Романнын улалганын автор ненин учун өскөртө адаган? Шак бу ондомолдын учуры терен. А.Адаровтын шүүлтөзиле, Алтай байлу, Алтайга бажыраар, Алтайды алкааар керек. «Алтайдан артык жер таппазын, албатыннан артык улус таппазын» (с.86). «Алтай – кудайдын жери». Ол ок өйдө автор санааркайт: «мындый жараш жерде ончо улус ырысту болор учурлу» (с.159). Алтайлар ненин учун ырызы жок улус? Кажы ла тушта сурактын каруузын бичиичи түүкидев бедирейт. Романнын бажалыктарында бу сурактын каруузы чике берилген: «Жебрен тазыл. Көрө түштер», Чактар түбинен жеткен каргыш», «Ак жарыкта ырыс деп неме бар ба?», «Салымды кем башкарып жат?» ла онон до өскө. Тоодо наманын айтканыла, эки чактын бажында керегилдердин уйазында алып-баатыр чыгар, аргазы жок кичинек сынду болор, Айдары жок улу көгүстү, ойгор болор. Каандардын жемтигин артырага ченежер, кара башту калыгын корый аларга тартыжар, же орус кааннын тергезинде түктү колду улустын колынан өлөр». Мынайда автор В.И.Чаптыновтын сүр-кеберин романга кийдирген. Онон башка Г.И.Чорос-Гуркин де, В.И.Чичинов то адалат.

«Чактар түбинен жеткен каргыш» деп бажалыкта автор мындый шүүлтөлөр айдат: «Ненин учун бистин алтай албаты өспөй жат? Ненин учун алтай кижилер алтай кижиге кару эмес? Бой-бойын жөмөшпөс? Жаман чак тушта улустын эркиндүзүн Эдил суунун жаказына, элезиндү чөлдөргө айдай Берген. Алтай жеринде арткандары эмдиге тетире эптежип журтап болбой жат. Коштой жаткан калыктар тиркиреп өскөн, тыныган. Жүректеристе жалтанчык уйа тартты ба? Кудай биске кулдын салымын берди бе? Көгүсту, санаалу улуска бу айалга амыр бербей жат» (с.61). Оскө жерде автор чокымдайт: «Бу Алтай – Амыр-Санаанын энчилү жери. Болуш, жөмөлтө сураарда, болушпаганар. Сүрүп ийгенер...Болушкан болзоор, мында каан болуп отураар эди. Ол ширееге отураар Кижилер. Эмди каандык та жок, ширееге отураар каан укту Кижилер де жок.» (с.71). Мирзабек Атагановтын шүүлтөлөрү автордыйынды болот берет: «Алтай кызаланда, албаты кырылып өлөрдин алдында... Мындый республика, мындый башкаруу, мындый парламент кемге керек? А оны тозоп турада, кандый сүүнчи болгон эди? Алтай калыкта республика болор! Ол бойын бойы башкарынар! Бойынын салымын бойы башкарынар. Же табынча жайымды ла демократияны тузаланып, акчаны, жанды тузаланып, республиканы өскө корумду, өскө улус башкараар боло берген. Олорго алтай улус капшай кырылзын, бойлорун бойлоры өлтүришсе, карын, макалу –жер аруталар! Кеен Алтай олордын болор! Аракыдан улам, түрениден улам өлүшти тоолош то жок...» (с.31).

Бу ок шүүлтөни улалта база бир герой айдат: «Эне Алтайды ээн арттыраар жаныс жок. Очокто одыс өчпөзүн, талкан күлис сообозын. Жаман чак одо берер. Кудайдын күни тийер» (с.72). Канайда аргаданар? Автордын шүүлтөзиле, бир кудайлу болор керек, бир жанду. Ол тушта албаты албаты болор. Жаны бек, бир-

лик болор. Романнын геройи айдат: «Кудайга бажырап керек. Улу Жайаачыдан болуш сураар.... Биске ак жан керек. Ол – буркан жаны, Алтай жан. Экилезинин тазылы бир жан ине! Будданын жаны!» (с.99). «Ак жарыкта ырыс деп немее бар ба?» деген бажалыкта автор ойто ло сүүген Алтайын анылап туру; «Алтайыс кандый жараш. Мындый жерде жүрзөн, бир де күн жүрзөн – ол кудай берген сый. Ару санаабыс, агару, ару сүнебис жер-алтайысла, жылдысту тенерисле биригип калган. Онын учун бис көп немени озолодо оудоп,кижинин судадын билип жадыс» (с.113). Мынайда А.Адаров Мирзабек Атагановтын салымын кееркеде жураган, онын сүр-кебери ажыра бойынын шүүлтелерин жетирген. Бириктире көрзө, А.Адаровтын чүмделге фольнда роман деп жанр федимдү улалып барган. Анчада ла фавы эп-сүмеле - ой лө фер кемфези фоктов - чөмделгени солун. Экинчизинде, бичиичинин талдап алган темазы элбек ле тереv, чүмдемелде тургузылган сурак кычыраачыга ойинде феткен: ол - XX-чи чактын бурулчыктарлу сыркыны, фүрүм ле өлүм, үргүлфик сүүштин ийдези ле о. ө. Бу ончозы - кижинин фүрүминде бир түрбектий фуулып калган. Онтулу ла сысту, ырысту ла сүүнчилү ойлөр фүректи ойкөп лө сүүндирип, эске алыныштый, кире бичиктий, фар куучындый ойлөрди өдүп, чактарды тиргизип, бүгүнгү ойдин онтулу сурактарыла биригет. Бүткүлинче көрзө, роман деген жанр алтай литературанын түүкизинде өвжип улалды.

Драматургия. А. Адаров ончо ло жанрларда эрчимдү туружып жат. Областьта драмтеатр төзөлгөнинеv бери онын пьесалар бичири көндүгө берди. Сценада онын «Сав башка кижини» деп лирикалу комедиязы ла «Абайымнын кижини алганы» деп сатирический комедиязы тургузылган. Калганчы ойдө А.Адаров «Каганаттав ийген самара» деп трагедия чүмдеген.

Баштапкы адалганынын темазы өрөги шивделген «Амаду» деп повестьтин темазыла жүзүндөш. Керек бүгүнгү ойдө өдүп жат. «Амадуда» төс тартыжу ииттер ле жажы жаан улус ортодо өдүп турган болзо, «Сав башка кижини» деп комедиянын геройлоры - жалав ла жашөскүрим.

Олор журт ишти бойлоры башкарып, бойынын күүниле ченемелдер өткүрип, ишти жагыртар аргалар бедрейт. Ченемелдер чала бортык та болзо (Колбанын сөзиле, авылу үредү ого жетпей турганынав улам, ол жагы утку курандар өскүрип болбой жат), же олардын баштапкынын, тавынав иштеер күүнин жарадып кычырадыс. Барыла болорзынбай, олор жагы жедимдерге жедер күүндү. Олордын шылтуунда кой төрөдиш чыгым жок өдөт.

Комедиядагы керек көп лө саба Колбанын (төс геройдын чоло ады) эмезе Укаа Мырзаевичтин ижиле колбулу. Геройлор до оны айландыра жуулган. Автордын шүүлтезиле олор эки башка бөлүккө болинет. Бирүзине: ак-чек койчы Колба Жалбаков, малчы Сыгырткышев, болушчы кыс Алтынай ла онов до өскөлөри. Экинчизине «чала бурулу» улус: 19 жашту комсомолка Светлана, бош салдым уул Семтек-Коля, сырыны оорулу Бултай өбөөн.

А. Адаровтын куучындарына жакшынак эмес геройлор ол ло бойы артып калатан болзо, ол комедиядагы улустын ончозынын сагыжы кубулып жат. Свет-

лана жүрүмде бир жастырган да болзо, иштевкей, шыравкай кыс болуп жарталат. Семтек-Коля жарабас кылыктарына түзелет. Бултай өбөгөн кызын колхозтуу ижинев корулап та турза, Алтынай керектив аайын бойы оудоп, Колбаныу шүүлтелерин фарадат. Айдарда, комедияныу учында ончо улус жабырган, кубулган деп жарталат.

Эрмек-куучыныла анчада ла малчы Кавдаш Сыгырткышевтиу сүр-кебери жарт журалган. Ондо албатыныу чечен тили, сезимјизи, күүни эптү журалат. Колба билимге күүндү болзо Мындый ак-чек, иштевкей геройлор А. Адаровтыу көп куучындарында ла повестьтеринде јеткилинче бар. Бу комедияныу учуры - јииттердиу өкпөөривкей күүниу баштавкайын ла јозокту ижин јарамыкту көргүскенинде.

Айдарда, А. Адаров литератураныу ончо жанрларыла чүмдептир. Алтай литератураныу өзүминде ле түүкизинде бичиичиниу чүмдемелдери байлык энчизи болуп эленчикке артып калды. А.Адаровтын ады-чуузы јаныс ла Алтайда эмес, Россиянын башка-башка талаларында элбеде јарлу, Кавдаш јайым учун тартыжарга Афганистанга да барар санаалу.

Литература.

Писатели Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1988; Труды сотрудников Горно-Алтайского института гуманитарных исследований. - Горно-Алтайск, 1977; Тюхтенев Т.С. Аржан Адаров // Алтай литература керегинде статьялар. Горно-Алтайск, 1962.- С. 204-212; Коптелов А.Л. Поэты Горного Алтая // Песни голубых долин. - Горно-Алтайск, 1963.- С. 3-29; Оныу ок. На просеке дружбы // Адаров А.О. Подснежник. Барнаул, 1963.- С. 3-7; Каташ С.С., Кондаков Г.В. Современная алтайская поэзия // Очерки по истории алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1969.- С. 152-153, 158.; Суразаков С.С. Поэт керегинде кыска сөс // Адаров А.О. Алтын јерим — Алтайым. Горно-Алтайск, 1976.- С. 5-6; Киндикова Н.М. Аржан Ойинчинович Адаров // История и современность.- Горно-Алтайск, 1990.- С.180-200; Оныу ок. Алтай литератураны јаан класстарда үренери. -Горно-Алтайск, 1994.-С. 72-74; оныу ок. Алтай литература жабырта кычырышла.- Горно-Алтайск, 1998; Оныу ок. Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири.- Горно-Алтайск, 2001.- С. 157-173; Алитова А. Ада-Төрөл учун Улу јууда турушкан поэттердиу салымы ла олордыв үлгерлери керегинде // Как слово наше отзовется... - Горно-Алтайск, 1998.- С. 98-105; Чичинов В.И. В пути, как факел, поднимаю слово // Кан-Алтай-Горно-Алтайск, 1998, № 16. -С. 5-10; Палкина Р.А. Венки сонетов А. Адарова и социально-культурный контекст в Республике Алтай // Республика Алтай. Алтай — золотые горы. Модели и механизмы устойчивого развития.- Горно-Алтайск, 2001.-С. 56-60; Киндикова Н.М. Проблемы алтайской лирики. Генезис. Поэтика. Искусство перевода.- Горно-Алтайск, 2003; История алтайской литературы в 2-х кн. Книга 2.- Горно-Алтайск, 2004. -С.3-17.

Алтай в современном мире: проблемы глобализации и локализации

Прошло уже десятое по счету заседание Международного координационного Совета «Наш общий дом – Алтай», посвященное итогам и перспективам трансграничного сотрудничества в Алтайском регионе. Не вникая в вопросы предыдущих заседаний, хотелось бы сосредоточиться на проблемах современ-

ной глобализации и локализации регионов. На международной научно-практической конференции, проведенной в Горно-Алтайском государственном университете 29 июля 2011 года, присутствовали представители разных стран.

Докладчики в основном освещали вопросы экологии и экономики (в подтексте и политики) Большого Алтая, куда входят четыре государства: Китай, Монголия, Казахстан, Россия. Последнюю географически представляют Алтайский край и Республика Алтай. В трех странах проживают титульные народы (китайцы, монголы, казахи). Особенность России в том, что это - страна многонациональная, а в Республике Алтай имеется малочисленный народ (алтайцы), который в процессе глобализации окажется вне поля зрения.

Кто они алтайцы? Осколки китайцев, монгол? Все путешественники, в том числе современные туристы, односторонне восхищаясь красотой природы Алтая, часто не отличают их от других восточных народов. Не осведомлены они и в обычаях и традициях алтайцев, одного из древнейших тюркоязычных народов Сибири, история и культура которого начинается с 6-8 веков.

Из докладов и сообщений особо следует обратить внимание на три вопроса: 1) строительство дороги через Канас и газопровода через плато Укок (территория Алтая); 2) изменение климата в Сибири; 3) пищевые добавки в импортируемых продуктах.

Строительство дороги через Канас осуществляется по трехстороннему соглашению. Казахстан давно проложил обещанные километры, Россия согласилась достроить, поскольку это выгодно Казахстану для возобновления торговых отношений с Китаем.

А вот вопрос о строительстве газопровода через плато Укок действительно противоречит международному законодательству об особо охраняемых природных территориях, об охране всемирного культурного и природного наследия. Тем не менее, участники конференции активно поднимали вопрос о расширении номинации ЮНЕСКО «Золотые горы Алтая».

Во-вторых, докладчик из Алтайского госуниверситета представил интересную информацию о том, что в Сибири наблюдается глобальное потепление климата (примерно на 3 градуса). А значит, в зоне Укок, на месте вечной мерзлоты, образуются болота, которые выделяют вредный для здоровья человека метан. Потому необходимы геологические изыскания на всей территории Укока, прежде чем начать там строительство газопровода на Китай. Результаты экспертизы должны быть известны широкой общественности. Есть же и альтернативные пути решения этого вопроса, помимо плато Укок? Стоит ли спешить со строительством газопровода в зоне особо охраняемых территорий?

В-третьих, о пищевых добавках иллюстративно, научно убедительно сообщил докладчик из Барнаула. Оказывается, больше всех нас «травят» такие страны, как Китай, Вьетнам и, к нашему удивлению, цивилизованная страна Германия. Значит, стоит ли нам завозить их продукты? Запретить мы не сможем, но обязаны ограничить их употребление. Наша земля богата собственными ресурсами, однако за последние два десятилетия мы сами отучили российских граждан от работы на земле. Потому принимаем искусственную пище-

вую продукцию из Китая. Остается открытым вопрос о пищевых отходах, если хотим сохранить наш общий дом – Алтай экологически чистым. В настоящее время у нас вряд ли решается вопрос по переработке пищевых и бытовых твердых отходов, строительство очистительных сооружений в райцентрах и т.д.

Экология экологией, самый больной вопрос – судьба малочисленного народа в этом большом доме под названием Алтай. Открытие двухстороннего коридора (Канас и Укок) не желательно населению Республики Алтай, алтайцев в особенности. Предки наши 255 лет назад были мудрее и прозорливее нас. Из-за угрозы исчезновения малочисленного этноса они в свое время выбрали исторически правильный и разумный путь. В этом смысле стоит вспомнить и прислушаться их предостережению.

В настоящее время, действительно, необходимо научное и культурное сотрудничество между странами, взаимообмен студентами и преподавателями университетов для того, чтобы глубже понять исторические корни народов, включенных в красивое название «Наш общий дом – Алтай». Остается надеяться на то, что глобализация, как бы далеко она не зашла в область экономики и политики, должна учитывать вопросы локализации этноэкологии, этнокультуры, этнотуризма малочисленного народа.

Оказавшись среди других титульных народов, я, алтайка по национальности, задумалась о судьбе своего народа. Действительно, кто я по национальности? Поскольку в российском паспорте не указана принадлежность к какой-либо национальности, то, как отличить мой народ от других азиатских и восточных народов? Визуально мы почти похожи друг другу.

Относительно коренного населения Республики Алтай написано достаточно книг по их истории и культуре, тем не менее, хотелось бы задаться вопросом: кто они – алтайцы? Исчерпывающий ответ на этот вопрос можно найти в книгах «Алтай – сокровище культуры» (Санкт-Петербург, 2004, вып.4) или «Краткая энциклопедия Республики Алтай» (Новосибирск, 2010). Однако эти издания, прежде всего, предназначены путешественникам, туристам, но недоступны для самих алтайцев. Потому начнем с того, кого мы называем коренным народом в Республике Алтай?

Любой народ, претендующий на самостоятельность, определяется наличием своей территории, истории и культуры и, наконец, религии. В 90-е годы XX столетия мы, алтайцы, наконец-то, обрели государственность с образованием Республики Алтай в составе Российской Федерации и начали отстаивать свои права и законы. Народ поверил в преобразования внутри государства, активно воспринял начинания национальных лидеров, строил перспективные планы на будущее. Казалось, начали сбываться долгожданные мечты, предсказанные Г.И. Чорос-Гуркиным (1870-1937). Не пугала повсеместная разруха, финансовые просчеты, материальные убытки. Готовы были сотворить все своими руками.

Однако, одно дело - материальное обеспечение, другое – духовная составляющая народа. Спустя десятилетия заметным стало отсутствие научной информации об истории и культуре самих алтайцев. Начались разногласия, прежде всего, по поводу названия этноса.

Кто мы - алтайцы? В новых условиях северные алтайцы начали претендовать назваться «кумандинцами», «тубаларами», «челканцами», позднее жители двух районов - Кош-Агачский и Улаганский - пожелали остаться «теленгитами», так как они вошли в состав России на 200 лет позднее, чем алтай-кижи. Другие вообще предлагали переименовать название этноса «ойротами». Все эти разночтения основаны на неосведомленности нового поколения в исторической судьбе собственного народа. Более того, по последней переписи алтайское население насчитывает всего 65 тысяч, когда в советское время насчитывалось 75 тысяч человек.

Название этноса действительно менялось хронологически. Если исходить из исторических сведений, то первоначально в древнетюркский период существовали тюрки (тугу). От них отпочковались все другие тюркоязычные народы, как башкиры, татары, казахи, киргизы, хакасы, якуты, тувинцы, шорцы и т.д., том числе алтайцы. Так, название алтайского этноса исторически менялось в такой последовательности: тюрки // тугу – теле - теленгиты //телеуты, и, наконец, по месту их обитания справедливо названы «алтайцами».

В средние века алтайцы, оказавшись среди ойротов (а они и есть западные монголы), в течение пяти веков не растворились среди них, а сохранили себя как малочисленный этнос. Этому способствовало, в первую очередь, наличие у тюрко-монгольских народов родословной, которая функционирует по настоящее время. Оказавшись на исторической родине – на Алтае, алтайский народ носит объединяющее, территориальное название – алтайцы, хотя историческое самоназвание их остается «теленгитами».

Алтайские горы, реки, озера известны многим (Белуха, Катунь, Телецкое озеро и т.д.). А земля наша отличается древними курганами, каменными изваяниями, наскальными рисунками, руническими надписями (Пазырык, Башадар, Плато Укок и другие - всемирно известные объекты).

Понятие культуры в узком смысле включает в себя не только обычаи и традиции народа, но и его язык, фольклор и литературу. Алтайский язык, как известно, подразделяется на диалекты: северный и южный. К числу южных алтайцев относится диалект алтай-кижи (так названы жители Шебалинского, Онгудайского, Усть-Канского районов). В 90-е годы XX столетия северные алтайцы ошибочно начали претендовать на самостоятельность на основе лишь языкового, точнее, диалектного различия, хотя научно доказано, что еще в древнетюркскую эпоху они, по мнению лингвистов, подверглись тюркизации. В частности, как пишет Л.Тыбыкова, «северо-алтайские этнические образования сформировались в результате ассимиляции древними тюрками предшествующего нетюркского населения угро-самодийского типа» [1, с.166]. В любом языке существуют говоры и диалекты. В этом и богатство, и разнообразие национальных языков. В настоящее время вместо того, чтобы подразделяться на субэтноты, роды и племена, лингвистам предстоит заново написать «Грамматику алтайского языка» (1869), создавать различные словари и учебные и методические пособия для обучающихся в средних и высших учебных заведениях.

В последние два десятилетия заметно увеличивается количество алтайцев, не владеющих родным языком.

Богатство алтайского языка подтверждает и устная поэзия алтайцев, эпос которого издан в 14 томах под общим названием «Алтайские богатыри» (1958-1995), есть и оригинальные издания на двуязычной основе: «Маадай-Кара» (М.: Наука, 1975), «Алтайские героические сказания» (Новосибирск: Наука, 1997), «Алтайская народная сказка» (Новосибирск: Наука, 2002) и т.д. Народ увековечил имена своих одаренных сказителей, певцов, сказочников, в том числе Н.У. Улагашева, А.Г. Калкина, Т.А. Чачиякова, Салдабая Савдина и др.

Что касается алтайской литературы, то по настоящее время изданы на русском и родном языках «История алтайской литературы» (2004) в двух книгах, «Алтай литературанын түүкизи» (2008) в двух частях, создан энциклопедический словарь «Литературы народов России» (М.: «Наука», 2005) и т.д. Остается изучить литературное и переводное наследие классиков алтайской литературы, ушедших из жизни во второй половине XX столетия. А первую половину прошедшего века мы рассмотрели в контексте развития тюркских литератур России и издали сборник «Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI века» (2010).

И, наконец, остается самый спорный вопрос – это вопрос о религиозном мировоззрении алтайцев. В последние годы появились достаточно интересные монографии В.А. Муйтуевой (2004), С.П. Тюхтеновой (2009) В.А. Клешева (2011) и других, посвященные религии коренного народа [2]. В историческом плане, когда существовало единое государство, все тюрки поклонялись Кёк Тенгери (синему небу). И когда распался тюркский каганат, каждый род (племя) претендовал на свое божество (кудай). Об этом подробнее писал в свое время Л.П. Потапов: «С падением древнетюркских каганатов прекратились грандиозные общетюркские моления Небу (Тенгри), прародительской пещере, божеству Земли, не стало верховных шаманов, находившихся при ставке каганов и их правящей верхушки. Это способствовало быстрому росту роли рядовых местных (родовых и племенных) шаманов» [3, с.86].

Алтайцы, как и их сородичи, в основном придерживались и до сих пор придерживаются языческого верования. Шаманизм до сих пор существует. В средние века в ойротском ханстве повсеместно распространился ламаизм – один из разветвлений буддизма, от него остались на Алтае лишь следы разрушенных храмов. В XIX веке началась насильственная христианизация алтайцев, а в начале XX века существовал еще бурханизм (ак јан) - новая религиозная вера алтайцев.

Весь XX век, как известно, в стране господствовало атеистическое воспитание. Естественно, народ потерял свое изначальное верование. В настоящее время каждый из малочисленных народностей ищет пути выхода из этой ситуации. Алтайцы, находясь в выборе своего религиозного верования, в душе все же остаются язычниками-бурханистами. В интерпретации А. Муйтуевой ныне религия алтайцев названа «Алтай кудаем». Поскольку весь окружающий мир для них считается священным, сакральным. Об этом удачно высказался в

начале XX века лидер алтайского народа, известный художник Г.И. Чорос-Гуркин: «Для алтайцев язычников Алтай – Живой дух, щедрый, богатый исполин-великан. Длань его раскрыта для всех, богатства неисчерпаемы, красота и величие прекрасны-сказочны. Он живой кормилец-отец несметного народа, несметного зверя, птиц... Его живой дух – сила насыщены, проникнуты везде и всюду и всем управляют. Вся жизнь язычника-алтайца и мысли заполнены его влиянием, силой, красотой» [4, с.187].

Из всего вышесказанного явствует, что алтайцы в религиозном плане - не мусульмане и не христиане. При всем влиянии других религий они остаются язычниками-бурханистами. Тем не менее, в этой неопределенности просвещенные алтайцы тяготеют к буддизму, что и наблюдается в последние два десятилетия. Какова перспектива выбора религиозного верования покажет время.

Таким образом, алтайцы сохранили себя как самостоятельный этнос. Прежде всего, древними оказались их генетические корни. Почти каждый алтаец ныне сможет уверенно перечислить свою родословную до 7 или 12 колен. Возможно, это и спасло их от смешения с другими народами, от полного исчезновения с карты народонаселения. По этому поводу в свое время литературовед Г. Гачев рассуждал так: «Национальное в народе есть как бы почва его исторического развития, ему предшествует, и история есть выравнивание народов. Следовательно, чтобы доискаться до национального, надо погружаться в древность, «доисторическую» эпоху народов, а жизнь национального в последующие века есть сохранение «завета» [5, с.48].

К счастью, не все потеряно за прошедшие сто лет. Народ медленно «просыпается» от богатырского сна. Лично мне по душе характеристика алтайцев, высказанная поэтессой Г. Елемовой по отношению к коренным жителям Алтая: «Алтайцы по своей природе - народ очень кроткий и стеснительный, с мирным умом» [6, с.4]. Так она рассуждала по поводу строительства гигантской ГЭС на Катунь. Наконец, нашли альтернативные пути строительства малых ГЭС на Алтае: солнечные, ветряные энергоносители. Тем не менее, на землю Алтая не раз падают и бесследно исчезают космические обломки, археологические находки не возвращаются, браконьеры отстреливают редких животных... Как будто нет законов и прав.

С 90-х годов прошедшего столетия почти ежегодно алтайцы проводят народные игры – Эл-Ойын, обновляют национальную одежду, возрождаются традиционные обычаи и традиции народа и т.д. В целом в новом тысячелетии все эти вопросы – вопросы языка, истории, культуры, религии - требуют серьезного осмысления и научного изучения. Кроме того, недостаточно книг, необходимых для широкого круга читателей, нужна и разъяснительная работа среди населения: культурная, познавательная, экологическая. В конце своей статьи хочется привести стихотворение алтайского поэта Б.Укачина в переводе Бориса Слуцкого о взаимосвязанности алтайца с природой, современного человека со Вселенной:

Восходят в гору старики,
И пожилые, и подростки

Вязать цветные лоскутки
К растущей на горе березке.

Так повелось у нас, таков
Обычай, созданный не нами,-
Обычай этот в глубь веков
Уходит далеко корнями.

Когда то, привязав цветной
Лоскут к какой-нибудь из веток,
Общался с горным духом мой
Широкоскулый дальний предок.

Просил он, в общем-то, одно:
Чтоб дух ему не делал плохо,
Чтоб дух покладист был...Да, но
Теперь-то ведь не та эпоха!

Ни в злых, ни в добрых духов гор
Теперь-то мы не верим вроде.
Так почему же до сих пор
Обычай этот жив в народе?

Да потому он жив в наш век,
Обычай этот, что и ныне
Природу-мать чтить человек
Превыше всяческой святыни.

Человек чувствует свое единение с природой. В этом стихотворении самая главная мысль о том, что человек всего лишь частица этой природы, Вселенной. Неслучайно алтайцы относятся к Алтаю как к живому существу, издревле верят, что он имеет своего духа (хозяина-ээзи). В целом алтайцы благословляют наш священный храм – Алтай. Мы должны сохранить нашу землю для человечества в первоначальном виде, не нарушая ландшафт естественной природы. Приживется ли туризм на Алтае пока рано прогнозировать, и все же, Алтай в перспективе - это, прежде всего, здравница, место санаторно-курортного лечения.

Литература.

1. Тыбыкова Л.Н. Алтайский язык // Алтай – сокровище культуры.- Санкт-Петербург,2004, вып.4. - С.166-167
2. Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. – Горно-Алтайск, 2004.-165с.; Тюхтенева С.П.Земля.Вода.Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. – Элиста: изд-во Калм.ГУ,2009; Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. – Горно-Алтайске, 2011.- 245с.
3. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. - Л.: Наука, 1991

4. Чорос-Гуркин Г.И. Письмо дочери Галине // Эдоков В.И. Возвращение мастера.- Горно-Алтайск, 1994. - С.185- 187
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Сов пис., 1988
6. Елемова Г.К. Покаяние // газета «Чемальский вестник», 2007, от 28 июня

Обращение депутатам Республики Алтай

Обращаюсь к Вам с просьбой законодательно приостановить установку столба-креста в черте города и близлежащих сел Республики Алтай, особенно на целебных источниках, на берегу реки Катунь, на священных горах Алтая. Поясню просьбу на примерах.

Первое. Одно дело – установка креста на слиянии рек Улалушки и Маймы. Это – место основания Улалы (ныне г. Горно-Алтайска). Отсюда началось насильственное крещение алтайцев. Но зачем ставить крест на древних археологических раскопках, к примеру, Улалинская стоянка, плато Укок!

Второе. Вокруг нас столько целебных источников, что только выбирай и молча, выпрашивая себе здоровье – лечись! От того, что установили над ними крест, он не станет целебнее прежнего! Это - природное создание. Сохраним его в первозданном виде!

Третье. Зачем ставить часовню на высочайших горах Алтая, в частности, на Белухе? Тем самым нарушаете природную красоту ландшафта. Более того, это никак не сочетается с соблюдением обычаев и традиций алтайцев. Уважайте коренных жителей Алтая.

Четвертое. Предел нашего возмущения – берег Катунь. Кому не лень, у кого деньги мешками покупает нашу землю, загорживает берег Катунь так, что другим приходится через щель «высматривать» ее красоту. Приезжие люди выкорчевывают вековые деревья, просверливают скалы, выравнивают для строительных объектов горы, создают искусственные озера, что нам, коренным жителям, родная земля становится недоступной, чужой. «Плачь алтайца на чужбине», предсказанная Г.И.Чорос-Гуркиным в начале XX века, сбывается в XXI веке. Никто не хочет услышать его стон и крик души! На глазах теряем дорогу, святую землю! Мало того, на берегу святой Катунь, в районе Айского моста возвышается крест распятого Иисуса Христа! Кто разрешил сотворить такое? Зачем нарушать инфраструктуру естественной, первозданной природы?

Для крещенных и мусульман (русских, алтайцев, казахов) достаточно церквей и мечетей, построенных в Горно-Алтайске и его окрестностях. Повсеместная установка креста означает неуважение религиозного верования коренного населения - алтайцев. По мировосприятию, мировоззрению они глубоко чувствуют свое единение с природой. Неслучайно алтайцы относятся к Алтаю как к живому существу, издревле верят, что они имеют своего Хозяина (ээзи). Об этом свидетельствуют их обычаи и традиции, а именно: привязывание ленточки из трех цветов (белая, зеленая, синяя) на перевалах, целебных источниках - аржан суу, окуривание вереском святых мест и т.д. В целом они благословляют наш священный храм - Алтай. Установка столбов-крестов, по мировиде-

нию алтайца, отпугивает Духа-ээзи (хозяина Земли). Так, давайте уважать верования друг друга. Сохраним нашу землю в первозданном виде!

Обращаюсь к Вам, избранники народа, как к понимающему душу алтайцев людям. Со своей стороны уверяю Вас в том, что мы, ученые, учителя Республики Алтай, озабочены сохранением и развитием не только родного языка и литературы, но и духовным составляющим, продолжением обычаев, традиций древнего тюркского народа, воспитанием молодого поколения по законам своих предков.

Надеюсь на взаимопонимание и исполнение общественной просьбы.

Ответ на статью в газете

С таким текстом я обратилась в 2010 года к депутатам Республики Алтай. Они без моего согласия решили обнародовать его, вместо того, чтобы дать мне письменный ответ. Тут же в газете «Постскриптум» появилась статья Дм.Кобзева «В каждой избушке свои погремушки» (за 9 марта 2011г.), на вопросы которой я попытаюсь ответить. Журналисты умеют противопоставлять народы Алтая. Жили мы 255 лет в дружбе и проживем еще столько же, если вы сами не будете «разжигать» вражду между народами. Второе, вы в своей статье привели яркий пример об адыгейцах. Я их понимаю душой и телом. Они, оказывается, тоже просили прислушиваться к их душам и понять состояние малочисленного народа с вековыми традициями. Как известно, Бог един. Но к нему приходят разными путями. Нельзя навязывать народу чужое религиозное воззрение. Тем более его выбор индивидуален. Каждый человек выбирает самостоятельно один из трех мировых религий. А по отношению к целому народу надо уважать его верования.

Что касается интернета, то хорошо, что все выговорились, высказались за и против. Значит, все наболело, этот вопрос волнует не только жителей Алтая. Пусть каждый из нас задумается о том, знает ли он своего соседа? Россия – страна огромная. В ней имеется чудесный уголок – Алтай, который нуждается в сохранении его в первозданном виде. В «Литературной газете» (за 2-8 февраля 2011) появилась современная статья Ю.Полякова, под названием «Лезгинка на лобном месте», в которой он пишет: « что говорить о России, где коренные народы проживают на своих исконных территориях, имеют уникальную древнюю культуру. Почему их нет на нашем экране?». Далее он заключает: «В России сегодня нет продуманной, скоординированной межнациональной политики в духовной сфере». В этом я полностью согласна.

В последнее время я писала разные обращения по поводу изучения родного языка, о необоснованной ликвидации сектора литературы в Институте алтаистики, о неправомерном слиянии двух структур – методического центра и «академического» института и т.д. Ответы были неудовлетворительные. А вот установка столбов-крестов на Алтае заинтересовало многих. В своем обращении я, по существу, поднимала вопросы этноса, экологии, этики и эстетики в том числе. Спасибо спикеру Госсобрания – Эл-Курултай, интернету, прессе за

широкий резонанс. Отзывы были со всех концов: и положительные, и отрицательные. Самое главное - не осталось равнодушных людей в этом вопросе. Высказать свое личное мнение - это гражданский долг каждого.

Россия – страна многонациональная. На Алтае проживает малочисленный народ – алтайцы, язык которого вошел в Красную Книгу ЮНЕСКО. До 90-х годов запрещалось говорить о проблемах этноса, экологии, религии в частности. Только в последние два десятилетия начали возрождать вековые национальные обычаи и традиции. Алтайцы с древних веков живут по законам природы (в крови у нас заложены запреты по отношению к природе), в основном придерживаются языческого, бурханистского верования, поклоняются священным горам, рекам, деревьям. Есть у нас и целебные источники, на которых просто запрещается ставить кресты. Повсеместная установка крестов противоречит мировидению алтайца. Поймите нас правильно! Я призываю к толерантности, уважению религиозных верований друг друга. Не только мы, алтайцы, но и другие жители, прежде всего, должны быть озабочены сохранением естественной природы Алтая в первозданном виде, не нарушая его ландшафт.

Как-то мне, в Якутске встретилась незнакомка, которая заявила: «Очень хотела повидать священный Алтай – родину древних тюрков, сейчас расхотела, так как вы передали хозяйку земли в чужие руки» (Здесь имеется в виду принцесса Укока – Н.К.). Я, к сожалению, до сих пор не была на плато Укок, но увидев на фотографии крест, я тоже расхотела посетить эти древние курганы...

На мое обращение депутатам, мною получен проект неутвержденной «Концепции по сохранению и развитию сакральных мест (священных земель) природно-культурного объекта», который написан по поручению Правительства о «принятии меры по наведению надлежащего порядка, благоустройства и сохранению сакральных мест на всей территории Республики Алтай (от 18.11.2009г.)». К сожалению, до сих пор поручение Правительства не подписано. Хочется надеяться, что оно когда-нибудь исполнится.

Первоисточники

1. Алтайско–казахские литературные взаимосвязи: история и современность// Казахстан и современный мир. Актуальные проблемы истории и общественно-политического развития (К 20-летию обретения независимости РК) – Семипалатинск, 2010.- С.57-58
2. Литературы тюркских народов в научном освещении// ж. «Северо-Восточный гуманитарный вестник». - Якутск,2010, №1, с.99-101; То же. Ежегодник ИСАТ. – Абакан,2010. - С.41-47
3. Кумшулу – поэттин кичү төрөли (Кумшулу – малая родина поэта). Билеге учурлалган үлгерлердин ширтүзи// Шинжүде Л.Кокышевтин чүмдемелдери. Сборник статей.- Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010.- С.5-16; С. 94-95
4. Алтайско-башкирские литературные взаимосвязи (К истории вопроса)// Проблемы взаимодействия национальных литератур юга Сибири.- Кызыл: изд-во ТывГУ, 2010.- С.53-61
5. Слово о профессоре С.С.Каташ (К 85-летию преподавателя)//ж. «Центр Евразии».- Семипалатинск: РИО Семипалатинского госпединститута 2010,№4. - С. 43-45
6. Поиски и открытия историка литературы// Проблемы литератур народов Сибири: национальное своеобразие, тюркское стихосложение, традиции и новаторство. Матриалы Всероссийской научной конференции. Ч.1.- Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2009. - С.59-64
7. Мастер своего дела (К юбилею Г.В.Кондакова – литературоведа, писателя, педагога) // Языки и литературы народов Горного Алтая. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ,2010.-С.35-38
8. Современная алтайская литература // Ежегодник ИСАТ. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010.- С.41-47
9. Судьба Г.И. Чорос-Гуркина в контексте репрессированных // Чорос-Гуркин и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Горно-Алтайск, 2010. – С.68-74
10. Алтайская литература на рубеже веков (К проблеме преемственности поколений)// Тувинская письменность и вопросы исследований письменностей и письменных памятников России и Центрально-азиатского региона – Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2010.- С.38-41
11. Судьба репрессированных писателей Алтая: новый взгляд и новое осмысление // Судьба и литературное наследие репрессированных: взгляд из XXI в.(Сборник статей). – Горно-Алтайск: «Алтай Полиграф», 2010.- С.6-17
12. Төрөл тилди үредеринин билимчизи (Методист родного языка Н. Н.Суразакова) // ж. «Билим». Вып.6.- Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 2010.- С. 131-134
13. Казахстаннын 20 жылдыгына учурлай (20-летний юбилей Казахстана)// Альманах И.Тенгерекова. - Горно-Алтайск, 2010. - С.20-23
14. Родословная – жанр алтайской изустной литературы // Этническая генеалогия в контексте истории и современности междисциплинарный диалог. Материалы международного Интернет симпозиума, посвященного 350 летию вхождения бурят в состав России.- Улан-Удэ: ГУПИД «Буряд унэн».-2011, Ч.1. – С. 172-180
15. Преобразования в науке и образовании: принимать или повременить?//Языки и литературы народов Горного Алтая. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2011. - С.53-56

16. Первые просветители Алтая: история и современность // Художественное наследие А.И.Софронова в контексте просветительства. – Якутск, 2011.- С 18-23
17. Алтай в цивилизационных пограничьях//Цивилизационный выбор и пограничье - Варшава, 2011.- С. 40-47
18. Изучение родного языка и литературы в регионе // Материалы 8 международной научной практической конференции «Перспективные исследователи по философии», которое состоялось 17-25 февраля. Наука – 2012. Том 14. София: Бялград – ГГ ООД .– С.24-28
19. Судьба человека в меняющемся мире (Новейшая литература Горного Алтая)//Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: материалы международной практической конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 90-летию ойротской автономной области, 60-летию НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова – Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2012.- С.18-24
20. Творчество современных писателей Горного Алтая. Проблемно-тематические особенности //Вестник Бурятского государственного университета. Спецвыпуск.–Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета,2012.- С.159-163
21. Алтайский и хакасский рассказ: проблемы типологии и поэтики // ж. «Научное обозрение Саяно-Алтая». Серия Филология. Выпуск 2, Абакан: тип. «Белый пароход», 2011.- С.101-107; То же.//«Вестник БГУ», Спецвыпуск.- Улан-Удэ: изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. - С.185-190
22. О состоянии изучения родного языка, литературы в регионе. Современные проблемы башкирской и тюркской филологии и филологического образования. - Стерлитамак: госпедакадемия им. Зайнаб Биитовой, 2012.- С.202-205
23. Истоки лирических жанров в древней поэзии // ж. «Тюркская цивилизация». – Астана, 2012.- С.43-44
24. Об истории ойротского отделения МПГУ // Проблемы филологии народов Поволжья. Сборник статей. Выпуск 6. Материалы Всероссийской практической конференции от 20 апреля. - М.: «Эконформ», 2012. - С.57-62
25. О подростках и не только о них // Родной язык и литература:научно-методический журнал.-Якутск: якутское кн..изд-во, 2012,№3.-С.73-78
26. О наследии алтайского писателя А.О.Адарова (К 80-летию классика алтайской литературы)// Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2012,№2(4).- С.131-141
27. Изучение переводной зарубежной литературы в школе и вузе// Становление современной науки.- София: «БялГРАД-БГ»,2012. - С.76-86
28. Литературное наследие алтайского писателя А.Адарова// Альманах И.Тенгереева.- Горно-Алтайск: «Алтай Полиграф»,2012.- С.9-25
29. Зарубежная литература в переводе: проблема инонационального восприятия//Диалог культур: поэтика локального текста.- Горно-Алтайск: РИО ГАГУ,2012.- С.169-177
30. Наследие Аржана Адарова: проблемы изучения и издания//ж. «Сибирские огни». – Новосибирск: типография СП «Наука»,2012.-С.131-141
31. Проблемы глобализации и локализации в регионе// ж. «Филология и человек» - Барнаул: из-во АГУ,2012.- С.190-196